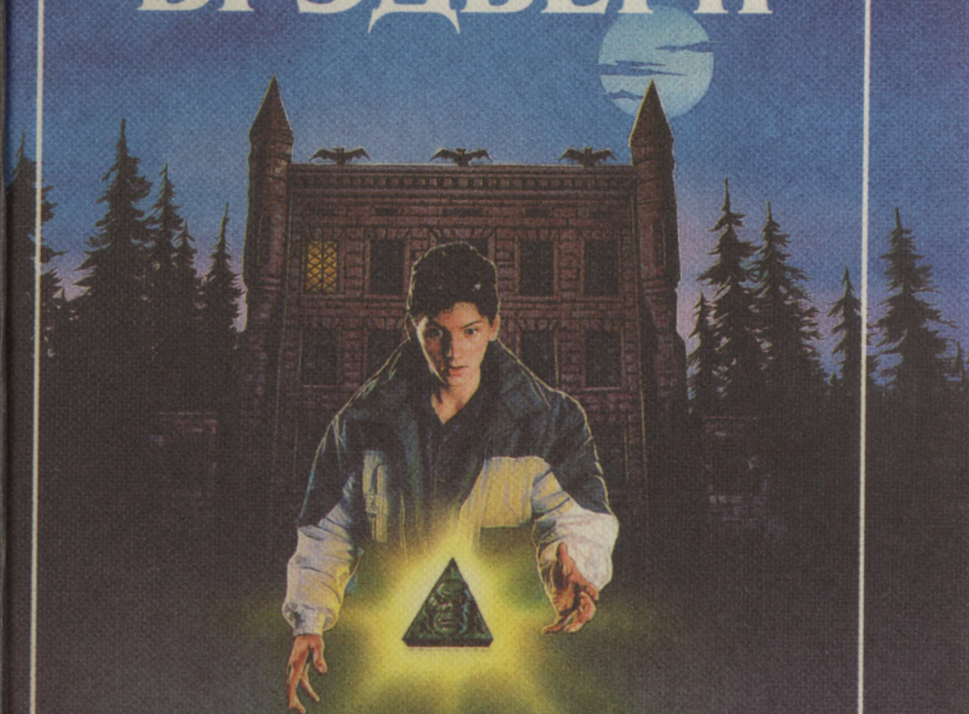

МИРЫ РЭЯ БРЭДБЕРИ

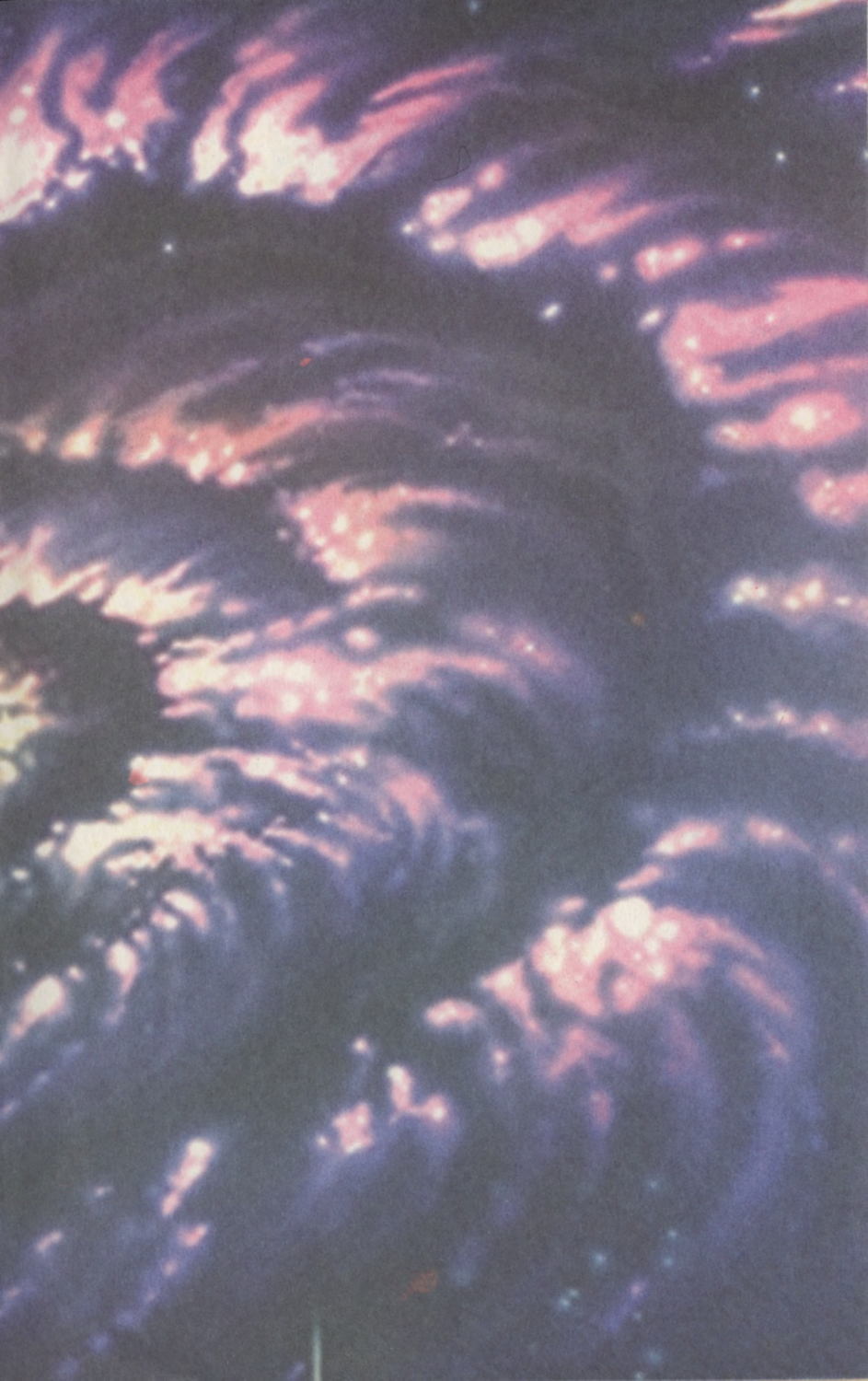
МИРЫ РЭЯ БРЭДБЕРИ

МАРСИАНСКИЕ
ХРОНИКИ

РЭЙ БРЭДБЕРИ

WORLDS OF RAY BRADBURY

Volume one

THE MARTIAN CHRONICLES

THE ILLUSTRATED MAN

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ РЭЯ БРЭДБЕРИ

Том первый

**МАРСИАНСКИЕ
ХРОНИКИ
ЧЕЛОВЕК
В КАРТИНКАХ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

Миры Рэя Брэдбери. Т. 1/Пер. с англ.— Полярис, 1997.— 415 с.

Собрание сочинений классика психологической фантастики открывают известнейшие его произведения: роман «Марсианские хроники» и сборник рассказов «Человек в картинках».

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc., New York*

The Martian Chronicles
© 1951 by Ray Bradbury

The Illustrated Man
© 1951 by Ray Bradbury

© J. McLeod, иллюстрация на обложку

Марсианские хроники
© Л. Жданов, перевод, 1964

Зеленое утро
© Т. Шинкарь, перевод, 1983

© Издательство «Полярис»,
составление, оформление,
название серии, 1997

ISBN 5-88132-258-4

БРЭДБЕРИ — ЗНАКОМЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ

Написать короткое предисловие к собранию сочинений Рэя Брэдбери?! Ничего себе задачка...

О нем у нас сказано, вероятно, больше, чем о ком-либо другом из современных американских фантастов, — и сказано, не в пример иным, только доброе. Тиражи его переводов в советское время били все мыслимые рекорды (благо, платить ничего не надо было), лихо перевалив восьмизначный рубеж, — и в этом ажиотаже перевели, казалось, вообще все, что он успел написать — до последней строчки! (Правда, это только так казалось — но об этом чуть ниже...) Имя автора «Марсианских хроник», «451 по Фаренгейту» и «Вина из одуванчиков» было на слуху даже у тех, кто ни разу не открыл ни единой фантастической книги, оно превратилось в визитную карточку подобной литературы, своего рода положительную рекомендацию: знаете, оказывается, что-то есть и в этой... как ее там? — фантастике!

А тут еще мое собственное «погружение» в фантастический мир Рэя Брэдбери — и, как следствие, около десятка разнообразных публикаций, выброшенных «на поверхность». Предложили бы написать очерк, книгу — за милую душу! Но кратко?..

Мое увлечение личностью и творчеством этого автора насчитывает четверть века. И, как во всяком серьезном и продолжительном романе, были и иллюзии, и переоценки, подъемы и спады, периоды безоглядного преклонения сменялись временным охлаждением, а затем — новый всплеск интереса... Первым зарубежным писателем-фантастом, с которым мне удалось наладить переписку еще в начале семидесятых, стал Брэдбери. И первый мой опубликованный литературно-критический материал (случилось это в 1976 году) — рецензия на новую книгу его переводов. И первый *длинный* очерк (а этот вышел в 1980-м) — о его же детстве и юности. И первая задуманная книга (увы, так и не осуществленная) — также о нем.

А когда я впервые в жизни переступил порог его дома на тихой и ничем не примечательной улочке Чевииот-Драйв в северном предместье Лос-Анджелеса; или в другой раз, когда с помощью Фредерика Пола разыскал в захолустном, примостившемся

чуть севернее Чикаго Уокегане дом, где Брэдбери родился и вырос, — меня не покидало убеждение, что уже бывал в тех местах. И временах — в Иллинойсе 1920-х и в Южной Калифорнии десятилетием позже. Так ярко и подробно он, оказываясь, описал свои детские годы, лишь порой слегка «замаскировав» их марсианскими или иными фантастическими декорациями, что не составляло большого труда «вычислить» то время и ту обстановку, что его окружала...*

И еще одно. Первые произведения Брэдбери я прочитал в начале шестидесятых — как только они появились в русских переводах. С тех пор перечитывал их неоднократно, и по сей день он мне не прискучил. Не устарел, не надоел...

Поэтому в этом предисловии я не стану останавливаться подробно на жизненном пути писателя — интересующихся отсылаю к собственному очерку «Побег из детства»**, — и даже не на его главных книгах, о которых уже столько и без меня написано. Любопытнее, на мой взгляд, история иная — история во всех отношениях занятных и непростых отношений моего героя с *научной фантастикой*, с которой его имя, казалось бы, в первую очередь и ассоциируется. Путаница началась еще у него на родине, ну а когда книги Брэдбери пришли к нам, мы — что ж, по обыкновению «догнули и перегнули» Америку!..

Но прежде напомним некоторые факты.

Рэй Дуглас Брэдбери родился 22 августа 1920 года, как уже говорилось, в маленьком городке Уокегане, чуть севернее Чикаго. В детские годы будущему писателю пришлось изрядно поколесить по Америке — отец переезжал и в Нью-Йорк, и в Богом забытый Тусон, примостившийся на самой границе знойной аризонской пустыни, — пока наконец не обосновался с семейством в Лос-Анджелесе, с которым связана большая часть жизни Рэя Брэдбери.

В Лос-Анджелесе он окончил школу и, решив, что университеты настоящего писателя — сама жизнь! — начал писать, в то же время приторговывая с лотков газетами на хлеб насущный. В Лос-Анджелесе познакомился впервые с *фэнами* и сам стал фэном, редактором любительского журнальчика (фэнзина). Там же, в Лос-Анджелесе он испытал ни с чем не сравнимую радость дебютанта, получившего из редакции первый чек со стандартным уведомлением: «Ваш рассказ принят...»

А затем его жизнь, как и всякого пишущего, с неизбежностью превратилась в жизнь *литературную*. Каких-то из рук вон вы-

---

* Впрочем, не менее увлекательным оказалась и констатация очевидных ошибок и проколов в тех моих ранних штудиях — Впрочем, неизбежных при любой «заочной» реконструкции страны и эпохи (попасть в Америку мне довелось впервые лишь на излете «перестроечных» 1980-х). (*Здесь и далее примеч. авт.*)

** В кн.: Брэдбери Р. Избр. соч. в 3-х тт. Т. 3 — М., 1992.

ходящих «бытовых» подробностей судьба ему не подбрасывала. Женился, воспитал трех дочерей. Периодически выезжал в разные концы Соединенных Штатов, несколько раз выбирался в Европу; при этом из всех средств транспорта с упрямством, достойным изумления, пользовался только велосипедом, поездом и пароходом — чем заслужил легендарную славу *последнего чудака* в Америке, ненавидящего автомобиль и самолет!

И выпускал книги. Они-то и стали подлинными вехами его жизненного пути.

Брэдбери так и остался преимущественно *новеллистом*, мастером короткой формы. Из всех его главных книг лишь «451 по Фаренгейту» и «Что-то страшное грядет» с полным основанием могут быть названы *романами*; и «Марсианские хроники», и автобиографическая книга «Вино из одуванчиков» более подходят на сборники связанных между собой новелл... Хотя именно «Марсианские хроники» и прославили имя писателя — сначала на всю Америку, а затем и на весь мир!

История романтической колонизации Марса — которая, как всякая колонизация, имела далекую от всякой романтики изнанку, — и еще в большей мере история «космического» отрезвления землян, слишком уверовавших в свою технику и в результате потерявших свою Землю, вывели молодого автора в первые ряды американской фантастики. А его роман-антиутопия о мире, в котором обыватели-«охранители» жгут книги, — «451 по Фаренгейту», — уже окончательно определил статус Брэдбери как живого классика научной фантастики.

И первая, и вторая книги, опубликованные в 1950-е годы, с тех пор ни разу не были, как говорят американцы, *out of print* — иначе говоря, переиздавались *постоянно*, из года в год. И, как это ни парадоксально, отдалили Рэя Брэдбери от того материнского лона, в коем вызрел его талант, — от научной фантастики. Она по-прежнему относится к Брэдбери со смешанными чувствами почтения, благодарности — и ревности вперемежку с завистью. Ведь ему первому повезло вырваться за рамки дружного, бурлящего, но все же чрезвычайно узкого мирка научно-фантастических журналов — в мир журналов литературных, читаемых по всей Америке.

Не оттого ли, при всем почтении, какое испытывают по отношению к Брэдбери американские фэны, они *ни разу* не наградили его ни одной высшей премией в жанре? Хотя, конечно, тому может быть иное объяснение: свои главные произведения он написал еще до того, как эти премии были учреждены...*

Как бы то ни было, но Брэдбери так и не стал полностью своим в мире американской научно-фантастической «тусовки», предпочитая все время *отвлекаться* от главного, по ее мнению,

---

* А вот коллеги-профессионалы хоть и поздновато, но «образумились» и в 1988 году наградили писателя титулом «Великого мастера»

дела: конвейерной выдачи бестселлеров. То его уводило в сторону «просто прозы», то он словно вспоминал собственную молодость в литературе и внезапно разразился новой порцией любимых им тогда «ужастиков»; а то без устали пробовал себя на новых полигонах: в драматургии, поэзии... После чего публиковал самую традиционную *science fiction*, которая на заре его карьеры принесла ему славу.

Совсем иной оказалась судьба Брэдбери у нас в стране. Здесь его успех был мгновенным, неопровержимым — и оставался таковым на протяжении трех десятилетий. Достаточно напомнить читателю все те же волшебные названия — «Марсианские хроники», «451 по Фаренгейту», «Вино из одуванчиков», «Будет ласковый дождь...», «Вельд»... — и мне, критику, больше делать нечего!

Однако в данном Собрании сочинений вам предстоит встреча и с тем Брэдбери, которого «растиражировали» не в пример меньше. Может быть, потому, что «этот» Брэдбери с трудом вписывается в ставший привычным — в 1960—80-е годы — и даже слегка канонизированным образ.

Выходит, *не всего* его успели перевести в советскую эпоху. А когда спохватились, та уже перестала называться «советской», все полетело под откос, научно-фантастический книжный рынок *возролся*... Словом, наступили иные времена, в которые «добрый старый Брэдбери» — наивный романтик и иступленный гуманист, — как и *многое другое*, пришелся явно не ко двору.

Уже в 1992 году как-то незаметно проскочила в одном из «новых» издательств одна из его *главных* книг — фантастическая аллегория «Что-то страшное грядет» (1962), — да изрядно запоздавшие брэдбериевские «страшные» рассказы, которые в девяностые годы вряд ли могли кого-либо напугать в России.

Чтобы понять, как Брэдбери оказался «не ко времени» в посткоммунистической России, имеет смысл вспомнить, почему он так пришелся по вкусу той стране, которую мы потеряли до этого. Между прочим, на фоне очевидных «за» и «против» *той* страны одно для меня очевидно и вызывает понятные сожаления: в *той* стране обильно переводили — и самое главное, читали! — Рэя Брэдбери...

Западную *научную фантастику* (к которой долгое время однозначно причисляли и Брэдбери) советские журналы и издательства открыли для себя в благословенную хрущевскую «оттепель». Ну конечно, не всю эту литературу — но значительную ее часть удалось тогда быстро и относительно легко напечатать еще до наступления застойных холодов. И все-таки даже при тогдашнем относительном издательском либерализме Брэдбери выделялся какой-то исходной «неотразимостью» везунчика и всеобщего любимца: его публиковали много и охотно и с ним у редакторов не возникало *проблем*.

Никакой загадки тут нет. Во-первых, ему с самого начала повезло с переводчиками — за прозу Мастера взялись тоже *мас-*

тера (это потом на Брэдбери, как на «золотой рыбке», кто только не липнул...). А во-вторых — и, вероятно, в-главных! — его лучшие произведения были написаны в первой половине 50-х годов, когда социальная атмосфера в Америке оказалась накалена до предела; и наши первые критики, заговорившие о творчестве ведущего американского писателя-фантаста, аккуратно подчеркивали «антиамериканский пафос» его произведений — и, право же, мало грешили против истины. А под столь мощным (в те времена) идеологическим прикрытием можно было свободно протаскивать и вполне «аполитичные» вещи писателя — его сказочную лирику, автобиографическую повесть «Вино из одуванчиков», поэтические новеллы, которые при всем желании трудно было отнести к социальной прозе либо научной фантастике...

Да и социальный протест, заключенный в таких произведениях Брэдбери, как «451 по Фаренгейту», читатель воспринимал как эмоциональный, страстный отклик художника, а не холодную пропагандистскую «агитку» — вот в чем было дело.

Что касается редакторов и критиков, то их вполне успокаивало наличие «политики» — хотя порой это приводило к занятным проколам. Ведь, скажем, задолго до Замятина, Хаксли и Оруэлла пришел к нам тот же «Фаренгейт», настоящая *антиутопия*, которую мы читали не заполночь — на легендарных кухнях, не в самиздате, но открыто, в общественном транспорте и во время университетских лекций, оживленно обсуждая прочитанное с друзьями! Перелистайте-ка роман сегодня, обращая особое внимание не на пожарника Монтэга, а на его зловещего и всезнающего шефа-резонера, брандмейстера Битти, и вам обязательно вспомнится Мустафа Монд из романа Хаксли «О дивный новый мир» или О'Брайен из «1984» Оруэлла. Битти из их компании, в том нет сомнений! Только роману Брэдбери больше повезло у нас в стране — *проскочил*...

А так называемый «простой» читатель... Тот просто упивался дивным брэдбериевским словом, с ностальгическим чувством мысленно путешествовал вместе с автором в собственное детство или проникался по-детски же наивной и вдохновенной брэдбериевской романтикой. Даже забубенным «технарям» в то время, очевидно, требовалась частичка этой безоглядной романтики и поэзии. И американский писатель с библейским пафосом предупреждал об опасностях чрезмерного доверия технике — но звал при этом не *назад*, не в мифическую буколичку дотехнологического прошлого «на лоне», а наоборот — вперед, в будущее, на освоение новых, теперь уже космических фронтиров. Только призывал делать это разумно и уважительно — по отношению к *чужой жизни*.

Мы, его первые читатели на русском, тогда не понимали — скорее интуитивно *догадывались*, — до чего драгоценный сплав предлагал нам американский писатель! Сочетание искреннего отвращения к политикам своей страны — с трепетом и благоговением

перед ее историей и культурой. Пропанганды космической экспансии — с зачатками того, что позже назовут *экологическим сознанием* (для Брэдбери это понятие естественным образом включает и экологию культуры). До инстинкта доведенное неприятие демагогии «защиты свободы», в то время — в его стране — прикрывавшей безумную политику скатывания от «холодной войны» к войне *горячей*, ядерной, — органично сочеталось у него с весьма прохладным отношением к другой демагогии, из противоборствующего стана (прикрытой лозунгами «борьбы за мир»)...

Но все это читатели Брэдбери поняли значительно позднее. Для бдительных же охранителей «идейной чистоты» в случае с этим автором все было изначально ясно и определено. Прогрессивный американский писатель-гуманист... острая критика социальных институтов буржуазного общества... лирико-поэтическое мироощущение... вера в созидательные возможности человека... И все такое прочее.

Короче, «Марсианские хроники», «451 по Фаренгейту», «Вино из одуванчиков», большинство рассказов — *проходили*. А вот с романом «Что-то страшное грядет», как и многими ранними рассказами Брэдбери, вышла заминка.

Заинтриговал читателей автор одной из первых (и по сей день лучших) статей о Брэдбери, покойный Кирилл Андреев. Он впервые рассказал нам о романе, о собирательном образе Людей Осени, что тревожил фантазию писателя два долгих десятилетия — и... *повисло* в воздухе. Потом несколько «страшных» рассказов Брэдбери тихо прошли в периодике, в периферийных журналах — «Байкале», «Просторе», «Звезде Востока». Известно, что не раз и не два центральные издательства рассматривали заявки переводчиков, писались *умные* внутренние рецензии-прикрытия, но издать *главный* роман писателя так никто и не решился.

Последние попытки были предприняты (в том числе автором этих строк) уже в ранние «перестроечные» годы — но тогда наоборот, спрос был на *политику*, на «острое» и «жареное», и роман Брэдбери снова оказался не ко времени.

Собственно, это *время* оказалось «неподходящим». Роман-то, как всякое произведение истинной литературы, конъюнктуре не подвержен — настоящая книга сама выбирает время, в которое открыться читателю...

Очень уж они оказались *страшными*, выворачивающими наизнанку — этот роман и рассказы из ранних сборников Брэдбери. Причем все эти inferнальные ужасы и ночные кошмары на «политику» никак не тянули — зато вызывали неприятные мысли о зле *внутри* человека, о фрейдистской сублимации, о бессилии человека перед силами Ада и адом собственной души, — словом, черт знает какие мысли вызывали! У Рэя Брэдбери уже была устойчивая репутация (в глазах «охранителей» — мнением читателей тогда мало кто интересовался) гуманиста и оптимиста — и «портить» ее не желали прежде всего сами редакторы. Многие

из них творчество писателя искренне любили — и, естественно, боялись за него...

Хотя, если присмотрелись бы внимательнее к написанному, то обнаружили бы, что американский писатель недалеко ушел в своих «нагромождениях ужасов» от великих предшественников, коих у нас печатали без ограничений — Эдгара По, Натаниэла Готорна, Амброза Бирса, Вашингтона Ирвинга. От Гофмана и Мэри Шелли, от всех романтиков и сказочников мировой литературы, от всех тех авторов «сверхъестественного» и «кошмарного», к которым претензий не предъявлялось — *классики!* Не «закрывали» же в наших издательствах авторов отечественных — Гоголя и Алексея Константиновича Толстого; инородца же Брэдбери существенно ограничили в правах.

«Марсианские хроники», «Фаренгейт», все светлое и радостное — или, напротив, резко-критическое (но только по отношению к *его* миру) — пожалуйста! Но не роман «Что-то страшное грядет», не мрачные рассказы из сборника «Октябрьская страна», название которого все писавшие в ту пору о творчестве писателя вынуждены были переводить как «*Осеннюю страну*» — подальше от ненужных ассоциаций... Так возник «неизвестный Брэдбери».

Для него же самого ничего странного в таком пристрастии к кошмарам и ужасам не было.

Связь писателя с традицией «литературы ужасов» (horror story), чрезвычайно крепкой в англоязычной прозе и почти отсутствовавшей в русской (исключения не в счет), требует отдельного и обстоятельного разговора. Может быть, публикация романа и «страшных» брэдбериевских рассказов — наряду с научной фантастикой, реалистической прозой и всем-всем, чем дарил читателя этот Человек в картинках, — подобный разговор и подтолкнет.

Пока же отмечу только одно: Брэдбери воспитан на этой традиции сызмальства, он плоть от плоти ее. И в его собственном творчестве ночные кошмары, иррациональное и колдовское, злые маски Людей Осени столь же органичны и естественны, как Марс и ракеты, как счастливые смеющиеся дети и «люди-книги» в стерилизованном, убившем себя будущем, где пуритане и ханжи решили было обойтись без всех этих отвлекающих кошмаров, фантазий, вообще *книг*...

Писатель уверен: когда начнут сжигать книги, то фантазеров, возмутителей обывательского спокойствия поведут на костер первыми! Не простят им их вечной неудовлетворенности миром вокруг, их призывам и грезам о мире *ином*, альтернативном, может быть, лучшим.

Не случайно штабом обороны в маленьком провинциальном городке, куда нагрянули зловещие Люди Осени, стала городская библиотека. Где, кстати, обнаружилось неплохое собрание всяческих книжек про сверхъестественное и колдовское, про ведьм

и прочую нечисть. Книги о Зле помогли это Зло понять и победить! Аллегория прозрачнее некуда...

И мне кажется, те, кто «не пуцал» *бросающую тень* прозу Брэдбери к русскому читателю долгие десятилетия, как раз ее-то поняли как надо. Потому и не пускали.

Как бы то ни было, теперь почти весь Брэдбери — перед вами. Оптимистичный и мрачный, добрый и не очень, фантастичный, космический — и предельно земной. Каким и оставался в литературе более полувека.

Каким не устареет, хочется верить, никогда.

Вл. Гаков

БИБЛИОГРАФИЯ РЭЯ БРЭДБЕРИ

(Книжные издания)

1. Сб. «Темный карнавал» [Dark Carnival] (1947, выходил также под названием «Маленький убийца» [The Small Assassin]).
2. Сб. «Марсианские хроники» [The Martian Chronicles] (1950, выходил также под названием «Серебряная саранча» [The Silver Locusts]). См. также № 37.
3. Сб. «Человек в картинках» [The Illustrated Man] (1951). См. также № 37.
4. Сб. «Золотые яблоки Солнца» [The Golden Apples of the Sun] (1953). См. также № 18 и 37.
5. «451 по Фаренгейту» [Fahrenheit 451] (1953). См. также № 37.
6. «Включи ночь» [Switch on the Night] (1955).
7. Сб. «Октябрьская страна» [The October Country] (1955).
8. «Вино из одуванчиков» [Dandelion Wine] (1957). См. № 37.
9. Сб. «Лекарство от меланхолии» [A Medicine for Melancholy] (1959, выходил также под названием «Пришло время дождей» [The Day It Rained Forever]). См. также № 18.
10. Сб. «Р — значит ракета» [R Is for Rocket] (1962).
11. «Что-то страшное грядет» [Something Wicked This Way Comes] (1962).
12. «Сущность писательства» [The Essence of Creative Writing] (1962). Эссе, статьи.
13. Сб. «Спринт до начала гимна и другие антики» [The Anthem Sprinters and Other Antics] (1963). Пьесы.
14. Сб. «Машины счастья» [The Machineries of Joy] (1964).
15. Сб. «Мир Рэя Брэдли» [The World of Ray Bradbury] (1964). Пьесы.
16. Сб. «Лучшее Брэдли» [The Vintage Bradbury] (1965).
17. Сб. «К — значит космос» [S Is for Space] (1966).
18. Сб. «Дважды двадцать два» [Twice Twenty-Two] (1966). Объединение № 4 и 9.
19. Сб. «Тело электрическое пою!» [I Sing the Body Electric] (1969).
20. Сб. «Друг старика Ахава, и друг Ною, говорящий в мире» [Old Ahab's Friend, and Friend to Noah, Speaks His Peace] (1971). Поэзия.

21. Сб. «Удивительный костюм цвета сливочного мороженого» [The Wonderful Ice Cream Suit] (1972). Пьесы.
22. «Октябрьское дерево» [The Halloween Tree] (1972).
23. Сб. «Мадригалы космического века» [Madrigals for the Space Age] (1972). Поэзия.
24. Сб. «Когда в последний раз слоны цвели в саду» [When Elephants Last in the Dooryard Bloomed] (1973). Поэзия.
25. «Дзен и искусство писателя» [Zen and the Art of Writing] (1973). Статьи, эссе.
26. Сб. «Огненный столб» и другие пьесы на сегодня, завтра и далее» [Pillar of Fire and Other Plays for Today, Tomorrow, and Beyond Tomorrow] (1975). Пьесы.
27. Сб. «Далеко полночь» [Long After Midnight] (1976).
28. Сб. «Где робомыши и роболюди бежали в робогородах» [Where Robot Mice and Robot Men Run Round in Robot Towns] (1977). Поэзия.
29. Сб. «Лучшее Рэя Брэдбери» [The Best of Ray Bradbury] (1979).
30. Сб. «Рассказы Рэя Брэдбери» [The Stories of Ray Bradbury] (1980).
31. Сб. «Одержимый компьютер и папа-андроид» [The Haunted Computer and the Android Pope] (1981). Поэзия.
32. Сб. «Духи навсегда» [The Ghosts of Forever] (1981).
33. Сб. «Полное собрание стихотворений Рэя Брэдбери» [The Complete Poems of Ray Bradbury] (1982). Поэзия.
34. Сб. «Рассказы о динозаврах» [Dinosaur Tales] (1983).
35. Сб. «Память об убийстве» [A Memory of Murder] (1984). Детективные рассказы.
36. «Смерть — удел одиноких» [Death Is a Lonely Business] (1985). Реалистическая проза.
37. Сб. «451 по Фаренгейту». — «Человек в картинках». — «Вино из одуванчиков». — «Золотые яблоки Солнца». — «Марсианские хроники» [Fahrenheit 451. The Illustrated Man. Dandelion Wine. The Golden Apples of the Sun. The Martian Chronicles] (1987). Объединение № 2, 3, 4, 5 и 8.
38. Сб. «Преобразователь Тойнби» [The Toynbee Convector] (1988).
39. Сб. «Классические рассказы 1» [Classic Stories 1] (1990).
40. Сб. «Классические рассказы 2» [Classic Stories 2] (1990).
41. «Кладбище для лунатиков» [A Graveyard for Lunatics] (1990). Реалистическая проза.
42. Сб. «На сцене: хрестоматия его пьес» [On Stage: A Chrestomathy of His Plays] (1991). Пьесы.
43. Сб. «Быстрее взгляда» [Quicker Than the Eye] (1996).

Составил Вл. Гаков

МАРСИАНСКИЕ ХРОНИКИ

*МОЕЙ ЖЕНЕ МАРГАРЕТ
С ИСКРЕННОЙ ЛЮБОВЬЮ*

*«Великое дело — способность удивляться, —
сказал философ. —
Космические полеты снова сделали
всех нас детьми».*

Январь 1999

РАКЕТНОЕ ЛЕТО

Только что была огайская зима: двери заперты, окна закрыты, стекла незрячие от изморози, все крыши оторочены сосульками, дети мчатся с горок на лыжах, женщины в шубах черными медведицами бредут по гололедным улицам.

И вдруг могучая волна тепла прокатилась по городку, вал горячего воздуха захлестнул его, будто нечаянно оставили открытой дверь пекарни. Зной омывал дома, кусты, детей. Сосульки срывались с крыш, разбивались и таяли. Двери распахнулись. Окна раскрылись. Дети скинули свитера. Мамаши сбросили медвежье обличье. Снег испарился, и на газонах показалась прошлогодняя жухлая трава.

Ракетное лето. Из уст в уста с ветром из дома в открытый дом — два слова: Ракетное лето. Жаркий, как дыхание пустыни, воздух переиначивал морозные узоры на окнах, слизывал хрупкие кружева. Лыжи и санки вдруг стали не нужны. Снег, падавший на городок с холодного неба, превращался в горячий дождь, не долетев до земли.

Ракетное лето. Высунувшись с веранд под дробную капель, люди смотрели вверх на алеющее небо.

Ракета стояла на космодроме, испуская розовые клубы огня и печного жара. В стуже зимнего утра ракета творила лето каждым выдохом своих мощных дюз. Ракета делала погоду, и на короткий миг во всей округе воцарилось лето...

Февраль 1999

ИЛЛА

Они жили на планете Марс, в доме с хрустальными колоннами, на берегу высохшего моря, и по утрам можно было видеть, как миссис К ест золотые плоды, растущие из хрустальных стен, или наводит чистоту, рассыпая пригоршнями магнитную пыль, которую горячий ветер уносил вместе с сором. Под вечер, когда древнее море было недвижно и знойно, и

винные деревья во дворе стояли в оцепенении, и старинный марсианский городок вдаль весь уходил в себя, и никто не выходил на улицу, мистера К можно было видеть в его комнате, где он читал металлическую книгу, перебирая пальцами выпуклые иероглифы, точно струны арфы. И книга пела под его рукой, певучий голос древности повествовал о той поре, когда море алым туманом застилало берега и древние шли на битву, вооруженные роями металлических шершней и электрических пауков.

Мистер и миссис К двадцать лет прожили на берегу мертвого моря, и их отцы и деды тоже жили в этом доме, который поворачивался, подобно цветку, вслед за солнцем, вот уже десять веков.

Мистер и миссис К были еще совсем не старые. У них была чистая, смуглая кожа настоящих марсиан, глаза желтые, как золотые монеты, тихие мелодичные голоса. Прежде они любили писать картины химическим пламенем, любили плавать в каналах в то время года, когда винные деревья наполняли их зеленой влагой, а потом до рассвета разговаривать под голубыми светящимися портретами в комнате для бесед.

Теперь они уже не были счастливы.

В то утро миссис К, словно вылепленная из желтого воска, стояла между колоннами, прислушиваясь к зною бесплодных песков, устремленная куда-то вдаль.

Что-то должно было произойти.

Она ждала.

Она смотрела на голубое марсианское небо так, словно оно могло вот-вот поднатужиться, сжаться и исторгнуть на песок сверкающее чудо.

Но все оставалось по-прежнему.

Истомившись ожиданием, она стала бродить между туманными колоннами. Из желобков в капителях заструился тихий дождь, охлаждая раскаленный воздух, глядя ее кожу. В жаркие дни это было все равно что войти в ручей. Прохладные струи посеребрили полы. Слышно было, как муж без усталости играет на своей книге; древние напевы не приедались его пальцам.

Она подумала без волнения: он бы мог когда-нибудь подарить и ей, как бывало прежде, столько же времени, обнимая ее, прикасаясь к ней, словно к маленькой арфе, как он прикасается к своим невозможным книгам.

Увы. Она покачала головой, отрешенно пожала плечами, чуть-чуть. Веки мягко прикрыли золотистые глаза. Брак даже молодых людей делает старыми, давно знакомыми...

Она опустила в кресло, которое тотчас само приняло форму ее фигуры. Она крепко, нервно зажмурилась.

И сон явился.

Смуглые пальцы вздрогнули, метнулись вверх, ловя воздух. Мгновение спустя она испуганно выпрямилась в кресле, прерывисто дыша.

Она быстро обвела комнату взглядом, точно надеясь кого-то увидеть. Разочарование: между колоннами было пусто.

В треугольной двери показался ее супруг.

— Ты звала меня? — раздраженно спросил он.

— Нет! — почти крикнула она.

— Мне почудилось, ты кричала.

— В самом деле? Я задремала и видела сон!

— Днем? Это с тобой не часто бывает.

Глаза ее говорили о том, что она ошеломлена сновидением.

— Странно, очень-очень странно, — пробормотала она. — Этот сон...

— Ну? — Ему явно не терпелось вернуться к книге.

— Мне снился мужчина.

— Мужчина?

— Высокий мужчина, шесть футов один дюйм.

— Что за нелепость: это же великан, урод.

— Почему-то, — она медленно подбирала слова, — он не казался уродом. Несмотря на высокий рост. И у него — ах, я знаю, тебе это покажется вздором, — у него были голубые глаза!

— Голубые глаза! — воскликнул мистер К. — О боги! Что тебе приснится в следующий раз? Ты еще скажешь — черные волосы?

— Как ты угадал?! — воскликнула она.

— Просто назвал наименее правдоподобный цвет, — сухо ответил он.

— Да, черные волосы! — крикнула она. — И очень белая кожа. Совершенно необычайный мужчина! На нем была странная одежда, и он спустился с неба и ласково говорил со мной.

Она улыбалась.

— С неба — какая чушь!

— Он прилетел в металлической машине, которая сверкала на солнце, — вспоминала миссис К. Она закрыла глаза, чтобы воссоздать видение. — Мне снилось небо, и что-то блеснуло, будто подброшенная в воздух монета, потом стало больше, больше и плавно опустилось на землю, — это был длинный серебристый корабль, круглый, чужой корабль. Потом сбоку отворилась дверь и вышел этот высокий мужчина.

— Работала бы побольше, тебе не снились бы такие дурацкие сны.

— А мне он понравился, — ответила она, откидываясь в кресле. — Никогда не подозревала, что у меня такое воображение. Черные волосы, голубые глаза, белая кожа! Какой странный мужчина — и, однако, очень красивый.

— Самовнушение.

— Ты недобрый. Я вовсе не придумала его намеренно, он сам явился мне, когда я задремала. Даже не похоже на сон. Так неожиданно, необычно... Он посмотрел на меня и сказал: «Я прилетел на этом корабле с третьей планеты. Меня зовут Натаниел Йорк...»

— Нелепое имя, — возразил супруг. — Таких вообще не бывает.

— Конечно, нелепое, ведь это был сон, — покорно согласилась она. — Еще он сказал: «Это первый полет через космос. Нас всего двое в корабле — я и мой друг Берт».

— *Еще одно* нелепое имя.

— Он сказал: «Мы из города на *Земле*, так называется наша планета», — продолжала миссис К. — Это *чего* слова. Так и сказал — Земля. И говорил он не на нашем языке. Но я каким-то образом понимала его. В уме. Телепатия, очевидно.

Мистер К отвернулся. Ее голос остановил его.

— Илл! — тихо позвала она. — Ты никогда не задумывался... ну... *есть ли* люди на третьей планете?

— На третьей планете жизнь невозможна, — терпеливо разъяснил супруг. — Наши ученые установили, что в тамошней атмосфере слишком много кислорода.

— А как было бы чудесно, если бы там *жили* люди! И умели путешествовать через космос на каких-нибудь особенных кораблях.

— Вот что, Илла, ты отлично знаешь, я ненавижу эту сентиментальную болтовню. Займемся лучше делом.

Близился вечер, когда она, ступая между колоннами, источающими дождь, запела. Один и тот же мотив, снова и снова.

— Что это за песня? — рявкнул в конце концов супруг, прохвывая к огненному столу.

— Не знаю.

Она подняла на него глаза, удивляясь сама себе. Озадаченно поднесла ко рту руку. Солнце садилось, и, по мере того как дневной свет угасал, дом закрывался, будто огромный цветок. Между колоннами подул ветерок, на огненном столе жарко бурлило озерко серебристой лавы. Ветер перебирал кирпичные волосы миссис К, тихонько шепча ей на ухо. Она молча стояла, устремив затуманившийся взор золотистых глаз вдаль, на бледно-желтую гладь морского дна, словно вспоминая что-то

Глазами тост произнеси,
И я ответчу взглядом, —

запела она тихо, медленно, нежно.

Иль край бокала поцелуй —
И мне вина не надо*.

Миссис К повторила мелодию, уже без слов, закрыв глаза, и руки ее словно порхали по ветру. Наконец она умолкла.

Мелодия была прекрасна.

— Впервые слышу эту песню. Ты сама ее сочинила? — строго спросил он, испытующе глядя на нее.

— Нет. Да. Право, не знаю! — Она была в смятении. — Я даже не понимаю слов, это другой язык!

— Какой язык?

Она машинально бросала куски мяса в кипящую лаву.

— Не знаю. — Через мгновение мясо было готово, она извлекла его из огня и подала мужу на тарелке. — Ах, наверно, я просто придумала весь этот вздор, только и всего. Сама не понимаю почему.

Он ничего не сказал. Смотрел, как она погружает мясо в шипящую огненную лужицу. Солнце скрылось. Медленно-медленно вошла в комнату ночь, темным вином заполнила ее до потолка, поглотив колонны и их двоих. Лишь отблески серебряной лавы озаряли лица.

Она снова стала напевать странную песню.

Он вскочил со стула и гневно прошествовал к двери.

Позднее он доел ужин один.

Встав из-за стола, потянулся, поглядел на нее и, зевая, предложил:

— Съездим на огненных птицах в город, развлечемся?

— Ты *серьезно*? — спросила она. — Ты не заболел?

— А что тут странного?

— Но мы уже полгода нигде не были!

— По-моему, неплохая мысль.

— С чего это вдруг ты так заботлив?

— Ну хватит, — брюзгливо бросил он. — Поедешь или нет?

Она посмотрела на седую пустыню. Две белые луны вышли из-за горизонта. Прохладная вода гладила пальцы ног. Легкая дрожь пробежала по ее телу. Больше всего ей хотелось остаться здесь, сидеть тихо, беззвучно, неподвижно, пока не свершится то, чего она ждала весь день, то, что не должно было произойти и все же могло, могло случиться... Душа встрепенулась от нежного прикосновения песни.

---

* Стихи в переводе Я. Берлина.

— Я...

— Для тебя же лучше, — настаивал он. — Поехали.

— Я устала, — ответила она. — Как-нибудь в другой раз.

— Вот твой шарф. — Он подал ей флакон. — Мы уже который месяц никуда не выезжали.

— Если не считать твоих поездок в Кси-Сити два раза в неделю. — Она избегала глядеть на него.

— Дела, — сказал он.

— Дела? — прошептала она.

Из флакона брызнула жидкость, превратилась в голубую мглу и, трепеща, обвилась вокруг ее шеи.

На ровном прохладном песке, светясь, словно раскаленные угли, ожидали огненные птицы. Надуваемый ночным ветром, в воздухе плескался белый балдахин, множеством зеленых лент привязанный к птицам.

Илла легла под балдахин, и по приказу ее мужа пылающие птицы взметнулись к темному небу. Ленты натянулись, балдахин взмыл в воздух. Взвизгнув, ушли вниз пески; мимо, мимо потянулись голубые холмы, оттеснив назад их дом, колонны, источающие дождь, цветы в клетках, поющие книги, тихие ручейки на полу. Она не глядела на мужа. Ей было слышно, как он покрикивал на птиц, а те взвивались все выше, летя, словно тысячи каленых искр, словно багрово-желтый фейерверк, все дальше в небо, увлекая за собой сквозь ветер балдахин — трепещущий белый лепесток.

Она не смотрела на мелькающие внизу древние мертвые города, на дома — словно вырезанные из кости шахматы, не смотрела на древние каналы, наполненные пустотой и грезами. Над высохшими реками и сухими озерами пролетали они, будто лунный блик, будто горящий факел.

Она глядела только на небо.

Муж что-то сказал.

Она глядела на небо.

— Ты слышала, что я сказал?

— Что?

Он шумно выдохнул:

— Могла бы быть повнимательнее.

— Я задумалась.

— Никогда не знал, что ты такая любительница природы. Сегодня ты просто не отрываешь глаз от неба, — сказал он.

— Оно очень красиво.

— Я вот о чем подумал, — медленно продолжал супруг. — Не позвонить ли сегодня Халлу? Договориться, что мы при-

едем — на недельку, не больше! — к ним в Голубые горы. Чем не идея?..

— Голубые горы! — Она схватилась одной рукой за край балдахина и резко повернулась к нему.

— Я ведь только предлагаю.

— И когда ты думаешь ехать? — нервно спросила она.

— Да можно отправиться хоть завтра утром, — подчеркнуто небрежно бросил он. — Сама знаешь: раньше начнешь, скорее...

— Но мы еще *никогда* не уезжали так рано!

— Ну, в этом году в виде исключения... — Он улыбнулся. — Нам полезно переменить обстановку. Пожить в тиши, в покое. Словом, сама понимаешь. У тебя ведь нет *других* планов? Поедем, решено?

Она вздохнула, помедлила, потом ответила:

— Нет.

— Что? — Его возглас испугал птиц. Балдахин дернулся.

— Нет, — твердо сказала она. — Я не поеду.

Он посмотрел на нее. Разговор был окончен. Она отвернулась.

Птицы летели дальше — десять тысяч гонимых ветром угольков.

На рассвете солнце, пронизав лучами хрустальные колонны, растворило туман, на котором покоилась спящая Илла. Всю ночь она парила над полом, как бы плавая на мягком ложе из тумана, который пролился из стен, едва Илла прилегла. Всю ночь она проспала на этой недвижимой реке, точно челн среди немого потока. Теперь туман улетучивался, и наконец река спала, оставив Иллу на берегу пробуждения.

Она открыла глаза.

Над ней стоял муж. Было похоже, что он стоит тут, наблюдая, уже не один час. Почему-то Илла не могла смотреть ему в глаза.

— Тебе опять снился этот сон, — сказал он. — Ты разговаривала, не давала мне уснуть. Тебе *непременно* надо показать-ся врачу.

— Ничего со мной не случится.

— Ты много говорила во сне!

— Да? — Она поспешно села.

В комнате было холодно. Серый утренний свет проявил черты Иллы.

— Что тебе снилось?

Она молчала, вспоминая.

— Корабль. Он снова спустился с неба, и из него вышел высокий человек и заговорил со мной. Он шутил, смеялся, и мне было хорошо.

Мистер К коснулся рукой колонны. Окутанные паром струйки теплой воды вытеснили холодок из комнаты. Лицо мистера К было бесстрастно.

— А потом, — продолжала она, — этот мужчина, у которого такое странное имя — Натаниел Йорк, сказал, что я прекрасна, и... и поцеловал меня.

— Ха! — крикнул муж и отвернулся, играя желваками.

— Но это всего лишь сон. — Ей стало весело.

— Ну и помалкивай про свои нелепые женские сны!

— Ты ведешь себя как ребенок. — Она откинулась на последние клочья химического тумана. Мгновение спустя тихо рассмеялась. — Я еще *что-то* вспомнила, — призналась она.

— Ну *что*, говори что! — вскричал муж.

— Илл, ты такой раздражительный!

— Говори! — потребовал он. — У тебя не должно быть секретов от меня!

На нее смотрело сверху его мрачное, суровое лицо.

— Я никогда не видела тебя таким, — ответила Илла; ей было и страшно и забавно. — Ничего такого не было, просто этот Натаниел Йорк сказал... словом, он сказал мне, что увезет меня на своем корабле, увезет на небеса, возьмет меня с собой на свою планету. Конечно, чепуха.

— Вот именно, чепуха! — Он едва не сорвал голос. — Ты бы послушала себя со стороны: заигрывать с ним, разговаривать с ним, петь с ним, и так всю ночь напролет, о боги! *Послушала бы себя!*

— Илл!

— Когда он сядет? Где он опустится на своем проклятом корабле?

— Илл, не повышай голос.

— К черту мой голос! — Он в гневе наклонился над ней. — В этом твоём сне... — он стиснул ее запястье, — корабль сел в Зеленой долине, *да?* Отвечай!

— Ну, в долине...

— Сел сегодня, под вечер, да? — не унимался он.

— Да, да, кажется, так. Но это же только сон!

— Ладно. — Он сердито отбросил ее руку. — Хорошо, что ты не лжешь! Я слышал все, что ты говорила во сне, каждое слово. Ты сама назвала и долину, и время.

Тяжело дыша, он побрел между колоннами, будто ослепленный молнией. Постепенно его дыхание успокоилось. Она

не отрывала от него глаз — уж не сошел ли он с ума!.. Наконец встала и подошла к нему.

— Илл, — прошептала она.

— Ничего, ничего...

— Ты болен.

— Нет. — Он устало, через силу улыбнулся. — Ребячество, только и всего. Прости меня, дорогая. — Он грубовато погладил ее. — Заработался. Извини. Я, пожалуй, пойду прилягу...

— Ты так вспылил.

— Теперь все прошло. Прошло. — Он перевел дух. — Забудем об этом. Да, я вчера слышал анекдот про Уэла, хотел тебе рассказать. Ты приготовишь завтрак, я расскажу анекдот, а об этом больше не будем говорить, ладно?

— Это был только сон.

— Разумеется. — Он машинально поцеловал ее в щеку. — Только сон.

В полдень солнце палило, и очертания гор струились в его лучах.

— Ты не поедешь в город? — спросила Илла.

— В город? — Его брови чуть поднялись.

— Ты *всегда* уезжаешь в этот день. — Она поправила цветочную клетку на подставке. Цветы зашевелились и раскрыли голодные желтые рты.

Он захлопнул книгу.

— Нет. Слишком жарко. И поздно.

— Вот как. — Она закончила свое дело и пошла к двери. — Я скоро вернусь.

— Постой! Ты куда?

Она была уже в дверях.

— К Пао. Она пригласила меня!

— Сегодня?

— Я ее сто лет не видела. Это же недалеко.

— В Зеленой долине, если не ошибаюсь?

— Ну да, тут рукой подать, и я решила... — Она очень торопилась.

— Извини меня, — сказал он, догоняя ее с видом крайней озабоченности. — Я совершенно забыл: я же пригласил к нам сегодня доктора Нлле!

— Доктора Нлле! — Она подалась к двери.

Он поймал ее за локоть и решительно втащил в комнату.

— Да.

— А как же Пао...

— Пао подождет, Илла. Мы должны принять Нлле.

— Я на несколько минут...

— Нет, Илла.

— Нет?

Он отрицательно качнул головой:

— Нет. К тому же до них очень далеко идти. Через всю Зеленую долину, за большой канал, потом вниз... И сегодня очень, очень жарко, и доктору Нлле будет приятно увидеть тебя. Хорошо?

Она не ответила. Ей хотелось вырваться и убежать. Хотелось кричать. Но она только сидела в кресле, словно пойманная в западню, и с окаменевшим лицом разглядывала свои пальцы, медленно шевеля ими.

— Илла, — буркнул он, — ты останешься дома, ясно?

— Да, — сказала она после долгого молчания. — Останусь.

— Весь день?

Ее голос звучал глухо:

— Весь день.

Шли часы, а доктор Нлле все не появлялся. Казалось, муж Иллы не очень-то удивлен этим. Уже под вечер он, пробормотав что-то, подошел к стенному шкафу и достал зловещее оружие — длинную желтоватую трубку с гармошкой мехов и спусковым крючком на конце. Он обернулся — на его лице была лишенная всякого выражения маска, вычеканенная из серебристого металла, маска, которую он всегда надевал, когда хотел скрыть свои чувства; маска, выпуклости и впадины которой в точности отвечали его худым щекам, подбородку, лбу. Поблескивая маской, он держал в руках свое грозное оружие и разглядывал его. Оно непрерывно жужжало — оружие, способное с визгом извергнуть полчища золотых пчел. Страшных золотых пчел, которые жалят, убивают своим ядом и падают замертво, будто семена на песок.

— Куда ты собрался? — спросила она.

— Что? — Он прислушивался к мехам, к зловещему жужжанию. — Раз доктор Нлле запаздывает, черта с два стану я его ждать. Пойду поохочусь. Скоро вернусь. А ты останешься здесь, и никуда отсюда, ясно? — Серебристая маска сверкнула.

— Да.

— И скажи доктору Нлле, что я приду. Только поохочусь.

Треугольная дверь затворилась. Его шаги удалились вниз по откосу.

Она смотрела, как муж уходит в солнечную даль, пока он не исчез. Потом вернулась к своим делам: наводить чистоту магнитной пылью, собирать свежие плоды с хрустальных стен.

Она работала усердно и расторопно, но порой ею овладевала какая-то истома, и она ловила себя на том, что напевает эту странную, не идущую из ума песню и поглядывает на небо из-за хрустальных колонн.

Она затаила дыхание и замерла в ожидании.

Приближается...

Вот-вот это произойдет.

Бывают такие дни, когда слышишь приближение грозы, а кругом напряженная тишина, и вдруг едва ощутимо меняется давление — это дыхание непогоды, летящей над планетой, ее тень, порыв, марево. Воздух давит на уши, и ты натянут как струна в ожидании надвигающейся бури. Тебя охватывает дрожь. Небо в пятнах, небо цветное, тучи сгущаются, горы отливают металлом. Цветы в клетках тихонько вздыхают, предупреждая. Волосы чуть шевелятся на голове. Где-то в доме поют часы: «Время, время, время, время...» Тихо так, нежно, будто капающая на бархат вода.

И вдруг — гроза! Электрическая вспышка, и сверху непроницаемым заслоном рушатся всепоглощающие волны черного прибоя и громовой черноты.

Так было и теперь. Близилась буря, хотя небо было ясным. Назревала молния, хотя не было туч.

Илла бродила по комнатам притихшего летнего дома. В любой миг с неба может пасть молния, и будет раскат грома, клуб дыма, безмолвие, шаги на дорожке, стук в хрустальную дверь — и она стрелой метнется навстречу...

«Сумасшедшая Илла! — мысленно усмехнулась она. — Что за мысли будоражат твой праздный ум?»

И тут — свершилось.

Порыв жаркого воздуха, точно мимо пронеслось могучее пламя. Вихревой стремительный звук. В небе блеск, сверкание металла.

У Иллы вырвался крик.

Она побежала между колоннами, распахнула дверь. Она уставилась на горы. Но там уже ничего...

Хотела ринуться вниз по откосу, но спохватилась. Она обязана быть здесь, никуда не уходить. Доктор должен прийти с минуты на минуту, и муж рассердится, если она убежит.

Она остановилась в дверях, часто дыша, протянув вперед одну руку.

Попыталась рассмотреть что-нибудь там, где простерлась Зеленая долина, но ничего не увидела.

«Сумасшедшая! — Она вернулась в комнату. — Это все твоя фантазия. Ничего не было. Просто птица, листок, ветер или рыба в канале. Сядь. Приди в себя».

Она села.

Выстрел.

Ясный, отчетливый, зловещий звук.

Она содрогнулась.

Выстрел донесся издалека. Один. Далекое жужжание быстрых пчел. Один выстрел. А за ним второй, четкий, холодный, отдаленный.

Она опять вздрогнула и почему-то вскочила на ноги, крича, крича и не желая оборвать этот крик. Стремительно пробежала по комнатам к двери и снова распахнула ее.

Эхо стихало, уходя вдаль, вдаль...

Смолкло.

Несколько минут она простояла во дворе, бледная.

Наконец, медленно ступая, опустив голову, она побрела сквозь обрамленные колоннами покои, из одного в другой, руки ее машинально трогали вещи, губы дрожали; в сгущающемся мраке винной комнаты ей захотелось посидеть одной. Она ждала. Потом взяла янтарный бокал и стала тереть его уголком шарфа.

И вот издалека слышались шаги, хруст мелких камешков под ногами.

Она поднялась, стала в центре тихой комнаты. Бокал выпал из рук, разбился вдребезги.

Шаги нерешительно замедлились перед домом.

Заговорить? Воскликнуть: «Входи, входи же!»?

Она подалась вперед.

Вот шаги уже на крыльце. Рука повернула щеколду.

Она улыбнулась двери.

Дверь отворилась. Улыбка сбежала с ее лица.

Это был ее муж. Серебристая маска тускло поблескивала.

Он вошел и лишь на мгновение задержал на ней взгляд. Резким движением открыл мехи своего оружия, вытряхнул две мертвые пчелы, услышал, как они шлепнулись об пол, раздавил их ногой и поставил разряженное оружие в угол комнаты, а Илла, наклонившись, безуспешно пыталась собрать осколки разбитого бокала.

— Что ты делал? — спросила она.

— Ничего, — ответил он, стоя спиной к ней. Он снял маску.

— Ружье... я слышала, как ты стрелял. Два раза.

— Охотился, только и всего. Потянет иногда на охоту...

Доктор Нлле пришел?

— Нет.

— Постой-ка. — Он противно щелкнул пальцами. — Ну конечно, *теперь* я вспомнил. Мы же условились с ним на *завтра*. Я все перепутал.

Они сели за стол. Она глядела на свою тарелку, но руки ее не прикасались к еде.

— В чем дело? — спросил он, не поднимая глаз, бросая куски мяса в бурлящую лаву.

— Не знаю. Не хочется есть, — сказала она.

— Почему?

— Не знаю, просто не хочется.

В небе родился ветер; солнце садилось. Комната вдруг стала маленькой и холодной.

— Я пытаюсь вспомнить, — произнесла она в тиши комнаты, глянув в золотые глаза своего холодного, безупречно подтянутого мужа.

— Что вспомнить? — Он потягивал вино.

— Песню. Эту красивую, чудесную песню. — Она закрыла глаза и стала напевать, но песня не получилась. — Забыла. А мне почему-то не хочется ее забывать. Хочется помнить ее всегда. — Она плавно повела руками, точно ритм движений мог ей помочь. Потом откинулась в кресле. — Не могу вспомнить.

Она заплакала.

— Почему ты плачешь? — спросил он.

— Не знаю, не знаю, я ничего не могу с собой поделать. Мне грустно, и я не знаю, почему плачу — не знаю почему, но плачу.

Ее ладони стиснули виски, плечи вздрагивали.

— До завтра все пройдет, — сказал он.

Она не глядела на него, глядела только на нагую пустыню и на яркие-яркие звезды, которые высыпали на черном небе, а издали доносился крепнущий голос ветра и холодный плеск воды в длинных каналах. Она закрыла глаза, дрожа всем телом.

— Да, — повторила она, — до завтра все пройдет.

Август 1999

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Люди стояли кучками в каменных галереях, растворяясь в тени между голубыми холмами. Звезды и лучезарные марсианские луны струили на них мягкий вечерний свет. Позади мраморного амфитеатра, скрытые мраком и далью, раскинулись городки и виллы, серебром отливали недвижные пруды, от горизонта до горизонта блестели каналы. Летний вечер на Марсе, планете безмятежности и умеренности. По зеленой влаге каналов скользили лодки, изящные, как бронзовые

цветки. В нескончаемо длинных рядах жилищ, извивающихся по склонам, подобно оцепеневшим змеям, в прохладных ночных постелях лениво перешептывались возлюбленные. Под факелами на аллеях, держа в руках извергающих тончайшую паутину золотых пауков, еще бегали заигравшиеся дети. Тут и там на столах, булькающих серебристой лавой, готовился поздний ужин. В амфитеатрах сотен городов на ночной стороне Марса смуглые марсиане с глазами цвета червонного золота собирались на досуге вокруг эстрад, откуда покорные музыкантам тихие мелодии, подобно аромату цветов, плыли в притихшем воздухе.

На одной эстраде пела женщина.

По рядам слушателей пробежал шелест.

Пение оборвалось. Певица поднесла руку к горлу. Потом кивнула музыкантам, они начали сначала.

Музыканты заиграли, она снова запела; на этот раз публика ахнула, подалась вперед, кто-то вскочил на ноги — на амфитеатр словно пахнуло зимней стужей. Потому что песня, которую пела женщина, была странная, страшная, необычная. Она пыталась остановить слова, срывающиеся с ее губ, но они продолжали звучать:

Идет, блистая красотой
Тысячезвездной ясной ночи,
В соревнованьи света с тьмой
Изваяны чело и очи.

Руки певицы метнулись ко рту. Она оцепенела, растерянная.

— Что это за слова? — недоумевали музыканты.

— Что за песня?

— Чей язык?

Когда же они опять принялись дуть в свои золотые трубы, снова родилась эта странная музыка и медленно поплыла над публикой, которая теперь громко разговаривала, поднимаясь со своих мест.

— Что с тобой? — спрашивали друг друга музыканты.

— Что за мелодию ты играл?

— А ты сам что играл?

Женщина расплакалась и убежала с эстрады. Публика покинула амфитеатр. Повсюду, во всех смятенных марсианских городах, происходило одно и то же. Холод объял их, точно с неба пал белый снег.

В темных аллеях под факелами дети пели:

...Пришла, а шкаф уже пустой,
Остался песик с носом!

— Дети! — раздавались голоса. — Что это за песенка? Где вы ее выучили?

— Она просто *пришла нам* в голову, ни с того ни с сего. Какие-то непонятные слова!

Захлопали двери. Улицы опустели. Над голубыми холмами взошла зеленая звезда.

На всей ночной стороне Марса мужчины просыпались от того, что лежавшие рядом возлюбленные напевали во мраке.

— Что это за мелодия?

В тысячах жилищ среди ночи женщины просыпались, обливаясь слезами, и приходилось их утешать:

— Ну успокойся, успокойся же. Спи. Ну, что случилось? Дурной сон?

— Завтра произойдет что-то ужасное.

— Ничего не может произойти, у нас все в порядке.

Судорожное всхлипывание.

— Я чувствую, *это* надвигается все ближе, ближе, *ближе!*..

— С нами ничего не может случиться. Полно! Спи. Спи...

Тихо на предутреннем Марсе, тихо, как в черном студенном колодце, и свет звезд на воде каналов, и в каждой комнате дыхание свернувшихся калачиком детей с зажатыми в кулачках золотыми пауками, и возлюбленные спят рука в руке, луны закатились, погашены факелы, и безлюдны каменные амфитеатры.

И лишь один-единственный звук, перед самым рассветом: где-то в дальнем конце пустынной улицы одиноко шагал во тьме ночной сторож, напевая странную, незнакомую песенку...

Август 1999

ЗЕМЛЯНЕ

Вот привязались, стучат и стучат! Миссис Ттт сердито распахнула дверь.

— Ну, в чем дело?

— Вы говорите *по-английски*? — Человек, стоявший у входа, опешил.

— Говорю, как умею, — ответила она.

— Чистейший английский язык!

Человек был одет в какую-то форму. За ним стояли еще трое; все они были заметно взволнованы — сияющие, изманные с головы до ног.

— Что вам угодно? — резко спросила миссис Ттт.

— Вы — *марсианка*! — Человек улыбался. — Это слово вам, конечно, незнакомо. Так говорят у нас, на Земле. — Он кивнул

на своих спутников. — Мы с Земли. Я — капитан Уильямс. Мы всего час назад сели на Марсе. Вот прибыли. *Вторая экспедиция!* До нас была Первая экспедиция, но ее судьба нам не известна. Так или иначе, мы прилетели. И вы — первый житель Марса, которого мы встретили!

— Марсианка? — Брови ее взметнулись.

— Я хочу сказать, что вы живете на четвертой от Солнца планете. Точно?

— Элементарная истина, — фыркнула она, меряя их взглядом.

— А мы, — он прижал к груди свою пухлую розовую руку, — мы с Земли. Верно, ребята?

— Так точно, капитан! — откликнулся хор.

— Это планета Тирр, — сказала она, — если вам угодно знать ее настоящее имя.

— Тирр, Тирр. — Капитан устало рассмеялся. — *Чудесное название!* Но скажите же, добрая женщина, как объяснить, что вы так великолепно говорите по-английски?

— Я не говорю, — ответила она, — я думаю. Телепатия. Всего хорошего!

И она хлопнула дверью.

Мгновение спустя этот ужасный человек уже снова стучал.

Она распахнула дверь.

— Ну, что еще? — спросила она.

Он стоял на том же месте и силился улыбнуться, но уже без прежней уверенности. Он протянул к ней руки.

— Мне кажется, вы не совсем поняли...

— Чего? — отрезала она.

Его глаза округлились от изумления.

— Мы прилетели с *Земли!*

— Мне некогда, — сказала она. — У меня сегодня куча дел — обед, уборка, шитье, всякая всячина... Вам, вероятно, нужен мистер Ттт, так он наверху, в своем кабинете.

— Да, да, — озадаченно произнес человек с Земли, моргая. — Ради Бога, позовите мистера Ттт.

— Он занят. — И она снова захлопнула дверь.

На сей раз стук был уж совсем неприличным.

— Знаете что! — вскричал человек, едва дверь распахнулась. Он ворвался в прихожую, словно решил взять неожиданностью. — Так не принимают гостей!

— Мой чистый пол! — возмутилась она. — Грязь! Убирайтесь прочь! Если хотите войти в мой дом, сперва почистите обувь.

Человек испуганно посмотрел на свои грязные башмаки.

— Сейчас не время придирааться к пустякам, — решительно заявил он. — Такое событие! Его нужно отпраздновать!

Он упорно глядел на нее, словно это могло заставить ее понять, чего они хотят.

— Если мои хрустальные булочки перестояли в духовке, — закричала она, — то я вас поленом!..

И она поспешила к маленькой, пышущей жаром печке. Потом вернулась — раскрасневшаяся, потная. Ярко-желтые глаза, смуглая кожа, худенькая и юркая, как насекомое... Резкий, металлический голос.

— Обождите здесь. Я пойду посмотрю, может быть, и позволю вам на минутку зайти к мистеру Ттт. Какое там у вас дело к нему?

Человек выругался так, словно она ударила его молотком по пальцу.

— Скажите ему, что мы прилетели с Земли, что это впервые!

— Что «впервые»? — Она подняла вверх смуглую руку. — Ладно, это неважно. Я сейчас.

Звуки ее шагов прошлестели по переходам каменного дома.

А снаружи было невероятно синее, жаркое марсианское небо — недвижимое, будто глубокое теплое море. Над марсианской пустыней, словно над огромным кипящим котлом, струилось марево. На вершине пригорка неподалеку стоял, покосившись, небольшой космический корабль. От него к двери каменного дома протянулась цепочка крупных следов.

Сверху, со второго этажа, донеслись возбужденные голоса. Люди у двери поглядывали друг на друга, переминались с ноги на ногу, поправляли пояса. Наверху что-то прорычал мужской голос. Женский голос ответил. Через четверть часа земляне от нечего делать стали слоняться взад-вперед по кухне.

— Закурим? — сказал один из них.

Другой достал сигареты, они закурили. Они выдыхали неторопливые бледные струйки дыма. Разгладили складки курток, поправили воротнички. Голоса наверху продолжали гудеть и журчать. Командир глянул на свои часы.

— Двадцать пять минут, — заметил он. — Что у них там происходит?

Он подошел к окну и выглянул наружу.

— Жаркий денек, — сказал один из космонавтов.

— Да уж, — лениво протянул другой, разморенный полуденным зноем.

Гул голосов наверху сменился глухим бормотанием, потом и вовсе стих. Во всем доме — ни звука. Только собственное дыхание слышно.

Целый час прошел в безмолвии.

— Уж не случилось ли из-за нас какой беды? — произнес командир, подходя к двери гостиной и заглядывая туда.

Мисс Ттт стояла посреди комнаты, поливая цветы.

— А я все думаю, что я такое забыла... — сказала она, заметив капитана. Она вышла на кухню. — Извините. — Она протянула ему клочок бумаги. — Мистер Ттт слишком занят. — Она повернулась к своим кастрюлям. — Да и все равно вам нужен не он, а мистер Ааа. Пойдите с этой запиской на соседнюю усадьбу возле голубого канала, там мистер Ааа расскажет вам все, что вы хотите знать.

— Нам ничего не надо узнавать, — возразил командир, надув толстые губы. — Мы и так уже *знаем*.

— Вы получили записку, что еще вам надо? — резко спросила она. Больше они ничего не могли от нее добиться.

— Ладно, — сказал командир. Ему все еще не хотелось уходить. Он стоял с таким видом, будто чего-то ждал. Точно ребенок, глядящий на голую рождественскую елку. — Ладно, — повторил он. — Пошли, ребята.

И все четверо вышли из дома в душное безмолвие летнего дня.

Полчаса спустя мистер Ааа, который восседал в своей библиотеке, прихлебывая электрическое пламя из металлической чаши, услышал голоса снаружи, на мощеной дорожке. Он высунулся из окна и уставился на четверку одетых в одинаковую форму людей, которые, шурясь, глядели на него.

— Вы мистер Ааа? — справились они.

— Я.

— Нас послал к вам мистер Ттт! — крикнул командир.

— Что за причина? — спросил мистер Ааа.

— Он был занят!

— Ну знаете, это... — презрительно произнес мистер Ааа. — Уж не думает ли он, что мне больше нечего делать, как развлекать людей, которыми ему некогда заниматься?

— Сейчас это несущественно, сэр! — крикнул командир.

— Для меня — существенно. У меня накопилась куча книг, их нужно прочесть. Мистер Ттт совсем не считается с другими. Он не впервые ведет себя так бесцеремонно по отношению ко мне. И прошу не размахивать руками, сударь, дайте мне закончить. Вам следует быть повнимательнее. Я привык к тому, что люди слушают, когда я говорю. И потрудитесь выслушать меня с должным почтением, иначе я вообще не стану с вами разговаривать.

Четверо людей внизу растерянно топтались, разинув рты. У капитана на лбу вздулись жилы и даже блеснули слезы на глазах.

— Ну так вот, — продолжал поучать мистер Ааа, — как по-вашему, хорошо ли со стороны мистера Ттт вести себя так неучтиво?

Четверка недоуменно смотрела на него сквозь дымку знойного дня. Капитан не стерпел:

— Мы прилетели с Земли!

— По-моему, он ведет себя просто не по-джентльменски, — брюзжал мистер Ааа.

— Космический корабль. Мы прилетели на ракете. Вот она!

— И ведь он не в первый раз позволяет себе такое безобразие.

— Понимаете — с Земли!

— Он у меня дождется, я позвоню и отчитаю его, да-да.

— Мы четверо — я и вот эти трое — экипаж моего корабля.

— Вот возьму и позвоню сейчас же!

— Земля. Ракета. Люди. Полет. Космос.

— Позвоню и всыплю ему как следует! — крикнул мистер Ааа и пропал из окна, точно кукла в театре.

Было слышно, как по какому-то неведомому аппарату завязалась перебранка. Капитан и его команда стояли во дворе, тоскливо поглядывая на свою красавицу ракету — такую изящную, стройную и родную.

Мистер Ааа вынырнул в окошке, торжествуя:

— Я его на дуэль вызвал, клянусь честью! Слышите — дуэль!

— Мистер Ааа, — терпеливо начал капитан.

— Застрелю его насмерть, так и знайте!

— Мистер Ааа, прошу вас, выслушайте меня. Мы пролетели шестьдесят миллионов миль.

Мистер Ааа впервые обратил внимание на капитана.

— Постойте, как вы сказали — откуда вы?

Лицо капитана осветилось белозубой улыбкой. Он шепнул своим:

— Наконец-то, *теперь* все в порядке! — И громко мистеру Ааа: — Шестьдесят миллионов миль — с планеты Земля!

Мистер Ааа зевнул:

— В это время года — от силы пятьдесят миллионов, не больше. — Он взял в руки какое-то угрожающего вида оружие. — Ну, мне пора. Заберите свою дурацкую записку, хотя я не понимаю, какой вам от нее прок, и ступайте через вон тот бугор в городок, он называется Иопр, там изложите все мистеру Иии. Он именно тот человек, который вам нужен. А не мистер Ттт, этот кретин, — уж я позабочусь о том, чтобы его прикончить. И не я — это не по моей линии.

— Линии, линии! — передразнил его командир. — При чем тут линия, когда надо принять людей с Земли?

— Не говорите глупостей, *это* всем известно! — Мистер Ааа сбежал по лестнице. — Всего хорошего!

И он помчался по дорожке, точно взбесившийся кронциркуль.

Космонавты были совершенно ошарашены. Наконец капитан сказал:

— Нет, мы все-таки найдем кого-нибудь, кто нас выслушает.

— Что, если уйти, а потом вернуться, — уныло произнес один из его товарищей. — Взлететь и снова сесть. Чтобы дать им время очухаться и подготовить встречу.

— Может быть, так и сделаем, — буркнул измученный капитан.

Городок бурлил. Марсиане входили и выходили из домов, они приветствовали друг друга, на них были маски — золотые, голубые, розовые, ради приятного разнообразия, маски с серебряными губами и бронзовыми бровями, маски улыбающиеся и маски хмурые, сообразно нраву владельца.

Земляне, все в испарине после долгого перехода, остановились и спросили маленькую девочку, где живет мистер Иии.

— Вон там, — кивком указала девочка.

Капитан нетерпеливо, осторожно опустился на одно колено и заглянул в ее милое детское личико.

— Послушай, девочка, что я тебе расскажу.

Он посадил ее себе на колено и ласково сжал своими широкими ладонями ее смуглые ручонки, словно приготовился рассказать ей сказку на ночь, сказку, которую складывают в уме не торопясь, со множеством обстоятельных и счастливых подробностей.

— Понимаешь, малютка, с полгода тому назад на Марс прилетела другая ракета. В ней был человек по имени Йорк со своим помощником. Мы не знаем, что с ними случилось. Быть может, они разбились. Они прилетели на ракете. И мы, мы тоже прилетели на ракете. Вот бы ты на нее посмотрела! Большая-пребольшая ракета! Так что мы — *Вторая* экспедиция, а перед нами была Первая. Мы долго летели, с самой Земли...

Девочка бездумно высвободила одну руку и опустила на лицо золотую маску, выражающую безразличие. Потом достала игрушечного золотого паука и уронила его на землю, а капитан все твердил свое. Игрушечный паук послушно вскарабкался ей на колени, она же безучастно наблюдала за ним

сквозь щелочки равнодушной маски; капитан ласково встряхнул ее и продолжал втолковывать ей свою историю.

— Мы — земляне, — говорил он. — Ты мне *веришь*?

— Да. — Девчурка искоса глядела, что чертят в пыли пальчики ее ног.

— Ну вот и умница. — Командир наполовину добродушно, наполовину злобно ущипнул ее за руку, чтобы заставить девочку глядеть на него. — Мы построили себе ракету. Ты веришь?

Девочка сунула в нос палец.

— Ага.

— И... нет-нет, дружок, вынь пальчик из носа... и я командир космического корабля, и...

— Еще никогда в истории никто не выходил в космос на такой большой ракете, — продекламировала крошка, зажмурив глазки.

— Восхитительно! Как ты угадала?

— Телепатия. — Она небрежно вытерла пальчик о коленку.

— Ну? Неужели это тебе ничуть не интересно? — вскричал командир. — Разве ты *не рада*?

— Вы бы лучше пошли поскорее к мистеру Иии. — Она уронила игрушку на землю. — Он охотно поговорит с вами.

И она убежала, сопровождаемая по пятам игрушечным пауком.

Командир сидел на корточках, протянув руку к девочке и глядя ей вслед. Он почувствовал, как на глаза навертываются слезы. Посмотрел на свои пустые руки, беспомощно открыв рот. Товарищи стояли рядом, глядя на собственные тени. Они сплонули на камни мостовой...

Мистер Иии сам отворил дверь. Он торопился на лекцию, но готов был уделить им минуту, если они побыстрее войдут и скажут, что им надо...

— Немного внимания, — сказал капитан, устало поднимая опухшие веки. — Мы — с Земли, у нас тут ракета, нас четверо — три космонавта и командир, мы совершенно вымотались, хотим есть, нам бы найти где поспать. И пусть кто-нибудь вручит нам ключи от города или что-нибудь в этом роде, пусть нам пожмут руки, крикнут «ура», скажут: «Поздравляем, старики!» Вот, пожалуй, и все.

Мистер Иии был долговязый ипохондрик, желтоватые глаза спрятаны за толстыми синими кристаллами очков. Наклонившись над письменным столом, он задумчиво перелистывал какие-то бумаги, то и дело пронизывая своих гостей пытливым взглядом.

— Боюсь, у меня нет здесь бланков. — Он перерыл все ящики стола. — Куда я их задевал? — Он нахмурился. — Где-то... где-то здесь... А, вот они! Прошу вас! — Он решительно протянул капитану бумаги. — Вам придется это подписать.

— Читать всю эту белиберду?

Толстые стекла очков воззрились на капитана.

— Но вы ведь сами сказали, что вы с Земли? В таком случае вам остается только подписать.

Капитан поставил свою подпись.

— Команда тоже должна подписаться?

Мистер Иии поглядел на него, поглядел на трех остальных и разразился издевательским смехом:

— *Им* тоже подписаться?! Ха-ха-ха! Это великолепно! Они... они... — У него катились слезы по щекам. Он хлопнул себя рукой по колену и согнулся, давясь смехом, рвущимся из широко разинутого рта. Он уцепился за стол. — *Им* — подписаться!..

Космонавты нахмурились:

— Что тут смешного?

— *Им* — подписаться! — выдохнул мистер Иии, обессиленный хохотом. — Еще бы не смешно! Я обязательно расскажу об этом мистеру Ыыы! — Он поглядел на подписанные бланки, продолжая смеяться. — Как будто все в порядке. — Он кивнул. — Даже согласие на эвтаназию, если в конечном счете это окажется необходимым. — Он рассыпался мелким смешком.

— Согласие на *что*?

— Ладно, хватит. У меня для вас кое-что есть. Вот. Возьмите этот ключ.

Капитан вспыхнул.

— О, это великая честь.

— Это не от города, болван! — рявкнул мистер Иии. — Ключ от Дома. Ступайте по коридору, отойдите большую дверь, войдите и хорошенько захлопните за собой. Можете там переночевать. А утром я пришлю к вам мистера Ыыы.

Капитан нерешительно взял ключ. Он стоял понурившись. Его товарищи не двигались с места. Казалось, из них выкачали всю их кровь, всю ракетную лихорадку. Они совершенно выдохлись.

— Ну, что еще? В чем дело? — спросил мистер Иии. — Чего вы ждете? Чего хотите? — Он подошел вплотную к капитану и, наклонив голову, снизу заглянул ему в лицо. — Выкладывайте!

— Боюсь, вы даже не в состоянии... — начал капитан. — То есть я хочу сказать... попытаться, подумать о том... — Он

замаялся. — Мы немало потрудились, такой путь проделали, может быть, стоит, ну, что ли, пожать нам руки и сказать... ну, хотя бы: «Молодцы!» — Он смолк.

Мистер Иии небрежно сунул ему руку.

— Поздравляю! — Его губы растянулись в холодной улыбке. — Поздравляю. — Он отвернулся. — А теперь мне пора. Не забудьте про ключ.

И, не обращая на них больше никакого внимания, словно они растаяли, мистер Иии заходил по комнате, набивая какими-то бумагами маленький портфель. Это длилось не меньше пяти минут, и все это время он ни разу больше не обратился к четверке угрюмых людей, которые стояли на подкашивающихся от усталости ногах, понунив головы, с потухшими глазами. Выходя, мистер Иии сосредоточенно разглядывал свои ногти...

В тусклом предвечернем свете они побрели по коридору. Они оказались перед большой блестящей серебристой дверью и отперли ее серебряным ключом. Вошли, захлопнули дверь и осмотрелись кругом.

Они были в просторном, залитом солнцем зале. Мужчины и женщины сидели за столами, стояли кучками, разговаривали. Щелчок замка заставил их обернуться, и все воззрились на четверых людей, одетых в форму.

Один марсианин подошел к ним и поклонился.

— Я мистер Ууу, — представился он.

— А я — капитан Джонатан Уильямс из Нью-Йорка, с Земли, — ответил капитан без всякого энтузиазма.

Мгновенно зал точно взорвался!

Потолок задрожал от криков и возгласов. Марсиане, размахивая руками, восторженно крича, опрокидывая столы, толкая друг друга, со всех концов зала кинулись к землянам, стиснули их в объятиях, подняли всю четверку на руки. Шесть раз они пронесли их на плечах вокруг всего зала, шесть раз бегом совершили ликующий круг почета, прыгая, приплясывая, громко распевая.

Земляне до того опешили, что целую минуту молча ехали верхом на качающихся плечах, прежде чем начали смеяться и кричать друг другу:

— Вот это да! Совсем *другое* дело!

— Здорово! Сразу бы так! Э-гей! Ух ты! Э-э-э-эх!

Они торжествующе подмигивали друг другу, они вскинули руки, хлопая в ладоши.

— Э-гей!!!

— Ура! — вопила толпа.

Марсиане поставили землян на стол. Крики смолкли. Капитан чуть не разрыдался.

— Спасибо вам, большое спасибо. Это замечательно...

— Расскажите о себе, — предложил мистер Ууу.

Капитан откашлялся.

Слушатели восторженно охали и ахали. Капитан представил своих товарищей, каждый из них произнес коротенькую речь, смущенно принимая громовые овации.

Мистер Ууу похлопал капитана по плечу.

— Приятно встретить здесь земляка! Я ведь тоже с Земли.

— То есть как это?

— А вот так. Нас тут много с Земли.

— Вы? С Земли? — Капитан вытаращил глаза. — Не может этого быть! Вы что, тоже прилетели на ракете? В каком же веке начались космические полеты? — В его голосе было разочарование. — Да вы откуда, из какой страны?

— Туизреол. Я перенесся сюда силой духа, много лет назад.

— Туизреол... — медленно выговорил капитан. — Не знаю такой страны. И что это за сила духа...

— Вот мисс Ррр, она тоже с Земли. *Верно*, мисс Ррр?

Мисс Ррр кивнула и как-то странно усмехнулась.

— И мистер Ююю, и мистер Щщщ, и мистер Ввв!

— А я с Юпитера, — представился один мужчина, приосанившись.

— А я с Сатурна, — ввернул другой, хитро поблескивая глазами.

— Юпитер, Сатурн... — бормотал капитан, моргая.

Стало очень тихо. Марсиане толпились вокруг космонавтов, сидели за столами, но столы были пустые, банкетом тут и не пахло. Желтые глаза горели, ниже скул залегли глубокие тени. Только тут капитан заметил, что в зале нет окон, свет словно проникал через стены. И только одна дверь. Капитан нахмурился.

— Чепуха какая-то. Где находится Туизреол? Далеко от Америки?

— Что такое — Америка?

— Вы не слышали про Америку?! Говорите, что сами с Земли, а не знаете Америки!

Мистер Ууу сердито вздернул голову:

— Земля — сплошные моря, одни моря, больше ничего. Там нет суши. Я сам оттуда, уж я-то знаю.

— Постойте, — капитан отступил на шаг, — да вы же самый настоящий марсианин! Желтые глаза. Смуглая кожа...

— Земля сплошь покрыта *джунглями*, — гордо произнесла мисс Ррр. — Я из Орри, страны серебряной культуры!

Капитан переводил взгляд с одного лица на другое, с мистера Ууу на мистера Ююю, с мистера Ююю на мистера Ззз, с мистера Ззз на мистера Ннн, мистера Ххх, мистера Ббб. Он видел, как расширяются и сужаются зрачки их желтых глаз, как их взгляд становится то пристальным, то туманным. Его охватила дрожь. Наконец он повернулся к своим подчиненным и мрачно сказал:

— Вы поняли, что это такое?

— Что, капитан?

— Это вовсе не торжественная встреча, — устало произнес он. — И не импровизированный прием. И не банкет. И мы здесь не почетные гости. А они не представители марсианских властей. Посмотрите на их глаза. Прислушайтесь к их речам!

Космонавты затаили дыхание. Поблескивая белками, они медленно обозревали странный зал.

— Теперь я понимаю, — голос капитана доносился словно издалека. — Понимаю, почему все давали нам новые адреса и отсылали к кому-нибудь другому, пока мы не встретили мистера Иии... Ну а уж он дал точный адрес и даже ключ, чтобы мы отперли дверь и захлопнули ее. Вот мы и попали...

— Куда мы попали, командир?

Плечи капитана поникли.

— В сумасшедший дом.

Наступила ночь. Тишина царила в просторном зале, озаренном тусклым сиянием светильников, скрытых в прозрачных стенах. Четверо землян сидели вокруг деревянного стола и перешептывались, сдвинув уныло поникшие головы. На полу вперемежку спали мужчины и женщины. В темных углах что-то копошилось, одинокие фигуры странно взмахивали руками. Каждые полчаса кто-нибудь из космонавтов подходил к серебристой двери и возвращался к столу.

— Бесполезно, капитан. Мы заперты надежно.

— Капитан, неужели нас приняли за сумасшедших?

— Конечно. Вот почему наше появление не вызвало бурных восторгов. Мы для них просто-напросто психически больные, каких здесь много. — Он показал на фигуры спящих. — Это же параноики, все до одного! Но как они нас встретили! Мне даже на минуту показалось, — в его глазах вспыхнул огонек и тут же потух, — что наконец-то мы дождались торжественной встречи. Эти возгласы, пение, речи... Ведь здорово было, а?..

— Сколько нас продержат здесь, командир?

— Пока мы не докажем, что мы не психи.

— Ну, это просто.

— *Надеюсь*, что так...

— Вы, кажется, не очень в этом уверены, капитан?

— М-да... Поглядите вон в тот угол.

Во мраке сидел на корточках мужчина. Из его рта вырвалось голубое пламя, которое приняло форму маленькой нагой женщины. Она плавно парила в воздухе, в дымке кобальтового света, что-то шепча и вздыхая.

Капитан мотнул головой в другую сторону. Там стояла женщина, с которой происходили удивительные превращения. Сперва она оказалась заключенной внутри хрустальной колонны, потом стала золотой статуей, потом — кедровым посохом и наконец обрела свой первоначальный вид.

Повсюду в полуночном зале мужчины и женщины манипулировали тонкими языками фиолетового пламени, непрерывно превращаясь и изменяясь, ибо ночь — пора тоски и метаморфоз.

— Колдовство, черная магия, — прошептал один из землян.

— Нет, галлюцинации. Они передают нам свой бред, так что мы видим их галлюцинации. Телепатия. Самовнушение и телепатия.

— Это вас и тревожит, капитан?

— Да. Если галлюцинации кажутся нам — и не только нам всем — такими реальными, если галлюцинации так убедительны и правдоподобны, не удивительно, что нас приняли за психопатов. Тот мужчина может делать маленьких женщин из голубого пламени, а вон эта женщина способна превращаться в статую; вполне естественно для нормального марсианина решить, что ракетный корабль — плод нашей больной фантазии.

Из темноты донесся вздох отчаяния.

Кругом, то вспыхивая, то исчезая, плясали голубые огоньки. Из рта спящих мужчин вылетали чертики из красного песка. Женщины превращались в лоснящихся змей. Пахло зверьем и рептилиями.

Когда настало утро, все казались нормальными, веселыми и здоровыми. Никаких бесов, никакого пламени. Капитан со своей командой стоял у серебристой двери в надежде, что она откроется.

Мистер Ыы появился часа через четыре. Они подозревали, что он не меньше трех часов простоял за дверью, изучая их, прежде чем войти, подзвать их к себе и провести в свой маленький кабинет.

Это был добродушный улыбающийся мужчина, если верить его маске, на которой была изображена не одна, а три разные улыбки. Впрочем, голос, звучавший из-под маски, явно принадлежал не столь уж улыбчивому психиатру.

— Ну, что вас беспокоит?

— Вы считаете нас сумасшедшими, но это не так, — сказал капитан.

— Напротив, я вовсе не считаю *всех* вас сумасшедшими. — Психиатр направил на капитана маленькую указку. — Только вас, уважаемый. Все остальные — вторичные галлюцинации.

Капитан хлопнул себя по колену:

— Так *вот* в чем дело! Вот почему мистер Иии расхохотался, когда я спросил, надо ли моим товарищам тоже подписать бланки!

— Да, мистер Иии рассказал мне об этом. — Психиатр хохотнул сквозь извилистую прорезь рта в маске. — Отличная шутка. Так о чем я говорил? Да, вторичные галлюцинации. Ко мне приходят женщины, у которых из ушей лезут змеи. После моего лечения змеи исчезают.

— Мы с радостью подвергнемся лечению. Приступайте.

Мистер ЫЫ был озадачен.

— Поразительно. Мало кто соглашается на лечение. Дело в том, что оно весьма радикально.

— Ничего, валяйте лечите! Вы сами убедитесь, что мы все здоровы.

— Разрешите сперва посмотреть ваши бумаги, все ли оформлено для «лечения». — Он полистал папку, — так... Видите ли, случаи, подобные вашему, требуют особых методов. У тех, кого вы видели в Доме, более легкая форма... Но когда дело заходит так далеко, как у вас, — с первичными, вторичными, слуховыми, обонятельными и вкусовыми галлюцинациями в сочетании с мнимыми осязательными и оптическими восприятиями, — то, будем говорить начистоту, дело обстоит плохо. Мы вынуждены прибегнуть к эвтаназии.

Капитан с ревом вскочил на ноги:

— Ну вот что, хватит нам голову морочить! Начинайте — обследуйте нас, стучите молотком по колену, выслушайте сердце, заставьте приседать, задавайте вопросы!

— Говорите на здоровье.

Капитан говорил с жаром целый час. Психиатр слушал.

— Невероятно, — задумчиво пробормотал он. — В жизни не слыхал такого детализированного фантастического бреда.

— Черт возьми, мы покажем вам наш космический корабль! — взревел капитан.

— С удовольствием посмотрю. Вы можете показать его здесь, в этой комнате?

— Конечно. Он — в вашей картотеке, на букву «К».

Мистер ЫЫ внимательно посмотрел картотеку, разочарованно щелкнул языком и неторопливо закрыл ящик.

— Зачем вам понадобилось сбивать меня с толку? Тут нет никакого космического корабля.

— Разумеется, нет, кретин! Я пошутил. А теперь скажите: сумасшедшие острят?

— Иногда встречаются довольно необычные проявления. Ладно, ведите меня к своей ракете. Я хочу посмотреть на нее.

Был жаркий полдень, когда они пришли к ракете.

— Та-ак. — Психиатр подошел к кораблю и постучал по корпусу. Звон был мягкий, густой. — Можно войти внутрь? — спросил он с хитрецей.

— Входите.

Мистер Ыы вошел в корабль — и застрял там.

— Всякое бывало в моей грешной жизни, но такого... — Капитан ждал, жуя сигару. — Больше всего на свете мне хочется улететь домой и сказать там, чтобы больше не связывались с этим Марсом. Более подозрительных пентюхов...

— Сдается мне, командир, здесь вообще каждый второй — ненормальный. Немудрено, что они такие недоверчивые.

— Все равно мне это осточертело!

Полчаса психиатр копался, щупал, выстукивал, слушал, нюхал, пробовал на вкус, наконец он вышел из корабля.

— Ну, теперь-то вы убедились! — крикнул капитан, словно глухой.

Психиатр закрыл глаза и почесал нос:

— Это самый поразительный пример мнимого восприятия и гипнотического внушения, с каким я когда-либо сталкивался. Я осмотрел вашу так называемую ракету. — Он постучал пальцем по корпусу. — Я ее слышу — слуховая иллюзия. — Он втянул носом воздух. — Я ее обоняю. Обонятельная галлюцинация, наведенная телепатической передачей чувств. — Он поцеловал обшивку ракеты. — Я ощущаю ее вкус — вкусовая иллюзия!

Он пожал руку капитана:

— Разрешите поздравить вас! Вы психопатический гений! Это — это просто верх совершенства! Ваша способность телепатическим путем проецировать свои психопатические фантазии на сознание других субъектов при полной сохранности силы восприятий — поразительна, невероятна. Остальные наши пациенты обычно концентрируются на зрительных галлюцинациях, в лучшем случае в сочетании со слуховыми. Вы же справляетесь со всем комплексом! Ваше безумие совершенно до изумления!

— Мое безумие... — Капитан побледнел.

— Да-да, великолепное безумие! Металл, резина, гравитаторы, пища, одежда, горючее, оружие, трапы, гайки, болты, ложки — я проверил множество предметов. В жизни не видел такой сложной картины. Даже тени под койками — подо всем! Такая концентрация воли! И все — все, сколько я ни проверял, можно пощупать, понюхать, послушать, попробовать на вкус! Позвольте мне вас обнять!

Наконец он оторвался от капитана.

— Я напишу об этом монографию; она будет лучшей моей работой! В следующем месяце прочту доклад в Марсианской Академии наук! Одна ваша *внешность* чего стоит! Вы ухитрились изменить даже цвет глаз: вместо желтого — голубой, и кожа у вас не смуглая, а розовая! А этот костюм, и пять пальцев на руках вместо шести! Подумать только, полная биологическая метаморфоза под влиянием отклонений в психике! Да еще ваши три приятеля... — Он достал маленький пистолет. — Вы, конечно, неизлечимы. Несчастный вы, удивительный человек! Только смерть принесет вам избавление. Хотите сказать что-нибудь напоследок?

— Стойте, Бога ради! Не стреляйте!

— Бедняга! Я исцелю вас от страданий, которые заставили вас вообразить эту ракету и этих троих людей. Захватывающее будет зрелище: я убиваю вас, и мгновенно исчезают и ваши друзья, и ваша ракета. Ах, какую статейку я напишу по сегодняшним наблюдениям — «Распад невротических иллюзий»!

— Я с Земли! Меня зовут Джонатан Уильямс, а эти...

— Знаю, знаю, — ласково сказал мистер Ыыы и выстрелил. Капитан упал с пульей в сердце. Его товарищи закричали.

Мистер Ыыы вытаращил глаза:

— Вы продолжаете существовать? Это бесподобно! Галлюцинации с персистенцией во времени и пространстве! — Он направил на них пистолет. — Ничего, я вас заставлю исчезнуть.

— Нет! — крикнули космонавты.

— Слуховая иллюзия даже после смерти больного, — деловито отметил мистер Ыыы, убивая одного за другим всех троих.

Они неподвижно лежали на песке, несколько не изменившись.

Он толкнул их ногой. Потом постучал по корпусу ракеты

— *Она* не пропала! *Они* не исчезли! — Он снова и снова стрелял в безжизненные тела. Потом отступил назад. Маска с застывшей улыбкой упала ему под ноги.

Выражение лица психиатра медленно изменялось. Нижняя челюсть отвисла. Пистолет выпал из ослабевшей руки. Взгляд его стал пустым, отсутствующим. Он вскинул руки вверх и повернулся кругом, точно слепой. Он щупал мертвые тела, то и дело сглатывая слюну.

— Галлюцинации, — лихорадочно бормотал он. — Вкус. Зрительные образы. Запах. Звук. Ощущение.

Он махал руками, выпучив глаза. На губах выступила пена.

— Сгиньте! — завопил мистер Ыы, обращаясь к убитым. — Сгинь! — крикнул он ракете.

Он посмотрел на свои дрожащие руки.

— Заразился, — прошептал он в отчаянии. — Перешло ко мне. Телепатия. Гипноз. Теперь и я безумен. Все виды мнимых восприятий. — На секунду он замер, потом стал непослушными пальцами искать пистолет. — Осталось только одно средство. Единственный способ заставить их сгинуть, исчезнуть.

Раздался выстрел. Мистер Ыы упал.

Под лучами солнца лежали четыре тела. Тут же рядом лежал мистер Ыыы.

Ракета стояла, покосившись, на залитом солнцем пригорке, никуда не исчезая.

Когда на закате горожане нашли ракету, они долго ломали себе голову, что это такое. Никто не отгадал. Ракету продали старьевщику, который увез ее и разобрал на утиль.

Всю ночь напролет шел дождь. На следующий день было ясно и тепло.

Март 2000

НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИК

Он хотел улететь с ракетой на Марс. Рано утром он пришел к космодрому и стал кричать через проволочное ограждение людям в мундирах, что хочет на Марс. Он исправно платит налоги, его фамилия Причард, и он имеет полное право лететь на Марс. Разве он родился не здесь, не в Огайо? Разве он плохой гражданин? Так в чем же дело, почему ему нельзя лететь на Марс? Потрясая кулаками, он крикнул им, что не хочет оставаться на Земле: любой здравомыслящий человек мечтает унести ноги с Земли. Не позже чем через два года на Земле разразится атомная мировая война, и он вовсе не намерен дожидаться, когда это произойдет. Он и тысячи других, у кого есть голова на плечах, хотят на Марс. Спросите их сами! Подальше от войн и цензуры, от бюрократии и воинской повинности, от правительства, которое не

дает шагу шагнуть без разрешения, подмяло под себя и науку и искусство! Можете оставаться на Земле, если хотите! Он готов отдать свою правую руку, сердце, голову, только бы улететь на Марс! Что надо сделать, где расписаться, с кем знакомство завести, чтобы попасть на ракету?

Они только смеялись в ответ из-за проволочного забора. И вовсе ему не хочется на Марс, говорили они. Разве он не знает, что Первая и Вторая экспедиции пропали, канули в небытие, что их участники, вернее всего, погибли?

Но это еще надо доказать, никто не знает этого точно, кричал он, вцепившись в проволоку. А может быть, там молочные реки и кисельные берега, может быть, капитан Йорк и капитан Уильямс просто не желают возвращаться. Ну так как — откроют ему ворота, пустят в ракету Третьей экспедиции, или ему придется вламываться силой?

Они посоветовали ему заткнуться.

Он увидел, как космонавты идут к ракете.

— Подождите меня! — закричал он. — Не оставляйте меня в этом ужасном мире, я хочу улететь отсюда, скоро начнется атомная война! Не оставляйте меня на Земле!

Они силой оттащили его от ограды. Они захлопнули дверцу полицейской машины и увезли его в этот утренний час, а он прильнул к заднему окошку и за мгновение перед тем, как в облаке сиренного воя машина перемахнула через бугор, увидел багровое пламя, и услышал могучий гул, и ощутил мощное сотрясение — это серебристая ракета взмыла ввысь, оставив его на ничем не примечательной планете Земля в это ничем не примечательное утро заурядного понедельника.

Апрель 2000

ТРЕТЬЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Корабль пришел из космоса. Позади остались звезды, умопомрачительные скорости, сверкающее движение и немые космические бездны. Корабль был новый; в нем жило пламя, в его металлических ячейках сидели люди; в строгом беззвучии летел он, дыша теплом, извергая огонь. Семнадцать человек было в его отсеках, включая командира. Толпа на космодроме в Огайо кричала, махала руками, подняв их к солнцу, и ракета расцвела гигантскими лепестками многокрасочного пламени и устремилась в космос — началась *Третья* экспедиция на Марс!

Теперь корабль с железной точностью тормозил в верхних слоях марсианской атмосферы. Он был по-прежнему

воплощением красоты и мощи. Сквозь черные пучины космоса он скользил, подобно призрачному морскому чудовищу; он промчался мимо старушки Луны и ринулся в пустоты, пронзая их одну за другой. Людей в его чреве бросало, швыряло, колотило, все они по очереди переболели. Один из них умер, зато теперь оставшиеся шестнадцать, прильнув к толстым стеклам иллюминаторов, расширенными глазами глядели, как внизу под ними стремительно вращается и вырастает Марс.

— Марс! — воскликнул штурман Люстиг.

— Старина Марс! — сказал Сэмюэль Хинкстон, археолог.

— Добро, — произнес капитан Джон Блэк.

Ракета села на зеленой полянке. Чуть поодаль на той же полянке стоял олень, отлитый из чугуна. Еще дальше дремал на солнце высокий коричневый дом в викторианском стиле, со множеством всевозможных завитушек, с голубыми, розовыми, желтыми, зелеными стеклами в окнах. На террасе росла косматая герань и висели на крючках, покачиваясь взад-вперед, взад-вперед от легкого ветерка, старые качели. Башенка с ромбическими хрустальными стеклами и конической крышей венчала дом. Через широкое окно в первом этаже можно было разглядеть пюпитр с нотами под заглавием: «Прекрасный Огайо».

Вокруг ракеты на все стороны раскинулся городок, зеленый и недвижимый в сиянии марсианской весны. Стояли дома, белые и из красного кирпича, стояли, клонясь от ветра, высокие клены, и могучие вязы, и каштаны. Стояли колокольни с безмолвными золотистыми колоколами.

Все это космонавты увидели в иллюминаторах. Потом они посмотрели друг на друга. И снова выглянули в иллюминаторы. И каждый ухватился за локоть соседа с таким видом, точно им вдруг стало трудно дышать. Лица их побледнели.

— Черт меня побери, — прошептал Люстиг, потирая лицо онемевшими пальцами. — Чтоб мне провалиться!

— Этого просто не может быть, — сказал Сэмюэль Хинкстон.

— Господи, — произнес командир Джон Блэк.

Химик доложил из своей рубки:

— Капитан, атмосфера разреженная. Но кислорода достаточно. Опасности никакой.

— Значит, выходим? — спросил Люстиг.

— Отставить, — сказал капитан Джон Блэк. — Надо еще разобраться, что это такое.

— Это? Маленький городок, капитан, воздух хоть и разреженный, но дышать можно.

— Маленький городок, похожий на земные города, — добавил археолог Хинкстон. — Невообразимо. Этого просто не может быть, и все же вот он, перед нами...

Капитан Джон Блэк рассеянно глянул на него:

— Как по-вашему, Хинкстон, может цивилизация на двух различных планетах развиваться одинаковыми темпами и в одном направлении?

— По-моему, это маловероятно, капитан.

Капитан Блэк стоял возле иллюминатора.

— Посмотрите вон на те герани. Совершенно новый вид. Он выведен на Земле всего лет пятьдесят тому назад. А теперь вспомните, сколько тысячелетий требуется для эволюции того или иного растения. И заодно скажите мне, логично ли это, чтобы у марсиан были: во-первых, именно такие оконные рамы, во-вторых, башенки, в-третьих, качели на террасе, в-четвертых, инструмент, который похож на пианино и скорее всего и есть не что иное, как пианино, в-пятых, — поглядите-ка внимательно в телескоп, вот так, — логично ли, чтобы марсианский композитор назвал свое произведение не как-нибудь иначе, а именно «Прекрасный Огайо»? Ведь это может означать только одно: на Марсе есть река Огайо!

— Капитан Уильямс, ну конечно же! — вскричал Хинкстон.

— Что?

— Капитан Уильямс и его тройка! Или Натаниел Йорк со своим напарником. Это все объясняет!

— Это не объясняет ничего. Насколько нам удалось установить, ракета Йорка взорвалась, едва они сели на Марсе, и оба космонавта погибли. Что до Уильямса и его тройки, то их корабль взорвался на второй день после прибытия. Во всяком случае именно в это время прекратили работу передатчики. Будь они живы, они попытались бы связаться с нами. Не говоря уже о том, что со времени экспедиции Йорка прошел всего один год, а экипаж капитана Уильямса прилетел сюда в августе. Допустим даже, что они живы, — возможно ли, хотя бы с помощью самых искусных марсиан, за такое короткое время выстроить целый город, и чтобы он выглядел таким старым? Вы посмотрите как следует, ведь этому городу самое малое семьдесят лет. Взгляните на перильные тумбы крыльца, взгляните на деревья — вековые клены! Нет, ни Йорк, ни Уильямс тут ни при чем. Тут что-то другое. Не по душе мне это. И, пока я не узнаю, в чем дело, не выйду из корабля.

— Да к тому же, — добавил Люстиг, — Уильямс и его люди, и Йорк тоже садились на той стороне Марса. Мы ведь сознательно выбрали эту сторону.

— Вот именно. На тот случай, если Йорка и Уильямса убило враждебное марсианское племя, нам было приказано сесть в другом полушарии. Чтобы катастрофа не повторилась. Так что мы находимся в краю, которого, насколько нам известно, ни Уильямс, ни Йорк и в глаза не видали.

— Черт возьми, — сказал Хинкстон, — я все-таки пойду в этот город с вашего разрешения, капитан. Ведь может оказаться, что на всех планетах нашей Солнечной системы мышление и цивилизация развивались сходными путями. Кто знает, возможно, мы стоим на пороге величайшего психологического и философского открытия нашей эпохи!

— Я предпочел бы обождать немного, — сказал капитан Джон Блэк.

— Командир, может быть, перед нами явление, которое впервые докажет существование Бога!

— Верующих достаточно и без таких доказательств, мистер Хинкстон...

— Да, и я отношусь к ним, капитан. Но совершенно ясно — такой город просто не мог появиться без вмешательства божественного провидения. Все эти мелочи, *детали*... Во мне сейчас такая борьба чувств, не знаю, смеяться мне или плакать.

— Тогда воздержитесь и от того, и от другого, пока мы не выясним, с чем столкнулись.

— С чем столкнулись? — вмешался Люстиг. — Да ни с чем. Обыкновенный славный, тихий, зеленый городок, и очень похож на тот стародавний уголок, в котором я родился. Мне он просто нравится.

— Когда вы родились, Люстиг?

— В тысяча девятьсот пятидесятом, сэр.

— А вы, Хинкстон?

— В тысяча девятьсот пятьдесят пятом, капитан. Гриннелл, штат Айова. Вот гляжу сейчас, и кажется, будто я на родину вернулся.

— Хинкстон, Люстиг, я мог бы быть вашим отцом, мне ровно восемьдесят. Родился я в тысяча девятьсот двадцатом, в Иллинойсе, но благодаря Божьей милости и науке, которая за последние пятьдесят лет научилась делать некоторых стариков молодыми, я прилетел с вами на Марс. Устал я не больше вас, а вот недоверчивости у меня во много раз больше. У этого городка такой мирный, такой приветливый вид — и он так похож на мой Грин-Блафф в Иллинойсе, что мне даже страшно. Он *слишком* похож на Грин-Блафф. — Командир повернулся к радисту. — Свяжитесь с Землей. Передайте, что мы сели. Больше ничего. Скажите, что полный доклад будет передан завтра.

— Есть, капитан.

Капитан Блэк выглянул в иллюминатор; глядя на его лицо, никто не дал бы ему восьмидесяти лет — от силы сорок.

— Теперь слушайте, Люстиг. Вы, я и Хинкстон пойдем и осмотрим город. Остальным ждать в ракете. Если что случится, они успеют унести ноги. Лучше потерять троих, чем погубить весь корабль. В случае несчастья наш экипаж сумеет оповестить следующую ракету. Ее поведет капитан Уайлдер в конце декабря, если не ошибаюсь. Если на Марсе есть какие-то враждебные силы, новая экспедиция должна быть хорошо вооружена.

— Но ведь и мы вооружены. Целый арсенал с собой.

— Ладно, передайте людям — привести оружие в готовность. Пошли, Люстиг, пошли, Хинкстон.

И три космонавта спустились через отсеки корабля вниз.

Был чудесный весенний день. На цветущей яблоне щебетала неутомимая малиновка. Облака белых лепестков сыпались вниз, когда ветер касался зеленых ветвей, далеко вокруг разносилось нежное благоухание. Где-то в городке кто-то играл на пианино, и музыка плыла в воздухе — громче, тише, громче, тише, нежная, баюкающая. Играли «Прекрасного мечтателя». А в другой стороне граммофон сипло, невнятно гнусавил «Странствие в сумерках» в исполнении Гарри Лодера.

Трое космонавтов стояли подле ракеты. Они жадно хватали ртом сильно разреженный воздух, потом медленно пошли, сберегая силы.

Теперь звучала другая пластинка.

Мне бы июньскую ночь,
Лунную ночь — и тебя...

У Люстига задрожали колени, у Сэмюэля Хинкстона тоже.

Небо было прозрачное и спокойное, где-то на дне оврага, под прохладным навесом листвы, журчал ручей. Цокали конские копыта, громыхала, подпрыгивая, телега.

— Капитан, — сказал Сэмюэль Хинкстон, — как хотите, но похоже — нет, *иначе* просто быть *не может*, — полеты на Марс начались еще до первой мировой войны!

— Нет.

— Но как еще объясните вы эти дома, этого чугунного оленя, пианино, музыку? — Хинкстон настойчиво стиснул локоть капитана, посмотрел ему в лицо. — Представьте себе, что были, ну, скажем, в тысяча девятьсот пятом году люди, которые ненавидели войну, и они тайно сговорились с учеными, построили ракету и перебрались сюда, на Марс...

— Невозможно, Хинкстон

— Почему? В тысяча девятьсот пятом году мир был совсем иной, тогда было гораздо легче сохранить это в секрете.

— Только не такую сложную штуку, как ракета! Нет, нет...

— Они прилетели сюда насовсем и, естественно, построили такие же дома, как на Земле, ведь они привезли с собой земную культуру.

— И все эти годы жили здесь? — спросил командир

— Вот именно, тихо и мирно жили. Возможно, они еще не раз слетали на Землю, привезли сюда людей, сколько нужно, скажем, чтобы заселить вот такой городок, а потом прекратили полеты, чтобы их не обнаружили. Поэтому и город такой старомодный. Лично мне пока не попался на глаза ни один предмет, сделанный позже тысяча девятьсот двадцать седьмого года. А вам, капитан? Впрочем, может, космические путешествия вообще начались гораздо раньше, чем мы полагаем? Еще сотни лет назад, в каком-нибудь отдаленном уголке Земли? Что, если люди давно уже прилетели на Марс, и никто об этом не знал? А сами они изредка наведывались на Землю.

— У вас это звучит почти правдоподобно.

— Не почти, а вполне! Доказательство перед нами. Остается только найти здесь людей, и наше предположение подтвердится.

Густая зеленая трава поглощала звуки их шагов. Пахло свежескошенным сеном. Капитан Джон Блэк ощутил, как вопреки его воле им овладевает чувство блаженного покоя. Лет тридцать прошло с тех пор, как он последний раз побывал вот в таком маленьком городке; жужжание весенних пчел умиротворяло и убаюкивало его, а свежесть возрожденной природы исцеляла душу

Они ступили на террасу, направляясь к затянутой сеткой двери, и глухое эхо отзывалось из-под половиц на каждый шаг. Сквозь сетку они видели перегородившую коридор бисерную портьеру, хрустальную люстру и картину кисти Максфилда Парриша на стене над глубоким креслом. В доме бесконечно уютно пахло стариной, чердаком, еще чем-то. Слышно было, как тихо звякал лед в кувшине с лимонадом. На кухне в другом конце дома по случаю жаркого дня кто-то готовил холодный ленч. Высокий женский голос тихо и нежно напевал что-то

Капитан Джон Блэк потянул за ручку звонка

Вдоль коридора прошелестели легкие шаги, и за сеткой появилась женщина лет сорока, с приветливым лицом, одетая

так, как, наверно, одевались в году этак тысяча девятьсот девятым.

— Чем могу быть полезна? — спросила она.

— Прошу прощения, — нерешительно начал капитан Блэк, — но мы ищем... то есть, может, вы...

Он запнулся. Она глядела на него темными недоумевающими глазами.

— Если вы что-нибудь продаете... — заговорила женщина.

— Нет-нет, постойте! — вскричал он. — Какой это город?

Она смерила его взглядом:

— Что вы хотите этим сказать: какой город? Как это можно быть в городе и не знать его названия?

У капитана было такое лицо, словно ему больше всего хотелось пойти и сесть под тенистой яблоней.

— Мы не здешние. Нам надо знать, как здесь очутился этот город и как вы сюда попали.

— Вы из бюро переписи населения?

— Нет.

— Каждому известно, — продолжала она, — что город построен в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году. Постойте, может быть, вы меня разыгрываете?

— Что вы, ничего подобного! — поспешно воскликнул капитан. — Мы с Земли.

— Вы хотите сказать, *из-под* земли? — удивилась она.

— Да нет же, мы вылетели с третьей планеты, Земли, на космическом корабле. И прилетели сюда, на четвертую планету, на Марс...

— Вы находитесь, — объяснила женщина тоном, каким говорят с ребенком, — в Грин-Блафф, штат Иллинойс, на материке, который называется Америка и омывается двумя океанами, Атлантическим и Тихим, в мире, именуемом также Землей. Теперь ступайте. До свидания.

И она засеменила по коридору, на ходу раздвигая бисерную портьеру.

Три товарища переглянулись.

— Высадим дверь, — предложил Люстиг.

— Нельзя. Частная собственность. О Господи!

Они спустились с крыльца и сели на нижней ступеньке.

— Вам не приходило в голову, Хинкстон, что мы каким-то образом сбились с пути и просто-напросто прилетели обратно, вернулись на Землю?

— Это как же так?

— Не знаю, не знаю. Господи, дайте собраться с мыслями.

— Ведь мы контролировали каждую милю пути, — продолжал Хинкстон. — Наши хронометры точно отсчитывали,

сколько пройдено. Мы миновали Луну, вышли в Большой космос и прилетели сюда. У меня нет *ни малейшего сомнения*, что мы на Марсе.

Вмешался Люстиг:

— А может быть, что-то случилось с пространством, с временем? Представьте себе, что мы заблудились в четырех измерениях и вернулись на Землю лет тридцать или сорок тому назад?

— Да бросьте вы, Люстиг!

Люстиг подошел к двери, дернул звонок и крикнул в сумрачную прохладу комнат:

— Какой сейчас год?

— Тысяча девятьсот двадцать шестой, какой же еще, — ответила женщина, сидя в качалке и потягивая свой лимонад.

— Ну, слышали? — Люстиг круто обернулся. — Тысяча девятьсот двадцать шестой! Мы улетели *в прошлое*! Это Земля!

Люстиг сел. Они уже не сопротивлялись ужасной, ошеломляющей мысли, которая пронизала их. Лежащие на коленях руки судорожно дергались.

— Разве я за этим летел? — заговорил капитан. — Мне страшно, понимаете, страшно! Неужели такое возможно в действительности? Эйнштейна сюда бы сейчас...

— Кто в этом городе поверит нам? — отозвался Хинкстон. — Ох, в опасную игру мы ввязались!.. Это же *время*, четвертое измерение. Не лучше ли нам вернуться на ракету и лететь домой, а?

— Нет. Сначала заглянем хотя бы еще в один дом.

Они миновали три дома и остановились перед маленьким белым коттеджем, который приютился под могучим дубом.

— Я привык во всем добираться до смысла, — сказал командир. — А пока что, сдается мне, мы еще не раскусили орешек. Допустим, Хинкстон, верно ваше предположение, что космические путешествия начались давным-давно. И через много лет прилетевшие сюда земляне стали тосковать по Земле. Сперва эта тоска не выходила за рамки легкого невроза, потом развился настоящий психоз, который грозил перейти в безумие. Что вы как психиатр предложили бы в таком случае?

Хинкстон подумал.

— Что ж, наверно, я бы стал понемногу перестраивать марсианскую цивилизацию так, чтобы она с каждым днем все больше напоминала земную. Если бы существовал способ воссоздать земные растения, дороги, озера, даже океан, я бы это сделал. Затем средствами массового гипноза я внушил бы всему населению вот такого городка, будто здесь и в самом деле Земля, а никакой не Марс.

— Отлично, Хинкстон. Мне кажется, мы напали на верный след. Женщина, которую мы видели в том доме, просто думает, что живет на Земле, вот и все. Это сохраняет ей рассудок. Она и все прочие жители этого города — объекты величайшего миграционного и гипнотического эксперимента, какой вам когда-либо придется наблюдать.

— В самую точку, капитан! — воскликнул Люстиг.

— Без промаха! — добавил Хинкстон.

— Добро. — Капитан вздохнул. — Дело как будто прояснилось, и на душе легче. Хотя какая-то логика появилась. А то от всей этой болтовни о путешествиях взад и вперед во времени меня только мутит. Если же мое предположение *правильно*... — Он улыбнулся. — Что же, тогда нас, похоже, ожидает немалая популярность среди местных жителей!

— Вы уверены? — сказал Люстиг. — Как-никак, эти люди своего рода пилигримы, они намеренно покинули Землю. Может, они вовсе не будут нам рады. Может, даже попытаются изгнать нас, а то и убить.

— Наше оружие лучше. Ну пошли, зайдем в следующий дом.

Но не успели они пересечь газон, как Люстиг вдруг замер на месте, устремив взгляд в дальний конец тихой дремлющей улицы.

— Капитан, — произнес он.

— В чем дело, Люстиг?

— *Капитан*... Нет, вы только... Что я *вижу*!

По щекам Люстига катились слезы. Растопыренные пальцы поднятых рук дрожали, лицо выражало удивление, радость, сомнение. Казалось, еще немного, и он потеряет разум от счастья. Продолжая глядеть в ту же точку, он вдруг сорвался с места и побежал, споткнулся, упал, поднялся на ноги и опять побежал, крича:

— Эй, послушайте!

— Остановите его! — Капитан пустился вдогонку.

Люстиг бежал изо всех сил, крича на бегу. Достигнув середины тенистой улицы, он свернул во двор и одним прыжком очутился на террасе большого зеленого дома, крышу которого венчал железный петух. Когда Хинкстон и капитан догнали Люстига, он барабанил в дверь, продолжая громко кричать. Все трое дышали тяжело, со свистом, обессиленные бешеной гонкой в разреженной марсианской атмосфере.

— Бабушка, дедушка! — звал Люстиг.

Двое стариков появились на пороге.

— Дэвид! — ахнули старческие голоса. И они бросились к нему и засуетились вокруг него, обнимая, хлопая по спине. —

Дэвид, о, Дэвид, сколько лет прошло!.. Как же ты вырос, мальчуган, какой большой стал! Дэвид, мальчик, как ты поживаешь?

— Бабушка, дедушка! — всхлипывал Дэвид Люстиг. — Вы чудесно, чудесно выглядите!

Он разглядывал своих стариков, отодвинув от себя, вертел их кругом, целовал, обнимал, плакал и снова разглядывал, смахивая слезы с глаз. Солнце сияло в небе, дул ветерок, зеленела трава, дверь была открыта настежь.

— Входи же, входи, мальчуган. Тебя ждет чай со льда, свежий, пей вволю!

— Я с друзьями. — Люстиг обернулся и, смеясь, нетерпеливым жестом подозвал капитана и Хинкстона: — Капитан, идите же.

— Здравствуйте, — приветствовали их старики. — Пожалуйста, входите. Друзья Дэвида — наши друзья. Не стесняйтесь!

В гостиной старого дома было прохладно; в одном углу размеренно тикали, поблескивая бронзой, высокие дедовские часы. Мягкие подушки на широких кушетках, книги вдоль стен, толстый ковер с пышным цветочным узором, а в руках — запотевшие стаканы ледяного чая, от которого такой приятный холодок на пересохшем языке.

— Пейте на здоровье. — Бабушкин стакан звякнул о ее фарфоровые зубы.

— И давно вы здесь живете, бабушка? — спросил Люстиг.

— С тех пор как умерли, — с ехидцей ответила она.

— С тех пор как... что? — Капитан Блэк поставил свой стакан.

— Ну да, — кивнул Люстиг. — Они уже тридцать лет как умерли.

— А вы сидите как ни в чем не бывало! — воскликнул капитан.

— Полно, сударь! — Старушка лукаво подмигнула. — Кто вы такой, чтобы судить о таких делах? Мы здесь, и все тут. Что такое жизнь, коли на то пошло? Кому нужны эти «почему» и «зачем»? Мы снова живы, вот и все, что нам известно, и никаких вопросов мы не задаем. Если хотите, это вторая попытка. — Она, ковыляя, подошла к капитану и протянула ему свою тонкую, сухую руку. — Потрогайте.

Капитан потрогал.

— Ну как, настоящая?

Он кивнул.

— Так чего же вам еще надо? — торжествующе произнесла она. — К чему вопросы?

— Понимаете, — ответил капитан, — мы просто не представляли себе, что обнаружим на Марсе такое.

— А теперь обнаружили. Смеем думать, на каждой планете найдется немало такого, что покажет вам, сколь неисповедимы пути Господни.

— Так что же, здесь — царство небесное? — спросил Хинкстон.

— Вздор, ничего подобного. Здесь такой же мир, и нам предоставлена вторая попытка. Почему? Об этом нам никто не сказал. Но ведь и на Земле никто не объяснял нам, почему мы там очутились. На той Земле. С которой прилетели вы. И откуда нам знать, что *до* нее не было *еще одной*?

— Хороший вопрос, — сказал капитан.

С лица Люстига не сходила радостная улыбка.

— Черт возьми, до чего же приятно вас видеть, я так рад!

Капитан поднялся со стула и небрежно хлопнул себя ладонью по бедру.

— Ну, нам пора идти. Спасибо за угощение.

— Но вы ведь еще придете? — всполошились старики. — Мы ждем вас к ужину!

— Большое спасибо, постараемся прийти. У нас столько дел. Мои люди ждут меня в ракете и...

Он смолк, ошеломленно глядя на открытую дверь.

Откуда-то издали, из пронизанного солнцем простора, доносились голоса, крики, дружные приветственные возгласы.

— Что это? — спросил Хинкстон.

— Сейчас узнаем. — И капитан Джон Блэк мигом выскочил за дверь и побежал через зеленый газон на улицу марсианского городка.

Он застыл, глядя на ракету. Все люки были открыты, и экипаж торопливо спускался на землю, приветственно махая руками. Кругом собралась огромная толпа, и космонавты влились в нее, смешались с ней, проталкивались через нее, разговаривая, смеясь, пожимая руки. Толпа приплясывала от радости, возбужденно теснилась вокруг землян. Ракета стояла покинутая, пустая.

В солнечных лучах взорвался блеском духовой оркестр, из высоко поднятых басов и труб брызнули ликующие звуки. Бухали барабаны, пронзительно свистели флейты. Золотоволосые девочки прыгали от восторга. Мальчуганы кричали: «Ура!» Толстые мужчины угощали знакомых и незнакомых десятицентовыми сигарами. Мэр города произнес речь. А затем всех членов экипажа одного за другим подхватили под руки — мать с одной стороны, отец или сестра с другой — и

увлекли вдоль по улице в маленькие коттеджи и в большие особняки.

— Стой! — закричал капитан Блэк.

Одна за другой наглухо захлопнулись двери.

Зной струился вверх к прозрачному весеннему небу, тишина нависла над городком. Трубы и барабаны исчезли за углом. Покинутая ракета одиноко сверкала и переливалась солнечными бликами.

— Дезертиры! — воскликнул командир. — Они самовольно оставили корабль! Клянусь, им это так не пройдет! У них был приказ!..

— Капитан, — сказал Люстиг, — не будьте излишне строги. Когда вас встречают родные и близкие...

— Это не оправдание!

— Но вы представьте себе их чувства, когда они увидели возле корабля знакомые лица!

— У них был приказ, черт возьми!

— А как бы вы поступили, капитан?

— Я бы выполнял приказ... — Он так и замер с открытым ртом.

По тротуару в лучах марсианского солнца шел, приближаясь к ним, высокий, улыбающийся молодой человек лет двадцати шести с удивительно яркими голубыми глазами.

— Джон! — крикнул он и бросился к ним.

— Что? — Капитан Блэк попятился.

— Джон, старый плут!

Подбежав, мужчина стиснул руку капитана и хлопнул его по спине.

— Ты?.. — пролепетал Блэк.

— Конечно, я, *кто* же еще!

— Эдвард! — Капитан повернулся к Люстигу и Хинкстону, не выпуская руки незнакомца. — Это мой брат, Эдвард. Эд, познакомься с моими товарищами: Люстиг, Хинкстон! Мой брат!

Они тянули, теребили друг друга за руки, потом обнялись.

— Эд!

— Джон, бездельник!

— Ты великолепно выглядишь, Эд! Но постой, *как* же так? Ты ничуть не изменился за все эти годы. Ведь тебе... тебе же было двадцать шесть, когда ты умер, а мне девятнадцать. Бог ты мой, столько лет, столько лет — и вдруг ты здесь. Да что ж это такое?

— Мама ждет, — сказал Эдвард Блэк, улыбаясь.

— Мама?

— И отец тоже.

— Отец? — Капитан пошатнулся, точно от сильного удара, и сделал шаг-другой негнушными, непослушными ногами. — Мать и отец живы? Где они?

— В нашем старом доме, на Дубовой улице.

— В старом доме... — Глаза капитана светились восторгом и изумлением. — Вы слышали, Люстиг, Хинкстон?

Но Хинкстона уже не было рядом с ними. Он заметил в дальнем конце улицы свой собственный дом и поспешил туда. Люстиг рассмеялся.

— Теперь вы поняли, капитан, что было с нашими людьми? Их никак нельзя винить.

— Да... Да... — Капитан зажмурился. — Сейчас я открою глаза, и тебя не будет. — Он моргнул. — Ты здесь! Господи. Эд, ты *великолепно* выглядишь!

— Идем, ленч ждет. Я предупредил маму.

— Капитан, — сказал Люстиг, — если я понадоблюсь, я — у своих стариков.

— Что? А, ну конечно, Люстиг. Пока.

Эдвард потянул брата за руку, увлекая его за собой.

— Вот и наш дом. Вспоминаешь?

— Еще бы! Спорим, я первый добегу до крыльца!

Они побежали взапуски. Шумели деревья над головой капитана Блэка, гудела земля под его ногами. В этом поразительном сне наяву он видел, как его обгоняет Эдвард Блэк, видел, как стремительно приближается его родной дом и широко распахивается дверь.

— Я — первый! — крикнул Эдвард.

— Еще бы, — еле выдохнул капитан, — я старик, а ты вон какой молодец. Да ты ведь меня всегда обгонял! Думаешь, я забыл?

В дверях была мама — полная, розовая, сияющая. За ней, с заметной проседью в волосах, стоял папа, держа в руке свою трубку.

— Мама, отец!

Он ринулся к ним вверх по ступенькам, точно ребенок.

День был чудесный и долгий. После ленча они перешли в гостиную, и он рассказал им все про свою ракету, а они кивали и улыбались ему, и мама была совсем такая, как прежде, и отец откусывал кончик сигары и задумчиво прикуривал ее — совсем как в былые времена. Вечером был обед, умопомрачительная индейка, и время летело незаметно. И когда хрупкие косточки были начисто обсосаны и грудой лежали на тарелках, капитан откинулся на спинку стула и шумно выдохнул воздух в знак своего глубочайшего удовлетворения. Вечер

упокоил листву деревьев и окрасил небо, и лампы в милом старом доме засветились ореолами розового света. Из других домов вдоль всей улицы доносилась музыка, звуки пианино, хлопанье дверей.

Мама поставила пластинку на виктролу и закружилась в танце с капитаном Джоном Блэком. От нее пахло теми же духами, он их запомнил еще с того лета, когда она и папа погибли при крушении поезда. Но сейчас они легко скользили в танце, и его руки обнимали реальную, живую маму...

— Не каждый день человеку предоставляется вторая попытка, — сказала мама.

— Завтра утром проснусь, — сказал капитан, — и окажется, что я в своей ракете, в космосе, и ничего этого нет.

— К чему такие мысли! — воскликнула она ласково. — Не допытывайся. Бог милостив к нам. Будем же счастливы.

— Прости, мама.

Пластинка кончилась и вертелась, шипя.

— Ты устал, сынок. — Отец указал мундштуком трубки: — Твоя спальня ждет тебя, и старая кровать с латунными шарами — все как было.

— Но мне надо собрать моих людей.

— Зачем?

— Зачем? Гм... не знаю. Пожалуй, и впрямь незачем. Конечно, незачем. Они ужинают либо уже спят. Пусть выспятся, отдых им не повредит.

— Доброй ночи, сынок. — Мама поцеловала его в щеку. — Как славно, что ты дома опять.

— Да, дома хорошо...

Покинув мир сигарного дыма, духов, книг, мягкого света, он поднялся по лестнице и все говорил, говорил с Эдвардом. Эдвард толкнул дверь, и Джон Блэк увидел свою желтую латунную кровать, знакомые вымпелы колледжа и сильно потертую енотовую шубу, которую погладил с затаенной нежностью.

— Слишком много сразу, — промолвил капитан. — Я обесилел от усталости. Столько событий в один день! Как будто меня двое суток держали под ливнем без зонта и без плаща. Я насквозь, до костей пропитан впечатлениями...

Широкими взмахами рук Эдвард расстелил большие белоснежные простыни и взбил подушки. Потом растворил окно, впуская в комнату ночное благоухание жасмина. Светила луна, издали доносились звуки танцевальной музыки и тихих голов.

— Так вот он какой, Марс, — сказал капитан, раздеваясь.

— Да, вот такой. — Эдвард раздевался медленно, не торопясь стянул через голову рубашу, обнажая золотистый загар плеч и крепкой, мускулистой шеи.

Свет погас, и вот они рядом в кровати, как бывало — сколько десятилетий тому назад? Капитан приподнялся на локте, вдыхая напоенный ароматом жасмина воздух, потоки которого раздували в темноте легкие тюлевые занавески. На газоне среди деревьев кто-то завел патефон — он тихо наигрывал «Всегда».

Блэку вспомнилась Мерилин.

— Мерилин тоже здесь?

Брат лежал на спине в квадрате лунного света из окна. Он ответил не сразу.

— Да. — Помешкал и добавил: — Ее сейчас нет в городе, она будет завтра утром.

Капитан закрыл глаза:

— Мне бы очень хотелось увидеть Мерилин.

В тишине просторной комнаты слышалось только их дыхание.

— Спокойной ночи, Эд.

Пауза.

— Спокойной ночи, Джон.

Капитан блаженно вытянулся на постели, дав волю мыслям. Только теперь схлынуло с него напряжение этого дня, и он наконец-то мог рассуждать логично. Все — все были сплошные эмоции. Громогласный оркестр, знакомые лица родни. Зато теперь...

«Каким образом? — дивился он. — Как все это было сделано? И зачем? Для чего? Что это — неизреченная благодать божественного провидения? Неужто Бог и впрямь так печется о своих детях? Как, почему, для чего?»

Он взвесил теории, которые предложили Хинкстон и Люстиг еще днем, под влиянием первых впечатлений. Потом стал перебирать всякие новые предположения, лениво, как камешки в воду, роняя их в глубину своего разума, поворачивая их и так и сяк, и тусклыми проблесками вспыхивало в нем озарение. Мама. Отец. Эдвард. Марс. Земля. Марс. Марсиане.

А тысячу лет назад кто жил на Марсе? Марсиане? Или всегда было, как сегодня?

Марсиане. Он медленно повторял про себя это слово.

И вдруг чуть не рассмеялся почти вслух. Внезапно пришла в голову совершенно нелепая теория. По спине пробежал холодок. Да нет, вздор, конечно. Слишком невероятно Ерунда Выкинуть из головы. Смешно

И все-таки... Если *предположить*. Да, только предположить, что на Марсе живут именно марсиане, что они увидели, как приближается наш корабль, и увидели нас внутри этого корабля. И что они нас возненавидели. И еще допустим — просто так, курьеза ради, — что они решили нас уничтожить как захватчиков, незваных гостей, и притом сделать это хитроумно, ловко, усыпив нашу бдительность. Так вот, какие же средства может марсианин пустить в ход против землян, оснащенных атомным оружием?

Ответ получался любопытный. Телепатию, гипноз, воспоминания, воображение.

Предположим, что эти дома вовсе не настоящие, кровать не настоящая, что все это продукты моего собственного воображения, материализованные с помощью марсианской телепатии и гипноза, размышлял капитан Джон Блэк. На самом деле дома совсем *иные*, построенные на марсианский лад, но марсиане, подлаживаясь под мои мечты и желания, ухитрились сделать так, что я как бы вижу свой родной город, свой дом. Если хочешь усыпить подозрения человека и заманить его в ловушку, можно ли придумать лучшую приманку, чем его родные отец и мать?

Этот городок, такой старый, все, как в тысяча девятьсот двадцать шестом году, когда никого из моего экипажа еще не было на свете! Когда мне было шесть лет, когда *действительно* были в моде пластинки с песенками Гарри Лодера и *еще висели* в домах картины Максфилда Парриша, когда были бисерные порттеры, и песенка «Прекрасный Огайо», и архитектура начала двадцатого века. А что, если марсиане извлекли все представления о городе только из *моего сознания*? Ведь говорят же, что воспоминания детства самые яркие. И, создав город по моим воспоминаниям, они населили его родными и близкими, живущими в памяти всех членов экипажа ракеты!

И допустим, что двое спящих в соседней комнате вовсе не мои отец и мать, а марсиане с необычайно высокоразвитым интеллектом, которым ничего не стоит все время держать меня под гипнозом?..

А этот духовой оркестр? Какой потрясающий, изумительный план! Сперва заморочить голову Люстигу, за ним Хинкстону, потом согнать толпу; а когда космонавты увидели матерей, отцов, теток, невест, умерших десять, двадцать лет назад, — разве удивительно, что они забыли обо всем на свете, забыли про приказ, выскочили из корабля и бросили его? Что может быть естественнее? Какие тут могут быть подозрения? Проще некуда: кто станет допытываться, задавать вопросы, увидев перед собой воскресшую мать, — да тут от счастья

вообще онемеешь. И вот вам результат: все мы разошлись по разным домам, лежим в кроватях, и нет у нас оружия, защищаться нечем, и ракета стоит в лунном свете, покинутая. Как ужасающе страшно будет, если окажется, что все это попросту часть дьявольски хитроумного плана, который марсиане задумали, чтобы разделить нас и одолеть, перебить всех до одного. Может быть, среди ночи мой брат, что лежит тут, рядом со мной, вдруг преобразится, изменит свой облик, свое существо и станет чем-то другим, жутким, враждебным, — станет марсианином? Ему ничего не стоит повернуться в постели и вонзить мне нож в сердце. И во всех остальных домах еще полтора десятка братьев или отцов вдруг преобразятся, схватят ножи и проделают то же с ничего не подозревающими спящими землянами...

Руки Джона Блэка затряслись под одеялом. Он похолодел. Внезапно это перестало быть теорией. Внезапно им овладел неодолимый страх.

Он сел и прислушался. Ночь была беззвучна. Музыка смолкла. Ветер стих. Брат лежал рядом с ним, погруженный в сон.

Он осторожно откинул одеяло, соскользнул на пол и уже тихонько шел к двери, когда раздался голос брата:

— Ты куда?

— Что?

Голос брата стал ледяным.

— Я спрашиваю, далеко ли ты собрался?

— За водой.

— Ты не хочешь пить.

— Хочу, правда же хочу.

— Нет, не хочешь.

Капитан Джон Блэк рванулся и побежал. Он вскрикнул. Он вскрикнул дважды.

Он не добежал до двери.

Наутро духовой оркестр играл заунывный траурный марш. По всей улице из каждого дома выходили, неся длинные ящики, маленькие скорбные процессии; по залитой солнцем мостовой выступали, утирая слезы, бабки, матери, сестры, братья, дядья, отцы. Они направлялись на кладбище, где уже ждали свежерытые могилы и новенькие надгробные плиты. Шестнадцать могил, шестнадцать надгробных плит.

Мэр произнес краткую заупокойную речь, и лицо его менялось, не понять — то ли мэр, то ли кто-то другой.

Мать и отец Джона Блэка пришли на кладбище, и брат Эдвард пришел. Они плакали, убивались, а лица их постепенно преобразались, теряя знакомые черты.

Дедушка и бабушка Люстига тоже были тут и рыдали, и лица их таяли, точно воск, расплывались, как все расплывается в жаркий день.

Гробы опустили в могилы. Кто-то пробормотал насчет «внезапной и безвременной кончины шестнадцати отличных людей, которых смерть унесла в одну ночь...»

Комья земли застучали по гробовым крышкам.

Духовой оркестр, играя «Колумбия, жемчужина океана», прошагал в такт громяхющей меди в город, и в этот день все отдыхали.

Июнь 2001

И ПО-ПРЕЖНЕМУ ЛУЧАМИ СЕРЕБРИТ ПРОСТОР ЛУНА...

Когда они вышли из ракеты в ночной мрак, было так холодно, что Спендер сразу принялся собирать марсианский хворост для костра. Насчет того, чтобы отпраздновать прилет на Марс, он и слова не сказал — просто набрал хворосту, подпалил его и стал смотреть, как он горит.

Потом в зареве, окрасившем разреженный воздух над высохшим марсианским морем, оглянулся через плечо на ракету, которая пронесла их всех — капитана Уайлдера, Чероки, Хэтэуэя, Сэма Паркхилла, его самого — через немые черные звездные просторы и доставила в безжизненный, грезящий мир.

Джефф Спендер ждал, когда начнется содом. Он глядел на своих товарищей и ждал: сейчас запрыгают, закричат... Вот только пройдет оцепенение от потрясающей мысли, что они «первые» люди на Марсе. Никто об этом вслух не говорил, но в глубине души многие, видимо, надеялись, что их предшественники не долетели и пальма первенства будет принадлежать *этой*, Четвертой экспедиции. Нет, они никому не желали зла, просто им очень хотелось быть первыми и они мечтали о славе и почете, пока их легкие привыкали к разреженной атмосфере Марса, из-за которой голова становилась словно хмельная, если двигаться слишком быстро.

Гиббс подошел к разгорающемуся костру и спросил:

— Зачем хворост, ведь в ракете есть химическое горючее?

— Неважно, — ответил Спендер, не поднимая головы.

Немыслимо, просто непристойно в первую же ночь на Марсе устраивать шум и гам и тащить из ракеты неуместную здесь штуковину — печку, сверкающую идиотским блеском. Это же будет надругательство какое-то. Еще успеется, еще

будет время швырять банки из-под сгущенного молока в гордые марсианские каналы, еще поползут, лениво закувыркаются по седому пустынному дну марсианских морей шуршащие листы «Нью-Йорк таймс», придет время банановой кожуре и замасленной бумаге валяться среди изящно очерченных развалин древних марсианских городов. Все впереди, все будет. Его даже переделернуло от этой мысли.

Спендер подкармливал пламя из рук с таким чувством, словно приносил жертву мертвому исполину. Планета, на которую они сели, — гигантская гробница. Здесь погибла целая цивилизация. Элементарная вежливость требует хотя бы в первую ночь вести себя здесь пристойно.

— Нет, так не пойдет! Посадку надо отпраздновать! — Гиббс повернулся к капитану Уайлдеру: — Начальник, а неплохо бы вскрыть несколько банок с джином и мясом и малость кутнуть.

Капитан Уайлдер смотрел на мертвый город, который раскинулся в миле от них.

— Мы все устали, — произнес он рассеянно, точно целиком ушел в созерцание города и забыл про своих людей. — Лучше завтра вечером. Сегодня хватит с нас того, что мы добрались сюда через эту чертову пустоту, и все живы, и в оболочке нет дыры от метеорита.

Космонавты топтались вокруг костра. Их было двадцать, кто положил руку на плечо товарища, кто поправлял пояс. Спендер пристально разглядывал их. Они были недовольны. Они рисковали жизнью ради великого дела. Теперь им хотелось напиться до чертиков, горланить песни, поднять такую пальбу, чтобы сразу было видно, какие они лихие парни — пробуравили космос и пригнали ракету на Марс. На Марс!

Но пока все помалкивали.

Капитан негромко отдал приказ. Один из космонавтов сбегал в ракету и принес консервы, которые открыли и раздали без особого шума. Мало-помалу люди разговорились. Капитан сел и сделал краткий обзор полета. Они все знали сами, но было приятно слушать и сознавать, что все это уже позади, дело благополучно завершено. Про обратный путь говорить не хотелось. Кто-то было заикнулся об этом, но его заставили замолчать. В двойном лунном свете быстро мелькали ложки; еда казалась очень вкусной, вино — еще вкуснее.

В небе чиркнуло пламя, и мгновение спустя за их стоянкой села вспомогательная ракета. Спендер смотрел, как открылся маленький люк и оттуда вышел Хетэуэй, врач и геолог, — у каждого участника экспедиции было две специальности, для

экономии места в ракете. Хетзуэй, не торопясь, подошел к капитану.

— Ну, что там? — спросил капитан Уайлдер.

Хетзуэй глядел на далекие города, мерцающие в звездном свете. Потом проглотил ком в горле и перевел взгляд на Уайлдера:

— Вон тот город мертв, капитан, мертв уж много тысяч лет. Как и три города в горах. Но пятый город, в двухстах милях отсюда...

— Ну?

— Еще на прошлой неделе там жили.

Спендер встал.

— Марсиане, — добавил Хетзуэй.

— А где они теперь?

— Умерли, — сказал Хетзуэй. — Я зашел в один дом. Думал, что он, как и другие дома в остальных городах, заброшен много веков назад. Силы небесные, сколько там трупов! Словно груды осенних листьев! Будто сухие стебли и клочки горелой бумаги — все, что от них осталось. Причем умерли совсем недавно, самое большее дней десять назад.

— А в других городах? Хоть *что-нибудь* живое вы видели?

— Ничего. Я потом еще не один проверил. Из пяти городов четыре заброшены много тысяч лет. Совершенно не представляю себе, куда подевались их обитатели. Зато в каждом пятом городе — одно и то же. Тела. Тысячи тел.

— От чего они умерли? — Спендер подошел ближе.

— Вы не поверите.

— Что их убило?

— Ветрянка, — коротко ответил Хетзуэй.

— Не может быть!

— Точно. Я сделал анализы. Ветряная оспа. Ее действие на марсиан совсем не такое, как на землян. Видимо, все дело в обмене веществ. Они почернели, как головешки, и высохли, превратились в ломкие хлопья. Но это ветрянка, никакого сомнения. Выходит, что и Йорк, и капитан Уильямс, и капитан Блэк — все три экспедиции добрались до Марса. Что с ними стало потом, одному Богу известно. Но мы совершенно точно знаем, что они, сами того не ведая, *сделали* с марсианами.

— И нигде никаких признаков жизни?

— Возможно, конечно, что несколько марсиан вовремя сообразили и ушли в горы. Но, даже если так, бьюсь об заклад, что проблемы туземцев здесь нет, их слишком мало. Песенка марсиан спета.

Спендер повернулся и снова сел у костра, уставившись в огонь. Ветрянка, Господи, подумать только, ветрянка! Насе-

ление планеты миллионы лет развивается, совершенствует свою культуру, строит вот такие города, всячески старается утвердить свои идеалы и представления о красоте и — погибает. Часть умерла еще до нашей эры — пришел их срок, и они скончались тихо, с достоинством встретили смерть. Но остальные! Может быть, остальные марсиане погибли от болезни с изысканным, или грозным, или возвышенным названием? Ничего подобного, черт возьми, их доконала ветрянка, детская болезнь, болезнь, которая на Земле не убивает *даже детей!* Это неправильно, несправедливо. Это все равно что сказать про древних греков, что они погибли от свинки, а гордых римлян на их прекрасных холмах скосил грибок! Хотя бы дали мы марсианам время приготовить свой погребальный убор, принять надлежащую позу и измыслить какую-нибудь *иную* причину смерти. Так нет же — какая-то паршивая, дурацкая ветрянка! Нет, не может быть, это несовместимо с величием их архитектуры, со всем их миром!

— Ладно, Хэтзэй, теперь перекусите.

— Спасибо, капитан.

И все! Уже забыто. Уже говорят совсем о другом.

Спендер, не отрываясь, следил за своими спутниками. Он не прикоснулся к своей порции, лежавшей в тарелке у него на коленях. Стало еще холоднее. Звезды придвинулись ближе, вспыхнули ярче.

Если кто-нибудь начинал говорить чересчур громко, капитан отвечал вполголоса, и они невольно понижали голос, стараясь подражать ему.

Какой здесь чистый, необычный воздух! Спендер долго сидел и просто дышал, наслаждаясь его ароматом. В нем слилась бездна запахов, он не мог угадать каких: цветы, химические вещества, пыль, ветер...

— Или взять хоть тот раз в Нью-Йорке, когда я подцепил эту блондиночку, — черт, забыл, как ее звали... Гинни! — орал Биггс. — Девчонка была что надо!

Спендер весь сжался. У него задрожали руки. Глаза беспойно дергались под тонкими, прозрачными веками.

— Вот Гинни и говорит мне... — продолжал Биггс.

Раздался дружный хохот.

— Ну, я ей и вмазал! — выкрикнул Биггс, не выпуская из рук бутылки.

Спендер отставил свою тарелку в сторону. Прислушался к шепоту прохладного ветерка. Полюбовался белыми марсианскими зданиями — точно холодные льдины на дне высохшего моря...

— Какая девчонка, блеск! — Биггс опрокинул бутылку в свою широкую пасть. — Сколько их было — такой не попадалось!

В воздухе стоял резкий запах потного тела Биггса. Спендер дал костру потухнуть.

— Эй, Спендер, уснул, что ли, подкинь дров! — крикнул Биггс и снова присосался к бутылке. — Ну так вот, однажды ночью мы с Гинни...

Один из космонавтов, по фамилии Шенке, принес свой аккордеон и стал отбивать чечетку, так что пыль столбом поднялась.

— Э-эх! — вопил он. — Живем!

— Ого-го! — горланили остальные, отбросив пустые тарелки.

Трое стали в ряд и задрыгали ногами, наподобие девиц из бурлеска, выкрикивая соленые шуточки. Другие хлопали в ладоши, требуя отколоть что-нибудь еще. Чероки сбросил рубаху и закружился, сверкая потным торсом. Лунное сияние серебрило его ежик и гладко выбритые молодые щеки.

Ветер гнал легкий туман над дном пересохшего моря, огромные каменные изваяния глядели с гор на серебристую ракету и крохотный костер.

Шум и гомон становились сильнее, число танцоров росло, кто-то сосал губную гармонику, другой дул в гребешок, обернутый папиросной бумагой. Еще два десятка бутылок откупорено и выпито. Биггс пьяно топтался вокруг и пытался дирижировать пляской, размахивая руками.

— Командир, присоединяйтесь! — крикнул Чероки капитану и затянул песню.

Пришлось и капитану плясать. Он делал это без всякой охоты. Лицо его было сумрачно. Спендер смотрел на него и думал: «Бедняга! Что за ночь! Не ведают они, что творят. Им перед вылетом надо бы инструктаж устроить, объяснить, что надо вести себя на Марсе прилично, хотя бы первые дни».

— Хватит. — Капитан вышел из круга и сел, сославшись на усталость.

Спендер взглянул на грудь капитана. Не сказать чтобы она вздымалась чаще обычного. И лицо ничуть не вспотело.

Аккордеон, гармоника, вино, крики, пляска, вопли, возня, лязг посуды, хохот.

Биггс, шатаясь, побрел на берег марсианского канала. Он захватил с собой шесть пустых бутылок и одну за другой стал бросать их в глубокую голубую воду. Погружаясь, они издавали гулкий, задыхающийся звук.

— Я нарекаю тебя, нарекаю тебя, нарекаю тебя... — заплетавшимся языком бормотал Биггс. — Нарекаю тебя именем Биггс, Биггс, канал Биггса...

Прежде чем кто-нибудь успел шевельнуться, Спендер вскочил на ноги, прыгнул через костер и подбежал к Биггсу. Он ударил Биггса сперва по зубам, потом в ухо. Биггс покачнулся и упал прямо в воду. Всплеск. Спендер молча ждал, когда Биггс выкарабкается обратно. Но к этому времени остальные уже схватили Спендера за руки.

— Эй, Спендер, что это на тебя нашло? Ты что? — допытывались они.

Биггс выбрался на берег и встал на ноги, вода струилась с него на каменные плиты. Он сразу приметил, что Спендера держат.

— Так, — сказал он и шагнул вперед.

— Прекратить! — рявкнул капитан Уайлдер.

Спендера выпустили. Биггс замер, глядя на капитана.

— Ладно, Биггс, переоденьтесь. Вы, ребята, можете продолжать веселиться! Спендер, пойдемте со мной!

Веселье возобновилось. Уайлдер отошел в сторону и обернулся к Спендеру.

— Может быть, вы объясните, в чем дело? — сказал он.

Спендер смотрел на канал.

— Не знаю. Мне стало стыдно. За Биггса, за всех нас, за этот содом. Господи, какое безобразие!

— Путешествие было долгое. Надо же им отвести душу.

— Но где их уважение, командир? Где чувство пристойности?

— Вы устали, Спендер, и смотрите на вещи иначе, чем они. Уплатите штраф пятьдесят долларов.

— Слушаюсь, командир. Но уж очень неприятно, когда подумаешь, что Они видят, как мы дураков корчим.

— Они?

— Марсиане, будь то живые или мертвые, все равно.

— Безусловно, мертвые, — ответил капитан. — Вы думаете, Они знают, что мы здесь?

— Разве старое не знает всегда о появлении нового?

— Пожалуй. Можно подумать, что вы верите в духов.

— Я верю в вещи, сделанные трудом, а все вокруг показывает, сколько здесь сделано. Здесь есть улицы, и дома, и книги, наверно, есть, и широкие каналы, башни с часами, стойла — ну, пусть не для лошадей, но все-таки для каких-то домашних животных, скажем, даже с двенадцатью ногами, почему мы можем знать? Куда ни глянешь, всюду вещи и сооружения, которыми пользовались. К ним прикасались, их

употребляли много столетий. Спросите меня, верю ли я в душу вещей, вложенную в них теми, кто ими пользовался, — я скажу «да». А они здесь, вокруг нас, — вещи, у которых было свое назначение. Горы, у которых были свои имена. Пользуясь этими вещами, мы всегда, неизбежно будем чувствовать себя неловко. И названия гор будут звучать для нас как-то не так — мы их окрестим, а старые-то названия никуда не делись, существуют где-то во времени, для кого-то здешние горы, представления о них были связаны именно с теми названиями. Названия, которые мы дадим каналам, городам, вершинам, скатятся с них как с гуся вода. Мы можем сколько угодно соприкоснуться с Марсом — настоящего общения никогда не будет. В конце концов это доведет нас до бешенства и знаете, что мы сделаем с Марсом? Мы его распотрошим, снимем с него шкуру и перекроим ее по своему вкусу.

— Мы не разрушим Марс, — сказал капитан. — Он слишком велик и великолепен.

— Вы уверены? У нас, землян, есть дар разрушать великое и прекрасное. Если мы не открыли сосисочную в Египте среди развалин Карнакского храма, то лишь потому, что они лежат на отшибе и там не развернешь коммерции. Но Египет всего лишь клочок нашей планеты. А здесь — здесь все древность, все непохожее, и мы где-нибудь тут обоснуемся и начнем опоганивать этот мир. Вот этот канал назовем в честь Рокфеллера, эту гору назовем горой короля Георга, и море будет морем Дюпона, там вон будут города Рузвельт, Линкольн и Кулидж, но это все будет неправильно, потому что у каждого места уже есть свое, *собственное* имя.

— Это уж ваше дело, археологов, раскапывать старые названия, а мы что ж, мы согласны ими пользоваться.

— Кучка людей вроде нас — против всех дельцов и трестов? — Спендер поглядел на отливающие металлом горы. — Они *знают*, что мы сегодня появились здесь, будем пакостить им; они должны нас ненавидеть.

Капитан покачал головой:

— Здесь нет ненависти. — Он прислушался к ветру. — Судя по их городам, это были хорошие, красивые, мудрые люди. Они принимали свою судьбу как должное. Очевидно, смирились с тем, что им вымирать, и не затеяли с отчаяния никакой опустошительной войны напоследок, не стали уничтожать своих городов. Все города, которые мы до сих пор видели, сохранились в полной неприкосновенности. Сдается мне, мы им мешаем не больше, чем помешали бы дети, играющие на газоне, — велик ли спрос с ребенка? И кто знает, быть может, в конечном счете все это изменит нас к лучшему. Вы обратили

внимание, Спендер, на необычно тихое поведение наших людей, пока Биггс не навязал им это веселье? Как смирно, даже робко они держались! Еще бы, лицом к лицу со всем этим сразу сообразишь, что мы не так уж сильны. Мы просто дети в коротких штанишках, шумные и непоседливые дети, которые носятся со своими ракетными и атомными игрушками. Но ведь когда-нибудь Земля станет такой, каков Марс теперь. Так что Марс нас отрезвит. Наглядное пособие по истории цивилизации. Полезный урок. А теперь — выше голову! Пойдем играть в веселье. Да, штраф остается в силе.

Но веселье не ладилось. С мертвого моря упорно дул ветер. Он вился вокруг космонавтов, вокруг капитана и Джеффа Спендера, когда те шли обратно к остальным. Ветер ворошил пыль и обтекал сверкающую ракету, теребил аккордеон, и пыль покрыла исцелованную губную гармонику. Она засорила им глаза, и от ветра в воздухе звучала высокая певучая нота. Вдруг он стих, так же неожиданно, как начался.

Но и веселье тоже стихло.

Люди застыли неподвижно под равнодушным черным небом.

— А ну, ребята, давай! — Биггс, в чистой сухой одежде, выскочил из ракеты, стараясь не глядеть на Спендера. Звук его голоса погас, будто в пустом зале. Будто никого вокруг нет. — Давайте все сюда!

Никто не тронулся с места.

— Эй, Уайти, что же твоя гармоника?

Уайти выдул какую-то трель. Она прозвучала фальшиво и нелепо. Уайти вытряхнул из инструмента влагу и убрал его в карман.

— Вы что, *на поминках*, что ли? — не унимался Биггс.

Кто-то сжал в объятиях аккордеон. Он издал звук, похожий на предсмертный стон животного. И все.

— Ладно, тогда мы с бутылочкой повеселимся вдвоем. — Биггс уселся, прислонившись к ракете, и поднес ко рту карманную фляжку.

Спендер не сводил с него глаз. Долго стоял неподвижно. Потом его пальцы тихонько, медленно поползли вверх по дрожащему бедру, нащупали пистолет и стали поглаживать кожаную кобуру.

— Кто хочет, может пойти со мной в город, — объявил капитан. — Поставим охрану у ракеты и захватим с собой оружие — на всякий случай.

Желающие построились и рассчитались по порядку. Их оказалось четырнадцать, включая Биггса, который стал в строй,

гогоча и размахивая бутылкой. Шесть человек решили остаться.

— Ну, потопали! — заорал Биггс.

Отряд молча зашагал по долине, залитой лунным светом. Они пришли на окраину дремлющего мертвого города, озаренного светом двух догоняющих друг друга лун. Тени, протянувшиеся от их ног, были двойными. Несколько минут космонавты стояли, затаив дыхание. Ждали: вот сейчас что-нибудь шевельнется в этом безжизненном городе, возникнет какой-нибудь туманный силуэт, промчится галопом по бесплодному морскому дну этакий призрак седой старины верхом на закованном в латы древнем коне немыслимых кровей, с невиданной родословной.

Воображение Спендера оживляло пустынные городские улицы. Голубыми светящимися призраками шли люди по проспектам, замощенным камнем, слышалось невнятное бормотание, странные животные стремительно бежали по серовато-красному песку. В каждом окне кто-то стоял и, перегнувшись через подоконник, медленно поводил руками, точно утонувший в водах вечности, махая каким-то силуэтам, движущимся в бездонном пространстве у подножия посеребренных луной башен. Внутренний слух улавливал музыку, и Спендер попытался представить себе, как могут выглядеть инструменты, которые так звучат... Город был полон видениями.

— Э-гей! — крикнул Биггс, выпрямившись и сложив ладони рупором. — Эй, кто тут есть в городе, отзовись!

— Биггс! — сказал капитан.

Биггс умолк.

Они ступили на улицу, вымощенную плитами. Теперь они говорили только шепотом, потому что у них было такое чувство, будто они вошли в огромный читальный зал под открытым небом или в усыпальницу, где только ветер да яркие звезды над головой. Капитан заговорил вполголоса. Ему хотелось знать, куда девались жители города, что за люди они были, какие короли ими правили, от чего они умерли. Он тихо вопрошал: как сумели они построить такой долговечный город? Побывали ли они на Земле? Не они ли десятки тысяч лет назад положили начало роду землян? Так же любили они и ненавидели, как мы? И были ли их безрассудства такими же, когда они совершали их?

Они замерли. Луны точно околдовали, заморозили их; тихий ветер овеивал их.

— Лорд Байрон, — сказал Джефф Спендер.

— Какой лорд? — Капитан повернулся к нему.

— Лорд Байрон, поэт, жил в девятнадцатом веке. Давным-давно он написал стихотворение. Оно удивительно подходит к этому городу и выражает чувства, которые должны были бы испытывать марсиане. Если только здесь осталось кому чувствовать. Такие стихи мог бы написать последний марсианский поэт.

Люди стояли неподвижно, и тени их замерли.

— Что же это за стихотворение? — спросил капитан.

Спендер переступил с ноги на ногу, поднял руку, вспоминая, на мгновение зажмурился, затем его тихий голос стал неторопливо произносить слова стихотворения, и все слушали его, не отрываясь:

Не бродить уж нам ночами,
Хоть душа любви полна,
И по-прежнему лучами
Серебит простор луна.

Город был пепельно-серый, высокий, безмолвный. Лица людей обратились к лунам.

Меч сотрет железо ножен,
И душа источит грудь,
Вечный пламень невозможен,
Сердцу нужно отдохнуть.

Пусть влюбленными лучами
Месяц тянется к земле,
Не бродить уж нам ночами
В серебристой лунной мгле*.

Земляне молча стояли в центре города. Ночь была ясна и безоблачна. Кроме свиста ветра — ни звука кругом. Перед ними расстилалась площадь, и плиточная мозаика изображала древних животных и людей. Они стояли и смотрели.

Биггс издал рыгающий звук. Глаза его помутнели. Руки метнулись ко рту, он судорожно глотнул, зажмурился, согнулся пополам, густая струя наполнила рот и вырвалась, хлынула с плеском прямо на плиты, заливая изображения. Так повторилось дважды. В прохладном воздухе разнесся кислый винный запах. Никто не шевельнулся помочь Биггсу. Его продолжало тошнить.

Мгновение Спендер смотрел на него, затем повернулся и пошел прочь. В полном одиночестве он шел по озаренным лунной улицам города и ни разу не остановился, чтобы оглянуться на своих товарищей.

---

* Стихи в переводе Ю Вронского и Я. Берлина.

Они легли спать около четырех утра. Вытянувшись на одеялах, закрыли глаза и вдыхали неподвижный воздух. Капитан Уайлдер сидел возле костра, подбрасывая в него сучья.

Два часа спустя Мак-Клор открыл глаза.

— Вы не спите, командир?

— Жду Спендера. — Капитан слабо улыбнулся.

Мак-Клор подумал.

— Знаете, командир, мне кажется, он не придет. Сам не знаю почему, но у меня такое чувство. Не придет он.

Мак-Клор повернулся на другой бок. Огонь рассыпался трескучими искрами и потух.

Прошла целая неделя, а Спендер не появлялся. Капитан разослал на поиски его несколько отрядов, но они вернулись и доложили, что не понимают, куда он мог деваться. Ничего, надоест шляться — сам придет. И вообще он нытик и брюзга. Ушел, и шел с ним!

Капитан промолчал, но записал все в корабельный журнал...

Однажды утром — это мог быть понедельник, или вторник, или любой иной марсианский день — Биггс сидел на краю канала, подставив лицо солнечным лучам и болтая ногами в прохладной воде.

Вдоль канала шел человек. Его тень упала на Биггса. Биггс открыл глаза.

— Будь я проклят! — воскликнул Биггс.

— Я последний марсианин, — сказал человек, доставая пистолет.

— Что ты сказал? — спросил Биггс.

— Я убью тебя.

— Брось. Что за глупые шутки, Спендер?

— Встань, умри, как мужчина.

— Бога ради, убери пистолет.

Спендер нажал курок только один раз. Мгновение Биггс еще сидел на краю канала, потом наклонился вперед и упал в воду. Выстрел был очень тихим — как шелест, как слабое жужжание. Тело медленно, отрешенно погрузилось в неторопливые струи канала, издавая глухой булькающий звук, который вскоре прекратился.

Спендер убрал пистолет в кобуру и неслышными шагами пошел дальше. Солнце светило сверху на Марс, его лучи припекали кожу рук, жарко гладили непроницаемое лицо Спендера. Он не стал бежать, шел так, будто с прошлого раза ничего не изменилось, если не считать, что теперь был день. Он подошел к ракете; несколько человек уписывали только что приготовленный завтрак под навесом, который поставил кок.

— А вот и наш Одинокый Волк идет, — сказал кто-то.

— Пришел, Спендер! Давненько не виделись!

Четверо за столом пристально смотрели на человека, который молча глядел на них.

— Дались тебе эти проклятые развалины, — усмехнулся кок, помешивая какое-то черное варево в миске. — Ну, чисто голодный пес, который до костей дорвался.

— Возможно, — ответил Спендер. — Мне надо было кое-что выяснить. Что вы скажете, если я вам сообщу, что видел здесь по соседству марсианина?

Четверо космонавтов отложили свои вилки.

— Марсианина? Где?

— Это не важно. Позвольте мне задать вам один вопрос. Как бы вы себя чувствовали на месте марсиан, если бы в вашу страну явились люди и стали бы все громить?

— Я-то знаю, что бы я чувствовал, — сказал Чероки. — В моих жилах есть кровь племени черокеев. Мой дед немало мне порассказал из истории Оклахомы. Так что, если тут остались марсиане, я их понимаю.

— А вы? — осторожно спросил Спендер остальных.

Никто не ответил, молчание было достаточно красноречиво. Дескать, грабастай, сколькохватишь, что нашел — все твое, если ближний подставил щеку — вдарь покрепче, и так далее в том же духе.

— Ну так вот, — сказал Спендер. — Я встретил марсианина.

Они недоверчиво смотрели на него.

— Там, в одном из мертвых поселений. Я и не подозревал, что встречу его. Даже и не собирался искать. Не знаю, что он там делал. Эту неделю я прожил в маленьком городке, пытался разобрать древние письмена, изучал их старинное искусство. И вот однажды увидел марсианина. Он только на миг появился и тут же пропал. Потом дня два не показывался. Я сидел над письменами, когда он снова пришел. И так несколько раз, с каждым разом все ближе и ближе. В тот день, когда я наконец освоил марсианский язык — это удивительно просто, и очень помогают пиктограммы, — марсианин появился передо мной и сказал: «Дайте мне ваши башмаки». Я отдал ему башмаки, а он говорит: «Дайте мне ваше обмундирование и все, что на вас надето». Я все отдал, он опять: «Дайте пистолет». Подаю пистолет. Тогда он говорит: «А теперь пойдемте со мной и смотрите, что будет». И марсианин пошел в лагерь, и вот он здесь.

— Не вижу никакого марсианина, — возразил Чероки.

— Очень жаль.

Спендер выхватил из кобуры пистолет. Послышалось слабое жужжание. Первая пуля поразила крайнего слева, вторая

и третья — крайнего справа и того, что сидел посредине. Кок испуганно обернулся от костра и был сражен четвертой пулей. Он упал плашмя в огонь и остался лежать, его одежда загорелась.

Ракета стояла, залитая солнцем. Три человека сидели за столом, и руки их неподвижно лежали возле тарелок, на которых остывал завтрак. Один Чероки, невредимый, с тупым недоумением глядел на Спендера.

— Можешь пойти со мной, — сказал Спендер.

Чероки не ответил.

— Слышишь, я принимаю тебя в свою компанию. — Спендер ждал.

Наконец к Чероки вернулся дар речи.

— Ты их убил, — произнес он и заставил себя взглянуть на сидящих напротив.

— Они это заслужили.

— Ты сошел с ума!

— Возможно. Но ты можешь пойти со мной.

— Пойти с тобой — зачем? — вскричал Чероки, мертвенно-бледный, со слезами на глазах. — Уходи, убирайся прочь!

Лицо Спендера окаменело.

— Я-то думал, хоть *ты* меня поймешь.

— Убирайся! — Рука Чероки потянулась за пистолетом.

Спендер выстрелил в последний раз. Больше Чероки не двигался.

Зато покачнулся Спендер. Он провел ладонью по потному лицу. Он поглядел на ракету, и вдруг его начала бить дрожь. Он едва не упал, настолько сильна была реакция. Его лицо было лицом человека, который приходит в себя после гипноза, после сновидения. Он сел, чтобы справиться с дрожью.

— Перестань! Сейчас же! — приказал он своему телу.

Каждая клеточка судорожно дрожала.

— Перестань!

Он сжал тело в тисках воли, пока не выдавил из него всю дрожь, до последнего остатка. Теперь руки лежали спокойно на усмирненных коленях.

Он встал и с неторопливой тщательностью закрепил на спине ранец с продуктами. На какую-то крохотную долю секунды его руки опять задрожали, но Спендер очень решительно скомандовал: «Нет!», и дрожь прошла. И он побрел прочь на негнувшихся ногах и затерялся среди раскаленных красных гор. Один.

Полыхающее солнце поднялось выше в небе. Час спустя капитан вылез из ракеты позавтракать. Он уже было открыл

рот, чтобы поздороваться с космонавтами, сидящими за столом, но осекся, уловив в воздухе легкий запах пистолетного дыма. Он увидел, что кок лежит на земле, накрыв своим телом костер. Четверо сидели перед остывшим завтраком.

По трапу спустились Паркхилл и еще двое. Капитан стоял, загородив им путь, не в силах отвести глаз от молчаливых людей за столом, от их странных поз.

— Собрать всех людей! — приказал капитан.

Паркхилл побежал вдоль канала.

Капитан тронул рукой Чероки. Чероки медленно согнулся и упал со стула. Солнечные лучи осветили его жесткий ежик и скуластое лицо.

Экипаж собрался.

— Кого недостает?

— Все того же Спендера. Биггса мы нашли в канале.

— Спендер!

Капитан посмотрел на устремленные в дневное небо горы. Солнце высветило его зубы, обнаженные гримасой.

— Черт бы его побрал, — устало произнес капитан. — Почему он не пришел ко мне, я бы поговорил с ним.

— Нет, вот я бы с ним поговорил! — крикнул Паркхилл, яростно сверкнув глазами. — Я бы раскроил ему башку и выпустил мозги наружу!

Капитан Уайлдер кивком подозвал двоих.

— Возьмите лопаты, — сказал он.

Копать было жарко. С высохшего моря летел теплый ветер, он швырял им пыль в лицо, а капитан листал Библию. Но вот он закрыл книгу, и с лопат на завернутые в ткань тела потекли медленные струи песка.

Они вернулись к ракете, щелкнули затворами своих винтовок, подвесили к поясу сзади связки гранат, проверили, легко ли вынимаются из кобуры пистолеты. Каждому был отведен определенный участок гор. Капитан говорил, куда кому идти, не повышая голоса, руки его вяло висели, он ни разу не шевельнул ими.

— Пошли, — сказал он.

Спендер увидел, как в разных концах долины поднимаются облачка пыли, и понял, что преследование началось по всем правилам. Он опустил плоскую серебряную книгу, которую читал, удобно примостившись на большом камне. Страницы книги были из чистейшего тонкого, как папиросная бумага, листового серебра, разрисованные от руки чернью и золотом. Это был философский трактат десяти тысячелетней давности,

найденный им в одной из вилл небольшого марсианского селения. Спендеру не хотелось отрываться от книги.

Он даже подумал сперва: «А стоит ли? Буду сидеть и читать, пока не придут и не убьют меня».

Утром, после того как он застрелил шесть человек, Спендер ощутил тупую опустошенность, потом его тошнило, и наконец им овладел странный покой. Но и это чувство было преходящим, потому что при виде пыли, которая обозначала путь преследователей, он снова ощутил ожесточение.

Он глотнул холодной воды из походной фляги. Потом встал, потянулся, зевнул и прислушался к упоительной тишине окружавшей его долины. Эх, если бы он и еще несколько людей оттуда, с Земли, могли вместе поселиться здесь и дожить свою жизнь без шума, без тревог...

Спендер взял в одну руку книгу, а в другую — пистолет. Рядом протекала быстрая речка с дном из белой гальки и большими камнями на берегах. Он разделся на камнях и вошел в воду ополоснуться. Он не спешил и, лишь поплескавшись вволю, оделся и снова взял пистолет.

Первые выстрелы раздались около трех часов дня. К этому времени Спендер ушел высоко в горы. Погоня шла следом. Миновали три горных марсианских городка. Над ними были разбросаны виллы марсиан. Облюбовав себе зеленый лужок и быстрый ручей, древние марсианские семьи выложили из плиток бассейны, построили библиотеки, разбили сады с журчащими фонтанами. Спендер позволил себе поплавать с полчаса в наполненном дождевой водой бассейне, ожидая, когда приблизится погоня.

Покидая виллу, он услышал выстрелы. Позади него, в каких-нибудь пяти метрах, взорвался осколками кирпич. Спендер побежал, укрываясь за скальными выступами, обернулся и первым же выстрелом уложил наповал одного из преследователей.

Спендер знал, что его возьмут в кольцо и он окажется в ловушке. Окружат со всех сторон, и станут сходитьсь, и прикончат его. Странно даже, что они еще не пустили в ход гранаты. Капитану Уайлдеру достаточно слово сказать...

«Я слишком тонкое изделие, чтобы превращать меня в крошево, — подумал Спендер. — Вот что сдерживает капитана. Ему хочется, чтобы дело ограничилось одной аккуратной дырочкой. Чудно... Хочется, чтобы я умер благопристойно. Никаких луж крови. Почему? Да потому, что он меня понимает. Вот почему он готов рисковать своими лихими ребятами, лишь бы уложить меня точным выстрелом в голову. Разве не так?»

Девять-десять выстрелов прогремели один за другим, подбрасывая камни вокруг Спендера. Он методично отстреливался, иногда даже не отрываясь от серебряной книги, которую не выпускал из рук.

Капитан выскочил из-за укрытия под жаркие лучи солнца с винтовкой в руках. Спендер проводил его мушкой пистолета, но стрелять не стал. Вместо этого он выбрал другую цель и сбил пулей верхушку камня, за которым лежал Уайти. Оттуда донесся злобный крик.

Вдруг капитан выпрямился во весь рост, держа белый платок в поднятой руке. Он что-то сказал своим людям и, отложив винтовку в сторону, пошел вверх по склону. Спендер немного выглядел, потом и он поднялся на ноги, с пистолетом наготове.

Капитан подошел и сел на горячий камень, избегая смотреть на Спендера.

Рука капитана потянулась к карману куртки. Спендер крепче сжал пистолет.

— Сигарету? — предложил капитан.

— Спасибо. — Спендер взял одну.

— Огоньку?

— Свой есть.

Они затянулись раз-другой в полной тишине.

— Жарко, — сказал капитан.

— Очень.

— Как вы тут, хорошо устроились?

— Отлично.

— И сколько думаете продержаться?

— Столько, сколько нужно, чтобы уложить дюжину человек.

— Почему вы не убили всех нас утром, когда была возможность? Вы вполне могли это сделать.

— Знаю. Духу не хватило. Когда тебе что-нибудь втемяшится в голову, начинаешь лгать самому себе. Говоришь, что все остальные не правы, а ты прав. Но едва я начал убивать этих людей, как сообразил, что они просто глупцы и зря я на них поднимал руку. Поздно сообразил. Тогда я не мог заставить себя продолжать, вот и ушел сюда, чтобы еще раз солгать себе и разозлиться, восстановить нужное настроение.

— Восстановили?

— Не совсем. Но вполне достаточно.

Капитан разглядывал свою сигарету.

— Почему вы так поступили?

Спендер спокойно положил пистолет у своих ног.

— Потому что нам можно только мечтать обо всем том, что я увидел у марсиан. Они остановились там, где нам надо

было остановиться сто лет назад. Я походил по их городам, узнал этот народ и был бы счастлив назвать их своими предками.

— Да, там у них чудесный город. — Капитан кивком головы указал на один из городов.

— Не только в этом дело. Конечно, их города хороши. Марсиане сумели слить искусство со своим бытом. У американцев искусство всегда особая статья, его место — в комнате чудаковатого сына наверху. Остальные принимают его, так сказать, воскресными дозами, кое-кто в смеси с религией. У марсиан есть все — и искусство, и религия, и другое...

— Думаете, они дознались, что к чему?

— Уверен.

— И по этой причине вы стали убивать людей.

— Когда я был маленьким, родители взяли меня с собой в Мехико-Сити. Никогда не забуду, как отец там держался — крикливо, чванно. Что до матери, то ей тамошние люди не понравились тем, что они-де редко умываются и кожа у них темная. Сестра — та вообще избегала с ними разговаривать. Одному мне они пришлись по душе. И я отлично представляю себе, что, попади отец и мать на Марс, они повели бы себя здесь точно так же. Средний американец от всего необычного нос воротит. Если нет чикагского клейма, значит, никуда не годится. Подумать только! Боже мой, только подумать! А война! Вы ведь слышали речи в конгрессе перед нашим вылетом! Мол, если экспедиция удастся, на Марсе разместят три атомные лаборатории и склады атомных бомб. Выходит, Марсу конец; все эти чудеса погибнут. Ну скажите, что вы почувствовали бы, если бы марсианин облевал полы Белого дома?

Капитан молчал и слушал.

Спендер продолжал:

— А все прочие воротили? Боссы горной промышленности, бюро путешествий... Помните, что было с Мексикой, когда туда из Испании явился Кортес со своей милой компанией? Какую культуру уничтожили эти алчные праведники-изуверы! История не простит Кортеса.

— Нельзя сказать, что вы сами сегодня вели себя нравственно, — заметил капитан.

— А что мне оставалось делать? Спорить с вами. Ведь я один — один против всей этой подлой, ненасытной шайки там, на Земле. Они же сразу примутся сбрасывать здесь свои мерзкие атомные бомбы, драться за базы для новых войн. Мало того, что одну планету разорили, надо и другим все изгадить? Тупые болтуны. Когда я попал сюда, мне пока-

залось, что я избавлен не только от этой их так называемой культуры, но и от их этики, от их обычаев. Решил, что здесь их правила и устои меня больше не касаются. Оставалось только убить всех вас и зажить на свой лад.

— Но вышло иначе.

— Да. Когда я убил пятого там, у ракеты, я понял, что не сумел обновиться полностью, не стал настоящим марсианином. Не так-то легко оказалось избавиться от всего того, что к тебе прилипло на Земле. Но теперь мои колебания прошли. Я убью вас, всех до одного. Это задержит отправку следующей экспедиции самое малое лет на пять. Наша ракета единственная, других таких сейчас нет. На Земле будут ждать вестей от нас год, а то и два, и, так как они о нас ничего не узнают, им будет страшно снаряжать новую экспедицию. Ракету будут строить вдвое дольше, сделают лишнюю сотню опытных конструкций, чтобы застраховаться от новых неудач.

— Расчет верный.

— Если же вы возвратитесь с хорошими новостями, это ускорит массовое вторжение на Марс. А так, даст Бог, доживу до шестидесяти и буду встречать каждую новую экспедицию. За один раз больше одной ракеты не пошлют — и не чаще чем раз в год, — и экипаж не может превышать двадцать человек. Я, конечно, подружусь с ними, расскажу, что наша ракета неожиданно взорвалась, — я взорву ее на этой же неделе, как только управлюсь с вами, — а потом всех их прикончу. На полвека-то удастся отстоять Марс; земляне, вероятно, скоро прекратят попытки. Помните, как люди остыли к строительству цеппелинов, которые все время загорались и падали?

— Вы все продумали, — признал капитан.

— Вот именно.

— Кроме одного: нас слишком много. Через час кольцо сомкнется. Через час вы будете мертвы.

— Я обнаружил подземные ходы и надежные убежища, которых вам ни за что не найти. Уйду туда, отсижусь несколько недель. Ваша бдительность ослабнет. Тогда я выйду и снова ухлопаю вас одного за другим.

Капитан кивнул.

— Расскажите мне про эту вашу здешнюю цивилизацию, — сказал он, показав рукой в сторону горных селений.

— Они умели жить с природой в согласии, в ладу. Не лезли из кожи вон, чтобы провести грань между человеком и животным. Эту ошибку допустили мы, когда появился Дарвин. Ведь что было у нас: сперва обрадовались, поспешили заключить в свои объятия и его, и Гексли, и Фрейда. Потом вдруг

обнаружили, что Дарвин никак не согласуется с нашей религией. Во всяком случае, нам так показалось. Но ведь это глупо! Захотели немного потеснить Дарвина, Гексли, Фрейда. Они не очень-то поддавались. Тогда мы принялись сокрушать религию. И отлично преуспели. Лишились веры и стали ломать себе голову над смыслом жизни. Если искусство — всего лишь выражение неудовлетворенных страстей, если религия — самообман, то для чего мы живем? Вера на все находила ответ. Но с приходом Дарвина и Фрейда она вылетела в трубу. Как был род человеческий заблудшим, так и остался.

— А марсиане, выходит, *нашли* верный путь? — осведомился капитан.

— Да. Они сумели сочетать науку и веру так, что те не отрицали одна другую, а взаимно помогали, обогащали.

— Прямо идеал какой-то!

— Так оно и было. Мне очень хочется показать вам, как это выглядело на деле.

— Мои люди ждут меня.

— Каких-нибудь полчаса. Предупредите их, сэр.

Капитан помедлил, потом встал и крикнул своему отряду, который залег внизу, чтобы они не двигались с места.

Спендер повел его в небольшое марсианское селение, сооруженное из безупречного прохладного мрамора. Они увидели большие фризy с изображением великолепных животных, каких-то кошек с белыми лапами и желтые круги — символы солнца, увидели изваяния животных, напоминавших быков, скульптуры мужчин, женщин и огромных собак с благородными мордами.

— Вот вам ответ, капитан.

— Не вижу.

— Марсиане узнали тайну жизни у животных. Животное не допытывается, в чем смысл бытия. Оно живет. Живет ради жизни. Для него ответ заключен в самой жизни, в ней и радость, и наслаждение. Вы посмотрите на эти скульптуры: всюду символические изображения животных.

— Язычество какое-то.

— Напротив, это символы Бога, символы жизни. На Марсе тоже была пора, когда в Человеке стало слишком много от человека и слишком мало от животного. Но люди Марса поняли: чтобы выжить, надо перестать допытываться, в чем смысл жизни. Жизнь сама по себе есть ответ. Цель жизни в том, чтобы воспроизводить жизнь и возможно лучше ее устроить. Марсиане заметили, что вопрос: «Для чего жить?» — родился у них в разгар периода войн и бедствий, когда ответа не могло быть. Но стоило цивилизации обрести равновесие,

устойчивость, стоило прекратиться войнам, как этот вопрос опять оказался бессмысленным, уже совсем по-другому. Когда жизнь хороша, спорить о ней незачем.

— Послушать вас, так марсиане были довольно наивными.

— Только там, где наивность себя оправдывала. Они излечились от стремления все разрушать, все развенчивать. Они слили вместе религию, искусство и науку: ведь наука в конечном счете — исследование чуда, коего мы не в силах объяснить, а искусство — толкование этого чуда. Они не позволяли науке сокрушать эстетическое, прекрасное. Это же все вопросы меры. Землянин рассуждает: «В этой картине цвета как такового нет. Наука может доказать, что цвет — это всего-навсего определенное расположение частиц вещества, особым образом отражающих свет. Следовательно, цвет не является действительной принадлежностью предметов, которые попали в поле моего зрения». Марсианин, как более умный, сказал бы так: «Это чудесная картина. Она создана рукой и мозгом вдохновенного человека. Ее идея и краски даны жизнью. Отличная вещь».

Они помолчали. Сидя в лучах предвечернего солнца, капитан с любопытством разглядывал безмолвный мраморный городок.

— Я бы с удовольствием здесь поселился, — сказал он.

— Вам стоит только захотеть.

— Вы предлагаете это *мне*?

— Кто из ваших людей способен по-настоящему понять все это? Они же профессиональные циники, их уже не исправишь. Ну зачем вам возвращаться на Землю вместе с ними? Чтобы тянуться за Джонсами? Чтобы купить себе точно такой вертолет, как у Смита? Чтобы слушать музыку не душой, а бумажником? Здесь, в одном дворике, я нашел запись марсианской музыки, ей не менее пятидесяти тысяч лет. Она все еще звучит. Такой музыки вы в жизни больше нигде не услышите. Оставайтесь и будете слушать. Здесь есть книги. Я уже довольно свободно их читаю. И вы могли бы.

— Это все довольно заманчиво.

— И все же вы не останетесь?

— Нет. Но за предложение все-таки спасибо.

— И вы, разумеется, не согласны оставить меня в покое. Мне придется всех вас убить.

— Вы оптимист.

— Мне есть за что сражаться и ради чего жить, поэтому я лучше вас преуспею в убийстве. У меня теперь появилась, так сказать, своя религия: я заново учусь дышать, лежать на солнышке, загорать, впитывая солнечные лучи, слушать музыку

и читать книги. А что мне может предложить ваша цивилизация?

Капитан переступил с ноги на ногу и покачал головой:

— Мне очень жаль, что так получается. Обидно за все это...

— Мне тоже. А теперь, пожалуй, пора отвести вас обратно, чтобы вы могли начать вашу атаку.

— Пожалуй.

— Капитан, вас я убивать не стану. Когда все будет кончено, вы останетесь живы.

— Что?

— Я с самого начала решил пощадить вас.

— Вот как...

— Я спасу вас от тех, остальных. Когда они будут убиты, вы, может быть, передумаете.

— Нет, — сказал капитан. — В моих жилах слишком много земной крови. Я не смогу дать вам уйти.

— Даже если у вас будет возможность остаться здесь?

— Да, как ни странно, даже тогда. Не знаю почему. Никогда не задавался таким вопросом. Ну, вот и пришли.

Они вернулись на прежнее место.

— Пойдете со мной добровольно, Спендер? Предлагаю в последний раз.

— Благодарю. Не пойду. — Спендер вытянул вперед одну руку. — И еще одно, напоследок. Если вы победите, сделайте мне услугу. Постарайтесь, насколько это в ваших силах, оттянуть растерзание этой планеты хотя бы лет на пятьдесят, пусть сперва археологи потрудятся как следует. Обещаете?

— Обещаю.

— И еще, если от этого кому-нибудь будет легче, считайте меня безнадежным психопатом, который летним днем окончательно свихнулся, да так и не пришел в себя. Может, вам легче будет...

— Я подумаю. Прощайте, Спендер. Счастливо.

— Вы странный человек, — сказал Спендер, когда капитан зашагал вниз по тропе, навстречу теплему ветру.

Капитан наконец вернулся к своим запыленным людям, которые уже не чаяли его дожидаться. Он шурился на солнце и тяжело дышал.

— Выпить есть у кого? — спросил капитан.

Он почувствовал, как ему сунули в руку прохладную флягу.

— Спасибо.

Он глотнул. Вытер рот.

— Ну, так, — сказал капитан. — Будьте осторожны. Спешить некуда, времени у нас достаточно. С нашей стороны

больше жертв быть не должно. Вам придется убить его. Он отказался пойти со мной добровольно. Постарайтесь уложить его одним выстрелом. Не превращайте в решето. Надо кончать.

— Я раскрою ему его проклятую башку, — буркнул Сэм Паркхилл.

— Нет, только в сердце, — сказал капитан. Он отчетливо видел перед собой суровое, полное решимости лицо Спендера.

— Его проклятую башку, — повторил Паркхилл.

Капитан швырнул ему флягу:

— Вы слышали мой приказ? Только в сердце.

Паркхилл что-то буркнул себе под нос.

— Пошли, — сказал капитан.

Они снова рассыпались, перешли с шага на бег, затем опять на шаг, поднимаясь по жарким склонам, то ныряя в холодные, пахнущие мхом пещеры, то выскакивая на ярко освещенные открытые площадки, где пахло раскаленным камнем.

«Как противно быть ловким и расторопным, — думал капитан, — когда в глубине души не чувствуешь себя ловким и не хочешь им быть. Подбираться тайком, замышлять всякие хитрости и гордиться своим коварством. Ненавижу это чувство правоты, когда в глубине души я не уверен, что прав. Кто мы, если разобраться? Большинство?.. Чем не ответ: ведь большинство всегда непогрешимо, разве нет? Всегда — и не может даже на миг ошибиться, разве не так? Не ошибается даже раз в десять миллионов лет?..»

Он думал: «Что представляет собой это большинство и кто в него входит? О чем они думают, и почему они стали именно такими, и неужели никогда не переменятся, и еще — какого черта меня занесло в это треклятое большинство? Мне не по себе. В чем тут причина: клаустрофобия, боязнь толпы или просто здравый смысл? И может ли один человек быть правым, когда весь мир уверен в своей правоте? Не будем об этом думать. Будем ползать на брюхе, подкрадываться, спускать курок! Вот так! И так!»

Его люди перебежали, падали, снова перебежали, приседая в тени, и скалили зубы, хватая ртом воздух, потому что атмосфера была разреженная, бегать в ней тяжело; атмосфера была разреженная, и им приходилось по пяти минут отсиживаться, тяжело дыша, — и черные искры перед глазами, — глотать бедный кислородом воздух, которым никак не насытишься, наконец, стиснув зубы, опять вставать на ноги и поднимать винтовки, чтобы раздирать этот разреженный летний воздух огнем и громом

Спендер лежал там, где его оставил капитан, изредка стреляя по преследователям.

— Размажу по камням его проклятые мозги! — завопил Паркхилл и побежал вверх по склону.

Капитан прицелился в Сэма Паркхилла. И отложил пистолет, с ужасом глядя на него.

— Что вы затеяли? — спросил он обессиленную руку и пистолет.

Он едва не выстрелил в спину Паркхиллу.

— Господи, что это я!

Он увидел, как Паркхилл закончил перебежку и упал, найдя укрытие.

Вокруг Спендера медленно стягивалась редкая движущаяся цепочка людей. Он лежал на вершине, за двумя большими камнями, устало кривя рот от нехватки воздуха, под мышками темными пятнами проступил пот. Капитан отчетливо видел эти камни. Их разделял просвет, сантиметров около десяти, оставляя незащищенной грудь Спендера.

— Эй, ты! — крикнул Паркхилл. — У меня тут пуля припасена для твоего черепа!

Капитан Уайлдер ждал. «Ну, Спендер, давай же, — думал он. — Уходи, как у тебя было задумано. Через несколько минут будет поздно. Уходи, потом опять выйдешь. Ну! Ты же сказал, что уйдешь. Уйди в эти катакомбы, которые ты разыскал, залег там и живи месяц, год, много лет, читай свои замечательные книги, купайся в своих храмовых бассейнах. Давай же, человечек, ну, пока не поздно».

Спендер не двигался с места.

«Да что это с ним?» — спросил себя капитан.

Он взял свой пистолет. Понаблюдав, как перебегают от укрытия к укрытию его люди. Поглядев на башни маленького чистенького марсианского селения — будто резные шахматные фигурки с освещенными солнцем гранями. Перевел взгляд на камни и промежуток между ними, открывающий грудь Спендера.

Паркхилл ринулся вперед, рыча от ярости.

— Нет, Паркхилл, — сказал капитан. — Я не могу допустить, чтобы это сделали вы. Или кто-либо еще. Нет, никто из вас. Я сам.

Он поднял пистолет и прицелился.

«Будет ли у меня после этого чистая совесть? — спросил себя капитан. — Верно ли я поступаю, что беру это на себя? Да, верно. Я знаю, что и почему делаю, и все правильно, ведь я уверен, что это надлежит сделать мне. Я надеюсь и верю, что всей жизнью оправдаю свое решение».

Он кивнул головой Спендеру.

— Уходи! — крикнул он шепотом, которого никто, кроме него, не слышал. — Даю тебе еще тридцать секунд. Тридцать секунд!

Часы тикали на его запястье. Капитан смотрел, как бежит стрелка. Его люди бегом продвигались вперед. Спендер не двигался с места. Часы тикали очень долго и очень громко, прямо в ухо капитану.

— Уходи, Спендер, уходи живей!

Тридцать секунд истекли.

Пистолет был наведен на цель. Капитан глубоко вздохнул.

— Спендер, — сказал он, выдыхая.

Он спустил курок.

Крохотное облачко каменной пыли закрубилось в солнечных лучах — вот и все, что произошло. Раскатилось и заглохло эхо выстрела.

Капитан встал и крикнул своим людям:

— Он мертв.

Они не поверили. С их позиций не было видно просвета между камнями. Они увидели, как капитан один взбегает вверх по склону, и решили, что он либо очень храбрый, либо сумасшедший.

Прошло несколько минут, прежде чем они последовали за ним.

Они собрались вокруг тела, и кто-то спросил:

— В грудь?

Капитан опустил взгляд.

— В грудь, — сказал он. Он заметил, как изменился цвет камней под телом Спендера. — Хотел бы я знать, почему он ждал. Хотел бы я знать, почему он не ушел, как задумал. Хотел бы я знать, почему он дожидался, пока его убьют.

— Кто ведает? — произнес кто-то.

А Спендер лежал перед ними, и одна его рука сжимала пистолет, а другая — серебряную книгу, которая ярко блестела на солнце.

«Может, все это из-за меня? — думал капитан. — Потому что я отказался присоединиться к нему? Может быть, у Спендера не поднялась рука убить меня? Возможно, я чем-нибудь отличаюсь от них? Может, в этом все дело? Он, наверно, считал, что на меня можно положиться. Или есть другой ответ?»

Другого ответа не было. Он присел на корточки возле безжизненного тела.

«Я должен оправдать это своей жизнью, — думал он. — Теперь я не могу его обмануть. Если он считал, что я в чем-то схож с ним и потому не убил меня, то я обязан многое свершить! Да-да, конечно, так и есть. Я — тот же Спендер, он остался жить во мне, только я думаю, прежде чем стрелять. Я вообще не стреляю, не убиваю. Я направляю людей. Он потому не мог меня убить, что видел во мне самого себя, только в иных условиях».

Капитан почувствовал, как солнце припекает его затылок. Он услышал собственный голос:

— Эх, если бы он поговорил со мной, прежде чем стрелять, — мы бы что-нибудь придумали.

— Что придумали? — буркнул Паркхилл. — Что общего у нас с такими, как он?

Равнина, скалы, голубое небо дышало зноем, от которого звенело в ушах.

— Пожалуй, вы правы, — сказал капитан. — Мы никогда не смогли бы поладить. Спендер и я — еще куда ни шло. Но Спендер и вы и вам подобные — нет, никогда. Для него лучше так, как вышло. Дайте-ка глотнуть из фляги.

Предложение схоронить Спендера в пустом саркофаге исходило от капитана. Саркофаг был на древнем марсианском кладбище, которое они обнаружили. И Спендера положили в серебряную гробницу, скрестив ему руки на груди, и туда же положили свечи и вина, изготовленные десять тысяч лет назад. И последним, что они увидели, закрывая саркофаг, было его умиротворенное лицо.

Они постояли в древнем склепе.

— Думаю, вам полезно будет время от времени вспоминать Спендера, — сказал капитан.

Они вышли из склепа и плотно затворили мраморную дверь.

На следующий день Паркхилл затеял стрельбу по мишеням в одном из мертвых городов — он стрелял по хрустальным окнам и сшибал макушки изящных башен. Капитан поймал Паркхилла и выбил ему зубы.

Август 2001

ПОСЕЛЕНЦЫ

Земляне прилетали на Марс.

Прилетали, потому что чего-то боялись и ничего не боялись, потому что были счастливы и несчастливы, чувствовали себя паломниками и не чувствовали себя паломниками.

У каждого была своя причина. Оставляли опостылевших жен или опостылевшую работу, или опостылевшие города; прилетали, чтобы найти что-то, или избавиться от чего-то, или добыть что-то, откопать что-то или зарыть что-то, или предать что-то забвению. Прилетали с большими ожиданиями, с маленькими ожиданиями, совсем без ожиданий. Но во множестве городов на четырех цветных плакатах повелительно указывал начальственный палец: **ДЛЯ ТЕБЯ ЕСТЬ РАБОТА НА НЕБЕ — ПОБЫВАЙ НА МАРСЕ!** И люди собирались в путь; правда, сперва их было немного, какие-нибудь десятки — большинству еще до того, как ракета выстреливала в космос, становилось худо. Болезнь называлась Одиночество. Потому что стоило только представить себе, как твой родной город уменьшается там, внизу — сначала он размером с кулак, затем — с лимон, с булавочную головку, наконец вовсе пропал в пламенной реактивной струе — и у тебя такое чувство, словно ты никогда не рождался на свет, и города никакого нет, и ты нигде, лишь космос кругом, ничего знакомого, только чужие люди. А когда твой штат — Иллинойс или Айова, Миссури или Монтана — тонул в пелене облаков, да что там, все Соединенные Штаты сжимались в мглистый островок, вся планета Земля превращалась в грязновато-серый мячик, летящий куда-то прочь, — тогда уж ты оказывался совсем один, одинокий скиталец в просторах космоса, и невозможно представить себе, что тебя ждет.

Ничего удивительного, что первых было совсем немного. Число переселенцев росло пропорционально количеству земель, которые уже перебрались на Марс: одному страшно, а на людях — не так. Но первым, Одиноким, приходилось полагаться только на себя...

Декабрь 2001

ЗЕЛЕНОЕ УТРО

Когда солнце зашло, он присел возле тропы и приготовил нехитрый ужин; потом, отправляя в рот кусок за куском и задумчиво жуя, слушал, как потрескивает огонь. Миновал еще день, похожий на тридцать других: с утра пораньше вырыть много аккуратных ямок, потом посадить в них семена, натаскать воды из прозрачных каналов. Сейчас, скованный свинцовой усталостью, он лежал, глядя на небо, в котором один оттенок темноты сменялся другим.

Его звали Бенджамен Дрисколл, ему был тридцать один год. Он хотел одного — чтобы весь Марс зазеленел, покрылся

высокими деревьями с густой листвой, рождающей воздух, больше воздуха; пусть растут во все времена года, освежают города в душное лето, не пускают зимние ветры. Дерево, чего-чего только оно не может... Оно дарит краски природе, простирает тень, усыпает землю плодами. Или становится царством детских игр — целый поднебесный мир, где можно лазить, играть, висеть на руках... Великолепное сооружение, несущее пищу и радость, — вот что такое дерево. Но прежде всего дерева — это источник живительного прохладного воздуха для легких и ласкового шелеста, который нежит твой слух и убаюкивает тебя ночью, когда ты лежишь в снежно-белой постели.

Он лежал и слушал, как темная почва собирается с силами, ожидая солнца, ожидая дождей, которых все нет и нет... Приложив ухо к земле, он слышал поступь грядущих годов и видел — видел, как посаженные сегодня семена прорываются зелеными побегами и тянутся ввысь, к небу, раскидывая ветку за веткой, и весь Марс превращается в солнечный лес, светлый сад.

Рано утром, едва маленькое бледное солнце всплывет над складками холмов, он встанет, живо проглотит завтрак с дымком, затопчет головешки, нагрузит на себя рюкзак — и снова выбирать места, копать, сажать семена или саженцы, осторожно уминать землю, поливать и шагать дальше, насвистывая и поглядывая в ясное небо, а оно к полудню все ярче и жарче...

— Тебе нужен воздух, — сказал он своему костру. Костер — живой румяный товарищ, который шутиливо кусает тебе пальцы, а в прохладные ночи, теплый, дремлет рядом, шуря сонные розовые глаза... — Нам всем нужен воздух. Здесь, на Марсе, воздух разреженный. Чуть что, и устал. Все равно что в Андах, в Южной Америке. Вдохнул и не чувствуешь. Никак не надышишься.

Он тронул грудную клетку. Как она расширилась за тридцать дней! Да, здесь им нужно развивать легкие, чтобы вдохнуть побольше воздуха. Или сажать побольше деревьев.

— Понял, зачем я здесь? — сказал он. Огонь стрельнул. — В школе нам рассказывали про Джонни Яблочное Семечко. Как он шел по Америке и сажал яблони. А мое дело поважнее. Я сажаю дубы, вязы, и клены, и всякие другие деревья — осины, каштаны и кедры. Я делаю не просто плоды для желудка, а воздух для легких. Только подумать: когда все эти деревья наконец вырастут, сколько от них будет кислорода!

Вспомнился день прилета на Марс. Подобно тысяче других, он всматривался тогда в тихое марсианское утро и думал:

«Как-то я здесь освоюсь? Что буду делать? Найдется ли работа по мне?»

И потерял сознание.

Кто-то сунул ему под нос пузырек с нашатырным спиртом, он закашлялся и пришел в себя.

— Ничего, оправитесь, — сказал врач.

— А что со мной было?

— Здесь очень разреженная атмосфера. Некоторые ее не переносят. Вам, вероятно, придется возвратиться на Землю.

— Нет! — Он сел, но в тот же миг в глазах у него потемнело, и Марс сделал под ним не меньше двух оборотов. Ноздри расширились, он принудил легкие жадно пить ничто. — Я свыкнусь. Я останусь здесь!

Его оставили в покое; он лежал, дыша, словно рыба на песке, и думал: «Воздух, воздух, воздух. Они хотят меня отпугнуть отсюда из-за воздуха». И он повернул голову, чтобы поглядеть на холмы и равнины Марса. Присмотрелся и первое, что увидел: куда ни глянь, сколько ни смотри — ни одного дерева, ни единого. Этот край словно сам себя покарал, черный перегонной стлался во все стороны, а на нем — ничего, ни одной травинки. «Воздух, — думал он, шумно вдыхая бесцветное нечто. — Воздух, воздух...» И на верхушках холмов, на тенистых склонах, даже возле ручья — тоже ни деревца, ни травинки.

Ну конечно! Ответ родился не в сознании, а в горле, в легких. И эта мысль, словно глоток чистого кислорода, сразу взбодрила. Деревья и трава. Он поглядел на свои руки и повернул их ладонями вверх. Он будет сажать траву и деревья. Вот его работа: бороться против того самого, что может ему помешать остаться здесь. Он объявит Марсу войну — особую, агробиологическую войну. Древняя марсианская почва... Ее собственные растения прожили столько миллионов тысячелетий, что вконец одряхлели и выродились. А если посадить новые виды? Земные деревья — ветвистые мимозы, плакучие ивы, магнолии, величественные эвкалипты. Что тогда? Можно только гадать, какие минеральные богатства таятся в здешней почве — нетронутые, потому что древние папоротники, цветы, кусты, деревья погибли от изнеможения.

— Я должен встать! — крикнул он. — Мне надо видеть Координатора!

Полдня он и Координатор проговорили о том, что растет в зеленом уборе. Пройдут месяцы, если не годы, прежде чем можно будет начать планомерные посадки. Пока что продовольствие доставляют с Земли замороженным, в летающих

сосульках; лишь несколько любителей вырастили сады гидропонным способом.

— Так что пока, — сказал Координатор, — действуйте сами. Добудем семян сколько можно, кое-какое снаряжение. Сейчас в ракетах мало места. Боюсь, поскольку первые поселения связаны с рудниками, ваш проект зеленых посадок не будет пользоваться успехом...

— Но вы мне разрешите?

Ему разрешили. Выдали мотоцикл, он наполнил багажник семенами и саженцами, выезжал в пустынные долины, оставлял машину и шел пешком, работая.

Это началось тридцать дней назад, и с той поры он ни разу не оглянулся. Оглянуться — значит пасть духом: стояла необычайно сухая погода, и вряд ли хоть одно семечко проросло. Может быть, битва проиграна? Четыре недели труда — впустую? И он смотрел только вперед, шел вперед по широкой солнечной долине, все дальше от Первого города, и ждал — ждал, когда же пойдет дождь.

...Он натянул одеяло на плечи; над сухими холмами пухли тучи. Марс непостоянен, как время. Пропеченные солнцем холмы прихватывал ночной заморозок, а он думал о богатой черной почве — такой черной и блестящей, что она чуть ли не шевелилась в горсти, о жирной почве, из которой могли бы расти могучие, исполинские стебли фасоли, и спелые стручки роняли бы огромные, невообразимые зерна, сотрясающие землю.

Сонный костер подернулся пеплом. Воздух дрогнул: вдали прокатилась телега. Гром. Неожиданный запах влаги. «Сегодня ночью, — подумал он и вытянул руку проверить, идет ли дождь. — Сегодня ночью».

Что-то тронуло его бровь, и он проснулся.

По носу на губу скатилась влага. Вторая капля ударила в глаз и на миг его затуманила. Третья разбилась о щеку.

Дождь.

Прохладный, ласковый, легкий, он моросил с высокого неба — волшебный эликсир, пахнувший чарами, звездами, воздухом; он нес с собой черную, как перец, пыль, оставляя на языке то же ощущение, что выдержанный старый херес.

Дождь.

Он сел. Одеяло съехало, и по голубой рубашке забегали темные пятна; капли становились крупнее и крупнее. Костер выглядел так, будто по нему, топча огонь, плясал невидимый зверь; и вот остался только сердитый дым. Пошел дождь. Огромный черный небосвод вдруг раскололся на шесть аспидно-голубых осколков и обрушился вниз. Он увидел десятки

миллиардов дождевых кристаллов, они замерли в своем падении ровно на столько времени, сколько нужно было, чтобы их запечатлел электрический фотограф. И снова мрак, и вода, вода...

Он промок до костей, но сидел и смеялся, подняв лицо, и капли стучали по векам. Он хлопнул в ладоши, вскочил на ноги и прошелся вокруг своего маленького лагеря; был час ночи.

Дождь лил непрерывно два часа, потом прекратился. Высыпали чисто вымытые звезды, яркие, как никогда.

Бенджамен Дрисколл достал из целлофановой сумки сухую одежду, переоделся, лег и, счастливый, уснул.

Солнце медленно взошло между холмами. Лучи вырвались из-за преграды, тихо скользнули по земле и разбудили Дрисколла.

Он чуть помешкал, прежде чем встать. Целый месяц, долгий жаркий месяц он работал, работал и ждал... Но сегодня, поднявшись, он впервые повернулся в ту сторону, откуда пришел.

Утро было зеленое.

Насколько хватал глаз, к небу поднимались деревья. Не одно, не два, не десяток, а все те тысячи, что он посадил, семенами или саженцами. И не мелочь какая-нибудь, нет, не поросль, не хрупкие деревца, а мощные стволы, могучие деревья высотой с дом, зеленые-зеленые, огромные, округлые, пышные деревья с отливающей серебром листвой, шелестящие на ветру, длинные ряды деревьев на склонах холмов, лимонные деревья и липы, секвойи и мимозы, дубы и вязы, осины, вишни, клены, ясени, яблони, апельсиновые деревья, эвкалипты — подстегнутые буйным дождем, вскормленные чужой волшебной почвой. На его глазах продолжали тянуться вверх новые ветви, лопались новые почки.

— Невероятно! — воскликнул Бенджамен Дрисколл.

Но долина и утро были зеленые.

А воздух!

Отовсюду, словно живой поток, словно горная река, струился свежий воздух, кислород, источаемый зелеными деревьями. Присмотрись и увидишь, как он переливается в небе хрустальными волнами. Кислород — свежий, чистый, зеленый, прохладный кислород превратил долину в дельту реки. Еще мгновение, и в городе распахнутся двери, люди выбегут навстречу чуду, будут его глотать, вдыхать полной грудью, щеки порозовеют, носы озябнут, легкие заново оживут, сердце забьется чаще, и усталые тела полетят в танце.

Бенджамен Дрисколл глубоко-глубоко вдохнул влажный зеленый воздух и потерял сознание.

Прежде чем он очнулся, навстречу желтому солнцу поднялось еще пять тысяч деревьев.

Февраль 2002

САРАНЧА

Ракеты жгли сухие луга, обращали камень в лаву, дерево — в уголь, воду — в пар, сплавляли песок и кварц в зеленое стекло; оно лежало везде, словно разбитые зеркала, отражающие в себе ракетное нашествие. Ракеты, ракеты, ракеты, как барабанная дробь в ночи. Ракеты роями саранчи садились в клубах розового дыма. Из ракет высыпали люди с молотками: перековать на привычный лад чужой мир, стесать все необычное, рот ошетилен гвоздями, словно стальноразубая пасть хищника, сплевывает гвозди в мелькающие руки, и те сколачивают каркасные дома, кроют крыши дранкой — чтобы спрятаться от чужих, пугающих звезд, вешают зеленые шторы — чтобы укрыться от ночи. Затем плотники спешили дальше, и являлись женщины с цветочными горшками, пестрыми ситцами, кастрюлями и поднимали кухонный шум, чтобы заглушить тишину Марса, притаившуюся у дверей, у занавешенных окон.

За шесть месяцев на голой планете был заложен десяток городков с великим числом трескучих неоновых трубок и желтых электрических лампочек. Десятою с лишним тысяч человек прибыло на Марс, а на Земле уже укладывали чемоданы другие...

Август 2002

НОЧНАЯ ВСТРЕЧА

Прежде чем ехать дальше в голубые горы, Томас Гомес остановился возле уединенной бензоколонки.

— Не одиноко тебе здесь, папаша? — спросил Томас.

Старик протер тряпкой ветровое стекло небольшого грузовика.

— Ничего.

— А как тебе Марс нравится, старина?

— Здорово. Всегда что-нибудь новое. Когда я в прошлом году попал сюда, то первым делом сказал себе: вперед не заглядывай, ничего не требуй, ничему не удивляйся. Землю

нам надо забыть, все, что было, забыть. Теперь следует приглядеться, освоиться и понять, что здесь все не так, все по-другому. Да тут одна только погода — это же настоящий цирк. Это *марсианская* погода. Днем жарища адская, ночью адский холод. А необычные цветы, необычный дождь — неожиданности на каждом шагу! Я сюда приехал на покой, задумал дожить жизнь в таком месте, где все иначе. Это очень важно старому человеку — переменить обстановку. Молодежи с ним говорить недосуг, другие старики ему осточертели. Вот я и смекнул, что самое подходящее для меня — найти такое необычное местечко, что только не ленись смотреть, кругом развлечения. Вот, подрядился на эту бензоколонку. Станет чересчур хлопотно, снимусь отсюда и переберусь на какое-нибудь старое шоссе, не такое оживленное; мне бы только заработать на пропитание, да чтобы еще оставалось время примечать, до чего же здесь все не так.

— Неплохо ты сообразил, папаша, — сказал Томас; его смуглые руки лежали, отдыхая, на баранке. У него было отличное настроение. Десять дней кряду он работал в одном из новых поселений, теперь получил два выходных и ехал на праздник.

— Уж я больше ничему не удивляюсь, — продолжал старик. — Гляжу, и только. Можно сказать, набираюсь впечатлений. Если тебе Марс, каков он есть, не по вкусу, отправляйся лучше обратно на Землю. Здесь все шиворот-навыворот: почва, воздух, каналы, туземцы (правда, я еще ни одного не видел, но, говорят, они тут где-то бродят), часы. Мои часы — и те чудят. Здесь даже время шиворот-навыворот. Иной раз мне сдается, что я один-одинешенек, на всей этой проклятой планете больше ни души. Пусто. А иногда покажется, что я — восьмилетний мальчишка, сам махонький, а все кругом здоровенное! Видит Бог, тут самое подходящее место для старого человека. Тут не задремлешь, я просто счастливый стал. Знаешь, что такое Марс? Он смахивает на вещицу, которую мне подарили на Рождество семьдесят лет назад — не знаю, держал ли ты в руках такую штуку: их калейдоскопами называют, внутри осколки хрусталя, лоскутки, бусинки, всякая мишура... А поглядишь сквозь нее на солнце — дух захватывает! Сколько узоров! Так вот, это и есть Марс. Наслаждайся им и не требуй от него, чтобы он был другим. Господи, да знаешь ли ты, что вот это самое шоссе проложено марсианами шестнадцать веков назад, а в полном порядке! Гони доллар и пятьдесят центов, спасибо и спокойной ночи.

Томас покатил по древнему шоссе, тихонько посмеиваясь.

Это был долгий путь через горы, сквозь тьму, и он держал руль, иногда опуская руку в корзинку с едой и доставая оттуда леденец. Прошло уже больше часа непрерывной езды, и ни одной встречной машины, ни одного огонька, только лента дороги, гул и рокот мотора, и Марс кругом, тихий, безмолвный. Марс — всегда тихий, в эту ночь был тише, чем когда-либо. Мимо Томаса скользили пустыни, и высохшие моря, и вершины среди звезд.

Нынче ночью в воздухе пахло Временем. Он улыбнулся, мысленно оценивая свою выдумку. Неплохая мысль. А в самом деле: чем пахнет Время? Пылью, часами, человеком. А если задуматься, какое оно — Время то есть — на слух? Оно вроде воды, струящейся в темной пещере, вроде зовущих голосов, вроде шороха земли, что сыплется на крышку пустого ящика, вроде дождя. Пойдем еще дальше, спросим, как *выглядит* Время? Оно точно снег, бесшумно летящий в черный колодец, или старинный немой фильм, в котором сто миллиардов лиц, как новогодние шары, падают вниз, падают в ничто. Вот чем пахнет Время, и вот какое оно на вид и на слух. А нынче ночью — Томас высунул руку в боковое окошко, — нынче так и кажется, что его можно даже пощупать.

Он вел грузовик в горах Времени. Что-то кольнуло шею, и Томас выпрямился, внимательно глядя вперед.

Он въехал в маленький мертвый марсианский городок, выключил мотор и окунулся в окружающее его безмолвие. Затаив дыхание, он смотрел из кабины на залитые луной белые здания, в которых уже много веков никто не жил. Великолепные, безупречные здания, пусть разрушенные, но все равно великолепные.

Включив мотор, Томас проехал еще милю-другую, потом снова остановился, вылез, захватив свою корзинку, и прошел на бугор, откуда можно было окинуть взглядом занесенный пылью город. Открыл термос и налил себе чашку кофе. Мимо пролетела ночная птица. На душе у него было удивительно хорошо, спокойно.

Минут пять спустя Томас услышал какой-то звук. Вверху, там, где древнее шоссе терялось за поворотом, он заметил какое-то движение, тусклый свет, затем донесся слабый рокот. Томас повернулся, держа чашку в руке. С гор спускалось нечто необычайное.

Это была машина, похожая на желто-зеленое насекомое, на богомола, она плавно рассекала холодный воздух, мерцая бесчисленными зелеными бриллиантами, сверкая фасеточными рубиновыми глазами. Шесть ног машины ступали по древнему шоссе с легкостью моросящего дождя, а со спины ма-

шины на Томаса глазами цвета расплавленного золота глядел марсианин, глядел, будто в колодез.

Томас поднял руку и мысленно уже крикнул: «Привет!», но губы его не шевельнулись. Потому что это был *марсианин*. Но Томас плавал на Земле в голубых реках, вдоль которых шли незнакомые люди, вместе с чужими людьми ел в чужих домах, и всегда его лучшим оружием была улыбка. Он не носил с собой пистолета. И сейчас Томас не чувствовал в нем нужды, хотя где-то под сердцем притаился страх.

У марсианина тоже ничего не было в руках. Секунду они смотрели друг на друга сквозь прохладный воздух.

Первым решился Томас.

— Привет! — сказал он.

— Привет! — сказал марсианин на своем языке.

Они не поняли друг друга.

— Вы сказали «здравствуйте»? — спросили оба одновременно.

— Что вы сказали? — продолжали они, каждый на своем языке.

Оба нахмурились.

— Вы кто? — спросил Томас по-английски.

— Что вы здесь делаете? — произнесли губы чужака по-марсиански.

— Куда вы едете? — спросили оба с озадаченным видом.

— Меня зовут Томас Гомес.

— Меня зовут Мью Ка.

Ни один из них не понял другого, но каждый постучал пальцем по своей груди, и смысл стал обоим ясен.

Вдруг марсианин рассмеялся:

— Подождите!

Томас ощутил, как что-то коснулось его головы, хотя никто его не трогал.

— Вот так! — сказал марсианин по-английски. — Теперь дело пойдет лучше!

— Вы так быстро выучили мой язык?

— Ну что вы!

Оба, не зная, что говорить, посмотрели на чашку с горячим кофе в руке Томаса.

— Что-нибудь новое? — спросил марсианин, разглядывая и его и чашку и подразумевая, по-видимому, и то и другое.

— Выпьете чашечку? — предложил Томас.

— Большое спасибо.

Марсианин соскользнул со своей машины.

Вторая чашка наполнилась горячим кофе. Томас подал ее марсианину.

Их руки встретились и, точно сквозь туман, прошли одна сквозь другую.

— Господи Иисусе! — воскликнул Томас и выронил чашку.

— Силы небесные! — сказал марсианин на своём языке.

— Видели, что произошло? — прошептали они.

Оба похолодели от испуга.

Марсианин нагнулся за чашкой, но никак не мог ее взять.

— Господи! — ахнул Томас.

— Ну и ну! — Марсианин пытался снова и снова ухватить чашку, ничего не получалось. Он выпрямился, подумал, затем отстегнул от пояса нож.

— Эй! — крикнул Томас.

— Вы не поняли, ловите! — сказал марсианин и бросил нож.

Томас подставил сложенные вместе ладони. Нож упал сквозь руки на землю. Томас хотел его поднять, но не мог ухватить и, вздрогнув, отпрянул.

Он глядел на марсианина, стоящего на фоне неба.

— Звезды! — сказал Томас.

— Звезды! — отозвался марсианин, глядя на Томаса.

Сквозь тело марсианина, яркие, белые, светили звезды, его плоть была расшита ими словно тонкая, переливающаяся искрами оболочка студенистой медузы. Звезды мерцали, точно фиолетовые глаза, в груди и в животе марсианина, блистали драгоценностями на его запястьях.

— Я вижу сквозь вас! — сказал Томас.

— И я сквозь вас! — отвечал марсианин, отступая на шаг.

Томас пощупал себя, ощутил живое тепло собственного тела и успокоился. «Все в порядке, — подумал он, — я существую».

Марсианин коснулся рукой своего носа, губ.

— Я не бесплотный, — негромко сказал он. — *Живой!*

Томас озадаченно глядел на него:

— Но если я существую, значит, вы — мертвый.

— Нет, вы!

— Привидение!

— Призрак!

Они показывали пальцем друг на друга, и звездный свет в их конечностях сверкал и переливался, как острие кинжала, как ледяные сосульки, как светлячки. Они снова проверили свои ощущения, и каждый убедился, что он жив-здоров и охвачен волнением, трепетом, жаром, недоумением, а вот тот,

другой — ну конечно же, тот нереален, тот призрачная призма, ловящая и излучающая свет далеких миров...

«Я пьян, — сказал себе Томас. — Завтра никому не расскажу про это, ни слова!»

Они стояли на древнем шоссе, и оба не шевелились.

— Откуда вы? — спросил наконец марсианин.

— С Земли.

— Что это такое?

— Там. — Томас кивком указал на небо.

— Давно?

— Мы прилетели с год назад, вы разве не помните?

— Нет.

— А вы все к тому времени вымерли, почти все. Вас очень мало осталось — разве вы этого *не знаете*?

— Это неправда.

— Я вам говорю, вымерли. Я сам видел трупы. Почерневшие тела в комнатах, во всех домах, и все мертвые. Тысячи тел.

— Что за вздор, *мы живы*!

— Мистер, всех ваших скосила эпидемия. Странно, что вам это неизвестно. Вы каким-то образом спаслись.

— Я не спасся, не от чего мне было спастись. О чем это вы говорите? Я еду на праздник у канала возле Эниальских Гор. И прошлую ночь был там. Вы разве не видите город? — Марсианин вытянул руку, показывая.

Томас посмотрел и увидел развалины.

— Но ведь этот город мертв уже много тысяч лет!

Марсианин рассмеялся:

— Мертв? Я ночевал там вчера!

— А я его проезжал на той неделе, и на позапрошлой неделе, и вот только что, там одни развалины! Видите разбитые колонны?

— Разбитые? Я их отлично вижу в свете луны. Прямые, стройные колонны.

— На улицах ничего, кроме пыли, — сказал Томас.

— Улицы чистые!

— Каналы давно высохли, они пусты.

— Каналы полны лавандового вина!

— Город мертв.

— Город жив! — возразил марсианин, смеясь еще громче. — Вы решительно ошибаетесь. Видите, сколько там карнавальных огней? Там прекрасные челны, изящные, как женщины, там прекрасные женщины, изящные, как челны, женщины с кожей песочного цвета, женщины с огненными цветками в руках. Я их вижу, вижу, как они бегут вон там, по улицам,

такие маленькие отсюда. И я туда еду, на праздник, мы будем всю ночь кататься по каналу, будем петь, пить, любить. Неужели вы *не видите*?

— Мистер, этот город мертв, как сушеная ящерица. Спросите любого из наших. Что до меня, то я еду в Грин-Сити — новое поселение на Иллинойсском шоссе, мы его совсем недавно заложили. А вы что-то напутали. Мы доставили сюда миллион квадратных футов досок лучшего орегонского леса, несколько десятков тонн добрых стальных гвоздей и отгрохали два поселка — глаз не оторвешь. Как раз сегодня spryskivaем один из них. С Земли прилетают две ракеты с нашими женами и невестами. Будут народные танцы, виски...

Марсианин встрепнулся:

— Вы говорите — в той стороне?

— Да, там, где ракеты. — Томас подвел его к краю бугра и показал вниз. — Видите?

— Нет.

— Да вон жё, вон, черт возьми! Такие длинные, серебристые штуки

— Не вижу.

Теперь рассмеялся Томас:

— Да вы ослепли!

— У меня отличное зрение. Это вы не видите.

— Ну хорошо, а новый поселок вы видите? Или тоже нет?

— Ничего не вижу, кроме океана — и как раз сейчас отлив.

— Уважаемый, этот океан испарился сорок веков тому назад.

— Ну знаете, это уж чересчур.

— Но это правда, уверяю вас!

Лицо марсианина стало очень серьезным.

— Постойте. Вы в самом деле не видите города, как я его вам описал? Белые-белые колонны, изящные лодки, праздничные огни — я их так отчетливо вижу! Вслушайтесь! Я даже слышу, как там поют. Не такое уж большое расстояние.

Томас прислушался и покачал головой:

— Нет.

— А я, — продолжал марсианин, — не вижу того, что описываете вы. Как же так?..

Они снова зябко вздрогнули, точно их плоть пронизало ледяными иглами.

— А может быть?..

— Что?

— Вы сказали «с неба»?

— С Земли.

— Земля — название, пустой звук... — произнес марсианин. — Но... час назад, когда я ехал через перевал... — Он коснулся своей шеи сзади. — Я ощутил...

— Холод?

— Да.

— И теперь тоже?

— Да, снова холод. Что-то было со светом, с горами, с дорогой — что-то необычное. И свет, и дорога словно не те, и у меня на мгновение появилось такое чувство, будто я последний из живущих во Вселенной...

— И со мной так было! — воскликнул Томас взволнованно; он как будто беседовал с добрым старым другом, доверяя ему что-то сокровенное.

Марсианин закрыл глаза и снова открыл их.

— Тут может быть только одно объяснение. Все дело во Времени. Да-да. Вы — создание Прошлого!

— Нет, это вы из Прошлого, — сказал землянин, поразмыслив.

— Как вы уверены! Вы можете доказать, кто из Прошлого, а кто из Будущего? Какой сейчас год?

— Две тысячи второй!

— Что это говорит мне?

Томас подумал и пожал плечами:

— Ничего.

— Все равно что я бы вам сказал, что сейчас 4 462 853 год по нашему летосчислению. Слова — ничто, меньше, чем ничто! Где часы, по которым мы бы определили положение звезд?

— Но развалины — доказательство! Они доказывают, что я — Будущее. Я жив, а *вы* мертвы!

— Все мое существо отвергает такую возможность. Мое сердце бьется, желудок требует пищи, рот жаждет воды. Нет, никто из нас ни жив ни мертв. Впрочем, скорее жив, чем мертв. А еще вернее, мы как бы посередине. Вот: два странника, которые встретились ночью в пути. Два незнакомца, у каждого своя дорога. Вы говорите, развалины?

— Да. Вам страшно?

— Кому хочется увидеть Будущее? И кто его когда-либо увидит? Человек может лицезреть Прошлое, но чтобы... Вы говорите, колонны рухнули? И море высохло, каналы пусты, девушки умерли, цветы завяли? — Марсианин смолк, но затем снова посмотрел на город. — Но вон же они! Я их *вижу*. И мне этого достаточно. Они ждут меня, что бы вы ни говорили.

Точно так же вдали ждали Томаса ракеты, и поселок, и женщины с Земли.

— Мы никогда не согласимся друг с другом, — сказал он.

— Согласимся не соглашаться, — предложил марсианин. — Прошлое, Будущее — не все ли равно, лишь бы мы оба жили, ведь то, что придет вслед за нами, все равно придет — завтра

или через десять тысяч лет. Откуда вы знаете, что эти храмы — не обломки вашей цивилизации через сто веков? Не знаете. Ну так и не спрашивайте. Однако ночь коротка. Вон рассыпался в небе праздничный фейерверк, взлетели птицы.

Томас протянул руку. Марсианин повторил его жест.

Их руки не соприкоснулись — они растворились одна в другой.

— Мы еще встретимся?

— Кто знает? Возможно, когда-нибудь.

— Хотелось бы мне побывать с вами на вашем празднике.

— А мне — попасть в ваш новый поселок, увидеть корабль, о котором вы говорили, увидеть людей, услышать обо всем, что случилось.

— До свидания, — сказал Томас.

— Доброй ночи.

Марсианин бесшумно укатил в горы на своем зеленом металлическом экипаже, землянин развернул свой грузовик и молча повел его в противоположную сторону.

— Господи, что за сон, — вздохнул Томас, держа руки на баранке и думая о ракетах, о женщинах, о крепком виски, о вирджинских плясках, о предстоящем веселье.

«Какое странное видение», — мысленно произнес марсианин, прибавляя скорость и думая о празднике, каналах, лодках, золотоглазых женщинах, песнях...

Ночь была темна. Луны зашли. Лишь звезды мерцали над пустым шоссе. Ни звука, ни машины, ни единого живого существа, ничего. И так было до конца этой прохладной темной ночи.

Октябрь 2002

БЕРЕГ

Марс был словно дальний берег океана, люди волнами растекались по нему. Каждая волна не похожа на предыдущую, одна мощнее другой. Первая принесла людей, привычных к просторам, холодам, одиночеству, худых, сухошавых старателей и пастухов, лица у них иссушены годами и непогодами, глаза, как шляпки гвоздей, руки, одубевшие, как старые перчатки, готовы взяться за что угодно. Марс был им нипочем, они выросли на равнинах и прериях, таких же безбрежных, как марсианские поля. Они обживали голое место, так что другим было уже легче решиться. Остекляли пустые рамы, зажигали в домах огни.

Они были первыми мужчинами на Марсе.

Каковы будут первые женщины — знали все.

Со второй волной надо было бы доставить людей иных стран, со своей речью, своими идеями. Но ракеты были американские, и прилетели на них американцы, а Европа и Азия, Южная Америка и Австралия, и Океания только смотрели, как исчезают в выси римские свечи. Мир был поглощен войной или мыслями о войне.

Так что вторыми тоже были американцы. Покинув мир многоярусных клетушек и вагонов подземки, они отдыхали душой и телом в обществе скупых на слова мужчин из степных штатов, знающих цену молчанию, которое помогало обрести душевный покой после долгих лет толкотни в каморках, коробках, туннелях Нью-Йорка.

И были среди вторых такие, которым, судя по их глазам, чудилось, будто они возносятся к Господу Богу...

Февраль 2003

ИНТЕРМЕДИЯ

Они привезли с собой пятнадцать тысяч погонных футов оregonской сосны для строительства Десятого города и семьдесят девять тысяч футов калифорнийской секвойи и отгрохали чистенький, аккуратный городок возле каменных каналов. Воскресными вечерами красно-зелено-голубые матовые стекла церковных окон вспыхивали светом и слышались голоса, поющие нумерованные церковные гимны. «А теперь споем 79. А теперь споем 94». В некоторых домах усердно стучали пишущие машинки — это работали писатели; или скрипели перья — там творили поэты; или царила тишина — там жили бывшие бродяги. Все это и многое другое создавало впечатление, будто могучее землетрясение расшатало фундаменты и подвалы провинциального американского городка, а затем смерч сказочной мощи мгновенно перенес весь городок на Марс и осторожно поставил его здесь, даже не тряхнув...

Апрель 2003

МУЗЫКАНТЫ

Вкакие только уголки Марса не забирались мальчишки. Они прихватывали с собой из дома вкусно пахнущие пакеты и по пути время от времени засовывали в них носы — вдохнуть сытный дух ветчины и пикулей с майонезом, прислушаться к влажному бульканью апельсиновой воды в

теплых бутылках. Размахивая сумками с сочным, прозрачно-зеленым луком, пахучей ливерной колбасой, красным кетчупом и белым хлебом, они подбивали друг друга преступить запреты их строгих родительниц. Они бегали взапуски:

— Кто первый добежит, даст остальным щелчка!

Они ходили в дальние прогулки летом, осенью, зимой. Осенью — лучше всего: можно вообразить, будто ты, как на Земле, бегаешь по опавшей листве.

Горстью звучных камешков высыпали мальчишки — кирпичные щеки, голубые бусины глаз — на мраморные набережные каналов и, запыхавшись, подбадривали друг друга возгласами, благоухающими луком. Потому что здесь, у стен запретного мертвого города, никто уже не кричал: «Последний будет девчонкой!» или «Первый будет Музыкантом!». Вот он, безжизненный город, и все двери открыты... И кажется, будто что-то шуршит в домах, как осенние листья. Они крадутся дальше, все вместе, плечом к плечу, и в руках стиснуты палки, а в голове — родительский наказ: «Только не туда! В старые города ни в коем случае! Если посмеешь — отец выплет так, что век будешь помнить!.. Мы по ботинкам узнаем!»

И вот они в мертвом городе, мальчишья стая, половина дорожной снеди уже проглочена, и они подзадоривают друг друга свистящим шепотом:

— Ну давай!

Внезапно один срывается с места, вбегает в ближайший дом, летит через столовую в спальню, и ну скакать без оглядки, приплясывать, и взлетают в воздух черные листья, тонкие, хрупкие, будто плоть полуночного неба. За первым вбегают еще двое, трое, все шестеро, но Музыкантом будет первый, только он будет играть на белом ксилофоне костей, обтянутых черными хлопьями. Снежным комом выкатывается огромный череп, мальчишки кричат! Ребра — паучьи ноги, ребра — гулкие струны арфы, и черной вьюгой кружатся смертные хлопья, а мальчишки затеяли возню, прыгают, толкают друг друга, падают прямо на эти листья, на чуму, обратившую мертвых в хлопья и прах, в игрушку для мальчишек, в животах которых булькала апельсиновая вода.

Отсюда — в следующий дом и еще в семнадцать домов; надо спешить — ведь из города в город, начисто выжигая все ужасы, идут Пожарники, дезинфекторы с лопатами и корзинами, сгребают, выгребают эбеновые лохмотья и белые палочки-кости, медленно, но верно отделяя страшное от обыденного... Играйте, мальчишки, не мешкайте, скоро придут Пожарные!

И вот, светясь капельками пота, впиваются зубами в последний бутерброд. Затем — еще раз наподдать ногой напо-

следок, еще раз выбить дробь из маримбофона, по-осеннему нырнуть в кучу листьев и — в путь, домой.

Матери проверяли ботинки, нет ли черных чешуек. Найдут — получай: обжигающую ванну и отеческое внушение ремнем.

К концу года Пожарники wygrебли все осенние листья и белые ксилофоны, потехе пришел конец.

Июнь 2003

...ВЫСОКО В НЕБЕСА

— **С**лышал?
— Что?

— Негры-то, черномазые!

— Что такое?

— Уезжают, сматываются, драпают — неужели не слышал?

— То есть как это сматываются? Да как они могут!

— Могут. Уже...

— Какая-нибудь парочка?

— Все до одного! Все негры южных штатов!

— Не-е...

— Точно!

— Не поверю, пока сам не увижу. И куда же они? В Африку?

Пауза.

— На Марс.

— То есть — на *планету* Марс?

— Именно.

Они стояли под раскаленным навесом на веранде скобяной лавки. Один бросил раскуривать трубку. Другой сплюнул в горячую полуденную пыль.

— Не могут они уехать, ни в жизнь.

— А вот же уезжают.

— Да откуда ты взял?

— Везде говорят, и по радио только что передавали.

Они зашевелились — казалось, оживают запыленные статуи. Сэмюэль Тис, хозяин скобяной лавки, натянуто рассмеялся:

— А я-то не возьму в толк, что стряслось с Силли. Час назад дал ему свой велосипед и послал к миссис Бордмен. До сих пор не вернулся. Уж не махнул ли напрямиком на Марс, дурень черномазый?

Мужчины фыркнули.

— А только пусть лучше вернет велосипед, вот что. Клянусь, воровства я не потерплю ни от кого.

— Слушайте!

Они повернулись, раздраженно толкая друг друга.

В дальнем конце улицы словно прорвалась плотина. Жаркие черные струи хлынули, затопляя город. Между ослепительно белыми берегами городских лавок, среди безмолвных деревьев, нарастал черный прилив. Будто черная патока ползла, набухая, по светло-коричневой пыли дороги. Медленно, медленно нарастала лавина — мужчины и женщины, лошади и лающие псы, и дети, мальчики и девочки. А речь людей — частиц могучего потока — звучала, как шум реки, которая летним днем куда-то несет свои воды, рокочущая, неотвратимая. В этом медленном темном потоке, рассекшем ослепительное сияние дня, блестящими живой белизны сверкали глаза. Они смотрели вперед, влево, вправо, а река, длинная, нескончаемая река, уже прокладывала себе новое русло. Бесчисленные притоки, речушки, ручейки слились в единый материнский поток, объединили свое движение, свои краски и устремились дальше. Окаймляя вздувшуюся стремнину, плыли голосистые дедовские будильники, гулко тикающие стенные часы, кудахчущие куры в клетках, плачущие малютки; беспорядочное течение увлекало за собой мулов, кошек, тут и там всплывали вдруг матрасные пружины, растрепанная волосая набивка, коробки, корзинки, портреты темнокожих предков в дубовых рамах. Река катилась и катилась, а люди на террасе скобяной лавки сидели подобно ошетилившимся псам и не знали, что предпринять: чинить плотину было поздно.

Сэмюэль Тис все еще не мог поверить.

— Да кто им даст транспорт, черт возьми? Как они думают попасть на Марс?

— Ракеты, — сказал дед Квортэрмэйн.

— У этих болванов и остолопов? Откуда они их взяли, ракеты-то?

— Скопили денег и построили.

— Первый раз слышу.

— Видно, черномазые держали все в секрете. Построили ракеты сами, а где — не знаю. Может, в Африке.

— Как же так? — не унимался Сэмюэль Тис, мечась по веранде. — А законы на что?

— Они как будто войны никому не объявляли, — мирно ответил дед.

— Откуда же они полетят, черт бы их побрал со всеми их секретами и заговорами? — крикнул Тис.

— По расписанию все негры этого города собираются возле Лун-Лейк. В час туда прилетят ракеты и заберут их на Марс.

— Надо звонить губернатору, вызвать полицию! — бешенно-бешенно Тис. — Они обязаны были предупредить заранее!

— Твоя благоверная идет, Тис.

Мужчины повернулись.

По раскаленной улице, в слепящем безветрии шли белые женщины. Одна, вторая, еще и еще, и у всех ошеломленные лица, и все порывисто шуршат юбками. Одни плакали, другие хмурились. Они шли за своими мужьями. Они исчезали за вращающимися дверьми баров. Они входили в тихие бакалейные лавки. Заходили в аптеки и гаражи. Одна из них, миссис Клара Тис, остановилась в пыли возле скобяной лавки, шурясь на своего разгневанного, надутного супруга, а за ее спиной набухал черный поток.

— Отец, пошли домой, я никак не могу уломать Люсинду!

— Чтобы я шел домой из-за какой-то черномазой дряни?!

— Она уходит. Что я буду делать без нее?

— Попробуй сама управляться. Я на коленях перед ней ползать не буду.

— Но она все равно что член семьи, — причитала миссис Тис.

— Не вопи! Не хватало еще, чтобы ты у всех на глазах хныкала из-за всякой...

Всхлипывания жены остановили его. Она утирала глаза.

— Я ей говорю: «Люсинда, останься, — говорю, — я прибавлю тебе жалованье, будешь свободна *два* вечера в неделю, если хочешь», — а она словно каменная! Никогда ее такой не видела. «Неужто ты меня не любишь, — говорю, — Люсинда?» «Люблю, — говорит, — и все равно должна уйти, так уж получилось». Убрала всюду, навела порядок, поставила на стол завтрак и... и пошла. Дошла до дверей, а там уже два узла приготовлены. Стала, у каждой ноги по узлу, пожала мне руку и говорит: «Прощайте, миссис Тис». И ушла. Завтрак на столе, а нам кусок в горло не лезет. И сейчас там стоит, наверно; совсем остыл, как я уходила...

Тис едва не ударил ее.

— К черту, слышишь, марш домой! Нашла место представление устраивать!

— Но, отец...

Сэмюэль исчез в душной тьме лавки. Несколько секунд спустя он появился снова, с серебряным пистолетом в руке.

Его жены уже не было.

Черная река текла между строениями, скрипя, шурша и шаркая. Поток был спокойный, полный великой решимости; ни смеха, ни бесчинств, только ровное, целеустремленное, нескончаемое течение.

Тис сидел на самом краешке своего тяжелого дубового кресла.

— Клянусь Богом, если кто-нибудь из них хотя бы улыбнется, я его прикончу.

Мужчины ждали.

Река мирно катила мимо сквозь дремотный полдень.

— Что, Сэм, — усмехнулся дед Квортэрмэйн, — видать, придется тебе самому черную работу делать.

— Я и по белому не промахнусь. — Тис не глядел на деда.

Дед отвернулся и замолчал.

— Эй, ты, постой-ка! — Сэмюэль Тис спрыгнул с веранды, протиснулся и схватил под уздцы лошадь, на которой сидел высокий негр. — Все, Белтер, слезай, приехали!

— Да, сэр. — Белтер соскользнул на землю.

Тис смерил его взглядом:

— Ну, как же это называется?

— Понимаете, мистер Тис...

— В путь собрался, да? Как в той песне... сейчас вспомню... «Высоко в небеса» — так, что ли?

— Да, сэр.

Негр ждал, что последует дальше.

— А ты не забыл, Белтер, что должен мне пятьдесят долларов?

— Нет, сэр.

— И задумал с ними улизнуть? А хлыста отведать не хочешь?

— Сэр, тут такой переполох, я совсем запямятовал.

— Он запямятовал... — Тис злобно подмигнул своим зрителям на веранде. — Черт возьми, мистер, ты знаешь, что ты будешь делать?

— Нет, сэр.

— Ты останешься здесь и отработаешь мне эти пятьдесят зелененьких, не будь я Сэмюэль В. Тис.

Он повернулся и торжествующе улыбнулся мужчинам под навесом.

Белтер смотрел на поток, до краев заполняющий улицу, на черный поток, неудержимо струящийся между лавками, черный поток на колесах, верхом, в пыльных башмаках, черный поток, из которого его так внезапно вырвали. Он задрожал.

— Отпустите меня, мистер Тис. Я пришлю оттуда ваши деньги, честное слово!

— Послушай-ка, Белтер. — Тис ухватил негра за подтяжки, потягивая то одну, то другую, словно струны арфы, посмотрел на небо и, пренебрежительно фыркнув, прицелился костистым

пальцем в самого Господа Бога. — А ты знаешь, Белтер, что тебя там ждет?

— Знаю то, что мне рассказывали.

— Ему рассказывали! Иисусе Христе! Нет, вы слышали? Ему рассказывали! — Он, небрежно так, словно играя, мотал Белтера за подтяжки и тыкал пальцем ему в лицо. — Помяни мое слово, Белтер, вы взлетите вверх, как шутиха в день Четвертого июля, и — бам! Готово, один пепел от вас, да и тот разнесет по всему космосу. Эти болваны-ученые не смыслят ни черта, они вас всех укокошат!

— Мне все равно.

— И очень хорошо! Потому что там, на этом вашем Марсе, знаешь, что вас поджидает? Чудовища кровожадные, глазища — во! Как мухоморы! Небось, видал картинки в журналах про будущее, в закусочной у нас продают по десяти центов штука? Ну так вот, как налетят они на вас — весь мозг из костей высосут!

— Мне все равно, все равно, все равно. — Белтер, не отрываясь, смотрел на скользящий мимо поток. На темном лбу выступил пот. Казалось, он вот-вот потеряет сознание.

— А холодина там! И воздуха нет, упадешь там и задрыгаешься как рыба. Разинешь пасть и помрешь. Покорчишься, задохнешься и помрешь! Как это — по душе тебе?

— Мало ли что мне не по душе, сэр... Пожалуйста, сэр, отпустите меня. Я опоздаю.

— Отпущу, когда захочу. Мы будем мило толковать с тобой здесь, пока я не позволю тебе уйти, и ты это отлично знаешь. Значит, путешествовать собрался? Ну, так вот что, мистер «Высоко в небеса», возвращайся домой, черт дери, и отработывай пятьдесят зелененьких! Срок тебе — два месяца.

— Но, сэр, если я останусь отработывать, я опоздаю на ракету!

— Ах, горе-то какое! — Тис попытался изобразить печаль.

— Возьмите мою лошадь, сэр.

— Лошадь не может быть признана законным платежным средством. Ты не двинешься с места, пока я не получу своих денег.

Тис ликовал. Настроение у него было чудесное.

У лавки собралась небольшая толпа темнокожих людей. Они стояли и слушали. Белтер дрожал всем телом, понунив голову.

Вдруг от толпы отделился старик.

— Мистер?

Тис глянул на него:

— Ну?

— Сколько должен вам этот человек, мистер?

— Не твое собачье дело!

Старик повернулся к Белтеру:

— Сколько, сынок?

— Пятьдесят долларов.

Старик протянул черные руки к окружающим его людям:

— Нас двадцать пять. Каждый дает по два доллара, и быстро, сейчас не время спорить.

— Это еще что такое? — крикнул Тис, величественно выпрямляясь во весь рост.

Появились деньги. Старик собрал их в шляпу и подал ее Белтеру.

— Сынок, — сказал он, — ты не опоздаешь на ракету.

Белтер взглянул в шляпу и улыбнулся:

— Не опоздаю, сэр, теперь не опоздаю!

Тис заорал:

— Сейчас же верни им деньги!

Белтер почтительно поклонился и протянул ему долг, но Тис не взял денег; тогда негр положил их на пыльную землю у его ног.

— Вот ваши деньги, сэр, — сказал он. — Большое спасибо.

Улыбаясь, Белтер вскочил в седло и хлестнул лошадь. Он благодарил старика: они ехали рядом и вместе скрылись из виду.

— Сукин сын! — шептал Тис, глядя на солнце невидящими глазами. — Сукин сын...

— Подними деньги, Сэмюэль, — сказал кто-то с веранды.

То же самое происходило вдоль всего пути. Примчались босоногие белые мальчишки и затараторили:

— У кого есть, помогают тем, у кого нет! И все получают свободу! Один богач дал бедняку двести зелененьких, чтобы тот рассчитался! Еще один дал другому десять зелененьких, пять, шестнадцать — и так повсюду, все так делают!

Белые сидели с кислыми минами. Они шурились и жмурились, словно в лицо им хлестали обжигающий ветер и пыль.

Ярость душила Сэмюэля Тиса. Взмывав на веранду, он сверлил глазами катившие мимо толпы. Он размахивал своим пистолетом. Его распирало, злоба искала выхода, и он стал орать, обращаясь ко всем, к любому негру, который оглядывался на него.

— Бам! Еще ракета взлетела! — вопил он во всю глотку. — Бам! Боже мой!

Черные головы смотрели вперед, никто не показывал вида, что слушает, только белки скользнут по нему и снова спрячутся.

— Тр-р-рах! Все ракеты вдребезги! Крики, ужас, смерть! Бам! Боже милосердный! Мне-то что, я остаюсь здесь, на матушке-Земле. Старушка не подведет! Ха-ха!

Постукивали копыта, взбивая пыль. Дребезжали фургоны на разбитых рессорах.

— Бам! — Голос Тиса одиноко звучал в жарком воздухе, сиюсь нагнать страх на пыль и ослепительное небо. — Бах! Черномазых раскидало по всему космосу! Как даст метеором по ракете и разметало вас, точно малявок! В космосе полно метеоров! А вы не знали? Точно! Как картечь, даже гуще! И посыплются ваши жестяные ракеты, как рябчики, как глиняные трубки! Ржавые банки, набитые черной треской! Пошли хлопать, как хлопушки: бам! бам! бам! Десять тысяч убитых, еще десять тысяч. Летают вокруг Земли в космосе, вечно летают, холодненькие, очоченевшие, высоко-высоко, владыка небесный! Слышите, эй, вы там! Слышите?!

Молчание. Широко, нескончаемо течет река. Начисто вылизав все лачуги, смыв их содержимое, она несет часы и стиральные доски, шелковые отрезы и гардинные карнизы, несет куда-то в далекое черное море.

Два часа дня. Прилив схлынул, поток мелеет. А затем река и вовсе высохла, в городе воцарилась тишина, пыль мягким ковром легла на строения, на сидящих мужчин, на высокие, изнывающие от духоты деревья.

Тишина.

Мужчины на веранде прислушались.

Ничего. Тогда их воображение, их мысли полетели дальше, в окрестные луга. Спозаранку весь край оглашало привычное сочетание звуков. Верные заведенному порядку, тут и там пели голоса; под мимозами смеялись влюбленные; где-то журчал смех негрятят, плескавшихся в ручье; на полях мелькали спины и руки; из лачуг, оплетенных зеленью плюща, доносились шутки и радостные возгласы.

Сейчас над краем будто пронесся ураган и смел все звуки. Ничего. Гробовая тишина. На кожаных петлях повисли грубо сколоченные двери. В безмолвном воздухе застыли брошенные качели из старых покрышек. Опустели плоские камни на берегу — излюбленное место прачек. На заброшенных бахчах одиноко созревают арбузы, тая под толстой коркой освежающий сок. Пауки плетут новую паутину в покинутых хижинах; сквозь дырявые крыши вместе с золотистыми лучами солнца проникает пыль. Кое-где теплится забытый в спешке костер, и пламя, внезапно набравшись сил, принимается пожирать

сухой остов соломенной лачуги. И тогда тишину нарушает довольное урчание изголодавшегося огня.

Мужчины, словно окаменев, сидели на веранде скобяной лавки.

— Не возьму в толк, с чего это им вдруг загорелось уезжать именно сейчас. Вроде все шло на лад. Что ни день, новые права получали. Чего им еще надо? Избирательный налог отменили, один штат за другим принимает законы, чтобы не линчевать, кругом равноправие! Мало им этого? Зарабатывают почти что не хуже любого белого — и вот тебе нă, сорвались с места.

В дальнем конце опустевшей улицы показался велосипедист.

— Разрази меня гром, Тис, это твой Силли едет.

Велосипед остановился возле крыльца, на нем сидел цветной, парнишка лет семнадцати, угловатый, нескладный — длинные руки и ноги, круглая, как арбуз, голова. Он взглянул на Сэмюэля Тиса и улыбнулся.

— Что, совесть заговорила, вернулся? — сказал Тис.

— Нет, хозяин, я просто привез велосипед.

— Это почему же — в ракету не влезит?

— Да нет, хозяин, не в том дело...

— Можешь не объяснять, в чем дело! Слазь, я не позволю тебе красть мое имущество! — Он толкнул парня. Велосипед упал. — Пошел в лавку, медяшки чистить.

— Что вы сказали, хозяин? — Глаза парня расширились.

— То, что слышал! Надо ружья распаковать и ящик вскрыть — гвозди пришли из Натчеза...

— Мистер Тис...

— Наладить ларь для молотков...

— Мистер Тис, хозяин!

— Ты еще стоишь здесь?! — Тис свирепо сверкнул глазами.

— Мистер Тис, можно я сегодня возьму выходной? — спросил парень извиняющимся голосом.

— И завтра тоже, и послезавтра, и послепослезавтра? — сказал Тис.

— Боюсь, что так, хозяин.

— Бояться тебе надо, это верно. Пойди-ка сюда. — Он потащил парня в лавку и достал из конторки бумагу. — Помнишь эту штуку?

— Что это, хозяин?

— Твой трудовой контракт. Ты подписал его, вот твой крестик, видишь? Отвечай.

— Я не подписывал, мистер Тис. — Парень весь трясся. — Кто угодно может поставить крестик.

— Слушай, Силли. Контракт: «Я обязуюсь работать на мистера Сэмюэля Тиса два года, начиная с 15 июля 2001 года, а если захочу уволиться, то заявлю об этом за четыре недели и буду продолжать работать, пока не будет подыскана замена». Вот, — Тис стукнул ладонью по бумаге, его глаза блестя. — А будешь артачиться, пойдем в суд.

— Я не могу! — вскричал парень; по его щекам покатились слезы. — Если я не уеду сегодня, я не уеду никогда.

— Я отлично тебя понимаю, Силли, да-да, и сочувствую тебе. Но ничего, мы будем хорошо обращаться с тобой, парень, хорошо кормить. А теперь ступай и берись за работу, и выкинь из головы всю эту блажь, понял? Вот так, Силли. — Тис мрачно ухмыльнулся и потрепал его по плечу.

Парень повернулся к старикам, сидящим на веранде. Слезы застилали ему глаза.

— Может... может, кто из этих джентльменов...

Мужчины под навесом, истомленные зноем, подняли головы, посмотрели на Силли, потом на Тиса.

— Это как же понимать: ты хочешь, чтобы твое место занял белый? — холодно спросил Тис.

Дед Квортэрмэйн поднял с колен красные руки. Он задумчиво поглядел вдаль и сказал:

— Слышь, Тис, а как насчет меня?

— Что?

— Я берусь работать вместо Силли.

Остальные притихли.

Тис покачивался на носках.

— Дед... — произнес он предостерегающе.

— Отпусти парня, я почищу что надо.

— Вы... в самом деле, всерьез? — Силли подбежал к деду. Он смеялся и плакал одновременно, не веря своим ушам.

— Конечно.

— Дед, — сказал Тис, — не суй свой паршивый нос в это дело.

— Не держи мальчика, Тис.

Тис подошел к Силли и схватил его за руку:

— Он мой. Я запру его в задней комнате до ночи.

— Не надо, мистер Тис!

Парень зарыдал. Горький плач громко отдавался под навесом. Темные веки Силли набухли. На дороге вдали появился старенький, дребезжащий «форд», увозивший последних цветных.

— Это мои, мистер Тис. О, пожалуйста, прошу вас, ради Бога.

— Тис, — сказал один из мужчин, вставая, — пусть уходит.

Второй поднялся:

— Я тоже за это.

— И я, — вступил третий.

— К чему это? — Теперь заговорили все. — Кончай, Тис.

— Отпусти его.

Тис нащупал в кармане пистолет. Он увидел лица мужчин. Он вынул руку из кармана и сказал:

— Вот, значит, как?

— Да, вот так, — отозвался кто-то.

Тис отпустил парня.

— Ладно. Катись. — Он ткнул рукой в сторону лавки. — Надеюсь, ты не собираешься оставлять свое грязное барахло?

— Нет, хозяин!

— Убери все до последней тряпки из своего закутка и сожги!

Силли покачал головой:

— Я возьму с собой.

— Так они и позволят тебе тащить в ракету всякую дрянь!

— Я возьму с собой, — мягко настаивал парнишка.

Он побежал через лавку в пристройку. Слышно было, как он подметает и наводит чистоту. Миг, и Силли появился снова, неся волчки, шарики, старых воздушных змеев и другое барахло, скопленное за несколько лет. Как раз в этот миг подъехал «форд»; Силли сел в машину, хлопнула дверца.

Тис стоял на веранде, горько улыбаясь.

— И что же ты собираешься делать там?

— Открою свое дело, — ответил Силли. — Хочу завести скобяную лавку.

— Ах ты, дрянь, так вот ты зачем ко мне нанимался, задумал набить руку, а потом улизнуть и использовать науку!

— Нет, хозяин, я никогда не думал, что так получится. А оно получилось. Разве я виноват, что научился, мистер Тис?

— Вы небось придумали имена вашим ракетам?

Цветные смотрели на свои единственные часы — на приборной доске «форда»

— Да, хозяин.

— Небось «Илия» и «Колесница», «Большое колесо» и «Малое колесо», «Вера», «Надежда», «Милосердие»?

— Мы придумали имена для кораблей, мистер Тис.

— «Бог-сын» и «Святой дух», да? Скажи, малый, а одну ракету назвали в честь баптистской церкви?

— Нам пора ехать, мистер Тис.

Тис хохотал.

— Неужели ни одну не назвали «Летай пониже» или «Благолепная колесница»?

Машина тронулась.

— Прощайте, мистер Тис.

— А есть у вас ракета «Рассыпьте, мои косточки»?

— Прощайте, мистер!

— А «Через Иорданы»? Ха! Ладно, парень, катись, отваливай на своей ракете, давай лети, пусть взрывается, я плакать не буду!

Машина покатила прочь в облаке пыли. Силли привстал, приставил ладони ко рту и крикнул напоследок Тису:

— Мистер Тис, мистер Тис, а что вы теперь будете делать по ночам? Что будете делать ночью, хозяин?

Тишина. Машина растаяла вдали. Дорога опустела.

— Что он хотел сказать, черт возьми? — недоумевал Тис. — Что я буду делать по ночам?..

Он смотрел, как оседает пыль, и вдруг до него дошло.

Он вспомнил ночи, когда возле его дома останавливались автомашины, а в них — темные силуэты, торчат колени, еще выше торчат дула ружей, будто полный кузов журавлей под черной листвой спящих деревьев. И злые глаза... Гудок, еще гудок, он хлопает дверцей, сжимая в руке ружье, посмеиваясь про себя, и сердце колотится, как у мальчишки, и бешеная гонка по ночной летней дороге, круг толстой веревки на полу машины, коробки новеньких патронов оттопыривают карманы пальто. Сколько было таких ночей за все годы — встречный ветер, треплющий космы волос над недобрыми глазами, торжествующие вопли при виде хорошего дерева, надежного, крепкого дерева, и стук в дверь лачуги!

— Так *вот* он про что, сукин сын! — Тис выскочил из тени на дорогу. — Назад, ублюдок! Что я буду делать ночами?! Ах ты, гад, подлюга...

Вопрос Силли попал в самую точку. Тис почувствовал себя больным, опустошенным. «В самом деле. Что мы будем делать *по ночам*? — думал он. — Теперь, когда все уехали...» На душе было пусто, мысли оцепенели.

Он выхватил из кармана пистолет, пересчитал патроны.

— Ты что это задумал, Сэм? — спросил кто-то.

— Убью эту сволочь.

— Не распаляйся так, — сказал дед.

Но Сэмюэль Тис уже исчез за лавкой. Секундой позже он выехал в своей открытой машине.

— Кто со мной?

— Я прокачусь, пожалуй, — отозвался дед, вставая.

— Еще кто?

Молчание.

Дед сел в машину и захлопнул дверцу. Сэмюэль Тис, вздымая пыль, вырулил на дорогу, и они рванулись вперед под ослепительным небом. Оба молчали. Над сухими нивами по сторонам струилось жаркое марево.

Развилоч. Стоп.

— Куда они поехали, дед?

Дед Квортэрмэйн прищурился:

— Прямо, сдается мне.

Они продолжали путь. Одинокó ворчал мотор под летними деревьями. Дорога была пуста, но вот они стали примечать что-то необычное. Наконец Тис сбавил ход и перегнулся через дверцу, свирепо сверкая желтыми глазами.

— Черт подери, дед! Ты видишь, что придумали эти ублюдки?

— Что? — спросил дед, присматриваясь.

Вдоль дороги непрерывной цепочкой, аккуратными кучками лежали старые роликовые коньки, пестрые узелки с безделушками, рваные башмаки, колеса от телеги, поношенные брюки и пальто, драные шляпы, побрякушки из хрусталя, когда-то нежно звеневшие на ветру, жестяные банки с розовой геранью, восковые фрукты, коробки с деньгами времен конфедерации, тазы, стиральные доски, веревки для белья, мыло, чей-то трехколесный велосипед, чьи-то садовые ножницы, кукольная коляска, чертик в коробочке, пестрое окно из негритянской баптистской церкви, набор тормозных прокладок, автомобильные камеры, матрасы, кушетки, качалки, баночки с кремом, зеркала. И все это не было брошено кое-как, наспех, а положено бережно, с чувством, со вкусом вдоль пыльных обочин, словно целый город шел здесь, нагруженный до отказа, и вдруг раздался великий трубный глас, люди сложили свои пожитки в пыль и вознеслись прямоком на голубые небеса.

— «Не хотим жечь», как же! — злобно крикнул Тис. — Я им говорю: сожгите, так нет, тащили всю дорогу и сложили здесь — напоследок еще раз посмотреть на свое барахло, вот оно, полюбуйте! Эти черномазые невесть что о себе воображают

Он гнал машину дальше, километр за километром, наезжая на кучи, кроша шкатулки и зеркала, ломая стулья, рассыпая бумаги.

— Так! Черт дери... Еще! Так!

Передняя шина жалобно запищала. Машина вильнула и врезалась в канаву. Тис стукнулся лбом о ветровое стекло.

— А, сукины дети! — Сэмюэль Тис стряхнул с себя пыль и вышел из машины, чуть не плача от ярости

Он посмотрел на пустынную безмолвную дорогу.

— Теперь мы уж их никогда не догоним, никогда.

Насколько хватал глаз, он видел только аккуратно сложенные узлы и кучи, и еще узлы, словно покинутые святыни, под жарким ветром, в свете угасающего дня.

Час спустя Тис и дед, усталые, подошли к скобяной лавке. Мужчины все еще сидели там, прислушиваясь и глядя на небо. В тот самый миг когда Тис присел и стал снимать тесные ботинки, кто-то воскликнул:

— Смотрите!

— К черту! — прорычал Тис.

Но остальные смотрели, привстав. И они увидели далеко-далеко уходящие в высь золотые веретена. Оставляя за собой хвосты пламени, они исчезли.

На хлопковых полях ветер лениво трепал белоснежные комочки. На бахчах лежали нетронутые арбузы, полосатые, как тигровые кошки, греющиеся на солнце.

Мужчины на веранде сели, поглядели друг на друга, поглядели на желтые веревки, аккуратно сложенные на полках, на сверкающие гильзы патронов в коробках, на серебряные пистолеты и длинные вороненые стволы винтовок, мирно висящих в тени под потолком. Кто-то сунул в рот травинку. Кто-то начертил в пыли человечка.

Сэмюэль Тис торжествующе поднял ботинок, перевернул его, заглянул внутрь и сказал:

— А вы заметили? Он до самого конца говорил мне «хозяин», ей-Богу!

2004—2005

НОВЫЕ ИМЕНА

Они пришли и заняли удивительные голубые земли и всему дали свои имена. Появились ручей Хинкстон-Крик и поляна Люстиг-Корнерс, река Блэк-Ривер и лес Дрисколл-Форест, гора Перегрин-Маунтин и город Уайлдертаун — все в честь людей и того, что совершили люди. Там, где марсиане убили первых землян, появился Редтаун — название, связанное с кровью. А вот здесь погибла Вторая экспедиция — отсюда название: Вторая Попытка; и всюду, где космонавты при посадке опалили землю своими огненными снарядами, остались имена — словно кучи шлака; не обошлось, разумеется, без горы Спендер-Хилл и города с длинным названием Натаниел-Йорк...

Старые марсианские названия были названия воды, воздуха, гор. Названия снегов, которые, тая на юге, стекали в каменные русла каналов, питающих высохшие моря. Имена чародеев, чей прах покоился в склепах, названия башен и обелисков. И ракеты, подобно молотам, обрушились на эти имена, разбивая вдребезги мрамор, кроша фаянсовые тумбы с названиями старых городов, и над горами обломков выросли огромные пилоны с новыми указателями: АЙРОНТАУН, СТИЛТАУН, АЛЮМИНИУМ-СИТИ, ЭЛЕКТРИК-ВИЛЛЕДЖ, КОРНТАУН, ГРЭЙН-ВИЛЛА, ДЕТРОЙТ II — знакомые механические, металлические названия с Земли.

А когда построили и окрестили города, появились кладбища, они тоже получили имена: Зеленый Уголок, Белые Мхи, Тихий Пригорок, Отдохни Малость — и первые покойники легли в свои могилы...

Когда же все было наколото на булавочки, чинно, аккуратно разложено по полочкам, когда все стало на свои места, города прочно утвердились и уединение стало почти невозможным — тогда-то с Земли стали прибывать искушенные и всезнающие. Они приезжали в гости и в отпуск, приезжали купить сувениры и сфотографироваться — «подышать марсианским воздухом»; они приезжали вести исследования и проводить в жизнь социологические законы; они привозили с собой свои звезды, кокарды, правила и уставы, не забыли прихватить и семена бюрократии, которая въедливым сорняком оплела Землю, и насадили их на Марсе всюду, где они только могли укорениться. Они стали законодателями быта и нравов; принялись направлять, наставлять и подталкивать на путь истинный тех самых людей, кто перебрался на Марс, чтобы избавиться от наставлений и назиданий.

И нет ничего удивительного в том, что кое-кто из подталкиваемых стал отбиваться...

Апрель 2009

ЭШЕР II

«**В**есь этот день — тусклый, темный, беззвучный осенний день — я ехал верхом в полном одиночестве по необычайно пустынной местности, над которой низко нависали свинцовые тучи, и наконец, когда вечерние тени легли на землю, очутился перед унылой усадьбой Эшера...»

Мистер Уильям Стендаль перестал читать. Вот она перед ним, на невысоком черном пригорке — Усадьба, и на угловом камне начертано: 2005 год.

Мистер Бигелоу, архитектор, сказал:

— Дом готов. Примите ключ, мистер Стендаль.

Они помолчали, стоя рядом, в тишине осеннего дня. На черной как вороново крыло траве у их ног шуршали чертежи.

— Дом Эшеров, — удовлетворенно произнес мистер Стендаль. — Спроектирован, выстроен, куплен, оплачен. Думаю, мистер По был бы *в восторге*.

Мистер Бигелоу прищурился:

— Все отвечает вашим пожеланиям, сэр?

— Да!

— Колорит такой, какой нужен? Картина *тоскливая и ужасная*?

— *Чрезвычайно ужасная, чрезвычайно тоскливая!*

— Стены — *угрюмые*?

— Поразительно!

— Пруд достаточно «черный и мрачный»?

— Невообразимо черный и мрачный.

— А осока — она окрашена, как вам известно, — в меру чахлая и седая?

— До отвращения!

Мистер Бигелоу сверился с архитектурным проектом. Он процитировал задание:

— Весь ансамбль внушает «леденящую, ноющую, сосущую боль сердца, безотрадную пустоту в мыслях»? Дом, пруд, усадьба?..

— Вы поработали на славу, мистер Бигелоу! Клянусь, это изумительно!

— Благодарю. Я ведь совершенно не понимал, что от меня требуется. Слава Богу, что у вас есть свои ракеты, иначе нам никогда не позволили бы перебросить сюда необходимое оборудование. Обратите внимание, здесь постоянные сумерки, в этом уголке всегда октябрь, всегда пустынно, безжизненно, мертво. Это стоило нам немалых трудов. Десять тысяч тонн ДДТ. Мы все убили. Ни змеи, ни лягушки, ни одной марсианской мухи не осталось! Вечные сумерки, мистер Стендаль, это моя гордость. Скрытые машины глушат солнечный свет. Здесь всегда «безотрадно».

Стендаль упивался безотрадностью, свинцовой тяжестью, удушливыми испарениями, всей «атмосферой», задуманной и созданной с таким искусством. А сам Дом! Угрюмая обветшалость, зловещий пруд, плесень, признаки всеобщего тления! Синтетические материалы или еще что-нибудь? Поди угадай.

Он взглянул на осеннее небо. Где-то вверху, вдали, далеко-далеко — солнце. Где-то на планете — марсианский апрель, золотой апрель, голубое небо. Где-то вверху прожигают себе

путь ракеты, призванные цивилизовать прекрасную, безжизненную планету. Визг и вой их стремительного полета глохнул в этом тусклом звуконепроницаемом мире, в этом мире дремучей осени.

— Теперь, когда задание выполнено, — смущенно заговорил мистер Бигелоу, — могу я спросить, что вы собираетесь делать со всем этим?

— С усадьбой Эшер? Вы не догадались?

— Нет.

— Название «Эшер» вам ничего не говорит?

— Ничего.

— Ну а такое имя: Эдгар Аллан По?

Мистер Бигелоу отрицательно покачал головой.

— Разумеется. — Стендаль сдержанно фыркнул, выражая печаль и презрение. — Откуда вам знать блаженной памяти мистера По? Он умер очень давно, раньше Линкольна. Все его книги были сожжены на Великом Костре. Тридцать лет назад, в 1975-м.

— А, — понимающе кивнул мистер Бигелоу. — Один из этих!

— Вот именно, Бигелоу, один из этих. Его и Лавкрафта, Хоторна и Амброза Бирса, все повести об ужасах и страхах, все фантазии, да что там, все повести о будущем сожгли. Безжалостно. Закон провели. Началось с малого, с песчинки, еще в пятидесятых и шестидесятых годах. Сперва ограничили выпуск книжек с карикатурами, потом детективных романов, фильмов, разумеется. Кидались то в одну крайность, то в другую, брали верх различные группы, разные клики, политические предубеждения, религиозные предрассудки. Всегда было меньшинство, которое чего-то боялось, и подавляющее большинство, которое боялось непонятного, будущего, прошлого, настоящего, боялось самого себя и собственной тени.

— Понятно.

— Устрашаемые словом «политика» (которое в конце концов в наиболее реакционных кругах стало синонимом «коммунизма», да-да, и за одно только употребление этого слова можно было поплатиться жизнью!), понукаемые со всех сторон — здесь подтянут гайку, там закрутят болт, оттуда ткнут, отсюда пырнут, — искусство и литература вскоре стали похожи на огромную тянучку, которую выкручивали, жали, мяли, завязывали в узел, швыряли туда-сюда до тех пор, пока она не утратила всякую упругость и всякий вкус. А потом осеклись кинокамеры, погрузились в мрак театры, и могучая Ниагара печатной продукции превратилась в выхолощенную струйку «чистого» материала. Поверьте мне, понятие «уход от действительности» тоже попало в разряд крамольных!

— Неужели?

— Да-да! Всякий человек, говорили они, обязан смотреть в лицо действительности. Видеть только сиюминутное! Все, что не попадало в эту категорию, — прочь. Прекрасные литературные вымыслы, полет фантазии — бей влет. И вот воскресным утром, тридцать лет назад, в 1975 году их поставили к библиотечной стенке: Санта-Клауса и Всадника без головы, Белоснежку, и Домового, и Матушку-Гусыню — все в голос рыдали! — и расстреляли их, потом сожгли бумажные замки и царевен-лягушек, старых королей и всех, кто «с тех пор зажил счастливо» (в самом деле, о ком можно сказать, что он с тех пор зажил счастливо!), и Некогда превратилось в Никогда! И они развеяли по ветру прах Заколдованного Рикши вместе с черепками Страны Оз, изрубили Глинду Добрую и Озму, разложили Многоцветку в спектро스코пе, а Джека Тыквенную Голову подали к столу на Балу Биологов! Гороховый Стручок зачах в бюрократических зарослях! Спящая красавица была разбужена поцелуем научного работника и испустила дух, когда он вонзил в нее медицинский шприц. Алису они заставили выпить из бутылки нечто такое, от чего она стала такой крохотной, что уже не могла больше кричать: «Чем дальше, тем любопытственнее!» Волшебное Зеркало они одним ударом молота разбили вдребезги, и пропали все Красные Короли и Устрицы.

Он сжал кулаки. Господи, как все это близко, точно случилось вот сейчас! Лицо его побагровело, он задыхался.

Столь бурное извержение ошеломило мистера Бигелоу. Он моргнул раз-другой и наконец сказал:

— Извините. Не понимаю, о чем вы. Эти имена ничего мне не говорят. Судя по тому, что вы сейчас говорили, Костер был только на пользу.

— Вон отсюда! — вскричал Стендаль. — Ваша работа завершена, теперь убирайтесь, болван!

Мистер Бигелоу кликнул своих плотников и ушел.

Мистер Стендаль остался один перед Домом.

— Слушайте, вы! — обратился он к незримым ракетам. — Я перебрался на Марс, спасаясь от вас, Чистые Души, а вас, что ни день, все больше и больше здесь, вы слетаетесь, словно мухи на падаль. Так я вам тут кое-что покажу. Я проучу вас за то, что вы сделали на Земле с мистером По. Отныне берегитесь! Дом Эшера начинает свою деятельность!

Он погрозил небу кулаком.

Ракета села. Из нее важно вышел человек. Он посмотрел на Дом, и серые глаза его выразили неудовольствие и досаду. Он перешагнул ров, за которым его ждал щуплый мужчина.

— Ваша фамилия Стендаль?

— Да.

— Гаррет, инспектор из управления Нравственного Климата.

— Ага, вы таки добрались до Марса, блюстители Нравственного Климата? Я уже прикидывал, когда же вы тут появитесь...

— Мы прибыли на прошлой неделе. Скоро здесь будет полный порядок, как на Земле. — Он раздраженно помахал своим удостоверением в сторону Дома. — Расскажите-ка мне, что это такое, Стендаль?

— Это замок с привидениями, если вам угодно.

— Не угодно, Стендаль, никак не угодно. «С привидениями» — не годится.

— Очень просто. В нынешнем, две тысячи пятом году Господа Бога нашего я построил механическое святилище. В нем медные летучие мыши летают вдоль электронных лучей, латунные крысы снуют в пластмассовых подвалах, пляшут автоматические скелеты, здесь обитают автоматические вампиры, шуты, волки и белые призраки, порождение химии и изобретательности.

— Именно этого я опасался, — сказал Гаррет с улыбочкой. — Боюсь, придется снести ваш домик.

— Я знал, что вы явитесь, едва проведаете.

— Я бы раньше прилетел, но мы хотели удостовериться в ваших намерениях, прежде чем вмешиваться. Демонтажники и Огневая Команда могут прибыть к вечеру. К полуночи все будет разрушено до основания, мистер Стендаль. По моему разумению, сэр, вы, я бы сказал, сглупили. Выбрасывать на ветер деньги, заработанные упорным трудом. Да вам это миллиона три стало...

— Четыре миллиона! Но учтите, мистер Гаррет, я был еще совсем молод, когда получил наследство — двадцать пять миллионов. Могу позволить себе быть мотом. А вообще-то это досадно: только закончил строительство, как вы уже здесь со своими Демонтажниками. Может, позвольте мне потешиться моей Игрушкой, ну, хотя бы двадцать четыре часа?

— Вам известен Закон. Как положено: никаких книг, никаких домов, ничего, что было бы сопряжено с привидениями, вампирами, феями или иными творениями фантазии.

— Вы скоро начнете жечь мистеров Баббитов!

— Вы уже причинили нам достаточно хлопот, мистер Стендаль. Сохранились протоколы. Двадцать лет назад. На Земле. Вы и ваша библиотека.

— О да, я и моя библиотека. И еще несколько таких же, как я. Конечно. По был уже давно забыт тогда, забыты Оз и другие создания. Но я устроил небольшой тайник. У нас были свои библиотеки — у меня и еще у нескольких частных лиц, — пока вы не прислали своих людей с факелами и мусоросжигателями. Изорвали в клочья мои пятьдесят тысяч книг и сожгли их. Вы также расправились и со всеми чудотворцами; и вы еще приказали вашим кинопродюсерам, если они вообще хотят что-нибудь делать, пусть снимают и переснимают Эрнеста Хемингуэя. Боже мой, сколько раз я видел «По ком звонит колокол»! Тридцать различных постановок. Все реалистичные. О, реализм! Ох уж этот реализм! Чтоб его!..

— Рекомендовал бы воздержаться от сарказма!

— Мистер Гаррет, вы ведь обязаны представить полный отчет?

— Да.

— В таком случае, любопытства ради, вошли бы, посмотрели. Всего одну минуту.

— Хорошо. Показывайте. И никаких фокусов. У меня есть пистолет.

Дверь Дома Эшеров со скрипом распахнулась. Повеяло сыростью. Послышались могучие вздохи и стоны, точно в заброшенных катакомбах дышали незримые мехи.

По каменному полу метнулась крыса. Гаррет гикнул и наподдал ее ногой. Крыса перекувырнулась, и из ее нейлонового меха высыпали полчища металлических блох.

— Поразительно! — Гаррет нагнулся, чтобы лучше видеть.

В нише, тряся восковыми руками над оранжево-голубыми картами, сидела старая ведьма. Она вздернула голову и зашипела беззубым ртом на Гаррета, постукивая пальцем по засаленным картам.

— Смерть! — крикнула она.

— Вот именно такие вещи я и подразумевал... — сказал Гаррет. — Весьма предосудительно!

— Я разрешу вам лично сжечь ее.

— В самом деле? — Гаррет просиял. Но тут же нахмурился. — Вы так легко об этом говорите.

— Для меня достаточно было устроить все это. Чтобы я мог сказать, что добился своего. В современном скептическом мире воссоздал средневековую атмосферу.

— Я и сам, сэр, так сказать, невольно восхищен вашим гением.

Гаррет смотрел — мимо него проплывало в воздухе, шелеста и шепча, легкое облачко, которое приняло облик прекрасной призрачной женщины. В дальнем конце сырого коридора

гудела какая-то машина. Как сахарная вата из центрифуги, оттуда ползла и расплывалась по безмолвным залам бормочущая мгла.

Невесть откуда возникла обезьяна.

— Брысь! — крикнул Гаррет.

— Не бойтесь. — Стендаль похлопал животное по черной груди. — Это робот. Медный скелет и так далее, как и ведьма. Вот!

Он взъерошил мех обезьяны, блеснул металлический корпус.

— Вижу. — Гаррет протянул робкую руку, потрепал робота. — Но к чему это, мистер Стендаль, в чем смысл всего этого? Что вас довело?..

— Бюрократия, мистер Гаррет. Но мне некогда объяснять. Властям и без того скоро все будет ясно. — Он кивнул обезьяне: — Пора. Давай.

Обезьяна убила мистера Гаррета.

— Почти готово, Пайкс?

Пайкс оторвал взгляд от стола:

— Да, сэр.

— Отличная работа.

— Даром хлеб не едим, мистер Стендаль, — тихо ответил Пайкс; приподняв упругое веко робота, он вставил стеклянное глазное яблоко и ловко прикрепил к нему каучуковые мышцы. — Так...

— Вылитый мистер Гаррет.

— А с ним что делать, сэр? — Пайкс кивком головы указал на каменную плиту, где лежал настоящий мертвый Гаррет.

— Лучше всего сжечь, Пайкс. На что нам два мистера Гаррета, верно?

Пайкс подтащил Гаррета к кирпичному мусоросжигателю.

— Всего хорошего.

Он втолкнул мистера Гаррета внутрь и захлопнул дверку.

Стендаль обратился к роботу Гаррету:

— Вам ясно ваше задание, Гаррет?

— Да, сэр. — Робот приподнялся и сел. — Я должен вернуться в управление Нравственного Климата. Представить дополнительный доклад. Оттянуть операцию самое малое на сорок восемь часов. Сказать, что мне нужно провести более обстоятельное расследование.

— Правильно, Гаррет. Желаю успеха.

Робот поспешно прошел к ракете Гаррета, поднялся в нее и улетел.

Стендаль повернулся:

— Ну, Пайкс, теперь разошлем оставшиеся приглашения на сегодняшний вечер. Полагаю, будет весело. Как вы думаете?

— Учитывая, что мы ждали двадцать лет, — даже очень весело!

Они подмигнули друг другу.

Ровно семь. Стендаль взглянул на часы. Теперь уж недолго. Он сидел в кресле и вертел в руке рюмку с хересом. Над ним, меж дубовых балок попискивали, сверкая глазками, летучие мыши, тонкие медные скелетики, обтянутые резиновой плотью. Он поднял рюмку, приветствуя их:

— За наш успех.

Откинулся назад, сомкнул веки и мысленно проверил все сначала. Уж отведет он душу на старости лет... Отомстит этому антисептическому правительству за расправу с литературой, за костры. Годами копился гнев, копилась ненависть... И в оцепенелой душе исподволь, медленно зрел замысел. Так было до того дня три года назад, когда он встретил Пайкса.

Именно Пайкса. Пайкса, ожесточенная душа которого была как обугленный черный колодец, наполненный едкой кислотой. Кто такой Пайкс? Величайший из них всех, только и всего! Пайкс — человек с тысячами личин, фурия, дым, голубой туман, седой дождь, летучая мышь, Горгона, чудовище, вот кто Пайкс! «Лучше, чем Лон Чени, патриарх?» — спросил себя Стендаль. Чени, которого он смотрел в древних фильмах, много вечеров подряд смотрел... Да, лучше, чем Чени. Лучше того, другого старинного актера — как его, Карлофф, кажется? Гораздо лучше! А Люгоси? Никакого сравнения! Пайкс — единственный, неподражаемый. И что же: его ограбили, отняли право на выдумку, и некуда податься, не перед кем лицедействовать. Запретили играть даже перед зеркалом для самого себя!

Бедняга Пайкс — невероятный, обезоруженный Пайкс! Что ты чувствовал в тот вечер, когда они конфисковали твои filmy, вырывали, вытягивали, подобно внутренностям, кольца пленки из кинокамеры, из твоего чрева, хватали, комкали, бросали в печь, сжигали! Было ли это так же больно, как потерять, ничего не получив взамен, пятьдесят тысяч книг? Да. Да. Стендаль почувствовал, как руки его холодеют от каменной ярости. И вот однажды — что может быть естественнее — они встретились и заговорили, и разговоры их растянулись на бесчисленные ночи, как не было счета и чашкам

кофе, и из потока слов и горького настоя родился — Дом Эшера.

Гулкий звон церковного колокола. Начался съезд гостей. Улыбаясь, он пошел встретить их.

Роботы ждали — взрослые без воспоминаний детства. Ждали роботы в зеленых шелках цвета лесных озер, в шелках цвета лягушки и папоротника. Ждали роботы с желтыми волосами цвета песка и солнца. Роботы лежали, смазанные, с трубчатыми костями из бронзы в желатине. В гробах для не живых и не мертвых, в дощатых ящиках маятники ждали, когда их толкнут. Стоял запах смазки и латунной стружки. Стояла гробовая тишина. Роботы — обоего пола, но бесполое. С лицами, но безликие, заимствовавшие у человека все, кроме человечности, роботы смотрели в упор на прошитые гвоздями крышки ящиков с надписью «Франкоборт», пребывая в небытии, которое смертью не назовешь, потому что ему не предшествовала жизнь... Но вот громко взвизгнули гвозди. Одна за другой поднимаются крышки. По ящикам мечутся тени, стиснутая рукой масленка брызжет машинным маслом. Тихонько затакал один механизм, пушенный в ход. Еще один, еще, и вот уже застрекотало все кругом, как в огромном часовом магазине. Каменные глаза раздвинули резиновые веки. Затрепетали ноздри. Встали на ноги роботы, покрытые обезьяньей шерстью и мехом белого кролика. Близнецы Твидлдам и Твидлди, Телячья Голова, Соня, бледные утопленники — соль и зыбкие водоросли вместо плоти, посиневшие висельники с закатившимися глазами цвета устриц, создания из льда и сверкающей мишуры, глиняные карлики и коричневые эльфы, Тик-Так, Страшила, Санта-Клаус в облаке искусственной метели. Синяя Борода — бакенбарды словно пламя ацетиленовой горелки. Поплыли клубы серного дыма с языками зеленого огня, и, будто изваянный из глыбы чешуйчатого змеевика, дракон с пылающей жаровней в брюхе протиснулся через дверь: вой, стук, рев, тишина, рывок, поворот... Тысячи крышек снова захлопнулись. Часовой магазин двинулся на Дом Эшера. Ночь колдовства началась.

На усадьбу повеяло теплом. Прожигая небо, превращая осень в весну, прибывали ракеты гостей.

Из ракет выходили мужчины в вечерних костюмах, за ними следовали женщины с замысловатейшими прическами.

— Вот он какой, Эшер!

— А где же дверь?

И тут появился Стендаль. Женщины смеялись и болтали. Мистер Стендаль поднял руку, прося тишины. Потом повернулся, обратил взгляд к окну высоко в стене замка и крикнул:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз.

Прекрасная девушка выглянула в окно навстречу ночному ветерку и спустила вниз золотые косы. И косы, сплетаясь, развеваясь, стали лестницей, по которой смеющиеся гости могли подняться в Дом.

Самые видные социологи! Самые проницательные психологи! Самые что ни на есть выдающиеся политики, бактериологи, психоневрологи! Вот они все тут, между серых стен.

— Добро пожаловать!

Мистер Трайон, мистер Оуэн, мистер Дани, мистер Лэнг, мистер Стеффенс, мистер Флетчер и еще две дюжины знаменитостей.

— Входите, входите!

Мисс Гиббс, мисс Поуп, мисс Черчилль, мисс Блант, мисс Драммонд и еще два десятка блестящих женщин.

Все без исключения видные, виднейшие лица, члены Общества Борьбы с фантазиями, поборники запрета старых праздников — «всех святых» и Гая Фокса, убийцы летучих мышей, истребители книг, факельщики; все без исключения добропорядочные незапятнанные граждане, которые предоставили людям попроще, поглубже первыми прилететь на Марс, похоронить марсиан, очистить от заразы поселения, построить города, отремонтировать дороги и вообще устранить всякие неполадки. А уж потом, когда прочно утвердилась Безопасность, эти Душители Радости, эти субъекты с формалином вместо крови и с глазами цвета йодной настойки явились насаждать свой Нравственный Климат и милостиво наделять всех добродетелями. И все они — его друзья! Да-да, в прошлом году на Земле он неназойливо, осторожно с каждым из них познакомился, каждому выказал свое расположение.

— Добро пожаловать в безбрежные покои Смерти! — крикнул он.

— Послушайте, Стендаль, что все это *значит*?

— Увидите. Всем раздеться! Вон там есть кабины. Наденьте костюмы, которые там приготовлены. Мужчины — в эту стору, женщины — в ту.

Гости стояли в некотором замешательстве.

— Не знаю, прилично ли нам оставаться, — сказала мисс Поуп. — Не нравится мне здесь. Это.. это похоже на кошунство.

— Чепуха, костюмированный бал!

— Боюсь, это все противозаконно. — Мистер Стеффенс настороженно шмыгал носом.

— Полно! — рассмеялся Стендаль. — Повеселитесь хоть раз. Завтра тут будут одни развалины. По кабинам!

Дом сверкал жизнью и красками, шуты звенели бубенчиками, белые мыши танцевали миниатюрную кадрили под музыку карликов, которые щекотали крохотные скрипки крошечными смычками, флажки трепетали под закоптелыми балками, и стаи летучих мышей кружили у разверстых пастей горгулий, извергавших холодное, хмельное, пенное вино. Через все семь залов костюмированного бала бежал ручеек. Гости приложились к нему и обнаружили, что это херес! Гости высыпали из кабин, сбросив годы с плеч, скрывшись под маскарадными домино, и уже то, что они надели маски, лишало их права осуждать фантазии и ужасы. Кружились смеющиеся женщины в красных одеждах. Мужчины увивались за ними. По стенам скользили тени, отброшенные неведомо кем, тут и там висели зеркала, в которых ничто не отражалось.

— Да мы все упыри! — рассмеялся мистер Флетчер. — Мертвецы!

Семь залов, каждый иного цвета: один голубой, один пурпурный, один зеленый, один оранжевый, еще один белый, шестой фиолетовый, седьмой затянут черным бархатом. В черном зале эбеновые куранты гулко отбивали часы. Из зала в зал, между фантастическими роботами, между Сонями и Сумасшедшими Шляпниками, Тролями и Великанами, Черными Котами и Белыми Королевами носились опьяневшие гости, и под их пляшущими ногами пол пульсировал тяжело и глухо, точно сокрытое под ним сердце не могло сдержать своего волнения.

— Мистер Стендаль!

Шепотом...

— Мистер Стендаль!

Рядом с ним стояло чудовище в маске Смерти. Это был Пайкс.

— Нам нужно поговорить наедине.

— В чем дело?

— Вот. — Пайкс протянул ему костлявую руку. В ней была горсть оплавленных, почерневших колесиков, гайки, винты, болты.

Стендаль долго смотрел на них. Затем увлек Пайкса в коридор.

— Гаррет? — спросил он шепотом.

Пайкс кивнул:

— Он прислал робота вместо себя. Я нашел это только что, когда чистил мусоросжигатель.

Оба глядели на зловещие винты.

— Это значит, что в любой момент может нагрянуть полиция, — сказал Пайкс. — Наши планы рухнут.

— Это еще неизвестно. — Стендаль взглянул на кружащихся желтых, синих, оранжевых людей. Музыка волнами неслась сквозь туманные просторы залов. — Я должен был догадаться, что Гаррет не настолько глуп, чтобы явиться лично. Но погодите-ка!

— Что случилось?

— Ничего. Ничего серьезного. Гаррет прислал к нам робота. Но ведь мы ответили тем же. Если он не будет очень уж приглядываться, то просто не заметит подмены.

— Конечно!

— Следующий раз он явится сам. Теперь он уверен, что ему ничто не грозит. Ждите его с минуты на минуту, собственной персоной! Еще вина, Пайкс!

Зазвонил большой колокол.

— Бьюсь об заклад, это он. Идите впустите мистера Гаррета.

Рапунцель спустила вниз свои золотые волосы.

— Мистер Стендаль?

— Мистер Гаррет, *подлинный* Гаррет?

— Он самый. — Гаррет окинул пристальным взглядом сырые стены и кружащихся людей. — Решил, лучше самому посмотреть. На роботов нельзя положиться. Тем более на чужих роботов. Заодно я предусмотрительно вызвал Демонтажников. Через час они придут, чтобы обрушить стены этого мерзостного логова.

Стендаль поклонился:

— Спасибо за предупреждение. — Он сделал жест рукой. — А пока приглашаю вас развлечься. Немного вина?

— Нет-нет, благодарю. Что тут происходит? Где предел падения человека?

— Убедитесь сами, мистер Гаррет.

— Разврат, — сказал Гаррет.

— Самый гнусный, — подтвердил Стендаль.

Где-то завизжала женщина. Подбежала мисс Поуп, бледная, как сыр.

— Что сейчас случилось, какой ужас! На моих глазах обезьяна задушила мисс Блант и затолкала ее в дымоход!

Они заглянули в трубу и увидели свисающие вниз длинные желтые волосы. Гаррет вскрикнул.

— Ужасно! — причитала мисс Поуп. Вдруг она осеклась. Захлопала глазами и повернулась: — Мисс Блант!

— Да. — Мисс Блант стояла рядом с ней.

— Но я только что видела вас в каминной трубе!

— Нет, — рассмеялась мисс Блант. — Это был робот, моя копия. Искусная репродукция!

— Но, но...

— Утрите слезы, милочка. Я жива-здорова. Разрешите мне взглянуть на себя. Так вот *где я!* Да, в дымоходе, как вы и сказали. Потешно, не правда ли?

Мисс Блант удалилась смеясь.

— Хотите выпить, Гаррет?

— Пожалуй, выпью. Немного расстроился. Боже мой, что за место. Оно вполне заслуживает разрушения. На мгновение мне... — Гаррет выпил вина.

Новый крик. Четыре белых кролика несли на спине мистера Стеффенса вниз по лестнице, которая вдруг чудом открылась в полу. Мистера Стеффенса утащили в яму и оставили там, связанного по рукам и ногам, глядеть, как сверху все ниже, ниже, ближе и ближе к его простертому телу опускалось, качаясь, острое как бритва лезвие огромного маятника.

— Это я там внизу? — спросил мистер Стеффенс, появившись рядом с Гарретом. Он наклонился над колодезем. — Очень, очень странно наблюдать собственную гибель.

Маятник качнулся в последний раз.

— До чего реалистично, — сказал мистер Стеффенс, отворачиваясь.

— Еще вина, мистер Гаррет?

— Да, пожалуйста.

— Теперь уже недолго. Скоро придут Демонтажники.

— Слава Богу!

И опять, в третий раз — крик.

— Ну что еще? — нервно спросил Гаррет.

— Теперь моя очередь, — сказала мисс Драммонд. — Глядите.

Вторую мисс Драммонд, сколько она ни кричала, заколотили в гроб и бросили в сырую землю под полом.

— Пойдите, я же помню *это!* — ахнул инспектор Нравственного Климата. — Это же из старых, запрещенных книг... «Преждевременное погребение». Да и остальное: колодезь, маятник, обезьяна, дымоход... «Убийство на улице Морг». Я сам сжег эту книгу, ну конечно же!

— Еще вина, Гаррет. Так, держите рюмку крепче.

— Господи, какое у вас воображение!

На их глазах погибли еще пятеро: один в пасти дракона, другие были сброшены в черный пруд, пошли ко дну и сгнили.

— Хотите взглянуть, что мы приготовили для вас? — спросил Стендаль.

— Разумеется, — ответил Гаррет. — Какая разница? Все равно мы взорвем эту скверну. Вы отвратительны.

— Тогда пошли. Сюда.

И он повел Гаррета вниз, в подполье, по многочисленным переходам, опять вниз по винтовой лестнице под землю, в катакомбы.

— Что вы хотите мне здесь показать? — спросил Гаррет.

— Вас, убитого.

— Моего двойника?

— Да. И еще кое-что.

— Что же?

— Амонтильядо, — сказал Стендаль, шагая впереди с поднятым в руке фонарем.

Кругом, наполовину высунувшись из гробов, торчали недвижные скелеты. Гаррет прикрыл нос ладонью, лицо его выражало отвращение.

— Что-что?

— Вы никогда не слыхали про амонтильядо?

— Нет!

— И не узнаете вот это? — Стендаль указал на нишу.

— Откуда мне знать?

— Это тоже? — Стендаль, улыбаясь, извлек из складок своего балахона мастерок каменщика.

— Что это такое?

— Пошли, — сказал Стендаль.

Они ступили в нишу. Во тьме Стендаль заковал полупьяного инспектора в кандалы.

— Боже мой, что вы делаете? — вскричал Гаррет, гремя цепями.

— Я, так сказать, кую железо, пока горячо. Не перебивайте человека, который кует железо, пока оно горячо, это неучтиво. Вот так!

— Вы заковали меня в цепи!

— Совершенно верно.

— Что вы собираетесь сделать?

— Оставить вас здесь.

— Вы шутите.

— Весьма удачная шутка.

— Где мой двойник? Разве мы не увидим, как его убьют?

— Никакого двойника нет.

— Но как же *остальные*?!

— Остальные мертвы. Вы видели, как убивали живых людей. А двойники, роботы, стояли рядом и смотрели.

Гаррет молчал.

— Теперь вы обязаны воскликнуть: «Ради всего святого, Монтрезор!» — сказал Стендаль. — А я отвечу: «Да, ради всего святого». Ну что же вы? Давайте. *Говорите.*

— Болван!

— Что, я вас упрашивать должен? Говорите. Говорите: «Ради всего святого, Монтрезор!»

— Не скажу, идиот. Выпустите меня отсюда. — Он уже протрезвел.

— Вот. Наденьте. — Стендаль сунул ему что-то, позванивающее бубенчиками.

— Что это?

— Колпак с бубенчиками. Наденьте его, и я, быть может, выпущу вас.

— Стендаль!

— Надевайте, говорят вам!

Гаррет послушался. Бубенчики тренькали.

— У вас нет такого чувства, что все это уже когда-то происходило? — справился Стендаль, берясь за лопатку, раствор, кирпичи.

— Что вы делаете?

— Замуровываю вас. Один ряд выложен. А вот и второй.

— Вы сошли с ума!

— Не стану спорить.

— Вас привлекают к ответственности за это!

Стендаль, напевая, постучал по кирпичу и положил его на влажный раствор.

Из тонущей во мраке ниши неслись стук, лязг, крики. Стена росла.

— Лязгайте как следует, прошу вас, — сказал Стендаль. — Чтобы было сыграно на славу!

— Выпустите, выпустите меня!

Осталось уложить один, последний кирпич. Вопли не прекращались.

— Гаррет? — тихо позвал Стендаль.

Гаррет смолк.

— Гаррет, — продолжал Стендаль, — знаете, почему я так поступил с вами? Потому что вы сожгли книги мистера По, даже не прочитав их как следует. Положились на слова других людей, что надо их сжечь. Иначе вы сразу, как только мы пришли сюда, догадались бы, что я задумал. Неведение пагубно, мистер Гаррет.

Гаррет молчал.

— Все должно быть в точности, — сказал Стендаль, поднимая фонарь так, чтобы луч света проник в нишу и упал на поникшую фигуру. — Позвоните тихонько бубенчиками.

Бубенчики звякнули.

— А теперь, если вы изволите сказать: «Ради всего святого, Монтрезор!», я, возможно, освобожу вас.

В луче света появилось лицо инспектора. Минута колебания, и вот прозвучали нелепые слова:

— Ради всего святого, Монтрезор.

Стендаль удовлетворенно вздохнул, закрыв глаза. Вложил последний кирпич и плотно заделал его.

— *Requiescat in pace**, дорогой друг.

Он быстро покинул катакомбы.

В полночь, с первым ударом часов, в семи залах Дома все смолкло.

Появилась Красная Смерть.

Стендаль на миг задержался в дверях, еще раз все оглядел. Выбежал из Дома и поспешил через ров туда, где ждал вертолет.

— Готово, Пайкс?

— Готово.

Улыбаясь, они смотрели на величавое здание. Дом начал раскалываться посередине, точно от землетрясения, и, любуясь изумительной картиной, Стендаль услышал, как позади него Пайкс тихо и напевно декламирует:

— «...на моих глазах мощные стены распались и рухнули. Раздался протяжный гул, точно от тысячи водопадов, и глубокий черный пруд безмолвно и угрюмо сомкнулся над развалинами Дома Эшеров».

Вертолет взлетел над бурлящим озером, взяв курс на запад.

Август 2005

СТАРЫЕ ЛЮДИ

И наконец — как и следовало ожидать — на Марс стали прибывать старые люди; они отправились по следу, проложенному громогласными пионерами, утонченными скептиками, профессиональными скитальцами, романтическими проповедниками, искавшими свежей поживы.

Люди немощные и дряхлые, люди, которые только и делали, что слушали собственное сердце, щупали собственный пульс, беспрестанно глотали микстуру перекошенными ртами, люди, которые прежде в ноябре отправлялись в общем вагоне в Калифорнию, а в апреле на третьеклассном пароходе в Италию, эти живые мощи, эти сморчки тоже наконец появились на Марсе...

---

* Покойся с миром (лат.).

Устремленные вверх голубые пики терялись в завесе дождя, дождь поливал длинные каналы, и старик Лафарж вышел с женой из дома посмотреть.

— Первый дождь сезона, — заметил Лафарж.

— Чудесно... — вздохнула жена.

— Благодать!

Они затворили дверь. Вернувшись в комнаты, стали греть руки над углями в камине. Они зябко дрожали. Сквозь окно они видели вдали влажный блеск дождя на корпусе ракеты, которая доставила их сюда с Земли.

— Вот одно только... — произнес Лафарж, глядя на свои руки.

— Ты о чем? — спросила жена.

— Если бы мы могли взять с собой Тома...

— Лаф, ты опять!

— Нет-нет, прости меня, я не буду.

— Мы прилетели сюда, чтобы тихо, без тревог прожить свою старость, а не думать о Томе. Сколько лет прошло, как он умер, надо постараться забыть его и все, что было на Земле.

— Верно, верно, — сказал он и снова потянулся к теплу. Его глаза смотрели на огонь. — Я больше не заговорю об этом. Просто, ну... очень уж недостает мне наших поездок в Грин-Лон-парк по воскресеньям, когда мы клали цветы на его могилу. Ведь мы больше никуда не выезжали...

Голубой дождь ласковыми струями поливал дом.

В девять часов они легли спать; молча, рука в руке, лежали они, ему — пятьдесят пять, ей — шестьдесят, во мраке, наполненном шумом дождя.

— Энн, — тихо позвал он.

— Да? — откликнулась она.

— Ты ничего не слышала?

Они вместе прислушались к шуму ветра и дождя.

— Ничего, — сказала она.

— Кто-то свистел, — объяснил он.

— Нет, я не слышала.

— Пойду посмотрю на всякий случай.

Он надел халат и прошел через весь дом к наружной двери. Помедлив в нерешительности, толчком отворил ее, и холодные капли дождя ударили по его лицу. Дул ветер.

У крыльца стояла маленькая фигура.

Молния распорол небо, и мазок белого света выхватил из мрака лицо. Оно глядело на стоящего в дверях Лафаржа.

— Кто там? — крикнул старик, дрожа.

Молчание.

— Кто это? Что вам надо?

По-прежнему ни слова.

Он почувствовал страшную усталость, слабость, изнеможение.

— Кто ты такой? — крикнул Лафарж снова.

Жена подошла к нему сзади и взяла его за руку:

— Чего ты так кричишь?

— Какой-то мальчик стоит у крыльца и не хочет мне отвечать, — сказал старик, дрожа. — Он похож на Тома!

— Пойдем спать, тебе почудилось.

— Он и сейчас стоит, взгляни сама.

Лафарж отворил дверь шире, чтобы жене было видно. Холодный ветер, редкий дождь — и фигурка, глядящая на них задумчивыми глазами. Старая женщина прислонилась к прилолке.

— Уходи! — сказала она, отмахиваясь рукой. — Уходи!

— Скажешь, не похож на Тома? — спросил старик.

Фигурка не двигалась.

— Мне страшно, — произнесла женщина. — Запри дверь и пойдем спать. Не хочу, не хочу!..

И она ушла в спальню, причитая себе под нос.

Старик стоял на ветру, и руки его стыли от студеной влаги.

— Том, — тихо сказал он. — Том, на тот случай, если это ты, если это каким-то чудом ты, — я не стану запираť дверь. Если ты озяб и захочешь войти погреться, входи и ложись подле камина, там есть меховой коврик.

И он прикрыл дверь, не запев ее.

Жена слышала, как он ложится, и зябко поежилась.

— Ужасная ночь. Я чувствую себя такой старой. — Она всхлипнула.

— Ладно, ладно, — ласково успокаивал он ее, обнимая. — Спи.

Наконец она уснула.

И тут его настороженный слух тотчас уловил: наружная дверь медленно-медленно отворилась, впуская дождь и ветер, потом затворилась. Лафарж слышал легкие шаги возле камина и слабое дыхание. «Том», — сказал он сам себе.

Молния полыхнула в небе и расколола мрак на части.

Утром светило жаркое-жаркое солнце.

Лафарж распахнул дверь в гостиную и обвел ее быстрым взглядом.

На коврике никого не было.

Лафарж вздохнул.

— Стар становлюсь, — сказал он.

И он пошел к двери, чтобы спуститься к каналу за ведром прозрачной воды для умывания. На пороге он чуть не сбил с ног юного Тома, который шел уже с полным до краев ведром.

— Доброе утро, отец!

— Доброе утро, Том.

Старик посторонился. Подросток пробежал босиком через комнату, поставил ведро и обернулся, улыбаясь.

— Чудесный день сегодня!

— Да, хороший, — настороженно отозвался старик. Мальчик держался как ни в чем не бывало. Он стал умываться принесенной водой. Старик шагнул вперед: — Том, как ты сюда попал? Ты жив?

— А почему мне не быть живым? — Мальчик поднял глаза на отца.

— Но, Том... Грин-Лон-парк, каждое воскресенье... цветы... и... — Лафарж вынужден был сесть. Сын подошел к нему, остановился и взял его руку. Старик ощутил пальцы — крепкие, теплые.

— Ты в самом деле здесь, это не сон?

— Разве вы не хотите, чтобы я был здесь? — Мальчик встревожился.

— Что ты, Том, конечно, хотим!

— Тогда зачем спрашивать? Пришел, и все тут.

— Но твоя мать, такая неожиданность...

— Не беспокойся, все будет хорошо. Ночью я пел вам обоим, это поможет вам принять меня, особенно ей. Я знаю, как действует неожиданность. Погоди, она войдет, и убедишься сам.

И он рассмеялся, тряхнув шапкой кудрявых медно-рыжих волос. У него были очень голубые и ясные глаза.

— Доброе утро, Лаф и Том. — Мать вышла из дверей спальни, собирая волосы в пучок. — Правда, чудесный день?

Том повернулся к отцу, улыбаясь:

— Что я говорил?

Вместе, вдвоем, они замечательно позавтракали в тени за домом. Миссис Лафарж достала припрятанную впрок старую бутылку подсолнухового вина, и все немножко выпили. Никогда еще Лафарж не видел свою жену такой веселой. Если у нее и было какое-то сомнение насчет Тома, то вслух она его не высказывала. Для нее все было в порядке вещей. И чем дальше, тем больше сам Лафарж проникался этим чувством. Пока мать мыла посуду, он наклонился к сыну и тихонько спросил:

— Сколько же тебе лет теперь, сынок?

— Разве ты не знаешь, папа? Четырнадцать, конечно.

— А кто ты такой *на самом деле*? Ты не можешь быть Томом, *но кем-то* ты должен быть! Кто ты?

— Не надо. — Парнишка испуганно прикрыл лицо руками.

— Мне ты можешь сказать, — настаивал старик, — я пойму. Ты марсианин, наверно? Я тут слышал разные басни про марсиан, правда, толком никто ничего не знает. Вроде бы их совсем мало осталось, а когда они появляются среди нас, то в облике землян. Вот и ты, если приглядеться: будто бы и Том, и не Том...

— Зачем, зачем это?! Чем я вам не хорош? — закричал мальчик, спрятав лицо в ладонях. — Пожалуйста, ну пожалуйста, не надо сомневаться во мне! — Он вскочил на ноги и ринулся прочь от стола.

— Том, вернись!

Но мальчик продолжал бежать вдоль канала к городу.

— Куда это он? — спросила Энн; она пришла за остальными тарелками.

Она посмотрела в лицо мужу:

— Ты что-нибудь сказал, напугал его?

— Энн, — заговорил он, беря ее за руку, — Энн, ты помнишь Грин-Лон-парк, помнишь ярмарку, и как Том заболел воспалением легких?

— Что ты такое говоришь? — Она рассмеялась.

— Так, ничего, — тихо ответил он.

Вдали, у канала, медленно оседала пыль, поднятая ногами бегущего Тома.

В пять часов вечера, на закате, Том возвратился. Он насто-роженно поглядел на отца:

— Ты опять начнешь меня расспрашивать?

— Никаких вопросов, — сказал Лафарж.

Блеснула белозубая улыбка:

— Вот это здорово.

— Где ты был?

— Возле города. Чуть не остался там. Меня чуть... — Он замялся, подбирая нужное слово. — Я чуть не попал в западню.

— Что ты хочешь этим сказать — «в западню»?

— Там, возле канала есть маленький железный дом, и когда я шел мимо него, то меня чуть было не заставили... после этого я не смог бы вернуться сюда, к вам. Не знаю, как вам объяснить, нет таких слов, я не умею рассказать, я и сам не понимаю, это так странно, мне не хочется об этом говорить.

— И не надо. Иди-ка лучше умойся. Ужинать пора.

Мальчик побежал умываться.

А минут через десять на безмятежной глади канала показалась лодка, подгоняемая плавными толчками длинного шеста, который держал в руках долговязый худой человек с черными волосами.

— Добрый вечер, брат Лафарж, — сказал он, придерживая лодку.

— Добрый вечер, Саул, что слышно?

— Всякое. Ты ведь знаешь Номленда — того, что живет в жестяном сарайчике на канале?

Лафарж оцепенел:

— Знаю, ну и что?

— А какой он негодяй был, тоже знаешь?

— Говорили, будто он потому Землю покинул, что человека убил.

Саул оперся о влажный шест, внимательно глядя на Лафаржа.

— А помнишь фамилию человека, которого он убил?

— Гиллингс, кажется?

— Точно, Гиллингс. Ну так вот, часа этак два тому назад этот Номленд прибежал в город с криком, что видел Гиллингса — живьем, здесь, на Марсе, сегодня, только что! Просился в тюрьму, чтобы его спрятали туда от Гиллингса. Но в тюрьму его не пустили. Тогда Номленд пошел домой и двадцать минут назад — люди мне рассказали — пустил себе пулю в лоб. Я как раз оттуда.

— Ну и ну, — сказал Лафарж.

— Вот какие дела-то бывают! — подхватил Саул. — Ладно, Лафарж, пока, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Лодка заскользила дальше по тихой глади канала.

— Ужин на столе! — крикнула миссис Лафарж.

Мистер Лафарж сел на свое место и, взяв нож, поглядел через стол на Тома.

— Том, — сказал он, — ты что делал сегодня вечером?

— Ничего, — ответил Том с полным ртом. — А что?

— Да нет, я так просто. — Старик засунул уголок салфетки за ворот сорочки.

В семь часов вечера миссис Лафарж собралась в город.

— Уж который месяц не была там, — сказала она.

Том отказался идти.

— Я боюсь города, — объявил он. — Боюсь людей. Мне не хочется.

— Большой парень — и такие разговоры! — настаивала Энн. — Слушать не хочу. Пойдешь с нами. Я так решила.

— Но, Энн, если мальчику не хочется... — вступился старик.

Однако миссис Лафарж была неумолима. Она чуть не силой втащила их в лодку, и все вместе отправились в путь по каналу под вечерними звездами. Том лежал на спине, закрыв глаза, и никто не сказал бы, спит он или нет. Старик пристально глядел на него, размышляя. «Кто же это, — думал он, — что за создание, жаждущее любви не меньше нас? Кто он и что он — пришел, спасаясь от одиночества, в круг чуждых ему существ, приняв голос и облик людей, которые жили только в нашей памяти, чтобы остаться среди нас и обрести наконец свое счастье в нашем признании? С какой он горы, из какой пещеры, отпрыск какого народа, еще населявшего этот мир, когда прилетели ракеты с Земли?» Лафарж покачал головой. Этого не узнать. А так, с какой стороны ни посмотри — он Том, и все тут.

Старик перевел взгляд на приближающийся город и почувствовал неприязнь к нему. Но затем он опять стал думать о Томе и Энн и сказал себе: «Может быть, и неправильно это — оставить у себя Тома, хоть ненадолго, если все равно не выйдет ничего, кроме беды и горя... Но как отказаться от того, о чем мы так мечтали, пусть это всего на один день, и он потом исчезнет, и пустота станет еще невыносимей, темные ночи — еще темней, дождливые ночи — еще сырей... Лишать нас этого — все равно что попытаться вырвать у нас кусок из рта...»

И он поглядел на парнишку, который так безмятежно дремал на дне лодки. Тот всхлипнул; верно, что-то приснилось.

— Люди, — бормотал Том во сне. — Меняюсь и меняюсь... Капкан...

— Полно, полно, парень. — Лафарж погладил его мягкие кудри, и Том успокоился.

Лафарж помог жене и сыну выйти из лодки на берег.

— Ну вот и приехали! — Энн улыбнулась ярким огням, слушая музыку из таверн, звуки пианино и патефонов, любуясь парочками, которые гуляли под руку по оживленным улицам.

— Лучше бы я остался дома, — сказал Том.

— Прежде ты так не говорил, — возразила мать. — Тебе всегда нравилось в субботу вечером поехать в город.

— Держитесь ко мне поближе, — прошептал Том. — Я не хочу, чтоб меня поймали.

Энн услышала эти слова.

— Что ты там болтаешь, пошли!

Лафарж заметил, что пальцы мальчика льнут к его ладони, и крепко стиснул их.

— Я с тобой, Томми. — Он поглядел на снующую мимо толпу, и ему тоже стало не по себе. — Мы не будем задерживаться долго.

— Вздор, — вмешалась Энн. — Мы на весь вечер приехали.

Переходя улицу, они наткнулись на тройку пьяных. Их затолкали, закружили, оторвали друг от друга; оглядевшись, Лафарж окаменел.

Тома не было.

— Где он? — сердито спросила Энн. — Что за манера — чуть что, куда-то удирать от родителей! Том!!

Мистер Лафарж бегал кругом, расталкивая прохожих, но Тома нигде не было.

— Вернется, вот увидишь, будет ждать возле лодки, когда мы поедem домой, — уверенно произнесла Энн, увлекая мужа по направлению к кинотеатру.

Вдруг в толпе произошло какое-то замешательство, и мимо Лафаржа пробежали двое — мужчина и женщина. Он узнал их: Джо Сполдинг с женой. Они исчезли прежде, чем Лафарж успел заговорить с ними.

Встревоженно озираясь, он купил билеты и безропотно потащился за женой в постылую темноту кинозала.

В одиннадцать часов Тома у причала не было.

— Ничего, мать, — сказал Лафарж, — ты только не волнуйся. Я найду его. Подожди здесь.

— Поскорее возвращайтесь.

Ее голос утонул в плеске воды.

Он шел по ночным улицам, сунув руки в карманы. Один за другим гасли огни. Кое-где из окон еще высывались люди — ночь была теплая, хотя в небе все еще плыли среди звезд обрывки грозowych туч. Лафарж вспомнил, как мальчик постоянно твердил что-то насчет западни, как он боялся толпы, городов. «Что за нелепость, — устало подумал старик. — Наверно, парень ушел навсегда. А может, его и вовсе не было...» Лафарж свернул в переулок, скользя взглядом по номерам домов.

— Это ты, Лафарж?

На крыльце, куря трубку, сидел мужчина.

— Привет, Майк.

— Что, повздорил с хозяйкой? Вышел проветриться, нервы успокоить?

— Да нет, просто гуляю.

— У тебя такой вид, словно ты что-то ищешь. Да, к слову о находках. Ведь сегодня вечером кое-кто нашелся. Джо Сполдинга знаешь? Помнишь его дочь, Лавинию?

— Помню, — Лафарж похолодел. Это было как сон, который снится во второй раз. Он в точности знал, что будет сказано дальше.

— Лавиния вернулась домой сегодня вечером, — сказал Майк, выпуская дым. — Помнишь, она с месяц назад заблудилась на дне мертвого моря? Потом нашли тело, вроде бы ее, да очень уж изуродовано было... С тех пор Сполдинги были словно не в себе. Джо ходил и все твердил, что она жива, не ее это тело. И вот выходит, он был прав. Сегодня Лавиния объявилась.

— Где? — Лафаржу стало трудно дышать, сердце отчаянно заколотилось.

— На Главной улице. Сполдинги как раз покупали билеты в кино. Вдруг видят в толпе Лавинию. Вот сцена была, воображаю! Сперва-то она их не узнала. Они квартала три шли за ней, все говорили, говорили. Наконец она вспомнила.

— И ты ее видел?

— Нет, но я слышал ее голос. Помнишь, она любила петь «Чудный брег Ломондского озера»? Ну так вот, я только что слышал, как она эту песню отцу пела, вон их дом. Так она пела — заслушаешься! Славная девочка. Я как узнал, что она погибла, — вот ведь беда, подумал, вот несчастье. А теперь вернулась, и так на душе хорошо. Э, да тебе вроде нездоровится. Зайди-ка, глотни виски!

— Спасибо, Майк, не хочу. — Старик побрел прочь.

Он слышал, как Майк пожелал ему доброй ночи, но не ответил, а устремил взгляд на двухэтажный дом, высокую хрустальную крышу которого устилали пышные кисти алых марсианских цветов. Над садом навис балкон с витой железной решеткой, в окнах второго этажа горел свет. Было очень поздно, но он все-таки подумал: «Что будет с Энн, если я не приведу Тома? Новый удар — снова смерть, — как она это перенесет? Вспомнит первую смерть?.. И весь этот сон наяву? И это внезапное исчезновение? Господи, я должен найти Тома, ради Энн! Бедняжка Энн, она ждет его на пристани...»

Он поднял голову. Где-то наверху голоса желали доброй ночи другим ласковым голосам, хлопали двери, гас свет, и все время слышалась негромкая песня. Мгновение спустя на балкон вышла прехорошенькая девушка лет восемнадцати.

Лафарж окликнул ее, преодолевая голосом сильный ветер. Девушка обернулась, глянула вниз.

— Кто там? — крикнула она.

— Это я, — сказал старик и, сообразив, как странно, нелепо ответил ей, осекся, только губы продолжали беззвучно шевелиться.

Крикнуть: «Том, сынок, это твой отец»? Как заговорить с ней? Она ведь примет его за сумасшедшего и позовет родителей.

Девушка перегнулась через перила в холодном, неверном свете.

— Я вас знаю, — мягко ответила она. — Пожалуйста, уходите, вы тут ничего не можете поделать.

— Ты должен вернуться! — Слова сами вырвались у Лафаржа, прежде чем он смог их удержать.

Освещенная луной фигурка наверху отступила в тень и пропала, только голос остался.

— Теперь я больше не твой сын, — сказал голос. — Зачем только мы поехали в город...

— Энн ждет на пристани!

— Простите меня, — ответил тихий голос. — Но что я могу поделать? Я счастлива здесь, меня любят — как любили вы. Я то, что я есть, беру то, что дается. Поздно: они взяли меня в плен.

— Но подумай об Энн, какой это будет удар для нее...

— Мысли в этом доме чересчур сильны, я словно в заточении. Я не могу перемениться сама.

— Но ведь ты же Том, это ты была Томом, верно? Или ты издеваешься над стариком — может быть, на самом деле ты Лавиния Сполдинг?

— Я ни то ни другое, я только я. Но везде, куда я попадаю, я еще и нечто другое, и сейчас вы не в силах изменить этого нечто.

— Тебе опасно оставаться в городе. У нас на канале лучше, там никто тебя не обидит, — умолял старик.

— Верно... — Голос звучал нерешительно. — Но теперь я обязана считаться с этими людьми. Что будет с ними, если утром окажется, что я снова исчезла — уже навсегда? Правда, мама-то знает, кто я, — догадалась, как и вы. Мне кажется, они все догадались, только не хотят спрашивать. Провидению не задают вопросов. Если действительность недоступна, чем плоха тогда мечта? Пусть я не та, которую они потеряли, для них я даже нечто лучшее — идеал, созданный их мечтой. Передо мной теперь стоит выбор: либо причинить боль им, либо вашей жене.

— У них большая семья, их пятеро. Им легче перенести утрату!

— Прошу вас, — голос дрогнул, — я устала.

Голос старика стал тверже:

— Ты должен пойти со мной. Я не могу снова подвергать Энн такому испытанию. Ты наш сын. Ты мой сын, ты принадлежишь нам.

— Не надо, пожалуйста! — Тень на балконе трепетала.

— Тебя ничто не связывает с этим домом и его обитателями!

— О, что вы делаете со мной!

— Том, Том, сынок, послушай меня. Вернись к нам скорей, ну, спустись по этим лианам. Пошли, Энн ждет, у тебя будет настоящий дом, все, чего ты захочешь.

Лафарж не отрывал пристального взгляда от балкона, желая, желая, чтобы свершилось...

Тени колыхались, шелестели лианы.

Наконец тихий голос произнес:

— Хорошо, отец.

— Том!

В свете луны вниз по лианам скользнула юркая мальчишеская фигурка. Лафарж поднял руки — принять ее.

В окнах вверх вспыхнуло электричество.

Чей-то голос вырвался из-за узорной решетки:

— Кто там?

— Живей, парень!

Еще свет, еще голоса:

— Стой, я буду стрелять! Винни, ты цела?

Топот спешащих ног...

Старик и мальчик пустились бежать через сад.

Раздался выстрел. Пуля ударила в стену возле самой ка-литки.

— Том, ты — в ту сторону! Я побегу сюда, запутаю их. Беги к каналу, через десять минут встретимся там! Давай!

Они побежали в разные стороны.

Луна скрылась за тучей. Старик бежал в полной темноте.

— Энн, я здесь!

Она, дрожа, помогла ему спуститься в лодку.

— Где Том?

— Сейчас прибежит.

Они смотрели на тесные улочки и спящий город. Еще появлялись запоздалые прохожие: полицейский, ночной сторож, пилот ракеты, одинокие мужчины, идущие домой после ночного свидания, четверо мужчин и женщин, которые, смеясь, вышли из бара... Где-то приглушенно звучала музыка.

— Почему его нет? — спросила мать.

— Сейчас, сейчас.

Но Лафарж уже не был уверен. Что, если парнишку опять перехватили — где-то, каким-то образом, — пока он спешил к пристани, бежал полуночными улицами между темных домов? Конечно, бежать было далеко, даже для мальчика, но все-таки Том должен был поспеть раньше его...

Вдруг вдали, на залитой лунным светом улице, показалась бегущая фигурка.

Лафарж вскрикнул, но тотчас заставил себя замолчать: оттуда же, издали, доносились другие голоса, топот других ног. В окнах, словно по цепочке, вспыхнули огни. Одинокая фигурка вырвалась на широкую площадь перед причалом. Это был не Том, а просто бегущее существо с серебристым лицом, которое блестело, переливалось, освещенное многочисленными шарами фонарей. Но чем ближе подбегало оно, тем все более знакомым становилось, и когда фигурка достигла причала, это был уже Том! Энн всплеснула руками, Лафарж поспешно отчалил. Но было уже поздно.

Потому что из улицы на безмолвную площадь выбежал мужчина... еще один... женщина, еще двое мужчин, мистер Сполдинг. Они остановились в замешательстве. Они озирались по сторонам, и им хотелось вернуться домой: ведь это... это был явный кошмар, безумие какое-то, ну конечно! И, однако же, они продолжали погоню, поминутно останавливаясь в нерешительности и вновь припускаясь бежать.

Да, было уже поздно. Пришел конец этому необычайному вечеру, необычайному событию. Лафарж крутил в руках чалку. Ему было очень холодно и одиноко. В лунном свете было видно, как бежали, спешили люди, выпучив глаза, торопливо вскидывая ноги, и вот уже все они, вся десятка, стоят у причала. Они яростно уставились на лодку. Они кричали.

— Ни с места, Лафарж! — Сполдинг держал в руке пистолет.

Теперь было ясно, что произошло... Том один, обгоняя прохожих, мчитя по освещенным лунной улицам. Полицейский замечает промелькнувшую фигуру. Круто обернувшись, всматривается в лицо, кричит какое-то имя, бросается вдогонку. «Эй, стой!» Он увидел известного преступника. И так всю дорогу, кто бы ни встретился. Мужчина ли, женщина, ночной сторож или пилот ракеты — для каждого бегущая фигура была кем угодно. В ней воплощались для них любой знакомый, любой образ, любое имя... Сколько разных имен было произнесено за последние пять минут!.. Сколько лиц угадано в лице Тома — и все ложно!

Вдоль всего пути — преследуемый и преследователи, мечта и мечтатели, дичь и псы. Вдоль всего пути: неожиданное открытие, блеск знакомых глаз, выкрик полузабытого имени,

воспоминания о давних временах — и растет, растет толпа, бегущая по его следам. Каждый срывался с места и спешил вдогонку, едва проносилось мимо — словно лик, отраженный десятком тысяч зеркал, десятком тысяч глаз, — бегущее видение, лицо, одно для тех, кто впереди, иное для тех, кто позади, и другое, новое, для тех, кто еще попадетсся ему на пути, кто еще не видел.

И вот они все здесь, у лодки, и каждый хочет один завладеть мечтой.

«Как мы хотим, чтобы это был только Том, ни Лавиния, ни Роджер, ни кто-либо еще, — подумал Лафарж. — Но теперь этому не бывать. Слишком далеко все зашло».

— Выходите из лодки, ну! — скомандовал Сполдинг.

Том поднялся на пристань. Сполдинг схватил его за руку.

— Ты пойдешь к нам домой. Я все знаю.

— Стой, — вмешался полицейский, — он арестован! Его фамилия Декстер, разыскивается за убийство.

— Нет, нет! — всхлипнула женщина. — Это мой муж! Что уж, я своего мужа не знаю?!

Другие голоса твердили свое. Толпа напирала.

Миссис Лафарж заслонила собой Тома:

— Это мой сын, у вас нет никакого права обвинять его в чем-либо! Нам надо ехать домой!

А Тома безостановочно била дрожь. Он выглядел тяжело-больным. Толпа все напирала, протягивая нетерпеливые руки, ловя его, хватая.

Том закричал.

Он менялся на глазах у всех. Это был Том, и Джеймс, и человек по фамилии Свичмен, и другой, по фамилии Баттерфилд; это был мэр города, и девушка по имени Юдифь, и муж Уильям, и жена Кларисса. Он был словно мягкий воск, послушный их воображению. Они орали, наступали, зывали к нему. Он тоже кричал, простирая к ним руки, и каждый призыв заставлял его лицо преображаться.

— Том! — звал Лафарж.

— Алиса! — звучал новый зов.

— Уильям!

Они хватали его за руки, тянули к себе, пока он не упал, испустив последний крик ужаса.

Он лежал на камнях — застывал расплавленный воск, и его лицо было как все лица, один глаз голубой, другой золотистый, волосы каштановые, рыжие, русые, черные, одна бровь косматая, другая тонкая, одна рука большая, другая маленькая.

Они стояли над ним, прижав палец к губам. Они наклонились.

— Он умер, — сказал кто-то наконец.

Пошел дождь.

Капли падали на людей, и люди посмотрели на небо.

Они отвернулись и сперва медленно, потом все быстрее пошли прочь, а потом бросились бежать в разные стороны. Только мистер и миссис Лафарж, объятые ужасом, стояли на месте, держась за руки, и глядели на него.

Дождь поливал обращенное вверх лицо, в котором не осталось ни одной знакомой черты.

Энн молча начала плакать.

— Поехали домой, Энн, тут уж ничего не поделаешь, — сказал старик.

Они спустились в лодку и заскользили в мраке по каналу. Они вошли в свой дом, и развели огонь в камине, и согрели над ним руки. Они пошли спать и лежали вместе, продрогшие, изможденные, слушая, как снова стучит по крыше дождь.

— Тсс, — вдруг произнес Лафарж посреди ночи. — Ты ничего не слышала?

— Нет, ничего...

— Я все-таки погляжу.

Он пересек на ощупь темную комнату и долго стоял возле наружной двери, прежде чем отворить.

Наконец распахнул ее настежь и выглянул наружу.

Дождь с черного неба поливал пустой двор, поливал канал, поливал склоны синих гор.

Он подождал минут пять, потом мокрыми руками медленно затворил дверь и задвинул засов.

Ноябрь 2005

«ДОРОЖНЫЕ ТОВАРЫ»

Уж очень далекой она показалась, эта новость, которую владелец магазина дорожных товаров услышал вечером по радио, когда модулированный световой луч принес последние известия с Земли. Просто непостижимо.

На Земле назревала война.

Он вышел и посмотрел на небо.

Вот она, Земля, на вечернем небосводе, догоняет закатившееся за горы солнце. Эта зеленая звезда и есть то, о чем говорило радио.

— Не могу поверить, — сказал лавочник.

— Это потому, что вы не там, — заметил отец Перегрин, он подошел поздороваться.

— Как это понять, святой отец?

— Вот так же было, когда я был мальчишкой, — сказал отец Перегрин. — Мы слышали о войнах в Китае. Но нам не

верилось. Это было слишком далеко. И слишком много людей там погибало. Невозможно себе представить. Даже когда мы смотрели фильмы оттуда, нам не верилось. Так и теперь. Земля — тот же Китай. Слишком далеко, вот и не верится. Это не здесь, не у нас. Не то что пощупать, даже разглядеть нельзя. Зеленый огонек — вот все, что мы видим. И на этом зеленом огоньке живет два миллиарда людей? Невероятно! Война? Но мы не слышим взрывов.

— Услышим, — сказал лавочник. — Я вот все думаю о тех людях, которые должны прилететь сюда на этой неделе. Как там, передавали про них? В течение ближайшего месяца на Марс прибудет около ста тысяч человек — так, кажется. Что с ними будет, если начнется война?

— Повернут назад, наверно.

— Н-да, — сказал лавочник. — Ладно, пойду-ка я сотру пыль с чемоданов. Того и гляди, покупатели нагрянут.

— Думаете, если это та Большая Война, которой мы ждали много лет, все захотят вернуться на Землю?

— Вот именно, святой отец: как это ни странно, я думаю, мы все захотим вернуться. Конечно, мы прилетели сюда, спасаясь от политики, от атомной бомбы, войны, влиятельных клик, предрассудков, законов. Все это мне известно. Но родина-то все-таки там. Вот увидите. Как только на Америку упадет первая бомба, здешний народ призадумается. Слишком мало они тут прожили — каких-нибудь два года. Если бы лет сорок, тогда другое дело, а сейчас ведь у них на Земле родня, города, в которых они выросли. Я-то, можно сказать, в Землю даже не верю, для меня она как бы и не существует. Но я старик, от меня все равно никакого проку. Я могу и тут остаться.

— Вряд ли.

— Пожалуй, вы правы.

Они стояли на террасе, глядя на звезды. Потом отец Перегрин достал из кармана деньги и подал их хозяину магазина.

— Кстати, подберите-ка мне чемодан. А то мой старый очень уж истрепался...

Ноябрь 2005

МЕРТВЫЙ СЕЗОН

Сэм Паркхилл лихо махал метлой, выметая голубой марсианский песок.

— Вот и все! — сказал он. — Прошу, сэр, полюбуйте! — Он показал рукой. — Взгляните на вывеску: «ГОРЯЧИЕ СОСИСКИ СЭМА»! Красота — правда, Эльма?

— Правда, Сэм, — подтвердила его супруга.

— Во, куда я махнул! Увидели бы меня теперь ребята из Четвертой экспедиции. Слава Богу, свое дело завел, а они все еще солдатскую лямку тянут. Мы будем тысячи загребать, Эльма, тысячи!

Жена смотрела на него и молчала.

— Куда девался капитан Уайлдер? — спросила она наконец. — Твой начальник, который убил этого типа, ну, что задумал всех землян перебить — как его фамилия?..

— Этого психа-то? Спендер. Чистоплюй проклятый. Да, насчет капитана Уайлдера... На Юпитер полетел, говорят. С повышением, так сказать. Сдается мне, Марс и ему тоже в голову ударил. Раздражительный больно стал, не дай Бог. Лет через двадцать вернется с Юпитера и Плутона, если повезет. Будет знать, как трепать языком. Вот так-то — он там от мороза дышит, а я тут, смотри, что наворочал! Местечко-то какое!

Два заброшенных шоссе встречались здесь и вновь расходились, исчезая во мраке. У самого перекрестка Сэм Паркхилл воздвиг из вздущегося заклепками алюминия сооружение, залитое ослепительным белым светом и дрожащее от рева автомата-радиолы.

Он нагнулся, чтобы поправить окаймляющий дорожку бордюр из битого стекла. Стекло он выломал в старинных марсианских зданиях в горах.

— Лучшие горячие сосиски на двух планетах! Первый торговец сосисками на Марсе! Лук, перец, горчица — все лучшего качества! Что-что, а растяпой меня не назовешь! Вот вам две магистрали, вон мертвый город, а вон там рудники. Грузовики из 101 Сеттльмента будут идти мимо нас двадцать четыре часа в сутки. Скажешь, плохое я место выбрал?

Жена разглядывала свои ногти.

— Ты думаешь, эти десять тысяч новых ракет с рабочими прилетят на Марс? — сказала она наконец.

— Не пройдет и месяца, — уверенно ответил он. — Чего ты кривишься?

— Не очень-то я полагаюсь на эту публику, там, на Земле, — ответила она. — Вот когда сама увижу десять тысяч ракет и сто тысяч мексиканцев и китайцев, тогда и поверю.

— Покупателей, — он посмаковал это слово. — Сто тысяч голодных клиентов!

— Только бы не было атомной войны, — медленно произнесла жена, глядя на небо. — Эти атомные бомбы мне покою не дают. Их уже столько накопилось на Земле, всякое может случиться.

Сэм только фыркнул в ответ и продолжал подметать. Уголком глаза он уловил голубое мерцание. Что-то бесшумно парило в воздухе за его спиной. Он услышал голос жены:

— Сэм, тут к тебе приятель явился.

Сэм повернулся и увидел качающуюся на ветру маску.

— Опять пришел! — Сэм взял метлу наперевес.

Маска кивнула. Она была сделана из голубоватого стекла и венчала тонкую шею, ниже которой развевалось одеяние из тончайшего желтого шелка. Из шелка торчали две серебряные руки, прозрачные, как сетка. На месте рта у маски была узкая прорезь, из нее вырывались мелодичные звуки, а руки, маска, одежда то всплывали вверх, то опускались.

— Мистер Паркхилл, я опять пришел поговорить с вами, — произнес голос из-под маски.

— Тебе же сказано, чтобы духу твоего здесь не было! — гаркнул Сэм. — Убирайся, не то Болезнь напущу!

— У меня уже была Болезнь, — ответил голос. — Я один из немногих, кто выжил. Я очень долго болел.

— Убирайся в свои горы и сиди там, где тебе положено. Чего ты сюда ходишь, пристаешь ко *мне*? Ни с того ни с сего. Да еще по два раза на день.

— Мы не причиним вам зла.

— Зато я вам причиню! — сказал Сэм, пятась. — Я иностранцев не люблю. И марсиан не люблю. До сих пор ни одного не видел. Вообще чертовщина какая-то! Столько лет сидели где-то, прятались, и вдруг, нá тебе, я им понадобился. Оставьте меня в покое.

— У нас к вам важное дело, — сказала голубая маска.

— Если это насчет участка, так он мой. Я построил сосисочную собственными руками.

— В известном смысле да, по поводу участка.

— Ну вот что, послушай-ка меня, — ответил Сэм. — Я сам из Нью-Йорка. Это огромный город; там еще десять миллионов таких, как я. А вас, марсиан, всего дюжина-другая осталась. Городов у вас нет, бродите по горам, ни властей, ни законов, и ты еще начинаешь мне про участок толковать. Заруби себе на носу: старое должно уступать место новому. Лучше разойдемся полюбовно. При мне пистолет, вот он. Нынче утром, как ты ушел, я сразу его достал и зарядил.

— Мы, марсиане — телепаты, — сказала бесстрастная голубая маска. — У нас есть связь с одним из ваших городов по ту сторону мертвого моря. Вы сегодня слушали радио?

— Мой приемник скис.

— Значит, вам ничего не известно. Очень важные новости. Это касается Земли.

Серебряная рука сделала движение, и в ней появилась бронзовая трубка.

— Позвольте показать вам вот это.

— Пистолет! — вскричал Сэм Паркхилл. Выхватив из кобуры свой пистолет, он открыл огонь по туманному силуэту, по одеждам, по голубой маске.

Маска на миг застыла в воздухе. Потом шелк зашуршал и мягко, складка за складкой, опал, будто крохотный цирковой шатер, у которого выбили стойки, серебряные руки тренькнули о мощеную дорожку, и маска накрыла безгласную маленькую кучку белых костей и ткани. У Сэма перехватило дыхание. Его жена, пошатываясь, стояла над останками марсианина.

— Это не оружие, — сказала она, нагибаясь и поднимая бронзовую трубку. — Это, видно, письмо. Он его хотел показать тебе. Оно написано какой-то змеиной азбукой, видишь — все одни голубые змеи. Не умею читать эти знаки. А ты?

— Нет. Что в них проку-то было, в этих марсианских пиктограммах? Брось ее! — Он воровато оглянулся по сторонам. — Ну как другие еще нагрянут! Надо убрать его с глаз долой. Неси-ка лопату!

— Что ты собираешься делать?

— Закопать его, что же еще?

— Не надо было убивать его.

— Ну, ошибся, подумаешь. Пошевеливайся!

Она молча принесла ему лопату.

К восьми часам Сэм Паркхилл вернулся и принялся виновато мести площадку перед сосисочной. Жена стояла в залитых светом дверях, сложив руки на груди.

— Жаль, конечно, что так получилось, — сказал он. Поглядел на жену, отвел глаза в сторону. — Сама видела, это случайно вышло, стечение обстоятельств.

— Да, — сказала жена.

— Меня такое зло взяло, когда он достал оружие.

— Какое оружие?

— Ну, мне показалось, что оружие! Я сожалею, сожалею! Сколько раз еще надо повторять!

— Тсс, — произнесла Эльма, поднося палец к губам. — Тсс.

— А мне наплевать, — сказал он. — Я не один — вся компания «Сеттльменты землян, инкорпорейтед» вступится, если что! — Он презрительно фыркнул: — Да эти марсиане и не посмеют...

— Смотри, — перебила его Эльма.

Сэм поглядел в сторону сухого моря. Он выронил из рук метлу, потом поднял ее; рот его был разинут, и крохотная

капелька слюны сорвалась с губы и улетела по ветру. Его вдруг кинуло в дрожь.

— Эльма, Эльма, Эльма! — вырвалось у него.

— Вот они и пришли, — сказала Эльма.

По дну древнего моря, словно голубые призраки, голубые дымки, скользили десять—двенадцать высоких марсианских песчаных кораблей под голубыми парусами.

— Песчаные корабли! Но ведь их уже нет, Эльма, их не осталось.

— И все-таки это, похоже, их корабли, — сказала она.

— Как же так? Власти же их конфисковали! И все разломали, только несколько штук продали с аукциона! Во всей нашей округе я один купил эту посудину и знаю, как ее водить!

— Не осталось... — повторила она, кивая в сторону моря.

— Живо, нам надо убраться отсюда!

— Почему? — протяжно спросила она, заворуженно глядя на марсианские корабли.

— Они убьют меня! В машину, скорей!

Эльма не двигалась с места.

Ему пришлось силой увести ее за сосисочную. Здесь стояли две машины: грузовик, на котором он постоянно разъезжал до недавнего времени, и старый марсианский песчаный корабль, который он потехи ради выторговал на аукционе. Последние три недели он возил на нем всякие грузы из-за моря, по гладкому дну. Только взглянув на грузовик, он вспомнил. Мотор лежал на земле — он уже два дня возился с его ремонтом.

— Грузовик вроде не на ходу, — заметила Эльма.

— Песчаный корабль! Садись скорей!

— Чтобы ты вез меня на этом корабле? О нет.

— Садись! Я умею!

Он втолкнул ее, вскочил следом и дернул руль, подставляя кобальтовый парус вечернему бризу.

Под яркими звездами голубые марсианские корабли стремительно скользили по шуршащим пескам. Корабль Сэма не двигался с места, пока он не вспомнил про якорь и не рванул его.

— Есть!

И сильный ветер помчал песчаный корабль по дну мертвого моря, над поглощенными песком глыбами хрусталя, мимо поваленных колонн, мимо заброшенных пристаней из мрамора и меди, мимо белых шахматных фигурок мертвых городов, мимо пурпурных предгорий и дальше, дальше... Очертания

марсианских кораблей становились все меньше, пока они не помчались за Сэмом.

— Лихо я им нос утер! — крикнул Сэм. — А сейчас я заявлю в «Ракетную компанию», и мне дадут охрану. Скажи, что у меня не варит котелок!

— Они могли задержать тебя, если бы захотели, — устало ответила Эльма. — Просто им это не очень нужно.

Он засмеялся:

— Брось! С чего это им отпускать меня? Не догнали, вот и все!

— Не догнали? — Эльма кивком головы указала за его спину.

Сэм не обернулся. Его обдало холодом. Он боялся оглянуться. Он ощутил нечто там, на сиденье, за своей спиной, нечто эфемерное, как дыхание человека студеным утром, и голубое, словно плывущий в сумерках дым над горячими чурками гикори, нечто подобное старинным белым кружевам и летучему снегу, напоминающее иней на хрупком камыше.

Послышался звук, будто разбилось тонкое стекло: смех. И снова молчание. Он обернулся.

На корме, близ руля, спокойно сидела молодая женщина. Кисти рук тонкие, как сосульки, глаза яркие и большие, как луны, светлые, спокойные. Ветер овеивал ее, и она колыбалась, совсем как отражение на воде, и складки шелка, как струи голубого дождя, порхали вокруг ее хрупкого тела.

— Поверните назад, — сказала она.

— Нет. — Сэма трясло мелкой трусливой дрожью, он дрожал, словно шершень, висающий в воздухе, он колебался на грани между страхом и злобой. — Прочь с моего корабля!

— Это не ваш корабль, — ответило видение. — Он такой же древний, как наш мир. Он ходил по пескам еще десять тысяч лет назад, когда моря улетучились и пристани опустели, а вы, пришельцы, похитили его, забрали себе. Но поверните же и возвратитесь к перекрестку. Нам нужно поговорить с вами. Произошло нечто очень важное.

— Прочь с моего корабля! — сказал Сэм. Кожаная кобура скрипнула, когда он вытащил пистолет. Он тщательно прицелился. — Прыгай, считаю до трех...

— Не надо! — вскричала девушка. — Я вам ничего дурного не сделаю. И другие тоже. Мы пришли с миром!

— Раз, — молвил Сэм.

— Сэм! — сказала Эльма.

— Выслушайте меня, — просила девушка.

— Два, — жестко произнес Сэм, взводя курок.

- Сэм! — крикнула Эльма.
- Три, — сказал Сэм.
- Мы только... — начала девушка.

Пистолет выстрелил.

В лучах солнца тает снег, кристаллики превращаются в пар, в ничто. В пламени очага пляшут и пропадают химеры. В кратере вулкана распадается, исчезает все хрупкое и непрочное. От выстрела, от огня, от удара девушка спалась, как легкий газовый шарф, растаяла, будто ледяная статуэтка. А все, что от нее осталось — льдинки, снежинки, дым, — унесло ветром. Кормовое сиденье опустело. Сэм убрал пистолет в кобуру, избегая глядеть на жену. Целую минуту слышен был лишь шелестящий бег корабля по песчаному морю, залитому лунным сиянием.

— Сэм, — сказала она наконец, — останови корабль.

Он обратился к ней бледное лицо:

— Нет, не бывать этому. После стольких лет ты меня не бросишь.

Она посмотрела на его руку, лежащую на рукоятке пистолета.

— Что ж, я верю, ты способен, — сказала она. — От тебя этого можно ждать.

Он замотал головой, сжимая пальцами руль:

— Эльма, не дури. Сейчас мы приедем в город и будем в безопасности!

— Да-да, — ответила его жена, безучастно откинувшись на спинку.

— Эльма, послушай меня.

— Тебе нечего сказать, Сэм.

— Эльма!

Они проносились мимо белого шахматного городка, и, одержимый бессильной яростью, Сэм выпустил одну за другой шесть пуль по хрустальным башням. Под грохот выстрелов город рассыпался ливнем старинного стекла и обломков кварца. Разбилась вдребезги, растворился, будто он был вырезан из мыла. Города не стало. Сэм рассмеялся и выстрелил еще раз. Последняя башня, последняя шахматная фигурка загорелась, вспыхнула и взлетела голубыми черепками к звездам.

— Я им покажу! Я всем покажу!

— Давай, давай, Сэм, показывай. — Глухая тень скрывала ее лицо.

— А вот еще город! — Сэм снова зарядил пистолет. — Погляди, как я с ним расправляюсь!

А сзади стремительно надвигались, неумолимо вырастали контуры голубых кораблей-призраков. Сначала он даже не

увидел их, только услышал свист и завывающую высокую ноту, будто сталь скрипела по песку: это бритвенно-острые носы песчаных кораблей резали поверхность морского дна. На голубых кораблях под красными и голубыми вымпелами стояли синие фигуры, люди в масках, люди с серебристыми лицами, с голубыми звездами вместо глаз, с лепными ушами из золота, отливающими металлом щеками и рубиновыми губами. Они стояли скрестив руки на груди. Это были марсиане, и они преследовали его.

Раз, два, три... Сэм считал. Марсианские корабли подошли вплотную к нему.

— Эльма, Эльма, я не отобьюсь от всех!

Эльма не ответила, даже не пошевелилась.

Сэм выстрелил восемь раз. Один песчаный корабль развалился на части, распались паруса, изумрудный корпус, его бронзовая оковка, руль и остальные образы. Люди в масках, все до одного, упали с корабля, зарылись в песок, и над каждым из них вспыхнуло пламя, сначала оранжевое, потом подернутое копотью.

Но остальные корабли продолжали приближаться.

— Их слишком много, Эльма! — вскричал он. — Они меня убьют!

Он выбросил якорь. Без толку. Парус порхнул вниз, ложась в складки, вздыхая. Корабль, ветер, движение — все остановилось. Казалось, весь Марс замер, когда величественные суда марсиан, окружив Сэма, вздыбились над ним.

— Землянин, — воззвал голос откуда-то с высоты.

Одна из серебристых масок шевелилась, рубиновые губы поблескивали в такт словам.

— Я ничего не сделал! — Сэм смотрел на окружавшие его лица — их было не меньше ста.

На Марсе осталось очень мало марсиан — всего не больше ста—ста пятидесяти. И почти все они были здесь, на дне мертвого моря, на своих воскрешенных кораблях, возле вымерших шахматных городов, один из которых только что рассыпался осколками, как хрупкая ваза, пораженная камнем. Сверкали серебряные маски.

— Все это недоразумение, — взмолился он, привстав над бортом; жена его по-прежнему лежала замертво, свернувшись комочком, на дне корабля. — Я прилетел на Марс как честный предприимчивый бизнесмен, таких здесь много. Выстроил себе ларек из обломков разбившейся ракеты, ларек, сами видели, загляденье, на самом перекрестке, вы это местечко знаете. Сработано чисто, правда ведь? — Сэм захихикал, переводя взгляд с одного лица на другое. — А тут, значит, появляется

этот марсианин, я знаю — он ваш приятель. Я его нечаянно убил. Уверяю вас, это несчастный случай. Мне ничего не надо, я только хотел завести сосисочную, первую, единственную на Марсе, центральную, можно сказать. Понимаете? Подавать лучшие на всей планете горячие сосиски, черт возьми, с перцем и луком, и апельсиновый сок.

Серебряные маски неподвижно блестели в лунном свете. Светились устремленные на Сэма желтые глаза. Желудок его сжался в комок, в камень. Он швырнул пистолет на песок:

— Сдаюсь.

— Поднимите свой пистолет, — хором сказали марсиане.

— Что?

— Ваш пистолет. — Над носом голубого корабля взлетела ажурная рука. — Возьмите его. Уберите.

Он, все еще не веря, подобрал пистолет.

— А теперь, — продолжал голос, — разверните корабль и возвращайтесь к своему ларьку.

— Сейчас же?

— Сейчас же, — сказал голос. — Мы вам ничего дурного не сделаем. Вы обратились в бегство, прежде чем мы успели вам объяснить, следуйте за нами.

Огромные корабли развернулись легко, как лунные пушинки. Крылья-паруса тихо заплескались в воздухе, будто кто-то бил в ладони. Маски сверкали, поворачиваясь, холодным пламенем выжигали тени.

— Эльма! — Сэм неуклюже взобрался на корабль. — Поднимайся, Эльма. Мы возвращаемся. — Он был так потрясен неожиданным избавлением, что лепета его почти нельзя было понять. — Они мне ничего не сделают, не убьют меня, Эльма. Поднимайся, голубушка, вставай.

— Что... Что? — Эльма растерянно озиралась, и, пока их корабль разворачивался под ветер, она медленно, будто во сне, поднялась и тяжело, словно мешок с камнями, опустилась на сиденье, не сказав больше ни слова.

Песок под кораблем убежал назад. Через полчаса они снова были у перекрестка, корабли отшвартовались, и все сошли с кораблей.

Перед Сэмом и Эльмой остановился Глава марсиан: маска вычеканена из полированной бронзы, глаза — бездонные черносиние провалы, рот — прорезь, из которой плыли по ветру слова.

— Снаряжайте вашу лавку, — сказал голос. В воздухе мелькнула рука в алмазной перчатке. — Готовьте яства, готовьте угощение, готовьте чужеземные вина, ибо нынешняя ночь — поистине великая ночь!

— Стало быть, — заговорил Сэм, — вы разрешите мне остаться здесь?

— Да.

— Вы на меня не сердитесь?

Маска была сурова и жестка, бесстрастна и слепа.

— Готовьте свое кормилице, — тихо сказал голос. — И возьмите вот это.

— Что это?

Сэм уставился на врученный ему свиток из тонкого серебряного листа, по поверхности которого извивались змейки иероглифов.

— Это дарственная на все земли от серебряных гор до голубых холмов, от мертвого моря до далеких долин, где лунный камень и изумруды, — сказал Глава.

— Все м-мое? — пробормотал Сэм, не веря своим ушам.

— Ваше.

— Сто тысяч квадратных миль?

— Ваши.

— Ты слышала, Эльма?

Эльма сидела на земле, прислонившись спиной к алюминиевой стене сосисочной; глаза ее были закрыты.

— Но почему, с какой стати вы мне дарите все это? — спросил Сэм, пытаясь заглянуть в металлические прорези глаз.

— Это не все. Вот.

Еще шесть свитков. Вслух перечисляются названия, обозначения других земель.

— Но это же половина Марса! Я хозяин половины Марса! — Сэм стиснул гремучие свитки, тряс ими перед Эльмой, захлебываясь безумным смехом. — Эльма, ты слышала?

— Слышала, — ответила Эльма, глядя на небо.

Казалось, она что-то разыскивает. Апатия мало-помалу оставляла ее.

— Спасибо, большое спасибо, — сказал Сэм бронзовой маске.

— Это произойдет сегодня ночью, — ответила маска. — Приготовьтесь.

— Ладно. А что это будет — неожиданность какая-нибудь? Ракеты Земли прилетят раньше объявленного, за месяц до срока? Все десять ракет с поселенцами, с рудокопами, с рабочими и их женами, сто тысяч человек, как говорили? Вот здорово было бы, правда, Эльма? Видишь, я тебе говорил, говорил, что в этом поселке одной тысячей жителей дело не ограничится. Сюда прилетят еще пятьдесят тысяч, через месяц — сто тысяч, а всего к концу года — пять миллионов с

Земли! И на самой оживленной магистрали, на пути к рудникам — единственная сосисочная, моя сосисочная!

Маска парила на ветру.

— Мы покидаем вас. Приготовьтесь. Весь этот край остается вам.

В летучем лунном свете древние корабли — металлические лепестки ископаемого цветка, голубые султаны, огромные и бесшумные кобальтовые бабочки — повернули и заскользили по зыбким пескам, и маски все лучились и сияли, пока последний ответ, последний голубой блик не затерялся среди холмов.

— Эльма, почему они так поступили? Почему не убили меня? Неужто они ничего не знают? Что с ними стряслось? Эльма, ты что-нибудь понимаешь? — Он потряс ее за плечо: — Половина Марса — моя!

Она глядела на небо и ожидала чего-то.

— Пошли, — сказал он. — Надо все приготовить. Кипятить сосиски, подогревать булочки, перечный соус варить, чистить и резать лук, приправы расставить, салфетки разложить в кольцах, и чтобы чистота была — ни единого пятнышка! Эге-гей! — Он отбил коленце какого-то необузданного танца, высоко вскидывая пятки. — Я счастлив, парень, счастлив, сэр, — запел он фальшивя. — Сегодня мой счастливый день!

Он работал как одержимый: бросил в кипяток сосиски, разрезал булки вдоль, крошил лук.

— Ты слышала, что сказал тот марсианин — неожиданность, говорит! Тут только одно может быть, Эльма. Эти сто тысяч человек прилетают раньше срока, сегодня ночью прилетают! Представляешь, какой у нас будет наплыв! До поздней ночи будем работать, каждый день, а там ведь еще туристы нахлынут, Эльма! Деньги-то, деньги какие! — Он вышел наружу и посмотрел на небо. Ничего не увидел.

— С минуты на минуту, — произнес он, радостно вдохнув прохладный воздух, потянулся, ударил себя в грудь. — А-ах!

Эльма молчала. Она чистила картофель для жарки и не сводила глаз с неба.

Прошло полчаса.

— Сэм, — сказала она. — Вон она. Гляди.

Он поглядел и увидел.

Земля.

Яркая, зеленая, будто камень лучшей огранки, над холмами взошла Земля.

— Старушка Земля, — с нежностью прошептал он. — Дорогая старушка Земля. Шли сюда, ко мне, своих голодных и изнуренных. Э-э... как там в стихе говорится? Шли ко мне

своих голодных, Земля-старушка. Сэм Паркхилл тут как тут, горячие сосиски готовы, соус варится, все блесит. Давай, Земля, присылай ракеты!

Он отошел в сторонку полюбоваться своим детищем. Вот она, сосисочная, как свеженькое яичко на дне мертвого моря, единственный на сотни миль бесплодной пустыни очаг света и тепла. Точно сердце, одиноко бьющееся в исполинском черном теле.

Он даже растрогался, глаза увлажнились от гордости.

— Тут поневоле смирением проникнешься, — произнес он, вдыхая запах кипящих сосисок, горячих булочек, сливочного масла. — Подходите, — обратился он к звездам, — покупайте. Кто первый?

— Сэм, — сказала Эльма.

Земля в черном небе вдруг преобразилась.

Она воспламенилась.

Часть ее диска вдруг распалась на миллионы частиц — будто рассыпалась огромная мозаика. С минуту Земля пылала жутким рваным пламенем, увеличившись в размерах раза в три, потом съежилась.

— Что это было? — Сэм глядел на зеленый огонь в небесах.

— Земля, — ответила Эльма, прижав руки к груди.

— Какая же это Земля, это не может быть Земля! Нет-нет, не Земля! Не может быть.

— Ты хочешь сказать: не могла быть? — сказала Эльма, смотря на него. — Теперь это уже не Земля, да, это больше не Земля — ты это хотел сказать?

— Не Земля, нет-нет, это была не она, — выл он. Он стоял неподвижно, руки повисли как плети, рот открыт, тупо вытаращены глаза.

— Сэм, — позвала она. Впервые за много дней ее глаза оживились. — Сэм!

Он смотрел вверх, на небо.

— Что ж, — сказала она. С минуту молча переводила взгляд с одного предмета на другой, потом решительно перекинула через руку влажное полотенце. — Включай свет, больше света, заводи радиолу, раскрывай двери настежь! Жди новую партию посетителей — примерно через миллион лет. Да-да, сэр, чтобы все было готово.

Сэм не двигался.

— Ах, какое бесподобное место для сосисочной! — Она достала из стакана зубочистку и воткнула себе между передними зубами. — Скажу тебе по секрету, Сэм, — прошептала она, наклоняясь к нему, — похоже, начинается мертвый сезон..

В тот вечер все вышли из своих домов и уставились на небо. Бросили ужин, посуду, сборы в кино, вышли на свои, теперь уже не такие новешенькие веранды и стали смотреть в упор на зеленую звезду Земли. Это было совсем непроизвольно; они поступили так, пытаясь осмыслить новость, которую только что принесло радио. Вон она — Земля, где назревает война, и там сотни тысяч матерей, бабушек, отцов, братьев, тетушек, дядюшек, двоюродных сестер. Они стояли на верандах и заставляли себя поверить в существование Земли; это было почти так же трудно, как некогда поверить в существование Марса: прямо противоположная задача. В общем-то Земля была для них все равно что мертвой. Они расстались с ней три или четыре года назад. Расстояние обезболивало душу, семьдесят миллионов миль глушили чувства, усыпляли память, делали Землю безлюдной, стирали прошлое и позволяли этим людям трудиться здесь, ни о чем не думая. Но сегодня вечером умершие восстали. Земля вновь стала обитаемой, память пробудилась и они называли множество имен. Что делает сейчас такой-то, такая-то? Как там имярек? Люди стояли на своих верандах и поглядывали друг на друга.

В девять часов Земля как будто взорвалась и вспыхнула. Люди на верандах вскинули вверх руки, точно хотели загасить пламя.

Они ждали.

К полуночи пожар потух. Земля осталась на своем месте. И по верандам осенним ветерком пронесся вздох.

— Давненько мы ничего не слышали от Гарри.

— А что ему делается?

— Надо бы послать весточку маме.

— Она жива-здорова.

— Ты уверен?

— Ладно, ты только не тревожься.

— Думаешь, с ней ничего не приключилось?

— Конечно же, пошли-ка спать.

Но никто не уходил. На ночные газоны вынесли остывший ужин, накрыли складные столы, и люди вяло ковыряли пищу вилками до двух часов ночи, когда с Земли долетело послание светового радио. Словно далекие светлячки, мерцали мощные вспышки морзянки, и они читали:

**АВСТРАЛИЙСКИЙ МАТЕРИК ОБРАЩЕН В ПЫЛЬ
НЕПРЕДВИДЕННЫМ ВЗРЫВОМ АТОМНОГО СКЛАДА.**

ЛОС-АНДЖЕЛЕС, ЛОНДОН ПОДВЕРГНУТЫ БОМБАРДИРОВКЕ. ВОЙНА. ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ, ДОМОЙ, ДОМОЙ.

Они поднялись из-за столов.

ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ, ДОМОЙ, ДОМОЙ.

— Ты в этом году получал что-нибудь от своего брата Теда?

— Будто не знаешь: послать письмо на Землю стоит пять монет. Не очень-то распишешься.

ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ.

— Меня что-то Джейн беспокоит — помнишь Джейн, мою младшую сестричку?

ДОМОЙ.

В три часа, когда занималось зябкое утро, владелец магазина «Дорожные товары» вскинул голову. По улице шла целая толпа людей.

— А я умышленно не закрывал. Что возьмете, мистер?

К рассвету все полки магазина опустели.

Декабрь 2005

БЕЗМОЛВНЫЕ ГОРОДА

На краю мертвого марсианского моря раскинулся безмолвный белый городок. Он был пуст. Ни малейшего движения на улицах. Днем и ночью в универмагах одиноко горели огни. Двери лавок открыты настежь, точно люди обратились в бегство, позабыв о ключах. На проволочных рейках у входов в немые закусочные нечитанные, порыжевшие от солнца, шелестели журналы, доставленные месяц назад серебристой ракетой с Земли.

Городок был мертв. Постели в нем пусты и холодны. Единственный звук — жужжание тока в электропроводах и динамомашинах, которые все еще жили сами по себе. Вода переполняла забытые ванны, текла в жилые комнаты, на веранды, в маленькие сады, питая заброшенные цветы. В темных зрительных залах затвердела прилепленная снизу к многочисленным сиденьям жевательная резинка, еще хранящая отпечатки зубов.

За городом был космодром. Едкий паленый запах до сих пор стоял там, откуда взлетела курсом на Землю последняя

ракета. Если опустить монетку в телескоп и навести его на Землю, можно, пожалуй, увидеть бушующую там большую войну. Увидеть, скажем, как взрывается Нью-Йорк. А то и рассмотреть Лондон, окутанный туманом нового рода. И, может быть, тогда станет понятным, почему покинут этот марсианский городок. Быстро ли проходила эвакуация? Войдите в любой магазин, нажмите на клавиши кассы. И ящичек выскочит, сверкая и бренча монетами. Да, должно быть, плохо дело на Земле...

По пустынным улицам городка, негромко посвистывая, сосредоточенно гоня перед собой ногами пустую банку, шел высокий худой человек. Угрюмый, спокойный взгляд его глаз отражал всю степень его одиночества. Он сунул костистые руки в карманы, где бренчали новенькие монеты. Нечаянно уронил монетку на асфальт, усмехнулся и пошел дальше, кропя улицы блестящими монетами...

Его звали Уолтер Грипп. У него был золотой прииск и уединенная лачуга далеко в голубых марсианских горах, и раз в две недели он отправлялся в город поискать себе в жены спокойную, разумную женщину. Так было не первый год, и всякий раз он возвращался в свою лачугу разочарованный и по-прежнему одинокий. А неделю назад, придя в город, застал вот такую картину!

Он был настолько ошеломлен в тот день, что заскочил в первую попавшуюся закусочную и заказал себе тройной сандвич с мясом.

— Будет сделано! — крикнул он.

Он расставил на стойке закуски и испеченный накануне хлеб, смахнул пыль со стола, предложил самому себе сесть и ел, пока не ощутил потребность отыскать сатуратор и заказать содовой. Владелец, некто Уолтер Грипп, оказался на диво учтивым и мигом налил ему шипучий напиток!

Он набил карманы джинсов деньгами, какие только ему подворачивались. Нагрузил тележку десятидолларовыми бумажками и побежал, обуреваемый вожделениями, по городу. Уже на окраине он внезапно уразумел, до чего постыдно и глупо себя ведет. На что ему деньги? Он отвез десятидолларовые бумажки туда, где взял их, вынул из собственного бумажника один доллар, опустил его в кассу закусочной за сандвичи и добавил четвертак на чай.

Вечером он наслаждался жаркой турецкой баней, сочным филе и изысканным грибным соусом, импортным сухим хересом и клубникой в вине. Подобрал себе новый синий фланелевый костюм и роскошную серую шляпу, которая потешно

болталась на макушке его длинной головы. Он сунул монетку в автомат-радиолу, которая заиграла «Нашу старую шайку». Насовал пятаков в двадцать автоматов по всему городу. Печальные звуки «Нашей старой шайки» заполнили ночь и пустынные улицы, а он шел все дальше, высокий, худой, одинокий, мягко ступая новыми ботинками, грея в карманах озябшие руки.

С тех пор прошла неделя. Он спал в отличном доме на Марс-авеню, утром вставал в девять, принимал ванну и лениво брел в город позавтракать яйцами с ветчиной. Что ни утро, он заряжал очередной холодильник тонной мяса, овощей, пирогов с лимонным кремом — запасая себе продукты лет на десять, пока не вернутся с Земли ракеты. Если они вообще вернутся.

А сегодня вечером он слонялся взад-вперед, рассматривая восковых женщин в красочных витринах — розовых, красивых. И впервые ощутил, до чего же мертв город. Выпил кружку пива и тихонько заснул.

— Черт возьми, — сказал он. — Я же совсем *один*.

Он зашел в кинотеатр «Элит», хотел показать себе фильм, чтобы отвлечься от мыслей об одиночестве. В зале было пусто и глухо, как в склепе, по огромному экрану ползли серые и черные призраки. Его бросило в дрожь, и он ринулся прочь из этого логова нечистой силы.

Решив вернуться домой, он быстро шел, почти бежал по мостовой тихого переулка, когда услышал телефонный звонок.

Он прислушался.

«Где-то звонит телефон».

Он продолжал идти вперед.

«Сейчас кто-нибудь возьмет трубку», — лениво подумалось ему.

Он сел на край тротуара и принялся не спеша вытряхивать камешек из ботинка.

И вдруг крикнул, вскакивая на ноги:

— Кто-нибудь! Силы небесные, да что это я!

Он лихорадочно озираясь. В каком доме? Вон в том!

Ринулся через газон, вверх по ступенькам, в дом, в темный холл.

Сорвал с рычага трубку.

— Алло! — крикнул он.

Зззззззззззззз.

— Алло, алло!

Уже повесили.

— Алло! — заорал он и стукнул по аппарату. — Идиот проклятый! — выругал он себя. — Рассиживал себе на тротуаре,

дубина! Чертов болван, тупица! — Он стиснул руками телефонный аппарат. — Ну, позвони еще раз! *Ну же!*

До сих пор ему и в голову не приходило, что на Марсе мог остаться кто-то еще, кроме него. За всю прошедшую неделю он не видел ни одного человека. Он решил, что все остальные города так же безлюдны, как этот.

Теперь он, дрожа от волнения, глядел на несносный черный ящик. Автоматическая телефонная сеть соединяет между собой все города Марса. Их тридцать — из которого звонили?

Он не знал.

Он ждал. Прошел на чужую кухню, оттаял замороженную клубнику, уныло съел ее.

— Да там никого и не было, — пробурчал он. — Наверно, ветер где-то повалил телефонный столб и нечаянно получился контакт.

Но ведь он слышал щелчок, точно кто-то на том конце повесил трубку.

Всю ночь Уолтер Грипп провел в холле.

— И вовсе не из-за телефона, — уверял он себя. — Просто мне больше нечего делать.

Он прислушался к тиканью своих часов.

— Она не позвонит больше, — сказал он. — Ни за что не станет снова набирать номер, который не ответил. Наверно, в эту самую минуту обзванивает другие дома в городе! А я сижу здесь... Постой! — Он усмехнулся. — Почему я говорю «она»? — Он растерянно заморгал. — С таким же успехом это мог быть и «он», верно?

Сердце уgomонилось. Холодно и пусто, очень пусто.

Ему так хотелось, чтобы это была «она».

Он вышел из дома и остановился посреди улицы, лежавшей в тусклом свете раннего утра.

Прислушался. Ни звука. Ни одной птицы. Ни одной автомашины. Только сердца стук. Толчок — перерыв — толчок. Мышцы лица свело от напряжения. А ветер, такой нежный, такой ласковый, тихонько трепал полы его пиджака.

— Тсс, — прошептал он. — *Слушай!*

Он медленно поворачивался, переводя взгляд с одного безмолвного дома на другой.

Она будет набирать номер за номером, думал он. Это должна быть женщина. Почему? Только женщина станет перебирать все номера. Мужчина не станет. Мужчина самостоятельнее. Разве я звонил кому-нибудь? Нет! Даже в голову не приходило. Это должна быть женщина. *Непременно* должна, видит Бог!

Слушай.

Вдалеке, где-то под звездами, зазвонил телефон.

Он побежал. Остановился послушать. Тихий звон. Еще несколько шагов. Громче. Он свернул и помчался вдоль аллеи. Еще громче! Миновал шесть домов, еще шесть! Совсем громко! Вот этот? Дверь была заперта.

Внутри звонил телефон.

— А, черт! — Он дергал дверную ручку.

Телефон надрывался.

Он схватил на веранде кресло, обрушил его на окно гостиной и прыгнул в пролом.

Прежде чем он успел взяться за трубку, телефон смолк. Он пошел из комнаты в комнату, бил зеркала, срывал портьеры, сшиб ногой кухонную плиту.

Вконец обессилев, он подобрал с пола тонкую телефонную книгу, в которой значились все абоненты на Марсе. Пятьдесят тысяч фамилий.

Начал с первой фамилии.

Амелия Амз. Нью-Чикаго, за сто миль, по ту сторону мертвого моря. Он набрал ее номер.

Нет ответа.

Второй абонент жил в Нью-Йорке, за голубыми горами, пять тысяч миль.

Нет ответа.

Третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой; дрожащие пальцы с трудом удерживали трубку.

Женский голос ответил:

— Алло?

Уолтер закричал в ответ:

— Алло, Господи, алло!

— Это запись, — декламировал женский голос. — Мисс Элен Аразумян нет дома. Скажите, что вам нужно, будет записано на проволоку, чтобы она могла позвонить вам, когда вернется. Алло? Это запись. Мисс Аразумян нет дома. Скажите, что вам нужно...

Он повесил трубку.

Его губы дергались.

Подумав, он набрал номер снова.

— Когда мисс Элен Аразумян вернется домой, — сказал он, — передайте ей, чтобы катилась к черту.

Он позвонил на центральный коммутатор Марса, на телефонные станции Нью-Бостона, Аркадии и Рузвельт-Сити, рассудив, что там скорее всего можно застать людей, пытающихся куда-нибудь дозвониться, потом вызвал ратуши и другие официальные учреждения в каждом городе. Обзвонил лучшие

отели. Какая женщина устоит против искушения пожить в роскоши!

Вдруг он громко хлопнул в ладоши и рассмеялся. Ну конечно же! Сверился с телефонной книгой и набрал через междугородную номер крупнейшего косметического салона в Нью-Тексас-Сити. Где же еще искать женщину, если не в обитом бархатом, роскошном косметическом салоне, где она может метаться от зеркала к зеркалу, лепить на лицо всякие мази, сидеть под электросушилкой!

Долгий гудок. Кто-то на том конце провода взял трубку.

Женский голос сказал:

— Алло?

— Если это запись, — отчеканил Уолтер Грипп, — я приеду и взорву к чертям ваше заведение.

— Это не запись, — ответил женский голос. — Алло! Алло, неужели тут есть живой человек! Где вы?

Она радостно взвизгнула.

Уолтер чуть не упал со стула.

— Алло!.. — Он вскочил на ноги, сверкая глазами. — Боже мой, какое счастье, как вас звать?

— Женестьева Селзор! — Она плакала в трубку. — О Господи, я так рада, что слышу ваш голос, кто бы вы ни были!

— Я Уолтер Грипп!

— Уолтер, здравствуйте, Уолтер!

— Здравствуйте, Женестьева!

— Уолтер. Какое чудесное имя! Уолтер, Уолтер!

— Спасибо.

— Но где же вы, Уолтер?

Какой милый, ласковый, нежный голос... Он прижал трубку плотнее к уху, чтобы она могла шептать ласковые слова. У него подкашивались ноги. Горели щеки.

— Я в Мерлин-Вилледж, — сказал он. — Я...

Зззз.

— Алло? — оторопел он.

Зззз.

Он постучал по рычагу. Ничего.

Где-то ветер свалил столб. Женестьева Селзор пропала так же внезапно, как появилась.

Он набрал номер, но аппарат был нем.

— Ничего, теперь я знаю, где она.

Он выбежал из дома. В лучах восходящего солнца он задним ходом вывел из чужого гаража спортивную машину, загрузил заднее сиденье взятыми в доме продуктами и со скоростью восьмидесяти миль в час помчался по шоссе в

Нью-Тексас-Сити. «Тысяча миль, — подумал он. — Терпи, Женестьева Селзор, я не заставлю тебя долго ждать!»

Выезжая из города, он лихо сигналлил на каждом углу.

На закате, после дня невысмыслимой гонки, он свернул к обочине, сбросил тесные ботинки, вытянулся на сиденье и надвинул свою роскошную шляпу на утомленные глаза. Его дыхание стало медленным, ровным. В сумраке над ним летел ветер, ласково сияли звезды. Кругом высились древние-древние марсианские горы. Свет звезд мерцал на шпилях марсианского городка, который шахматными фигурками прилепился к голубым склонам.

Он лежал, витая где-то между сном и явью. Он шептал: Женестьева. Потом тихо запел: *«О Женестьева, дорогая — пускай бежит за годом год... Но, дорогая Женестьева...»* На душе было тепло. В ушах звучал ее тихий, нежный, ровный голос: *«Алло, о, алло, Уолтер! Это не запись. Где ты, Уолтер, где ты?»*

Он вздохнул, протянул руку навстречу лунному свету — прикоснуться к ней. Ветер развеивал длинные черные волосы, чудные волосы. А губы — как красные мятные лепешки. И щеки, как только что срезанные влажные розы. И тело будто легкий светлый туман, а мягкий, ровный, нежный голос напевает ему слова старинной печальной песенки: *«О Женестьева, дорогая — пускай бежит за годом год...»*

Он уснул.

Он добрался до Нью-Тексас-Сити в полночь.

Остановил машину перед косметическим салоном «Делюкс» и лихо гикнул.

Вот сейчас она выбежит в облаке духов, вся лучась смехом. Ничего подобного не произошло.

— Уснула. — Он пошел к двери. — Я уже тут! — крикнул он. — Алло, Женестьева!

Безмолвный город был озарен двоящимся советом лун. Где-то ветер хлопал брезентовым навесом.

Он распахнул стеклянную дверь и вошел.

— Эгей! — Он смущенно рассмеялся. — Не прячься! Я знаю, что ты здесь!

Он обыскал все кабинки.

Нашел на полу крохотный платок. Запах был такой дивный, что его зашатало.

— Женестьева, — произнес он.

Он погнал машину по пустым улицам, но никого не увидел.

— Если ты вздумала подшутить...

Он сбавил ход.

— Постой-ка, нас же разъединили. Может, она поехала в Мерлин-Вилледж, пока я ехал сюда?! Свернула, наверно, на древнюю Морскую дорогу, и мы разминулись днем. Откуда ей было знать, что я приеду сюда? Я же ей не сказал. Когда телефон замолчал, она так перепугалась, что бросилась в Мерлин-Вилледж искать меня! А я здесь торчу, силы небесные, какой же я идиот!

Он нажал клаксон и пулей вылетел из города.

Он гнал всю ночь. И думал: «Что, если я не застаю ее в Мерлин-Вилледж?»

Вон из головы эту мысль. Она должна быть там. Он подбежит к ней и обнимет ее, может быть, даже поцелует — один раз — в губы.

«Женевьева, дорогая», — насвистывал он, выжимая педалью сто миль в час.

В Мерлин-Вилледж было по-утреннему тихо. В магазинах еще горели желтые огни; автомат, который играл сто часов без перерыва, наконец щелкнул электрическим контактом и смолк; безмолвие стало полным. Солнце начало согревать улицы и холодное безучастное небо.

Уолтер свернул на Мейн-стрит, не выключая фар, усиленно гудя клаксонами, по шести раз на каждом углу. Глаза впивались в вывески магазинов. Лицо было бледное, усталое, руки скользили по мокрой от пота баранке.

— Женевьева! — зывал он к пустынной улице.

Отворилась дверь косметического салона.

— Женевьева! — Он остановил машину и побежал через улицу.

Женевьева Селзор стояла в дверях салона. В руках у нее была раскрытая коробка шоколадных конфет. Коробку стискивали пухлые, белые пальцы. Лицо — он увидел его, войдя в полосу света, — было круглое и толстое, глаза — два огромных яйца, воткнутых в бесформенный ком теста. Ноги — толстые, как колоды, походка тяжелая, шаркающая. Волосы — неопределенного бурого оттенка, тщательно уложенные в виде птичьего гнезда. Губ не было вовсе, их заменял нарисованный через трафарет жирный красный рот, который то восхищенно раскрывался, то испуганно захлопывался. Брови она выщипала, оставив две тонкие ниточки.

Уолтер замер. Улыбка сошла с его лица. Он стоял и глядел.

Она уронила конфеты на тротуар.

— Вы Женевьева Селзор? — У него звенело в ушах.

— Вы Уолтер Грифф? — спросила она.

— Грипп.

— Грипп, — поправилась она.
— Здравствуйте, — выдавил он из себя.
— Здравствуйте. — Она пожала его руку.
Ее пальцы были липкими от шоколада.

— Ну, — сказал Уолтер Грипп.
— Что? — спросила Женестьева Селзор.
— Я только сказал «ну», — объяснил Уолтер.
— А-а.

Девять часов вечера. Днем они ездили за город, а на ужин он приготовил филе-миньон, но Женестьева нашла, что оно недожарено, тогда Уолтер решил дожарить его и то ли пережарил, то ли пережег, то ли еще что. Он рассмеялся и сказал:

— Пошли в кино!

Она сказала «ладно» и взяла его под руку липкими, шоколадными пальцами. Но ее запросы ограничились фильмом пятидесятилетней давности с Кларком Гейблом.

— Вот ведь умора, да? — хихикала она. — Ох, *умора!*

Фильм кончился.

— Крути еще раз, — велела она.

— Снова? — спросил он.

— Снова, — ответила она.

Когда он вернулся, она прижалась к нему и облапила его.

— Ты не совсем то, что я ожидала, но все же ничего, — призналась она.

— Спасибо, — сказал он, чуть не подавившись.

— Ах, этот Гейбл. — Она ущипнула его за ногу.

— Ой, — сказал он.

После кино они пошли по безмолвным улицам «за покупками». Она разбила витрину и напялила самое яркое платье, какое только смогла найти. Потом опрокинула на голову флакон духов и стала похожа на мокрую овчарку.

— Сколько тебе лет? — поинтересовался он.

— Угадай. — Она вела его по улице, капая на асфальт духами.

— Около тридцати? — сказал он.

— Вот еще, — сухо ответила она. — Мне всего двадцать семь, чтоб ты знал! Ой, вот еще кондитерская! Честное слово, с тех пор как началась эта заваруха, я живу, как миллионерша. Никогда не любила свою родню, так, болваны какие-то. Улетели на Землю два месяца назад. Я тоже должна была улететь с последней ракетой, но осталась. Знаешь почему?

— Почему?

— Потому что все меня дразнили. Вот я и осталась здесь — лей на себя духи, сколько хочешь, пей пиво, сколько влезет,

ешь конфеты, и некому тебе твердить: «Слишком много калорий!» Потому я *тут!*

— Ты тут. — Уолтер зажмурился.

— Уже поздно, — сказала она, поглядывая на него.

— Да.

— Я устала, — сказала она.

— Странно. У меня ни в одном глазу.

— О, — сказала она.

— Могу всю ночь не ложиться, — продолжал он. — Знаешь, в баре Майка есть хорошая пластинка. Пошли, я тебе ее заведу.

— Я устала. — Она стрельнула в него хитрыми блестящими глазами.

— А я — как огурчик, — ответил он. — Просто удивительно.

— Пойдем в косметический салон, — сказала она. — Я тебе кое-что покажу.

Она втащила его в стеклянную дверь и подвела к огромной белой коробке.

— Когда я уезжала из Тексас-Сити, — объяснила она, — захватила с собой вот это. — Она развязала розовую ленточку. — Подумала: ведь я единственная дама на Марсе, а он единственный мужчина, так что...

Она подняла крышку и откинула хрусткие слои шелестящей розовой гофрированной бумаги. Она погладила содержимое коробки.

— Вот.

Уолтер Грипп вытаращил глаза.

— Что это? — спросил он, преодолевая дрожь.

— Будто не знаешь, дурачок? Гляди-ка, сплошь кружева, и все такое белое, шикарное...

— Ей-Богу, не знаю, что это.

— Свадебное платье, глупенький!

— Свадебное? — Он охрип.

Он закрыл глаза. Ее голос звучал все так же мягко, спокойно, нежно, как тогда в телефоне. Но если открыть глаза и посмотреть на нее...

Он попятился.

— Очень красиво, — сказал он.

— Правда?

— Женестьева. — Он покосился на дверь.

— Да?

— Женестьева, мне нужно тебе кое-что сказать.

— Да?

Она подалась к нему, ее круглое белое лицо приторно благоухало духами.

— Хочу сказать тебе... — продолжал он.

— Ну?

— До свидания!

Прежде чем она успела вскрикнуть, он уже выскочил из салона и вскочил в машину.

Она выбежала и застыла на краю тротуара, глядя, как он разворачивает машину.

— Уолтер Грифф, вернись! — прорыдала она, вскинув руки.

— Грипп, — поправил он.

— Грипп! — крикнула она.

Машина умчалась по безмолвной улице, невзирая на ее топот и вопли. Струя выхлопа колыхнула белое платье, которое она мяла в своих пухлых руках, а в небе сияли яркие звезды, и машина канула в пустыню, утонула во мраке.

Он гнал день и ночь, трое суток подряд. Один раз ему показалось, что сзади едет машина, его бросило в дрожь, прошиб пот, и он свернул на другое шоссе, пересекающее пустынные марсианские просторы, бегущее мимо безлюдных городков. Он гнал и гнал — целую неделю, и еще один день, пока не оказался за десять тысяч миль от Мерлин-Вилледж. Тогда он заехал в поселок под названием Холтвиль-Спрингс, с маленькими лавками, где он мог вечером зажигать свет в витринах, и с ресторанами, где мог посидеть, заказывая блюда. С тех пор он так и живет там; у него две морозильные камеры, набитые продуктами лет на сто, запас сигарет на десять тысяч дней и отличная кровать с мягким матрасом.

Текут долгие годы, и если в кои-то веки у него зазвонит телефон — он не отвечает.

Апрель 2026

ДОЛГИЕ ГОДЫ

Так уж повелось: когда с неба налетал ветер, он и его небольшая семья отсиживались в своей каменной лачуге и грели руки над пылающими дровами. Ветер вспахивал гладь каналов, чуть не срывал звезды с неба, а мистер Хетэуэй сидел, наслаждаясь уютом, и говорил что-то жене, и жена отвечала ему, и он рассказывал о былых временах на Земле двум дочерям и сыну, и они вставляли слово к месту.

Шел двадцатый год после Большой Войны. Марс представлял собой огромный могильник. А Земля? Что с ней? В долгие марсианские ночи Хетэуэй и его семья часто размышляли об этом.

В эту ночь неистовая марсианская пылевая буря пронеслась над приземистыми могилами марсианских кладбищ, завывая на улицах древних городов и снося совсем еще новые пластиковые стены уходящего в песок, заброшенного американского города.

Но вот буря утихла, прояснилось, и Хетэуэй вышел посмотреть на Землю — зеленый огонек в ветреных небесах. Он поднял руку вверх, точно хотел получше ввернуть тускло горящую лампочку под потолком сумрачной комнаты. Поглядел вдаль, над дном мертвого моря. «На всей планете ни души, — подумал он. — Один я. И они». Он оглянулся на дверь каменной лачуги.

Что сейчас происходит на Земле? Сколько он ни смотрел в свой тридцатидюймовый телескоп, до сих пор никаких изменений не приметил. «Что ж, если я буду беречь себя, — подумал он, — еще лет двадцать проживу». Глядишь, кто-нибудь явится. Либо из-за мертвых морей, либо из космоса на ракете, привязанной к ниточке красного пламени.

— Я пойду погуляю, — крикнул он в дверь.

— Хорошо, — отозвалась жена.

Он не спеша пошел вниз между рядами развалин.

— «Сделано в Нью-Йорке», — прочитал он на куске металла. — Древние марсианские города намного переживут все эти предметы с Земли...

И посмотрел туда, где между голубых гор вот уже пятьдесят веков стояло марсианское селение.

Он пришел на уединенное марсианское кладбище: небольшие каменные шестигранники выстроились в ряд на бугре, овеваемом пустынными ветрами.

Склонив голову, он смотрел на четыре могилы, четыре грубых деревянных креста, и на каждом имя. Слез не было в его глазах. Слезы давно высохли.

— Ты простишь меня за то, что я сделал? — спросил он один из крестов. — Я был очень, очень одинок. Ведь ты понимаешь?

Он возвратился к каменной лачуге и, перед тем как войти, снова внимательно оглядел небо из-под ладони.

— Все ждешь и ждешь, и смотришь, — пробормотал он, — и, может быть, однажды ночью...

В небе горел красный огонек.

Он шагнул в сторону, чтобы не мешал свет из двери.

— Смотришь еще раз... — прошептал он.

Красный огонек горел в том же месте.

— Вчера вечером его не было, — прошептал он.

Споткнулся, упал, поднялся на ноги, побежал за лачугу, развернул телескоп и навел его на небо.

Через минуту — после долгого иступленного взгляда на небо — он появился в низкой двери своего дома. Жена, обе дочери и сын повернулись к нему. Он не сразу смог заговорить.

— У меня добрые новости, — сказал он. — Я смотрел на небо. Сюда летит ракета, она заберет нас всех домой. Рано утром будет здесь.

Он положил руки на стол, опустил голову на ладони и тихо заплакал.

В три часа утра он сжег все, что осталось от Нью-Нью-Йорка.

Взял факел, пошел в этот город из пластика и стал трогать пламенем стены повсюду, где проходил. Город расцвел могучими вихрями света и жара. Он превратился в костер размером в квадратную милю — такой можно заметить из космоса. Этот маяк приведет ракету к мистеру Хэтэуэю и его семье.

Он вернулся в дом; сердце билось болезненно и часто.

— Видите? — Он держал в поднятой руке запыленную бутылку. — Я приберегу вино специально для этой ночи. Я знал, что придет срок и кто-нибудь найдет нас! Выпьем же и порадуемся!

Он наполнил пять бокалов.

— Да, немало времени прошло... — заговорил он опять, сосредоточенно глядя в свой бокал. — Помните день, когда разразилась война? Двадцать лет и семь месяцев назад. Все ракеты вызвали с Марса домой. А ты, я и дети — мы были в это время в горах, занимались археологией, изучали древнюю хирургию марсиан. Помнишь, как мы чуть до смерти не загнали наших коней? И все равно опоздали на целую неделю. Город был уже покинут. Америка была разрушена, и все до одной ракеты ушли, не дожидаясь отставших, — помнишь, помнишь? А потом оказалось, что отстали-то *только мы*, помнишь? Боже мой, сколько лет минуло. Без вас я бы покончил с собой. С вами ожидание было не таким тяжким. Выпьем же за нас. — Он поднял бокал. — И за наше долгое совместное ожидание.

Он выпил вино.

Жена, обе дочери и сын поднесли к губам свои бокалы. И у всех четверых вино побежало струйками по подбородкам.

К рассвету все, что осталось от города, ветер разметал по морскому дну большими мягкими черными хлопьями. Пожар унялся, но цель была достигнута: красное пятнышко на небе стало расти.

Из каменной лачуги струился вкусный запах поджаристого имбирного пряника. Когда Хетэуэй вошел, его жена ставила на стол горячие противни со свежим хлебом. Дочери прилежно мели голый каменный пол жесткими вениками, а сын чистил столовое серебро.

— Мы приготовим им роскошный завтрак. — Хетэуэй радостно рассмеялся. — Надевайте свои лучшие наряды!

Он торопливо прошел через свой участок к огромному металлическому сараю. Здесь стояли холодильная установка и небольшая электростанция, которые он за эти годы починил и наладил своими искусными, тонкими, нервными пальцами так же умело, как чинил часы, телефоны, магнитофоны в часы своего досуга. В сарае скопилось множество созданных им вещей, в том числе и совершенно непонятных механизмов, назначение которых он теперь сам не мог разгадать.

Он извлек из морозильника седые от инея коробки с бобами и клубничкой двадцатилетней давности. «Вылезай, несчастный», — и достал холодного цыпленка.

Когда ракета села, воздух был напоен всяческими кулинарными ароматами.

Словно мальчишка, Хетэуэй побежал вниз по склону. Внезапная острая боль в груди заставила его остановиться. Он посидел на камне, отдышался и побежал дальше, уже без передышки.

Он остановился в жарком мареве, источаемом раскаленной ракетой. Открылся люк. Оттуда выглянул человек.

Хетэуэй долго смотрел из-под ладони, наконец сказал:

— Капитан Уайлдер!

— Кто это? — спросил капитан Уайлдер. Он спрыгнул вниз и замер, глядя на старика. Потом протянул руку. — Господи, да это же Хетэуэй!

— Совершенно верно, это я.

— Хетэуэй из моего первого экипажа, из Четвертой экспедиции.

Они внимательно оглядели друг друга.

— Давненько мы расстались, капитан.

— Очень давно. Я рад вас видеть.

— Я постарел, — сказал Хетэуэй без обиняков.

— Я и сам уже не молод. Двадцать лет мотался: Юпитер, Сатурн, Нептун.

— Как же, слышал я, вас повысили, так сказать, чтобы вы не мешали колонизации Марса. — Старик огляделся. — Вы столько путешествовали, наверно, не знаете даже, что произошло...

— Догадываюсь, — ответил Уайлдер. — Мы дважды обошли вокруг Марса. Кроме вас, нашли еще только одного человека по имени Уолтер Грипп, в десяти тысячах милях отсюда. Хотели захватить его с собой, но он отказался. Когда мы улетали, он сидел на качалке посреди шоссе, курил трубку и махал нам вслед. Марс вымер, начисто вымер, даже марсиан не осталось. А как Земля?

— Я знаю не больше вас. Изредка удается поймать земное радио, еле-еле слышно. Но всякий раз на каком-нибудь чужом языке. А я из иностранных языков знаю, увы, один латинский. Отдельные слова удастся разобрать. Судя по всему, на большей части Земли все перебиты, а война все идет. Вы летите туда, командир?

— Да. Сами понимаете, хочется своими глазами убедиться. У нас ведь не было радиосвязи, слишком большое расстояние. Что бы там ни было, мы летим на Землю.

— Вы возьмете нас с собой?

Капитан на миг опешил.

— Ах да, разумеется, у вас тут жена, помню, помню. Мы виделись, кажется, двадцать пять лет назад, верно? Когда построили Первый Город, вы оставили службу и забрали ее с Земли. У вас были и дети...

— Сын, две дочери...

— Да-да, припоминаю. Они здесь?

— В нашей лачуге, вон там на горке. Мы приготовили вам всем отличный завтрак. Придете?

— Сочтем за честь, мистер Хетэуэй. — Капитан Уайлдер повернулся к ракете. — Оставить корабль!

Они шли вверх по откосу — Хетэуэй и капитан Уайлдер, за ними еще двадцать человек, экипаж корабля, глубоко вдыхая прохладный разреженный утренний воздух. Показалось солнцем, день выдался ясный.

— Помните Спендера, капитан?

— Никогда не забывал...

— Раз в год мне случается проходить мимо его могилы. А ведь в конечном счете вышло вроде, как он хотел. Он был против того, чтобы мы здесь селились. Теперь, наверно, счастлив, что все отсюда убралось.

— А этот... как его? Паркхилл, Сэм Паркхилл, что с ним стало?

— Открыл сосисочную.

— Похоже на него.

— А через неделю — война, и он вернулся на Землю. — Хетэуэй вдруг сел на камень, схватившись за сердце. — Про-

стите. Переволновался. После стольких лет — и вдруг встреча с вами. Отдохну немного.

Он чувствовал, как колотится сердце. Проверил пульс. Скверно...

— У нас есть врач, — сказал Уайлдер. — Не обижайтесь, Хетэуэй, я знаю, вы сами врач, но все-таки посоветуемся с нашим...

Позвали доктора.

— Сейчас пройдет, — твердил Хетэуэй. — Это все ожидание, волнение.

Он задыхался. Губы посинели.

— Понимаете, — сказал он, когда врач приставил к его груди стетоскоп, — ведь я все эти годы жил как будто ради сегодняшнего дня. А теперь, когда вы здесь, прилетели забрать меня на Землю, мне вроде ничего больше не надо, и я могу лечь и отдать концы.

— Вот. — Доктор подал ему желтую таблетку. — Вам бы лучше тут отдохнуть подольше.

— Ерунда. Еще чуточку посижу, и все. До чего я рад видеть вас всех. Рад слышать новые голоса.

— Таблетка действует?

— Отлично. Пошли!

Они поднялись на горку.

— Алиса, погляди, кого я привел! — Хетэуэй нахмурился и просунул голову в дверь. — Алиса, ты слышишь?

Появилась его жена. Следом вышли обе дочери, высокие, стройные, за ними еще более рослый сын.

— Алиса, помнишь капитана Уайлдера?

Она замаялась, посмотрела на Хетэуэя, точно ожидая указаний, потом улыбнулась:

— Ну конечно, капитан Уайлдер!

— Помнится, миссис Хетэуэй, мы вместе с вами обедали накануне моего вылета на Юпитер.

Она горячо пожала его руку.

— Мои дочери, Маргарет и Сьюзен. Мой сын Джон. Дети, вы, конечно, помните капитана?

Рукопожатия, смех, оживленная речь.

Капитан Уайлдер потянул носом.

— Неужели *имбирные пряники*?

— Хотите?

Все пришли в движение. Мигом были установлены складные столы, извлечены из печей горячие блюда, появились тарелки, столовое серебро, камчатные салфетки. Капитан Уайлдер долго глядел на миссис Хетэуэй, потом перевел взгляд на ее сына и бесшумнодвигающихся высоких дочерей. Рассматривал

мелькающие лица, ловил каждое движение молодых рук, каждое выражение гладких, без единой морщинки лиц. Он сел на стул, который принес сын миссис Хетзэуэй.

— Сколько вам лет, Джон?

— Двадцать три, — ответил тот.

Уайлдер растерянно вертел в руках вилку и нож. Он вдруг побледнел. Сидевший рядом космонавт шепнул ему:

— Капитан Уайлдер, тут что-то не так.

Сын пошел за стульями.

— Что вы хотите сказать, Уильямсон?

— Мне сорок три года, капитан. Двадцать лет назад я учился вместе с молодым Хетзэуэем. Он говорит, что ему теперь всего двадцать три, но это одна видимость. Это все неправильно. Ему должно быть сорок два, самое малое. Что все это значит, сэр?

— Не знаю.

— На вас лица нет, сэр.

— Мне нездоровится. И дочери тоже — я их видел лет двадцать назад, а они не изменились, ни одной морщинки. Можно попросить вас об одолжении, Уильямсон? Я хочу дать вам одно поручение. Объясню, куда пойти и что проверить. К концу завтрака незаметно скройтесь. Вам всего десять минут понадобится. Это недалеко отсюда. Я видел с ракеты, когда мы сажались.

— Прошу! О чем это вы так серьезно разговариваете? — Миссис Хетзэуэй проворно налила супу в их миски. — Улыбнитесь же! Мы все вместе опять, путешествие завершено, вы почти дома!

— Да-да, конечно. — Капитан Уайлдер засмеялся. — Вы так чудесно, молодо выглядите, миссис Хетзэуэй!

— Ах, эти мужчины!

Он смотрел, как она плавной походкой двинулась дальше, внимательно смотрел на ее разгладившееся лицо, гладкое и свежее, точно наливное яблоко. Она звонко смеялась шуткам, усердно подкладывала салат на тарелки, не давая себе передышки. Долговязый сын и стройные дочери составляли с отцом в блестящем остроумии, рассказывая про долгие годы своей уединенной жизни, и гордый отец кивал, слушая речь детей.

Уильямсон сбежал вниз по склону.

— Куда это он? — спросил Хетзэуэй.

— Проверить ракету, — ответил Уайлдер. — Так вот, Хетзэуэй, на Юпитере ничего нет, человеку там делать нечего. На Сатурне и Плутоне — тоже...

Уайлдер говорил машинально, не слушая собственного голоса; он думал только об одном: сейчас Уильямсон бежит

вниз, скоро он вернется, поднимется на горку и принесет ответ...

— Спасибо.

Маргарет Хетэуэй налила ему воды в стакан. Движимый внезапным побуждением, капитан коснулся ее плеча. Она отнеслась к этому совершенно спокойно. У нее было теплое, нежное тело.

Сидевший против капитана Хетэуэй то и дело замолкал и с искаженным болью лицом касался пальцами груди, затем вновь продолжал слушать негромкий разговор и случайные звонкие возгласы, поминутно бросая озабоченные взгляды на Уайлдера, который жевал свой пряник без видимого удовольствия.

Вернулся Уильямсон. Он молча ковырял вилок еду, пока капитан не шепнул через плечо:

— Ну?

— Я нашел это место, сэр.

— Ну-ну?

Уильямсон был бледен как полотно. Он не сводил глаз с веселой компании. Дочери сдержанно улыбались, сын рассказывал какой-то анекдот.

Уильямсон сказал:

— Я прошел на кладбище.

— Видели четыре креста?

— Видел четыре креста, сэр. И имена сохранились. Я записал их, чтобы не ошибиться. — Он стал читать по белой бумажке: — Алиса, Маргарет, Сьюзен и Джон Хетэуэй. Умерли от неизвестного вируса. Июль 2007 года.

— Спасибо, Уильямсон. — Уайлдер закрыл глаза.

— Девятнадцать лет назад, сэр. — Рука Уильямсона дрожала.

— Да.

— Но кто же *эти*?

— Не знаю.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Тоже не знаю.

— Расскажем остальным?

— Позже. Продолжайте есть, как ни в чем не бывало.

— Мне что-то больше не хочется, сэр.

Завтрак завершало вино, принесенное с ракеты. Хетэуэй встал.

— За ваше здоровье. Я так рад снова быть вместе с друзьями. И еще за мою жену и детей — без них, в одиночестве, я бы не выжил здесь. Только благодаря их добрым заботам я находил в себе силы жить и ждать вашего прилета.

Он повернулся, держа бокал, в сторону своих домочадцев; они ответили ему смущенными взглядами, а когда все стали пить, и совсем опустили глаза.

Хетзуэй выпил до дна. Не успев даже крикнуть, он упал ничком на стол и сполз на землю. Несколько человек подбежали и положили его поудобнее. Врач наклонился, послушал сердце. Уайлдер тронул врача за плечо. Тот поднял на него взгляд и покачал головой. Уайлдер опустился на колени и взял руку старика.

— Уайлдер? — голос Хетзуэя был едва слышен. — Я испортил вам завтрак.

— Чепуха.

— Прощайтесь за меня с Алисой и детьми.

— Сейчас я их позову.

— Нет-нет, не надо! — задыхаясь, прошептал Хетзуэй. — Они не поймут. И я не хочу, чтобы они понимали! Не надо!

Уайлдер повиновался.

Хетзуэй умер.

Уайлдер долго не отходил от него. Наконец поднялся и пошел прочь от потрясенных людей, окруживших Хетзуэя. Он подошел к Алисе Хетзуэй, глянул ей в лицо и сказал:

— Вы знаете, что случилось?

— Что-нибудь с моим мужем?

— Он только что скончался: сердце. — Уайлдер следил за выражением ее лица.

— Очень жаль, — сказала она.

— Вам не больно? — спросил он.

— Он не хотел, чтобы мы огорчались. Он предупредил нас, что это когда-нибудь произойдет, и велел нам не плакать. Знаете, он даже не научил нас плакать, не хотел, чтобы мы умели. Говорил, что хуже всего для человека познать одиночество, познать тоску и плакать. Поэтому мы не должны знать, что такое слезы и печаль.

Уайлдер поглядел на ее руки, мягкие, теплые руки, на красивые наманикюренные ногти, тонкие запястья. Посмотрел на ее длинную, нежную белую шею и умные глаза. Наконец сказал:

— Мистер Хетзуэй великолепно сделал вас и детей.

— Ваши слова обрадовали бы его. Он очень гордился нами. А потом даже забыл, что сам нас сделал. Полюбил нас, принимал за настоящих жену и детей. В известном смысле так оно и есть.

— С вами ему было легче.

— Да, из года в год мы все сидели и разговаривали. Он любил разговаривать. Любил нашу каменную лачугу и камин.

Можно было поселиться в настоящем доме в городе, но ему больше нравилось здесь, где он мог по своему выбору жить то примитивно, то на современный лад. Он рассказывал мне про свою лабораторию и про всякие вещи, что он там делал. Весь этот заброшенный американский город внизу он оплел громкоговорителями. Нажмет кнопку — всюду загораются огни и город начинает шуметь, точно в нем десять тысяч людей. Слышится гул самолетов, автомашин, людской говор. Он, бывало, сидит, курит сигару и разговаривает с нами, а снизу доносится шум города. Иногда звонит телефон, и записанный на пленку голос спрашивает у мистера Хетзуэя совета по разным научным и хирургическим вопросам, и он отвечает. Телефонные звонки, и мы тут, и городской шум, и сигара — и мистер Хетзуэй был вполне счастлив. Только одного он не сумел сделать — чтобы мы старились. Сам старился с каждым днем, а мы оставались все такими же. Но мне кажется, это его не очень-то беспокоило. Полагаю даже, он сам того хотел.

— Мы похороним его внизу, на кладбище, где стоят четыре креста. Думаю, это отвечает его желанию.

Она легко коснулась рукой его запястья:

— Я уверена в этом.

Капитан распорядился. Маленькая процессия тронулась к подножию холма; семья следовала за ней. Двое несли Хетзуэя на накрытых носилках. Они прошли мимо каменной лачуги, потом мимо сарая, где Хетзуэй много лет назад начал свою работу. Уайлдер помешкал возле двери этой мастерской.

Каково это, спрашивал он себя, жить на планете с женой и тремя детьми — и вдруг они умирают, оставляя тебя наедине с ветром и безмолвием? Как поступит в таком положении человек? Он похоронит умерших на кладбище, поставит кресты, потом придет в мастерскую и, призвав на помощь силу ума и памяти, сноровку рук и изобретательность, соберет, частица за частицей, то, что стало затем его женой, сыном, дочерьми. Когда под горой есть американский город, где можно найти все необходимое, незаурядный человек, пожалуй, может создать все что угодно.

Звук их шагов потонул в песке. На кладбище, когда они пришли, два человека уже копали могилу.

Они вернулись к ракете под вечер. Уильямсон кивком указал на каменную лачугу.

— Что будем делать с ними?

— Не знаю, — сказал капитан.

— Может, вы их выключите?

— Выключить? — Капитан несколько удивился. — Мне это не приходило в голову.

— Но вы же не повезете их с собой?

— Нет, это ни к чему.

— Неужели вы хотите оставить их здесь, вот *таких*, какие они есть?

Капитан протянул Уильямсону пистолет: .

— Если вы можете что-нибудь сделать, вы сильнее меня.

Пять минут спустя Уильямсон вернулся от лачуги, весь в испарине.

— Вот, возьмите свой пистолет. Теперь я вас понимаю. Я вошел к ним с пистолетом в руке. Одна из дочерей улыбнулась мне. И остальные. Жена предложила мне чашку чаю. Боже мой, это было бы просто убийство!

Уайлдер кивнул:

— Такого совершенства человек больше никогда не создаст. Они созданы для долголетия — десять, пятьдесят, двести лет. Так-то... У них ничуть не меньше прав на... на жизнь, чем у вас, меня, любого из нас. — Он выбил пепел из трубки. — Ладно, поднимайтесь на борт. Полетим дальше. Этот город все равно погиб, нам он не годится.

День угасал. Подул холодный ветер. Весь экипаж уже был на борту. Капитан медлил. Уильямсон спросил:

— Уж не собираетесь ли вы сходить э-э... попрощаться с ними?

Капитан холодно посмотрел на Уильямсона:

— Не ваше дело.

Уайлдер зашагал в гору навстречу сумрачному ветру. Космонавты увидели, как его силуэт замер в дверях лачуги. Они увидели силуэт женщины. Они увидели, как их командир пожал ей руку.

Спустя минуту он бегом вернулся к ракете.

По ночам, когда ветер свистит над ложем мертвого моря, над шестигранниками на кладбище, над четырьмя старыми крестами и одним новым, по ночам в низкой каменной лачуге горит свет; ревет ветер, вихрится пыль, сверкают холодные звезды, а в той лачуге четыре фигуры — женщина, две дочери и сын — не дают погаснуть огню в камине, сами не зная зачем, и разговаривают, и смеются.

Из года в год, из года в год, каждую ночь, сама не зная зачем, женщина выходит из лачуги и, вскинув руки, долго смотрит на небо, на зеленое пламя Земли, не понимая, зачем

она это делает; потом возвращается в дом и подкидывает щепку в огонь, а ветер крепчает, и мертвое море продолжает оставаться мертвым.

Август 2026

БУДЕТ ЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

В гостинной говорящие часы настойчиво пели: *тик-так, семь часов, семь утра, вставать пора!* — словно боясь, что их никто не послушает. Объятый утренней тишиной дом был пуст. Часы продолжали тикать и твердили, твердили свое в пустоту: *девять минут восьмого, к завтраку все готово, девять минут восьмого!*

На кухне печь сипло вздохнула и исторгла из своего жаркого чрева восемь безупречно поджаренных тостов, четыре глазуньи, шестнадцать ломтиков бекона, две чашки кофе и два стакана холодного молока.

— Сегодня в городе Эллендейле, штат Калифорния, четвертое августа две тысячи двадцать шестого года, — произнес другой голос, с потолка кухни. Он повторил число трижды, чтобы лучше запомнили. — Сегодня день рождения мистера Фезерстоуна. Годовщина свадьбы Тилиты. Подошел срок страхового взноса, пора платить за воду, газ, свет.

Где-то в стенах щелкали реле, перед электрическими глазами скользили ленты-памятки.

Восемь одна, тик-так, восемь одна, в школу пора, на работу пора, живо, живо, восемь одна! Но не хлопали двери, и не слышалось мягкой поступи резиновых каблуков по коврам.

На улице шел дождь. Метеокоробка на наружной двери тихо пела: «Дождик, дождик целый день, плащ, галоши ты надень...» Дождь гулко барабанил по крыше пустого дома.

Во дворе зазвонил гараж, поднимая дверь, за которой стояла готовая к выезду автомашина... Минута, другая — дверь опустилась на место.

В восемь тридцать яичница сморщилась, а тосты стали каменными. Алюминиевая лопаточка сбросила их в раковину, оттуда струя горячей воды увлекла их в металлическую горловину, которая все растворяла и отправляла через канализацию в далекое море. Грязные тарелки нырнули в горячую мойку и вынырнули из нее, сверкая сухим блеском.

Девять пятнадцать, — пропели часы, — *пора уборкой заняться.*

Из нор в стене высыпали крохотные роботы-мыши. Во всех помещениях кишели маленькие суетливые уборщики из металла и резины. Они стучались о кресла, вертели своими щетинистыми роликами, ерошили ковровый ворс, тихо высасывая скрытые пылинки. Затем исчезли, словно неведомые пришельцы, юркнули в свои убежища. Их розовые электрические глазки потухли. Дом был чист.

Десять часов. Выглянуло солнце, тесня завесу дождя. Дом стоял одиноко среди развалин и пепла. Во всем городе он один уцелел. Ночами разрушенный город излучал радиоактивное сияние, видимое на много миль вокруг.

Десять пятнадцать. Распылители в саду извергли золотистые фонтаны, наполнив ласковый утренний воздух волнами сверкающих водяных бусинок. Вода струилась по оконным стеклам, стекала по обугленной западной стене, на которой белая краска начисто выгорела. Вся западная стена была черной, кроме пяти небольших клочков. Вот краска обозначила фигуру мужчины, катящего травяную косилку. А вот, точно на фотографии, женщина нагнулась за цветком. Дальше — еще силуэты, выжженные на дереве в одно титаническое мгновение... Мальчишка вскинул вверх руки, над ним застыл контур подброшенного мяча; напротив мальчишки — девочка, ее руки подняты, ловят мяч, который так и не опустился.

Только пять пятен краски — мужчина, женщина, дети, мяч. Все остальное — тонкий слой древесного угля.

Тихий дождь из распылителя наполнил сад падающими искрами света...

Как надежно оберегал дом свой покой вплоть до этого дня! Как бдительно он спрашивал: «Кто там? Пароль?» И, не получая нужного ответа от одиноких лис и жалобно мяукающих котов, затворял окна и опускал шторы с одержимостью старой девы. Самосохранение, граничащее с психозом, — если у механизмов может быть паранойя.

Этот дом вздрагивал от каждого звука. Стоило воробью задеть окно крылом, как тотчас громко щелкала штора и перепуганная птица летела прочь. Никто — даже воробей — не смел прикасаться к дому!

Дом был алтарем с десятью тысячами священнослужителей и прислужников, больших и маленьких, они служили и прислуживали, и хором пели славу. Но боги исчезли, и ритуал продолжался без смысла и без толку.

Двенадцать.

У парадного крыльца заскулил продрогнувший пес. Дверь сразу узнала собачий голос и отворилась. Пес, некогда

здоровенный, сытый, а теперь кожа да кости, весь в парше, вбежал в дом, печатая грязные следы. За ним суетились сердитые мыши — сердитые, что их потревожили, что надо снова убраться!

Ведь стоило малейшей пылинке проникнуть внутрь сквозь щель под дверь, как стенные панели мигом приподнимались и оттуда выскакивали металлические уборщики. Дерзновенный клочок бумаги, пылинка или волосок исчезали в стенах, пойманные крохотными стальными челюстями. Оттуда по трубам мусор спускался в подвал, в гудящее чрево мусоро-сжигателя, который злобным Ваалом притаился в темном углу.

Пес побежал наверх, истерически лая перед каждой дверью, пока не понял — как это уже давно понял дом, — что никого нет, есть только мертвая тишина.

Он принялся и поскреб кухонную дверь, потом лег возле нее, продолжая нюхать. Там, за дверью, плита пекла блины, от которых по всему дому шел сытный дух и заманчивый запах кленовой патоки.

Собачья пасть наполнилась пеной, в глазах вспыхнуло пламя. Пес вскочил, заметался, кусая себя за хвост, бешено завертелся и сдох. Почти час пролежал он в гостиной.

Два часа, — пропел голос.

Учуяв наконец едва приметный запах разложения, из нор с жужжанием выпорхнули полчища мышей, легко и стремительно, словно сухие листья, гонимые электрическим веером.

Два пятнадцать.

Пес исчез.

Мусорная печь в подвале внезапно засветилась пламенем, и через дымоход вихрем промчался сноп искр.

Два тридцать пять.

Из стен внутреннего дворика выскочили карточные столы. Игральные карты, мелькая очками, разлетелись по местам. На дубовом прилавке появились коктейли и сэндвичи с яйцом. Заиграла музыка. Но столы хранили молчание, и никто не брал карт. В четыре часа столы сложились, словно огромные бабочки, и вновь ушли в стены.

Половина пятого.

Стены детской комнаты засветились.

На них возникли животные: желтые жирафы, голубые львы, розовые антилопы, лиловые пантеры прыгали в хрустальной толще. Стены были стеклянные, восприимчивые к краскам и игре воображения. Скрытые киноленты заскользили по

зубцам с бобины на бобину, и стены ожили. Пол детской колыхался, напоминая волнуемое ветром поле, и по нему бегали алюминиевые тараканы и железные сверчки, а в жарком неподвижном воздухе, в остром запахе звериных следов, порхали бабочки из тончайшей розовой ткани! Слышался звук, как от огромного, копошащегося в черной пустоте кузнечных мехов роя пчел: ленивое урчание сытого льва. Слышался цокот копыт окапи и шум освежающего лесного дождя, шуршащего по хрупким стеблям жухлой травы. Вот стены растаяли, растворились в необозримых просторах опаленных солнцем лугов и бездонного жаркого неба. Животные рассеялись по колючим зарослям и водоемам.

Время детской передачи.

Пять часов. Ванна наполнилась прозрачной горячей водой.

Шесть, семь, восемь часов. Блюда с обедом проделали удивительные фокусы, потом что-то щелкнуло в кабинете, и на металлическом штативе возле камина, в котором разгорелось уютное пламя, вдруг возникла курящаяся сигара с шапочкой мягкого серого пепла.

Девять часов. Невидимые провода согрели простыни — здесь было холодно по ночам.

Девять ноль пять. В кабинете с потолка донесся голос:

— Миссис Маклеллан, какое стихотворение хотели бы вы услышать сегодня?

Дом молчал.

Наконец голос сказал:

— Поскольку вы не выразили никакого желания, я выберу что-нибудь наудачу.

Зазвучал тихий музыкальный аккомпанемент.

— Сара Тисдейл. Ваше любимое, если не ошибаюсь...

Будет ласковый дождь, будет запах земли,
Щебет юрких стрижей от зари до зари,

И ночные рулады лягушек в прудах.
И цветение слив в белопенных садах;

Огнегрудый комочек слетит на забор,
И малиновки трель выткет звонкий узор,

И никто, и никто не вспомнит войну:
Пережито-забыто, ворошить ни к чему.

И ни птица, ни ива слезы не прольет,
Если сгинет с Земли человеческий род.

И весна... и Весна встретит новый рассвет,
Не заметив, что нас уже нет.

В камине трепетало, угасая, пламя, сигара осыпалась кучкой немого пепла. Между безмолвных стен стояли одно против другого пустые кресла, играла музыка.

В десять часов наступила агония.

Подул ветер. Сломанный сук, падая с дерева, высадил кухонное окно. Бутылка пятновыводителя разбилась вдребезги о плиту. Миг — и вся кухня охвачена огнем!

— Пожар! — слышался крик. Лампы замигали, с потолков, нагнетаемые насосами, хлынули струи воды. Но горячая жидкость растекалась по линолеуму, она просочилась, нырнула под дверь, и уже целый хор подхватил:

— Пожар! Пожар! Пожар!

Дом старался выстоять. Двери плотно затворились, но оконные стекла полопались от жара, и ветер раздувал огонь.

Под натиском огня, десятков миллиардов сердитых искр, которые с яростной бесцеремонностью летели из комнаты в комнату и неслись вверх по лестнице, дом начал отступать.

Еще из стен, семена, выбегали суетливые водяные крысы, выпаливали струи воды и возвращались за новым запасом. И стенные распылители извергали каскады механического дождя. Поздно. Где-то с тяжелым вздохом, передернув плечами, замер насос. Прекратился дождь-огнеборец. Иссякла вода в запасном баке, который много-много дней питал ванны и посудомойки.

Огонь потрескивал, пожирал ступеньку за ступенькой. В верхних комнатах он, словно гурман, смаковал картины Пикассо и Матисса, слизывая маслянистую корочку и бережно скручивая холсты черной стружкой.

Он добрался до кроватей, вот уже скачет по подоконникам, перекрашивает портьеры!

Но тут появилось подкрепление.

Из чердачных люков вниз уставились незрячие лица роботов, изрыгая ртами-форсунками зеленые химикалии.

Огонь попятился: даже слон пятится при виде мертвой змеи. А тут по полу хлестало двадцать змей, умерщвляя огонь холодным чистым ядом зеленой пены.

Но огонь был хитер, он послал языки пламени по наружной стене вверх, на чердак, где стояли насосы. Взрыв! Электронный мозг, управлявший насосами, бронзовой шрапнелью вонзился в балки.

Потом огонь метнулся назад и обошел все чуланы, щупая висящую там одежду.

Дом содрогнулся, стуча дубовыми костями, его оголенный скелет корчился от жара, сеть проводов — его нервы — обнажилась, словно некий хирург содрал с него кожу, чтобы красные вены и капилляры трепетали в раскаленном воздухе. «Караул, караул! Пожар! Бегите, спасайтесь!» Огонь крошил зеркала, как хрупкий зимний лед. А голоса причитали: «Пожар, пожар, бегите, спасайтесь!» Словно печальная детская песенка, которую в двенадцать голосов, кто громче, кто тише, пели умирающие дети, брошенные в глухом лесу. Но голоса умолкали один за другим по мере того, как лопалась, подобно жареным каштанам, изоляция на проводах. Два, три, четыре, пять голосов заглохли.

В детской комнате пламя объяло джунгли. Рычали голубые львы, скакали пурпурные жирафы. Пантеры метались по кругу, поминутно меняя окраску; десять миллионов животных, спасаясь от огня, бежали к кипящей реке вдали...

Еще десять голосов умерли. В последний миг сквозь гул огневой лавины можно было различить хор других, сбитых с толку голосов, еще объявлялось время, играла музыка, метались по газону телеуправляемые косилки, обезумевший зонт прыгал взад-вперед через порог наружной двери, которая непрерывно то затворялась, то отворялась, — одновременно происходила тысяча вещей, как в часовой мастерской, когда множество часов вразнобой лихорадочно отбивают время: то был безумный хаос, спаянный в некое единство; песни, крики, и последние мыши-мусорщики храбро выскакивали из нор — расчистить, убрать этот ужасный, отвратительный пепел! А один голос с полнейшим пренебрежением к происходящему декламировал стихи в пылающем кабинете, пока не сгорели все илени, не расплавились провода, не рассыпались все схемы.

И наконец пламя взорвало дом, и он рухнул пластом, разметав каскады дыма и искр.

На кухне, за мгновение до того как посыпались головни и горящие балки, плита с сумасшедшей скоростью готовила завтраки: десять десятков яиц, шесть батонов тостов, двести ломтей бекона — и все, все пожирал огонь, понуждая задыхающуюся печь истерически стряпать еще и еще!

Грохот. Чердак провалился в кухню и в гостиную, гостиная — в цокольный этаж, цокольный этаж — в подвал. Холодильники, кресла, ролики с фильмами, кровати, электрические приборы — все рухнуло вниз обугленными скелетами.

Дым и тишина. Огромные клубы дыма.

На востоке медленно занимался рассвет. Только одна стена осталась стоять среди развалин. Из этой стены говорил послед-

ний одинокий голос, солнце уже осветило дымящиеся обломки, а он все твердил:

— Сегодня 5 августа 2026 года, сегодня 5 августа 2026 года, сегодня...

Октябрь 2026

КАНИКУЛЫ НА МАРСЕ

Эту мысль почему-то высказала мама — а не отправиться ли всей семьей на рыбалку? На самом деле слова были не мамины. Тимоти отлично это знал. Слова были папины, но почему-то их за него сказала мама.

Папа, переминаясь с ноги на ногу на шуршащей марсианской гальке, согласился. Тотчас поднялся шум и гам, в мгновение ока лагерь был свернут, все уложено в капсулы и контейнеры, мама надела дорожный комбинезон и куртку, отец, не отрывая глаз от марсианского неба, набил трубку дрожащими руками, и трое мальчиков с радостными воплями кинулись к моторной лодке — из всех троих один Тимоти все время посматривал на папу и маму.

Отец нажал кнопку. К небу взмыл гудящий звук. Вода за кормой ринулась назад, а лодка помчалась вперед, под дружные крики «ура!».

Тимоти сидел на корме вместе с отцом, положив свои тонкие пальцы на его волосатую руку. Вот за изгибом канала скрылась изрытая площадка, где они сели на своей маленькой семейной ракете после долгого полета с Земли. Ему вспомнилась ночь накануне вылета, спешка и суматоха, ракета, которую отец каким-то образом где-то раздобыл, разговоры о том, что они летят на Марс отдыхать. Далековато, конечно, для каникулярной поездки, но Тимоти промолчал, потому что тут были младшие братишки. Они благополучно добрались до Марса и вот с места в карьер отправились — во всяком случае, так было сказано — на рыбалку.

Лодка неслась по каналу... Странные глаза у папы сегодня. Тимоти никак не мог понять, в чем дело. Они ярко светились, и в них было облегчение, что ли. И от этого глубокие морщины смеялись, а не хмурились и не скорбели.

Новый поворот канала — и вот уже скрылась из глаз остывшая ракета.

— А мы далеко едем?

Роберт шлепал рукой по воде — будто маленький краб прыгал по фиолетовой глади.

Отец вздохнул:

— За миллион лет.

— Ух ты! — удивился Роберт.

— Поглядите, дети. — Мама подняла длинную гибкую руку. — Мертвый город.

Завороженные, они уставились на вымерший город, а он безжизненно простерся на берегу для них одних и дремал в жарком безмолвии лета, дарованном Марсу искусством марсианских метеорологов.

У папы было такое лицо, словно он радовался тому, что город мертв.

Город: хаотическое нагромождение розовых глыб, уснувших на песчаном косогоре, несколько поваленных колонн, заброшенное святилище, а дальше — опять песок, песок, миля за милей... Белая пустыня вокруг канала, голубая пустыня над ним.

Внезапно с берега взлетела птица. Точно брошенный кем-то камень пронесся над голубым прудом, врезался в толщу воды и исчез.

Папа даже изменился в лице от испуга.

— Мне почудилось, что это ракета.

Тимоти смотрел в пучину неба, пытаясь увидеть Землю, и войну, и разрушенные города, и людей, которые убивали друг друга, сколько он себя помнил. Но ничего не увидел. Война была такой же далекой и абстрактной, как две мухи, сражающиеся насмерть под сводами огромного безмолвного собора. И такой же нелепой.

Уильям Томас отер пот со лба и взволнованно ощутил на своей руке прикосновение пальцев сына, легких, как паучьи лапки.

Он улыбнулся сыну:

— Ну как оно, Тимми?

— Отлично, папа.

Тимоти никак не мог до конца разобраться, что происходит в этом огромном взрослом механизме рядом с ним. В этом человеке с большим, шелушащимся от загара орлиным носом, с ярко-голубыми глазами вроде каменных шариков, которыми он играл летом дома, на Земле, с длинными, могучими, как колонны, ногами в широких бриджах.

— Что ты так высматриваешь, пап?

— Я искал земную логику, здравый смысл, разумное правление, мир и ответственность.

— И как — увидел?

— Нет. Не нашел. Их больше нет на Земле. И, пожалуй, не будет никогда. Возможно, мы только сами себя обманывали, а их вообще и не было.

— Это как же?

— Смотри, смотри, вон рыба, — показал отец.

Трое мальчиков звонко вскрикнули, — и лодка накренилась, так дружно они изогнули свои тонкие шейки, торопясь увидеть. Ух ты, вот это да! Мимо проплыла серебристая рыба-кольцо, извиваясь и мгновенно сжимаясь, точно зрачок, едва только внутрь попадали съедобные крупинки.

— В точности как война, — глухо произнес отец. — Война плывет, видит пищу, сжимается. Миг — и Земли нет.

— Уильям, — сказала мама.

— Извини.

Они примолкли, а мимо стремительно неслась студеная стеклянная вода канала. Ни звука кругом, только гул мотора, шелест воды, струи распаренного солнцем воздуха.

— А когда мы увидим марсиан? — воскликнул Майкл.

— Скоро, — заверил его отец. — Может быть, вечером.

— Но ведь марсиане все вымерли, — сказала мама.

— Нет, не вымерли, — не сразу ответил папа. — Я покажу вам марсиан, точно.

Тимоти нахмурился, но ничего не сказал. Все было как-то не так. И каникулы, и рыбалка, и эти взгляды, котсрыми обменивались взрослые.

А его братья уже устали из-под ладошек на двухметровую каменную стенку канала, высматривая марсиан.

— Какие они? — допытывался Майкл.

— Узнаешь, когда увидишь. — Отец вроде усмехнулся, и Тимоти приметил, как у него подергивается щека.

Мама была хрупкая и нежная, золотая коса лежала тиарой на голове, а глаза были такого же цвета, как глубокая студеная вода канала в тени. Почти пурпурные, с янтарными крапинками. Можно было видеть, как плавают мысли в ее глазах — словно рыбы, одни светлые, другие темные, одни быстрые, стремительные, другие медленные, неторопливые, а иногда — скажем, если она глядела на небо, туда, где Земля, — в глазах ничего не было, один только цвет... Мама сидела на носу лодки, одну руку она положила на борт, вторую на заглаженную складку своих брюк, и полоска мягкой загорелой шеи обрывалась там, где, подобно белому цветку, открывался воротник.

Она все время глядела вперед, что-то высматривая, но не могла разглядеть и обернулась к мужу; в его глазах она увидела отражение того, что впереди, а он к этому отражению добавил что-то от самого себя, свою твердую решимость, и

напряжение спало с ее лица, она снова повернулась вперед, теперь уже спокойно, зная, чего ей искать.

Тимоти тоже смотрел. Но он видел лишь прямую черту фиолетового канала посреди широкой ровной долины, обрамленной низкими размытыми холмами. Черта уходила за край неба, и канал тянулся все дальше, дальше, сквозь города, которые — встряхни их — загремели бы, словно жуки в высохшем черепе. Сто, двести городов, видящих летние сны — жаркие днем и прохладные ночью...

Они пролетели миллионы миль ради этого пикника, ради рыбалки. А в ракете было оружие. Называется, поехали на каникулы! А для чего все эти продукты — хватит с лихвой не на один год, — которые они спрятали по соседству с ракетой? Каникулы! Но за этими каникулами скрывалась не радостная улыбка, а что-то жестокое, твердое, даже страшное. Тимоти никак не мог раскусить этот орешек, а братьям не до того, — что может занимать мальчишек в десять и восемь лет?

— Ну где же марсиане? Дураки какие-то! — Роберт положил клинышек подбородка на ладони и уставился в канал.

У папы на запястье было атомное радио, сделанное по старинке: прижми его к голове, возле уха, и радио начнет вибрировать, напевая или говоря что-нибудь. Как раз сейчас папа слушал, и лицо его было похоже на один из этих погибших марсианских городов — угрюмое, изможденное, безжизненное.

Потом он дал послушать маме. Ее губы раскрылись.

— Что... — начал Тимоти свой вопрос, но не договорил.

Потому что в этот миг их встряхнули и ошеломили два громадных друг на друга исполинских взрыва, за которыми последовало несколько толчков послабее.

Отец вскинул голову и тотчас прибавил ходу. Лодка рванулась и понеслась, прыгая и громко шлепая по воде. Роберт мигом оправился от страха, а Майкл испуганно и восторженно взвизгнул и прижался к маминым ногам, глядя, как мимо самого его носа летят быстрые струи.

Сбавив скорость, отец круто развернул лодку, и они скользнули в узкий отводной канал, к древнему полуразрушенному каменному причалу, от которого пахло крабами. Лодка ткнулась носом в причал так сильно, что всех швырнуло вперед, но никто не ушибся, а отец уже смотрел, обернувшись, не осталось ли на воде борозды, которая может выдать, где они укрылись. По глади канала разбегались длинные волны; облизав камень, они отступали, перехватывая набегающие сзади, все смешалось в игре солнечных бликов, потом рябь исчезла.

Папа прислушался. Они все прислушались. Дыхание отца гулко отдавалось под навесом, будто удары кулака о холодные, влажные камни причала. Мамины кошачьи глаза глядели в полутьме на папу, допытываясь, что теперь будет. Отец глубоко, с облегчением, вздохнул и рассмеялся сам над собой:

— Это же наша ракета! Что-то я становлюсь пугливым. Конечно, ракета.

— А что это было, пап, — спросил Майкл, — что это было?

— Просто мы взорвали нашу ракету, вот и все. — Тимоти старался говорить буднично. — Что ли, не слыхал, как ракеты взрывают? Вот и нашу тоже...

— А зачем мы нашу ракету взорвали? — не унимался Майкл. — Зачем, пап?

— Так полагается по игре, дурачок! — ответил Тимоти.

— По игре?! — Майкл и Роберт очень любили это слово.

— Папа сделал так, чтобы она взорвалась, и никто не узнал, где мы сели и куда подевались! Если кто захочет нас искать, понятно?

— Ух ты, тайна!

— Собственной ракеты испугался, — признался отец маме. — Нервы! Смешно даже подумать, будто здесь могут появиться другие ракеты. Разве что еще одна прилетит: если Эдвардс с женой сумеют добраться.

Он снова поднес к уху маленький приемник. Через две минуты рука его упала, словно тряпичная.

— Все, конец, — сказал он маме. — Только что прекратила работу станция на атомном луче. Другие станции Земли давно молчат. В последние годы их всего-то было две-три. Теперь в эфире мертвая тишина. Видно, надолго.

— На сколько? — спросил Роберт.

— Может быть... может быть, ваши правнуки снова услышат радио, — ответил отец. Он сидел понурившись, и детям передалось то, что он чувствовал: смирение, отчаяние, покорность.

Потом он опять вывел лодку на главный канал, и они продолжали путь.

Вечерело. Солнце уже склонилось к горизонту; впереди простирались чередой мертвые города.

Отец говорил с сыновьями ласковым, ровным голосом. Прежде он часто бывал сух, замкнут, неприступен, теперь же — они это чувствовали — папа будто гладил их по голове своими словами.

— Майкл, выбирай город.

— Что, папа?

— Выбирай город, сынок. Любой город, какой тут нам подвернется.

— Ладно, — сказал Майкл. — А как выбирать?

— Какой тебе больше нравится. И ты, Роберт, и Тим тоже. Выбирайте себе город по вкусу.

— Я хочу такой город, чтобы в нем были марсиане, — сказал Майкл.

— Будут марсиане, — ответил отец. — Обещаю. — Его губы обращались к сыновьям, но глаза смотрели на маму.

За двадцать минут они миновали шесть городов. Отец больше не поминал про взрывы; теперь для него как будто важнее всего на свете было веселить сыновей, чтобы им стало радостно.

Майклу понравился первый же город, но его отвергли, решив, что поспешные решения — не самые лучшие. Второй город никому не приглянулся. Его построили земляне, и деревянные стены домов уже превратились в труху. Третий город пришелся по душе Тимоти тем, что он был большой. Четвертый и пятый всем показались слишком маленькими, зато шестой у всех, даже у мамы, вызвал восторженные крики: «Ух ты!», «Блеск!», «Вот это да!».

Тут сохранилось в целости около полусотни огромных зданий, улицы были хоть и пыльные, но мощеные. Два-три старинных центробежных фонтана еще пульсировали влагой на площадях, и прерывистые струи, освещенные лучами заходящего солнца, были единственным проявлением жизни во всем городе.

— Здесь, — дружно сказали все.

Отец подвел лодку к пристани и выскочил на берег.

— Что ж, приехали. Все это — наше. Теперь будем жить здесь!

— Будем жить? — Майкл опешил. Он поднялся на ноги, глядя на город, потом повернулся лицом в ту сторону, где они оставили ракету. — А как же ракета? Как Миннесота?

— Вот, — сказал папа. Он прижал маленький радиоприемник к русой головенке Майкла. — Слушай.

Майкл прислушался.

— Ничего, — сказал он.

— Верно. Ничего. Ничего не осталось. Никакого Миннеаполиса, никаких ракет, никакой Земли.

Майкл поразмыслил немного над этим страшным открытием и тихонько захныкал.

— погоди, Майкл, — поспешно сказал папа. — Я дам тебе взамен гораздо больше!

— Что? — Любопытство задержало слезы, но Майкл был готов сейчас же дать им волю, если дальнейшие откровения отца окажутся такими же печальными, как первое.

— Я дарю тебе этот город, Майкл. Он твой.

— Мой?

— Твой, Роберта и Тимоти, ваш собственный город, на троих.

Тимоти выпрыгнул из лодки.

— Смотрите, ребята, все наше! Все-все!

Он играл наравне с отцом, играл великолепно, всю душу вкладывал. После, когда все уляжется и устроится, он, возможно, уйдет куда-нибудь минут на десять и поплачет наедине. Но сейчас идет игра «семья на каникулах», и братишки должны играть.

Майкл и Роберт выскочили на берег. Они помогли выйти на пристань маме.

— Берегите сестренку, — сказал папа; лишь много позднее они поняли, что он подразумевал.

И они быстро-быстро пошли в большой розовокаменный город, разговаривая шепотом — в мертвых городах почему-то хочется говорить шепотом, хочется смотреть на закат.

— Дней через пять, — тихо сказал отец, — я вернусь туда, где была наша ракета, и заберу продукты, которые мы спрятали в развалинах. Заодно поищу Берта Эдвардса с женой и дочерьми.

— Дочерьми? — повторил Тимоти. — Сколько их?

— Четыре.

— Как бы потом из-за этого неприятностей не было. — Мама медленно покачала головой.

— Девчонки. — Майкл скривил рожу, напоминающую каменные физиономии марсианских истуканов. — Девчонки.

— Они тоже на ракете прилетят?

— Да. Если им удастся. Семейные ракеты рассчитаны для полета на Луну, не на Марс. Нам просто повезло, что мы добрались.

— А откуда ты взял ракету? — шепотом спросил Тимоти; двое других мальчуганов уже убежали вперед.

— Я ее прятал. Двадцать лет прятал, Тим. Убрал и надеялся, что никогда не понадобится. Наверное, надо было сдать ее государству, когда началась война, но я все время думал о Марсе...

— И о пикнике!..

— Вот-вот! Но это только между нами. Когда я увидел, что Земле приходит конец — я ждал до последней минуты! — то стал собираться в путь. Берт Эдвардс тоже припрятал корабль,

но мы решили, что вернее всего стартовать порознь на случай, если кто-нибудь попытается нас сбить.

— А зачем ты ее взорвал, папа?

— Чтобы мы не могли вернуться, никогда. И чтобы эти недобрые люди, если они когда-нибудь окажутся на Марсе, не узнали, что мы тут.

— Ты поэтому все время на небо глядишь?

— Конечно, глупо. Никто не будет нас преследовать. Не на чем. Я чересчур осторожен, в этом все дело.

Прибежал обратно Майкл.

— Пап, это вправду наш город?

— Вся планета с ее окрестностями принадлежит нам, ребята. Целиком и полностью.

Они стояли — Король Холмов и Пригорков, Первейший из Главных, Правитель Всего Обозримого Пространства, Непогрешимые Монархи и Президенты, — пытаясь осмыслить, что это значит, владеть целым миром, и как это много — целый мир!

В разреженной марсианской атмосфере быстро темнело. Оставив семью на площади возле пульсирующего фонтана, отец сходил к лодке и вернулся, неся в больших руках целую охапку бумаги.

На заброшенном дворе он сложил книги в кучу и поджег. Они присели на корточки возле костра погреться и смеялись, а Тимоти смотрел, как буквы прыгали, точно испуганные зверьки, когда огонь хватал их и пожирал. Бумага морщилась, словно стариковская кожа, пламя окружало и теснило легионы слов.

«Государственные облигации», «Коммерческая статистика 1999 года», «Религиозные предрассудки, эссе», «Наука о военном снабжении», «Проблемы панамериканского единства», «Биржевой вестник за 3 июля 1998 года», «Военный сборник»...

Отец нарочно захватил все эти книги именно для этой цели. И вот, присев у костра, он с наслаждением бросал их в огонь, одну за другой, и объяснял своим детям, в чем дело.

— Пора вам кое-что растолковать. Наверно, я был не прав, когда ограждал вас от всего. Не знаю, много ли вы поймете, но я все равно должен высказаться, даже если до вас дойдет только малая часть.

Он уронил в огонь лист бумаги.

— Я сжигаю образ жизни — тот самый образ жизни, который сейчас выжигают с лица Земли. Простите меня, если я говорю как политик, но ведь я бывший губернатор штата. Я был честным человеком, и меня за это ненавидели. Жизнь на Земле никак не могла устояться, чтобы хоть что-то сделать

как следует, основательно. Наука слишком стремительно и слишком далеко вырвалась вперед, и люди заблудились в машинных дебрях, они, словно дети, чрезмерно увлеклись занятыми вещами, хитроумными механизмами, вертолетами, ракетами. Не тем занимались; без конца придумывали все новые и новые машины — вместо того чтобы учиться управлять ими. Войны становились все более разрушительными и в конце концов погубили Землю. Вот что означает молчание радио. Вот от чего мы бежали. Нам посчастливилось. Больше ракет не осталось. Пора вам узнать, что мы прилетели вовсе не рыбу ловить. Я все откладывал, не говорил... Земля погибла. Пройдут века, прежде чем возобновятся межпланетные сообщения, — если они вообще возобновятся. Тот образ жизни доказал свою непригодность и сам себя задушил. Вы только начинаете жить. Я буду вам повторять все это каждый день, пока вы не усвоите...

Он остановился, чтобы подбросить в костер еще бумаги.

— Теперь мы одни. Мы и еще горстка людей, которые прилетят сюда через день-два. Достаточно, чтобы начать сначала. Достаточно, чтобы поставить крест на всем, что было на Земле, и идти по новому пути...

Пламя вспыхнуло ярче, как бы подчеркивая его слова. Уже все бумаги сгорели, кроме одной. Все законы и верования Земли превратились в крупницы горячего пепла, который скоро развеет ветром.

Тимоти посмотрел на последний лист, что папа бросил в костер. Карта мира... Она корчилась, корежилась от жара, порх — и улетела горячей черной ночной бабочкой. Тимоти отвернулся.

— А теперь я покажу вам марсиан, — сказал отец. — Пойдем, вставайте. Ты тоже, Алиса.

Он взял ее за руку.

Майкл расплакался, папа поднял его и понес. Мимо развалин они пошли вниз к каналу.

Канал. Сюда завтра или послезавтра приедут на лодке их будущие жены, пока — смешливые девчонки, со своими папой и мамой.

Ночь окружила их, высыпали звезды. Но Земли Тимоти не мог найти. Уже зашла. Как тут не призадуматься...

Среди развалин кричала ночная птица. Снова заговорил отец:

— Мать и я попытаемся быть вашими учителями. Надеюсь, что мы сумеем... Нам довелось немало пережить и узнать. Это путешествие мы задумали много лет назад, когда вас еще не было. Не будь войны, мы, наверно, все равно улетели бы на

Марс, чтобы жить здесь по-своему, создать свой образ жизни. Земной цивилизации понадобилось бы лет сто, чтобы еще и Марс отравить. Теперь-то, конечно...

Они дошли до канала. Он был длинный, прямой, холодный, в его влажном зеркале отражалась ночь.

— Мне всегда так хотелось увидеть марсианина, — сказал Майкл. — Где же они, папа? Ты ведь обещал.

— Вот они, смотри, — ответил отец. Он посадил Майкла на плечо и указал прямо вниз.

Марсиане!.. Тимоти охватила дрожь.

Марсиане. В канале. Отраженные его гладью Тимоти, Майкл, Роберт, и мама, и папа.

Долго, долго из журчащей воды на них безмолвно смотрели марсиане...

ЧЕЛОВЕК В КАРТИНКАХ

Пролог:

ЧЕЛОВЕК В КАРТИНКАХ

С Человеком в картинках я повстречался ранним теплым вечером в начале сентября. Я шагал по асфальту шоссе, это был последний переход в моем двухнедельном странствии по штату Висконсин. Под вечер я сделал привал, подкрепился свининой с бобами, пирожком и уже собирался растянуться на земле и почитать — и тут-то на вершину холма поднялся Человек в картинках и постоял минуту, словно вычерченный на светлом небе.

Тогда я еще не знал, что он — в картинках. Разглядел только, что он высокий и раньше, видно, был поджарый и мускулистый, а теперь почему-то располнел. Помню, руки у него были длинные, кулачищи — как гири, сам большой, грузный, а лицо совсем детское.

Должно быть, он как-то почуял мое присутствие, потому что заговорил, еще и не посмотрев на меня:

— Не скажете, где бы мне найти работу?

— Право, не знаю, — сказал я.

— Вот уже сорок лет не могу найти постоянной работы, — пожаловался он.

В такую жару на нем была наглухо застегнутая шерстяная рубашка. Рукава — и те застегнуты, манжеты туго сжимают толстые запястья. Пот градом катится по лицу, а он хоть бы ворот распахнул.

— Что ж, — сказал он, помолчав, — можно и тут переночевать, чем плохое место. Составлю вам компанию — вы не против?

— Милости просим, могу поделиться кое-какой едой, — сказал я.

Он тяжело, с кряхтеньем опустился наземь.

— Вы еще пожалеете, что предложили мне остаться, — сказал он. — Все жалеют. Потому я и брожу. Вот, пожалуйста, начало сентября. День труда — самое распрекрасное время. В каждом городишке гулянье, народ развлекается, тут бы мне загребать деньги лопатой, а я вон сижу и ничего хорошего не жду.

Он стащил с ноги огромный башмак и, прищурясь, начал его разглядывать.

— На работе, если повезет, продержусь дней десять. А потом уж непременно так получается — катись на все четыре стороны! Теперь во всей Америке меня ни в один балаган не наймут, лучше и не соваться.

— Что ж так?

Вместо ответа он медленно расстегнул тугой воротник. Крепко зажмурясь, мешкотно и неуклюже расстегнул рубашку сверху донизу. Сунул руку за пазуху, осторожно ощупал себя.

— Чудно, — сказал он, все еще не открывая глаз. — На ощупь ничего не заметно, но они тут. Я все надеюсь — вдруг в один прекрасный день погляжу, а они пропали! В самое пекло ходишь целый день по солнцу, весь изжаришься, думаешь — может, их потом смоем или кожа облупится и все сойдет, а вечером глядишь — они тут как тут. — Он чуть повернул ко мне голову и распахнул рубаху на груди. — Тут они?

Не сразу мне удалось перевести дух.

— Да, — сказал я, — они тут.

Картинки.

— И еще я почему застегиваю ворот — из-за ребятни, — сказал он, открывая глаза. — Детишки гоняются за мной по пятам. Всем охота поглядеть, как я разрисован, а ведь не всем приятно.

Он снял рубашку и свернул ее в комок. Он был весь в картинках, от синего кольца, вытатуированного вокруг шеи, и до самого пояса.

— И дальше то же самое, — сказал он, угадав мою мысль. — Я весь как есть в картинках. Вот поглядите.

Он разжал кулак. На ладони у него лежала роза — только что срезанная, с хрустальными каплями росы меж нежных розовых лепестков. Я протянул руку и коснулся ее, но это была только картинка.

Да что ладонь! Я сидел и пялил на него глаза — на нем живого места не было, всюду кишели ракеты, фонтаны, человечки — целые толпы, да так все хитро сплетено и перепутано, так все ярко и живо, до самых малых мелочей, что казалось — даже слышны тихие, приглушенные голоса этих бесчисленных

человечков. Стоило ему чуть шевельнуться, вздохнуть — и вздрагивали крохотные рты, подмигивали крохотные зеленые с золотыми искорками глаза, взмахивали крохотные розовые руки. На его широкой груди золотились луга, синели реки, вставали горы, тут же словно протянулся Млечный Путь — звезды, солнца, планеты. А человечки теснились кучками в двадцати местах, если не больше, — на руках, от плеча и до кисти, на боках, на спине и на животе. Они прятались в лесу волос, рыскали среди созвездий веснушек, выглядывали из пещер подмышек, глаза их так и сверкали. Каждый хлопотал о чем-то своем, каждый был сам по себе, точно портрет в картинной галерее.

— Да какие красивые картинки! — вырвалось у меня.

Как мне их описать? Если бы Эль Греко в расцвете сил и таланта писал миниатюры величиной в ладонь, с мельчайшими подробностями, в обычных своих желто-зеленых тонах, со странно удлинненными телами и лицами, можно было бы подумать, что это он расписал своей кистью моего нового знакомого. Краски пылали в трех измерениях. Будто окна распахнуты в зримый и осязаемый мир, ошеломляющий своей подлинностью. Здесь, собранное на одной и той же стене, сверкало все великолепие Вселенной; этот человек был живой галереей шедевров. Его расписал не какой-нибудь ярмарочный пьяница-татуировщик, все малюющий в три краски. Нет, это было создание истинного гения, трепетная, совершенная красота.

— Еще бы! — сказал Человек в картинках. — Я до того горжусь своими картинками, что рад бы выжечь их огнем. Я уж пробовал и наждачной бумагой, и кислотой, и ножом...

Солнце садилось. На востоке уже взошла луна.

— Понимаете ли, — сказал Человек в картинках, — они предсказывают будущее.

Я промолчал.

— Днем, при свете, еще ничего, — продолжал он. — Я могу показываться в балагане. А вот ночью... все картинки двигаются. Они меняются.

Должно быть, я невольно улыбнулся.

— И давно вы так разрисованы?

— В тысяча девятисотом, когда мне было двадцать лет, я работал в бродячем цирке и сломал ногу. Ну и вышел из строя, а надо ж было что-то делать, я и решил — пускай меня татуируют.

— Кто же вас татуировал? Куда девался этот мастер?

— Она вернулась в будущее, — был ответ. — Я не шучу. Это была старуха, она жила в штате Висконсин, где-то тут

неподалеку был ее домишко. Этакая колдунья: то дашь ей тысячу лет, а через минуту поглядишь — не больше двадцати, и она мне сказала, что умеет путешествовать во времени. Я тогда захохотал. Теперь-то мне не до смеха.

— Как же вы с ней познакомились?

И он рассказал мне, как это было. Он увидел у дороги раскрашенную вывеску: РОСПИСЬ НА КОЖЕ! Не татуировка, а роспись! Настоящее искусство! И всю ночь напролет он сидел и чувствовал, как ее волшебные иглы колют и жалят его, точно осы и осторожные пчелы. А наутро он стал весь такой цветистый и узорчатый, словно его пропустили через типографский пресс, печатающий рисунки в двадцать красок.

— Вот уже полвека я каждое лето ее ищу, — сказал он и потряс кулаками. — А как отыщу — убью.

Солнце зашло. Сияли первые звезды, светились под луной травы и пшеница в полях. А картинки на странном человеке все еще горели в сумраке, точно раскаленные угли, точно разбросанные пригоршни рубинов и изумрудов, и там были краски Руо, и краски Пикассо, и удлинённые плоские тела Эль Греко.

— Ну вот, и когда мои картинки начинают шевелиться, люди меня выгоняют. Им не по вкусу, когда на картинках творятся всякие страсти. Каждая картинка — повесть. Посмотрите несколько минут — и она вам что-то расскажет. А если три часа будете смотреть, увидите штук двадцать разных историй, они прямо на мне разыгрываются, вы и голоса услышите, и разные думы передумаете. Вот оно все тут, только и ждет, чтоб вы смотрели. А главное, есть на мне одно такое место, — он повернулся спиной. — Видите? Там у меня на правой лопатке ничего определенного не нарисовано, просто каша какая-то.

— Вижу.

— Стоит мне побыть рядом с человеком немножко подольше, и это место вроде как затуманивается и на нем появляется картинка. Если рядом женщина, через час у меня на спине появляется ее изображение и видна вся ее жизнь — как она будет жить дальше, как помрет, какая она будет в шестьдесят лет. А если это мужчина, за час у меня на спине появится его изображение: как он свалится с обрыва или поездом его переедет. И опять меня гонят в три шеи.

Так он говорил и все поглаживал ладонями свои картинки, будто поправлял рамки или пыль стирал, точь-в-точь какой-нибудь коллекционер, знаток и любитель живописи. Потом лег, откинулся на спину, большой и грузный в лунном свете.

Ночь настала теплая. Душно, ни ветерка. Мы оба лежали без рубашек.

— И вы так и не отыскиали ту старуху?

— Нет.

— И, по-вашему, она явилась из будущего?

— А иначе откуда бы ей знать все эти истории, что она на мне разрисовала?

Он устало закрыл глаза. Заговорил тише:

— Бывает, по ночам я их чувствую, картинки. Вроде как муравьи по мне ползают. Тут уж я знаю, они делают свое дело. Я на них больше и не гляжу никогда. Стараюсь хоть немного отдохнуть. Я ведь почти не сплю. И вы тоже лучше не смотрите, вот что я вам скажу. Коли хотите уснуть, отвернитесь от меня.

Я лежал шагах в трех от него. Он был как будто не буйный и уж очень занятно разрисован. Не то я, пожалуй, предпочел бы убраться подальше от его нелепой болтовни. Но эти картинки... Я все не мог наглядеться. Всякий бы свихнулся, если б его так изукрасили.

Ночь была тихая, лунная. Я слышал, как он дышит. Где-то поодаль, в овражках, не смолкали сверчки. Я лежал на боку так, чтоб видеть картинки. Прошло, пожалуй, с полчаса. Непонятно было, уснул ли Человек в картинках, но вдруг я услышал его шепот:

— Шевелятся, а?

Я понаблюдал с минуту. Потом сказал:

— Да.

Картинки шевелились, каждая в свой черед, каждая — всего минуту-другую. При свете луны, казалось, одна за другой разыгрывались маленькие трагедии, тоненько звенели мысли, и, словно далекий прибой, тихо роптали голоса. Не сумею сказать, час ли, три ли часа все это длилось. Знаю только, что я лежал как зачарованный и не двигался, пока звезды совершали свой путь по небосводу...

Человек в картинках шевельнулся. Потом заворочался во сне, и при каждом движении на глаза мне попадала новая картинка — на спине, на плече, на запястье. Он откинул руку, теперь она лежала в сухой траве, на которую еще не пала утренняя роса, ладонью вверх. Пальцы разжались, и на ладони ожила еще одна картинка. Он пожегся, и на груди его я увидел черную пустыню, глубокую, бездонную пропасть — там мерцали звезды, и среди звезд что-то шевелилось, что-то падало в черную бездну; я смотрел, а оно все падало...

— **Д**жорджи, пожалуйста, посмотри детскую комнату.
— А что с ней?

— Не знаю.

— Так в чем же дело?

— Ни в чем, просто мне хочется, чтобы ты ее посмотрел, или пригласи психиатра, пусть он посмотрит.

— При чем здесь психиатр?

— Ты отлично знаешь, при чем. — Стоя посреди кухни, она глядела на плиту, которая, деловито жужжа, сама готовила ужин на четверых. — Понимаешь, детская изменилась, она совсем не такая, как прежде.

— Ладно, давай посмотрим.

Они пошли по коридору своего звуконепроницаемого дома типа «Все для счастья», который стал им в тридцать тысяч долларов (с полной обстановкой), — дома, который их одевал, кормил, холил, укачивал, пел и играл им. Когда до детской оставалось пять шагов, что-то щелкнуло, и в ней зажегся свет. И в коридоре, пока они шли, один за другим плавно, автоматически загорались и гасли светильники.

— Ну, — сказал Джордж Хедли.

Они стояли на крытом камышовой циновкой полу детской комнаты. Сто сорок четыре квадратных метра, высота — десять метров; она одна стоила пятнадцать тысяч. «Дети должны получать все самое лучшее», — заявил тогда Джордж.

Тишина. Пусто, как на лесной прогалине в знойный полдень. Гладкие двухмерные стены. Но на глазах у Джорджа и Лидии Хедли они, мягко жужжа, стали таять, словно уходя в прозрачную даль, и появился африканский вельд* — трехмерный, в красках, как настоящий, вплоть до мельчайшего камешка и травинки. Потолок над ними превратился в далекое

The Veldt

© Л. Жданов, перевод, 1964

* Вельд — название диких степей Южной Африки. (Примеч. пер.)

небо с жарким желтым солнцем. Джордж Хедли ощутил, как на лбу у него проступает пот.

— Лучше уйдем от солнца, — предложил он, — уж больно естественное. И вообще, я ничего такого не вижу, все как будто в порядке.

— Подожди минуточку, сейчас увидишь, — сказала жена.

В этот миг скрытые одорофоны, вступив в действие, направили волну запахов на двоих людей, стоящих среди опаленного солнцем вельда. Густой, сушащий ноздри запах жухлой травы, запах близкого водоема, едкий, резкий запах животных, запах пыли, которая клубилась в раскаленном воздухе облачком красного перца. А вот и звуки: далекий топот антилопных копыт по упругому дерну, шуршащая поступь крадущихся хищников.

В небе проплыл силуэт, по обращенному вверх потному лицу Джорджа Хедли скользнула тень.

— Мерзкие твари, — услышал он голос жены.

— Стервятники...

— Смотри-ка, львы, вон там, вдали, вон, вон! Пошли на водопой. Видишь, они там что-то ели.

— Какое-нибудь животное. — Джордж Хедли защитил воспаленные глаза ладонью от спящего солнца. — Зебру... или жирафенка...

— Ты уверен? — Ее голос звучал как-то странно.

— Теперь-то уверенным быть нельзя, поздно, — шутливо ответил он. — Я вижу только обглоданные кости да стервятников, которые подбирают ошметки.

— Ты не слышал крика? — спросила она.

— Нет.

— Так с минуту назад?

— Ничего не слышал.

Львы медленно приближались. И Джордж Хедли — в который раз — восхитился гением конструктора, создавшего эту комнату. Чудо совершенства — за абсурдно низкую цену. Всем бы домовладельцам такие! Конечно, иногда они отталкивают своей клинической продуманностью, даже пугают, вызывают неприятное чувство, но чаще всего служат источником забавы не только для вашего сына или дочери, но и для вас самих, когда вы захотите развлечься короткой прогулкой в другую страну, сменить обстановку. Как сейчас, например!

Вот они, львы, в пятнадцати футах, такие правдоподобные — да-да, такие до ужаса, до безумия правдоподобные, что ты чувствуешь, как твою кожу щекочет жесткий синтетический мех, а от запаха разгоряченных шкур у тебя во рту вкус пыльной обивки, их желтизна отсвечивает в твоих глазах

желтизной французского гобелена... Желтый цвет львиной шкуры и жухлой травы, шумное львиное дыхание в тихий полуденный час, запах мяса из открытых, влажных от слюны пастей.

Львы остановились, глядя жуткими желто-зелеными глазами на Джорджа и Лидию Хедли.

— Берегись! — вскричала Лидия. Львы ринулись на них.

Лидия стремглав бросилась к двери, Джордж непроизвольно побежал следом. И вот они в коридоре, дверь захлопнута, он смеется, она плачет, и каждый озадачен реакцией другого.

— Джордж!

— Лидия! Моя бедная, дорогая, милая Лидия!

— Они чуть не схватили нас!

— Стены, Лидия, светящиеся стены, только и всего, не забывай. Конечно, я не спорю, они выглядят очень правдоподобно — Африка в вашей гостиной! — но все это лишь повышенного воздействия цветной объемный фильм и психозапись, проектируемые на стеклянный экран, одорофоны и стереозвук. Вот, возьми мой платок.

— Мне страшно. — Она подошла и всем телом прильнула к нему, тихо плача. — Ты видел? Ты почувствовал? Это чересчур правдоподобно.

— Послушай, Лидия...

— Скажи Венди и Питеру, чтобы они больше не читали про Африку.

— Конечно... конечно. — Он погладил ее волосы.

— Обещаешь?

— Разумеется.

— И запри детскую комнату на несколько дней, пока я не справлюсь с нервами.

— Ты ведь знаешь, как трудно с Питером. Месяц назад я наказал его, запер детскую комнату на несколько часов — что было! Да и Венди тоже... Детская для них — все.

— Ее нужно запереть, и никаких поблажек.

— Ладно. — Он неохотно запер тяжелую дверь. — Ты переутомилась, тебе нужно отдохнуть.

— Не знаю... Не знаю. — Она высморкалась и села в кресло, которое тотчас тихо закачалось. — Возможно, у меня слишком мало дела.. Возможно, остается слишком много времени для размышлений. Почему бы нам на несколько дней не запереть весь дом, не уехать куда-нибудь?

— Ты хочешь сказать, что готова сама жарить мне яичницу?

— Да. — Она кивнула.

— И штопать мои носки?

— Да. — Порывистый кивок; глаза полны слез.

— И заниматься уборкой?

— Да, да... Конечно!

— А я-то думал, мы для того и купили этот дом, чтобы ничего не делать самим?

— Вот именно. Я здесь вроде ни к чему. Дом — и жена, и мама, и горничная. Разве я могу состязаться с африканским вельдом? Разве могу искупать и отмыть детей так быстро и чисто, как это делает автоматическая ванна? Не могу. И не во мне одна дело, а и в тебе тоже. В последнее время ты стал ужасно нервным.

— Наверно, слишком много курю.

— У тебя такой вид, словно и ты не знаешь, куда себя деть в этом доме. Куришь немного больше обычного каждое утро, выпиваешь немного больше обычного по вечерам и принимаешь на ночь снотворное чуть больше обычного. Ты тоже начинаешь чувствовать себя ненужным.

— Я?.. — Он помолчал, пытаясь заглянуть в собственную душу и понять, что там происходит.

— О, Джорджи! — Она поглядела мимо него на дверь детской комнаты. — Эти львы... Они ведь не могут выйти оттуда?

Он тоже посмотрел на дверь — она вздрогнула, словно от удара изнутри.

— Разумеется, нет, — ответил он.

Они ужинали одни. Венди и Питер отправились на специальный стереокарнавал в другом конце города и сообщили домой по видеофону, что вернутся поздно, не надо их ждать. Озабоченный Джордж Хедли смотрел, как стол-автомат исторгает из своих механических недр горячие блюда.

— Мы забыли кетчуп, — сказал он.

— Простите, — произнес тонкий голосок внутри стола, и появился кетчуп.

«Детская... — подумал Джордж Хедли. — Что ж, детям и впрямь не вредно некоторое время пожить без нее. Во всем нужна мера. А они, это совершенно ясно, слишком уж увлекаются Африкой». Это солнце... Он до сих пор чувствовал на шее его лучи — словно прикосновение горячей лапы. А эти львы. И запах крови. Удивительно, как точно детская улавливает телепатическую эманацию психики детей и воплощает любое их пожелание. Стоит им подумать о львах — пожалуйста, вот они. Представят себе зебр — вот зебры. И солнце. И жирафы. И смерть.

Вот именно. Он механически жевал пищу, которую ему приготовил стол. Мысли о смерти. Венди и Питер слишком

молоды для таких мыслей. А впрочем, разве дело в возрасте? Задолго до того как ты понял, что такое смерть, ты уже желаешь смерти кому-нибудь. В два года ты стреляешь в людей из пугача...

Но это... Жаркий безбрежный африканский вельд... Ужасная смерть в когтях льва... Снова и снова смерть.

— Ты куда?

Он не ответил ей. Поглощенный своими мыслями, он шел, провожаемый волной света, к детской. Он приложил ухо к двери. Откуда-то донесся львиный рык.

Он отпер дверь и распахнул ее. В тот же миг его слуха коснулся далекий крик. Снова рычание львов... Тишина.

Он вошел в Африку. Сколько раз за последний год он, открыв дверь, встречал Алису в Стране чудес, или фальшивую черепаху, или Аладдина с его волшебной лампой, или Джека Тыквенную Голову из страны Оз, или доктора Дулитла, или корову, которая прыгала через луну, очень похожую на настоящую, — всех этих чудесных обитателей воображаемого мира. Сколько раз видел он летящего в небе Пегаса или розовые фонтаны фейерверка или слышал ангельское пение. А теперь перед ним желтая раскаленная Африка, огромная печь, которая пышет убийством. Может быть, Лидия права. Может, и впрямь надо на время расстаться с фантазией, которая стала чересчур реальной для десятилетних детей. Разумеется, очень полезно упражнять воображение человека, но если пылкая детская фантазия чрезмерно увлекается каким-то одним мотивом?.. Кажется, весь последний месяц он слышал львиный рык, чувствовал даже у себя в кабинете резкий запах хищников, да по занятости не обращал внимания...

Джордж Хедли стоял один в степях Африки. Львы, оторвавшись от своей трапезы, смотрели на него. Полная иллюзия настоящих зверей — если бы не открытая дверь, через которую он видел в дальнем конце темного коридора, будто портрет в рамке, рассеянно ужинавшую жену.

— Уходите, — сказал он львам. Они не послушались.

Он отлично знал устройство комнаты. Достаточно послать мысленный приказ, и он будет исполнен.

— Пусть появится Аладдин с его лампой! — рявкнул он. По-прежнему вельд, и все те же львы...

— Ну, комната, действуй! Мне нужен Аладдин.

Никакого впечатления. Львы что-то грызли, трясая косматыми гривами.

— Аладдин!

Он вернулся в столовую.

— Проклятая комната, — сказал он, — поломалась. Не слушается.

— Или...

— Или что?

— Или не может послушаться, — ответила Лидия. — Потому что дети уже столько дней думают про Африку, львов и убийства, что комната застряла на одной комбинации.

— Возможно.

— Или же Питер заставил ее застрять.

— Заставил?

— Открыл механизм и что-нибудь подстроил.

— Питер не разбирается в механизме.

— Для десятилетнего парня он совсем не глуп. Коэффициент его интеллекта...

— И все-таки...

— Хелло, мам! Хелло, пап!

Супруги Хедли обернулись. Венди и Питер вошли в прихожую: щеки — мятный леденец, глаза — ярко-голубые шарики, от джемперов так и веет озоном, в котором они купались, летя на вертолете.

— Вы как раз успели к ужину, — сказали родители вместе.

— Мы наелись земляничного мороженого и сосисок, — ответили дети, отмахиваясь руками. — Но мы посидим с вами за столом.

— Вот-вот, подойдите-ка сюда, расскажите про детскую, — позвал их Джордж Хедли.

Брат и сестра удивленно посмотрели на него, потом друг на друга.

— Детскую?

— Про Африку и все прочее, — продолжал отец с наигранным добродушием.

— Не понимаю, — сказал Питер.

— Ваша мать и я только что совершили путешествие по Африке: Том Свифт и его Электрический Лев, — усмехнулся Джордж Хедли.

— Никакой Африки в детской нет, — невинным голосом возразил Питер.

— Брось, Питер, мы-то знаем.

— Я не помню никакой Африки. — Питер повернулся к Венди: — А ты?

— Нет.

— А ну, сбегай, проверь и скажи нам.

Она повиновалась брату.

— Венди, вернись! — позвал Джордж Хедли, но она уже ушла. Свет провожал ее, словно рой светлячков. Он слишком поздно сообразил, что забыл запереть детскую.

— Венди посмотрит и расскажет нам, — сказал Питер.

— Что мне рассказывать, когда я сам видел.

— Я уверен, отец, ты ошибся.

— Я не ошибся, пойдем-ка.

Но Венди уже вернулась.

— Никакой Африки нет, — доложила она, запыхавшись.

— Сейчас проверим, — ответил Джордж Хедли.

Они все вместе пошли по коридору и открыли дверь в детскую. Чудесный зеленый лес, чудесная река, пурпурная гора, ласкающее слух пение, а в листве — очаровательная таинственная Рима, на длинных распущенных волосах которой, словно ожившие цветы, трепетали многоцветные бабочки. Ни африканского вельды, ни львов. Только Рима, поющая так восхитительно, что невольно на глазах выступают слезы.

Джордж Хедли внимательно осмотрел новую картину.

— Ступайте спать, — велел он детям.

Они открыли рты.

— Вы слышали?

Они отправились в пневматический отсек и взлетели, словно сухие листья, вверх по шахте в свои спальни.

Джордж Хедли пересек звенящую птичьими голосами полянку и что-то подобрал в углу, поблизости от того места, где стояли львы. Потом медленно возвратился к жене.

— Что это у тебя в руке?

— Мой старый бумажник, — ответил он и протянул его ей.

От бумажника пахло жухлой травой и львами. На нем были капли слюны, и следы зубов, и с обеих сторон пятна крови.

Он затворил дверь детской и надежно ее запер.

В полночь Джордж все еще не спал, и он знал, что жена тоже не спит.

— Так ты думаешь, Венди ее переключила? — спросила она наконец в темноте.

— Конечно.

— Превратила вельд в лес и на место львов вызвала Риму?

— Да.

— Но зачем?

— Не знаю. Но пока я не выясню, комната будет заперта.

— Как туда попал твой бумажник?

— Не знаю, — ответил он, — ничего не знаю, только одно: я уже жалею, что мы купили детям эту комнату. И без того они нервные, а тут еще такая комната...

— Ее назначение в том и состоит, чтобы помочь им избавиться от своих неврозов.

— Ой, так ли это.. — Он посмотрел на потолок

— Мы давали детям все, что они просили. А в награду что получаем — непослушание, секреты от родителей.

— Кто это сказал: «Дети — ковер, иногда на них надо наступать» Мы ни разу не поднимали на них руку Скажем честно — они стали несносны. Уходят и приходят, когда им вздумается, с нами обращаются так, словно мы — их отпрыски. Мы портим их, они — нас.

— Они переменялись с тех самых пор — помнишь, месяца два-три назад? — когда ты запретил им лететь на ракете в Нью-Йорк.

— Я им объяснил, что они еще малы для такого путешествия.

— Объяснил, а я вижу, как они с того дня стали хуже к нам относиться.

— Я вот что сделаю: завтра приглашу Дэвида Макклина и попрошу взглянуть на эту Африку.

— Но ведь Африки нет, теперь там сказочная страна и Рима.

— Сдается мне, к тому времени снова будет Африка

Мгновением позже он услышал крики.

Один... другой... Двое кричали внизу. Затем — рычание львов.

— Венди и Питер не спят, — сказала ему жена.

Он слушал с колотящимся сердцем.

— Да, — отозвался он. — Они проникли в детскую комнату

— Эти крики... они мне что-то напоминают

— В самом деле?

— Да, мне страшно.

И как ни трудились кровати, они еще целый час не могли укачать супругов Хедли. В ночном воздухе пахло кошками

— Отец, — сказал Питер.

— Да?

Питер разглядывал носки своих ботинок. Он давно избегал смотреть на отца, да и на мать тоже.

— Ты что же, навсегда запер детскую?

— Это зависит.

— От чего? — резко спросил Питер.

— От тебя и твоей сестры. Если вы не будете чересчур увлекаться этой Африкой, станете ее чередовать. скажем, со Швецией, или Данией, или Китаем.

— Я думал, мы можем играть во что хотим.

— Безусловно, в пределах разумного.

— А чем плоха Африка, отец?

— Так ты все-таки признаешь, что вызывал Африку!

— Я не хочу, чтобы запирали детскую, — холодно произнес Питер. — Никогда.

— Так позволь сообщить тебе, что мы вообще собираемся на месяц оставить этот дом. Попробуем жить по золотому принципу: «Каждый делает все сам».

— Ужасно! Значит, я должен сам шнуровать ботинки, без автоматического шнуровальщика? Сам чистить зубы, причесываться, мыться?

— Тебе не кажется, что это будет даже приятно для разнообразия?

— Это будет отвратительно. Мне было совсем не приятно, когда ты убрал автоматического художника.

— Мне хотелось, чтобы ты научился рисовать, сынок.

— Зачем? Достаточно смотреть, слушать и обонять! Других стоящих занятий нет.

— Хорошо, ступай, играй в Африке.

— Так вы решили скоро выключить наш дом?

— Мы об этом подумывали.

— Советую тебе подумать еще раз, отец.

— Но-но, сынок, без угроз!

— Отлично. — И Питер отправился в детскую.

— Я не опоздал? — спросил Дэвид Макклин.

— Завтрак? — предложил Джордж Хедли.

— Спасибо, я уже. Ну, так в чем дело?

— Дэвид, ты разбираешься в психике?

— Как будто.

— Так вот, проверь, пожалуйста, нашу детскую. Год назад ты в нее заходил — тогда ты заметил что-нибудь особенное?

— Вроде нет. Обычные проявления агрессии, тут и там налет паранойи, присущей детям, которые считают, что родители — их постоянно преследуют. Но ничего, абсолютно ничего серьезного.

Они вышли в коридор.

— Я запер детскую, — объяснил отец семейства, — а ночью дети все равно проникли в нее. Я не стал вмешиваться, чтобы ты мог посмотреть на их затеи.

Из детской доносились ужасные крики.

— Вот-вот, — сказал Джордж Хедли. — Интересно, что ты скажешь? — Они вошли без стука. Крики смолкли, львы что-то пожирали.

— Ну-ка, дети, ступайте в сад, — распорядился Джордж Хедли. — Нет-нет, не меняйте ничего, оставьте стены как есть. Марш!

Оставшись вдвоем, мужчины внимательно посмотрели на львов, которые сгрудились поодаль, жадно уничтожая свою добычу.

— Хотел бы я знать, что это, — сказал Джордж Хедли. — Иногда мне кажется, что я вижу... Как думаешь, если принести сильный бинокль...

Дэвид Макклин сухо усмехнулся:

— Вряд ли... — Он повернулся, разглядывая одну за другой все четыре стены.

— Давно это продолжается?

— Чуть больше месяца.

— Да, ощущение неприятное...

— Мне нужны факты, а не чувства.

— Дружище Джордж, найди мне психиатра, который наблюдал бы хоть один факт. Он слышит то, что ему сообщают об ощущениях, то есть нечто весьма неопределенное. Итак, я повторяю: это производит гнетущее впечатление. Положись на мой инстинкт и мое предчувствие. Я всегда чувствую, когда назревает беда. Тут кроется что-то очень скверное. Советую вам совсем выключить эту проклятую комнату и минимум год ежедневно приводить ко мне ваших детей на процедуры.

— Неужели до этого дошло?

— Боюсь, да. Первоначально эти детские были задуманы, в частности, для того, чтобы мы, врачи, без обследования могли по картинам на стенах изучать психологию ребенка и исправлять ее. Но в данном случае детская, вместо того чтобы избавлять от разрушительных наклонностей, поощряет их!

— Ты это и раньше чувствовал?

— Я чувствовал только, что вы больше других балуете своих детей. А теперь закрутили гайки. Что произошло?

— Я не пустил их в Нью-Йорк.

— Еще?

— Убрал из дома несколько автоматов, а месяц назад угрозил запереть детскую, если они не будут делать уроков. И действительно запер на несколько дней, чтобы знали, что я не шушу.

— Ага!

— Тебе это что-нибудь говорит?

— Все. На место рождественского деда пришел бука. Дети предпочитают рождественского деда. Ребенок не может жить без привязанностей. Вы с женой позволили этой комнате, этому дому занять ваше место в их сердцах. Детская комната

стала для них матерью и отцом, оказалась в их жизни куда важнее подлинных родителей. Теперь вы хотите ее запереть. Не удивительно, что здесь появилась ненависть. Вот — даже небо излучает ее. И солнце. Джордж, вам надо переменить образ жизни. Как и для многих других — слишком многих — для вас главным стал комфорт. Да если завтра на кухне что-нибудь поломается, вы же с голоду помрете. Не сумеете сами яйца разбить! И все-таки советую выключить все. Начните новую жизнь. На это понадобится время. Ничего, за год мы из дурных детей сделаем хороших, вот увидишь.

— А не будет ли это слишком резким шоком для ребят — вдруг запереть навсегда детскую?

— Я не хочу, чтобы зашло еще дальше, понимаешь?

Львы кончили свой кровавый пир.

Львы стояли на опушке, глядя на обоих мужчин.

— Теперь я чувствую себя преследуемым, — произнес Мак-клин. — Уйдем. Никогда не любил эти проклятые комнаты. Они мне действуют на нервы.

— А львы — совсем как настоящие, верно? — сказал Джордж Хедли. — Ты не допускаешь возможности...

— Что?!

— ...что они могут стать настоящими?

— По-моему, нет.

— Какой-нибудь изъян в конструкции, переключение в схеме или еще что-нибудь?..

— Нет.

Они пошли к двери.

— Мне кажется, комнате не захочется, чтобы ее выключали, — сказал Джордж Хедли.

— Никому не хочется умирать, даже комнате.

— Интересно: она ненавидит меня за мое решение?

— Здесь все пропитано паранойей, — ответил Дэвид Мак-клин. — До осязаемости. Эй! — Он нагнулся и поднял окровавленный шарф. — Твой?

— Нет. — Лицо Джорджа окаменело. — Это Лидии.

Они вместе пошли к распределительному щиту и повернули выключатель, убивающий детскую комнату.

Дети были в истерике. Они кричали, прыгали, швыряли вещи. Они вопили, рыдали, бранились, метались по комнатам.

— Вы не смеете так поступать с детской комнатой, не смеете!

— Угломонитесь, дети.

Они в слезах бросились на диван.

— Джордж, — сказала Лидия Хедли, — включи детскую на несколько минут. Нельзя так вдруг.

— Нет.

— Это слишком жестоко.

— Лидия, комната выключена и останется выключенной. И вообще, пора кончать с этим проклятым домом. Чем больше я смотрю на все это безобразие, тем мне противнее. И так мы чересчур долго созерцали свой механический электронный пуп. Видит Бог, нам необходимо сменить обстановку!

И он стал ходить из комнаты в комнату, выключая говорящие часы, плиты, отопление, чистильщиков обуви, механические губки, мочалки, полотенца, массажистов и все прочие автоматы, которые попадались под руку.

Казалось, дом полон мертвецов. Будто они очутились на кладбище механизмов. Тишина. Смолкло жужжание скрытой энергии машин, готовых вступить в действие при первом же нажатии на кнопки.

— Не позволяй им это делать! — завопил Питер, подняв лицо к потолку, словно обращаясь к дому, к детской комнате. — Не позволяй отцу убивать все. — Он повернулся к отцу: — До чего же я тебя ненавижу!

— Оскорблениями ты ничего не достигнешь.

— Хоть бы ты умер!

— Мы долго были мертвыми. Теперь начнем жить по-настоящему. Мы привыкли быть предметом забот всевозможных автоматов — отныне мы будем жить.

Венди по-прежнему плакала. Питер опять присоединился к ней.

— Ну еще немножечко, на минуточку, только на минуточку! — кричали они.

— Джордж, — сказала ему жена, — это им не повредит.

— Ладно, ладно, пусть только замолчат. На одну минуту, учтите, потом выключю совсем.

— Папочка, папочка, папочка! — запели дети, улыбаясь сквозь слезы.

— А потом — каникулы. Через полчаса вернется Дэвид Мак-Клин, он поможет нам собраться и проводит на аэродром. Я пошел одеваться. Включи детскую на одну минуту, Лидия, слышишь — не больше одной минуты.

Дети вместе с матерью, весело болтая, поспешили в детскую, а Джордж, взлетев вверх по воздушной шахте, стал одеваться. Через минуту появилась Лидия.

— Я буду рада, когда мы покинем этот дом, — вздохнула она.

— Ты оставила их в детской?

— Мне тоже надо одеться. О, эта ужасная Африка. И что они в ней видят?

— Ничего, через пять минут мы будем на пути в Айову. Господи, какая сила загнала нас в этот дом?. Что нас побудило купить этот кошмар!

— Гордыня, деньги, глупость.

— Пожалуй, лучше спуститься, пока ребята опять не увлеклись своим чертовым зверинцем.

В этот самый миг они слышали голоса обоих детей.

— Папа, мама, скорей, сюда, скорей!

Они спустились по шахте вниз и ринулись бегом по коридору. Детей нигде не было видно.

— Венди! Питер!

Они ворвались в детскую. В пустынном вельде — никого, ни души, если не считать львов, глядящих на них.

— Питер! Венди!

Дверь захлопнулась.

Джордж и Лидия Хедли метнулись к выходу.

— Откройте дверь! — кричал Джордж Хедли, дергая ручку. — Зачем вы ее заперли? Питер! — Он заколотил в дверь кулаками. — Открой!

За дверью послышался голос Питера:

— Не позволяй им выключать детскую комнату и весь дом.

Мистер и миссис Джордж Хедли стучали в дверь.

— Что за глупые шутки, дети! Нам пора ехать. Сейчас придет мистер Макклин и...

И тут они слышали...

Львы с трех сторон в желтой траве вельда, шуршание сухих стеблей под их лапами, рокот в их глотках.

Львы.

Мистер Хедли посмотрел на жену, потом они вместе повернулись лицом к хищникам, которые медленно, припадая к земле, подбирались к ним.

Мистер и миссис Хедли закричали.

И вдруг они поняли, почему крики, которые они слышали раньше, казались им такими знакомыми.

Вот и я, — сказал Дэвид Макклин, стоя на пороге детской комнаты. — О, привет!

Он удивленно воззрился на двоих детей, которые сидели на поляне, уписывая ленч. Позади них был водоем и желтый вельд; над головами — жаркое солнце. У него выступил пот на лбу

— А где отец и мать?

Дети обернулись к нему с улыбкой:

— Они сейчас придут.

— Хорошо, уже пора ехать.

Мистер Макклин заметил вдали львов — они из-за чего-то дрались между собой, потом успокоились и легли с добычей в тени деревьев.

Заслонив глаза от солнца ладонью, он присмотрелся внимательнее.

Львы закончили есть и один за другим пошли на водопой.

Какая-то тень скользнула по разгоряченному лицу мистера Макклина. Много теней. С ослепительного неба спускались стервятники.

— Чашечку чаю? — прозвучал в тишине голос Венди.

КАЛЕЙДОСКОП

Ракету тряхнуло, и она разверзлась, точно бок ей вспорол гигантский консервный нож. Люди, выброшенные наружу, бились в пустоте точно десяток серебристых рыбешек. Их разметало в море тьмы, а корабль, разбитый вдребезги, продолжал свой путь — миллион осколков, стая метеоритов, устремившаяся на поиски безвозвратно потерянного Солнца.

— Баркли, где ты, Баркли?

Голоса перекликались, как дети, заблудившиеся в холодную зимнюю ночь.

— Вуд, Вуд!

— Капитан!

— Холлис, Холлис, это я — Стоун!

— Стоун, это я — Холлис! Где ты?

— Не знаю. Откуда мне знать? Где верх, где низ? Я падаю. Боже милостивый, я падаю!

Они падали. Падали, словно камешки в колодец. Словно их разметало одним мощным броском. Они были уже не люди, только голоса — очень разные голоса, бестелесные, трепетные, полные ужаса или покорности.

— Мы разлетаемся в разные стороны.

Это была правда. Холлис, летя кувыркком в пустоте, понял — это правда. Понял и как-то оступело смирился. Они расстанутся, у каждого своя дорога, и ничто уже не соединит их вновь. Все они в герметических скафандрах, бледные лица закрыты прозрачными шлемами, но никто не успел нацепить энергоприбора. С энергоприбором за плечами каждый стал бы в пространстве маленькой спасательной шлюпкой, тогда можно бы спастись самому и прийти на помощь другим, собраться всем вместе, отыскать друг друга; они стали бы человеческим островком и что-нибудь придумали бы. А так

они просто метеориты, разрозненные песчинки, и каждый бессмысленно несется навстречу своей неотвратимой судьбе.

Прошло, должно быть, минут десять, пока утих первый приступ ужаса и всех сковало оцепенелое спокойствие. Пустота — огромный, мрачный ткацкий станок — принялась ткать странные нити, голоса сходились, расходились, перекрещивались, определялся четкий узор.

— Холлис, я — Стоун. Сколько еще времени мы сможем переговариваться по радио?

— Смотри с какой скоростью ты летишь в свою сторону, а я — в свою. Думаю, еще с час.

— Да, пожалуй, — бесстрастно, отрешенно отозвался Стоун.

— А что произошло? — спросил минуту спустя Холлис.

— Наша ракета взорвалась, только и всего. С ракетами это бывает.

— Ты в какую сторону летишь?

— Похоже, врежусь в Луну.

— А я — в Землю. Возвращаюсь к матушке Земле со скоростью десять тысяч миль в час. Сгорю, как спичка.

Холлис подумал об этом с поразительной отрешенностью. Он словно отделился от собственного тела и смотрел, как оно падает, падает в пустоте, смотрел равнодушно, со стороны, как когда-то, в незапамятные времена, зимой, — на первые падающие снежинки.

Остальные молчали и думали о том, что с ними случилось, и падали, падали и ничего не могли изменить. Даже капитан притих, ибо не знал такой команды, такого плана действий, что могли бы исправить случившееся.

— Ох, как далеко падать! Как далеко падать, далеко, далеко, далеко, — раздался чей-то голос. — Я не хочу умирать, не хочу умирать, как далеко падать...

— Кто это?

— Не знаю.

— Наверно, Стимсон. Стимсон, ты?

— Далеко, далеко, не хочу я так. Ох, Господи, не хочу я так!

— Стимсон, это я, Холлис. Стимсон, ты меня слышишь?

Молчание, они падают поодиночке, кто куда.

— Стимсон!

— Да? — наконец-то отозвался.

— Не расстраивайся, Стимсон. Все мы одинаково влипли.

— Не нравится мне тут. Я хочу отсюда выбраться.

— Может, нас еще найдут.

— Пускай меня найдут, пускай непременно найдут, — сказал Стимсон. — Неправда, не верю, не могло такое случиться.

— Ну да, это просто дурной сон, — вставил кто-то.

— Заткнись! — сказал Холлис.

— Поди сюда и заткни мне глотку, — предложил тот же голос. Это был Эплгейт. Он засмеялся — легко, даже весело, как ни в чем не бывало. — Поди-ка заткни мне глотку!

И Холлис впервые ощутил, как невообразимо он бессилен. Слепая ярость переполняла его, больше всего на свете хотелось добраться до Эплгейта. Многие годы мечтал он до него добраться, и вот слишком поздно. Теперь Эплгейт — лишь голос в шлемофоне.

Падаешь, падаешь, падаешь...

И вдруг, словно только теперь им открылся весь ужас случившегося, двое из уносящихся в пространстве разразились отчаянным воплем. Как в кошмаре, Холлис увидел: один проплывает совсем рядом и вопит, вопит...

— Перестань!

Казалось, до кричавшего можно дотянуться рукой, он исходил безумным, нечеловеческим криком. Никогда он не перестанет. Этот вопль будет доноситься за миллионы миль, сколько достигают радиоволны, и всем вымотает душу, и они не смогут переговариваться между собой.

Холлис протянул руки. Так будет лучше. Еще одно усилие — и он коснулся кричащего. Ухватил за щиколотку, подтянулся, и вот они уже лицом к лицу. Тот вопит, цепляется за него бессмысленно и дико, точно утопающий. Безумный вопль заполняет Вселенную.

Так ли, эдак ли, думает Холлис. Все равно его убьет Луна, либо Земля, либо метеориты, так почему бы не сейчас?

Он обрушил железный кулак на прозрачный шлем безумного. Вопль оборвался. Холлис отталкивается от трупа — и тот, кружась, улетает прочь и падает.

И Холлис падает, падает в пустоту, и остальные тоже уносятся в долгом вихре нескончаемого безмолвного падения.

— Холлис, ты еще жив?

Холлис не откликается, но лицо его обдаёт жаром.

— Это опять я, Эплгейт.

— Слышу.

— Давай поговорим. Все равно делать нечего.

Его перебивает капитан:

— Довольно болтать. Надо подумать, как быть дальше.

— А может, вы заткнетесь, капитан? — спрашивает Эплгейт.

— Что-о?

— Вы отлично меня слышали, капитан. Не страшайте меня своим чином и званием, вы теперь от меня за десять тысяч миль, и нечего комедию ломать. Как выражается Стимсон, нам далеко падать.

— Послушайте, Эплгейт!

— Отвяжись ты. Я поднимаю бунт. Мне терять нечего, черт возьми. Корабль у тебя был никудышный, и капитан ты был никудышный, и желаю тебе врезаться в Луну и сломать себе шею.

— Приказываю вам замолчать!

— Валяй приказывай. — За десять тысяч миль Эплгейт усмехнулся. Капитан молчал. — О чем, бишь, мы толковали, Холлис? — продолжал Эплгейт. — А, да, вспомнил. Тебя я тоже ненавижу. Да ты и сам это знаешь. Давным-давно знаешь.

Холлис беспомощно сжал кулаки.

— Сейчас я тебе кое-что расскажу. Можешь радоваться. Это я тебя провалил, когда ты пять лет назад добивался места в Ракетной компании.

Рядом сверкнул метеорит. Холлис опустил глаза — кисть левой руки срезало, как ножом. Хлещет кровь. Из скафандра мигом улетучился воздух. Но, задержав дыхание, он правой рукой затянул застежку у локтя левой, перехватил рукав и восстановил герметичность. Все случилось мгновенно, он и удивиться не успел. Его уже ничто не могло удивить. Течь остановлена, скафандр тотчас опять наполнился воздухом. Холлис перетянул рукав еще туже, как жгутом, и кровь, только что хлеставшая, точно из шланга, остановилась.

За эти страшные секунды с губ его не сорвалось ни звука. А остальные все время переговаривались. Один — Леспир — болтал без умолку: у него, мол, на Марсе осталась жена, а на Венере другая, и еще на Юпитере жена, и денег куры не клюют, и здорово он на своем веку повеселился — пил, играл, жил в свое удовольствие. Они падали, а он все трещал и трещал языком. Падал навстречу смерти и предавался воспоминаниям о прошлых счастливых днях.

Так странно все. Пустота, тысячи миль пустоты, а в сердцевине ее трепещут голоса. Никого не видно, ни души, только радиоволны дрожат, колеблются, пытаются взволновать и людей.

— Злишься, Холлис?

— Нет.

И правда, он не злился. Им опять овладело равнодушие, он был точно бесчувственный камень, обреченный вечно падать в ничто.

— Ты всю жизнь старался выдвинуться, Холлис. И не понимал, почему тебе вечно не везет. Так вот, это я внес тебя в черный список перед тем, как меня самого вышвырнули за дверь.

— Это все равно, — сказал Холлис.

Ему и правда было все равно. Все это позади. Когда жизнь окончена, она словно яркий фильм, промелькнувший на экране, — все предрассудки, все страсти вспыхнули на миг перед глазами, и не успеешь крикнуть — вот был счастливый день, а вот несчастный, вот милое лицо, а вот ненавистное, — как пленка уже сгорела дотла и экран погас.

Жизнь осталась позади, и, оглядываясь назад, он жалел только об одном — ему еще хотелось жить и жить. Неужто перед смертью со всеми так — умираешь, а кажется, будто и не жил? Неужто жизнь так коротка — вздохнуть не успел, а все уже кончено? Неужто всем она кажется такой невыносимо краткой — или только ему здесь, в пустоте, когда остались считанные часы на то, чтоб все продумать и осмыслить?

А Леспир знай болтает свое:

— Что ж, я пожил на славу: на Марсе жена, и на Венере жена, и на Юпитере. И у всех у них были деньги, и все уж так меня ублажали. Пил я сколько хотел, а один раз проиграл в карты двадцать тысяч долларов.

«А сейчас ты влип, — думал Холлис. — Вот у меня ничего этого не было. Пока я был жив, я тебе завидовал, Леспир. Пока у меня было что-то впереди, я завидовал твоим любовным похождениям и веселому житью. Женщин я боялся, и я сбежал в космос, но все время думал о женщинах и завидовал, что у тебя их много, и денег много, и живешь ты бесшабашно и весело. А сейчас все кончено, и мы падаем, и я больше не завидую, ведь и для тебя сейчас все кончено, будто ничего и не было».

Холлис вытянул шею и закричал в микрофон:

— Все кончено, Леспир!

Молчание.

— Будто ничего и не было, Леспир!

— Кто это? — дрогнувшим голосом спросил Леспир.

— Это я, Холлис.

Он поступал подло. Он чувствовал, что это подло, бессмысленно и подло — умирать. Эплгейт сделал ему больно, теперь он хотел сделать больно другому. Эплгейт и пустота — оба жестоко ранили его

— Ты влип, как все мы, Леспир. Все кончено. Как будто никакой жизни и не было, верно?

— Неправда

— Когда все кончено, это все равно как если б ничего и не было. Чем сейчас твоя жизнь лучше моей? Сейчас, сию минуту — вот что важно. А сейчас тебе разве лучше, чем мне? Лучше, а?

— Да, лучше.

— Чем это?

— А вот тем! Мне есть что вспомнить! — сердито крикнул издалека Леспир, обеими руками цепляясь за милые сердцу воспоминания.

И он был прав. Холлиса точно ледяной водой окатило, и он понял: Леспир прав. Воспоминания и мечты — совсем не одно и то же. Он всегда только мечтал, только хотел всего, чего Леспир добился и о чем теперь вспоминает. Да, так. Мысль эта терзала неторопливо, безжалостно, резала по самому больному месту.

— Ну а сейчас, сейчас что тебе от этого за радость? — крикнул он Леспиру. — Если что прошло и кончено, какая от этого радость? Тебе сейчас не лучше, чем мне.

— Я помираю спокойно, — отозвался Леспир. — Был и на моей улице праздник. Я не стал перед смертью подлецом, как ты.

— Подлецом? — повторил Холлис, будто пробуя это слово на вкус.

Сколько он себя помнил, никогда в жизни ему не случилось сделать подлость. Он просто не смел. Должно быть, все, что было в нем подлого и низкого, копилось впрок для такого вот часа. «Подлец» — он загнал это слово в самый дальний угол сознания. Слезы навернулись на глаза, покатались по щекам. Наверно, кто-то услышал, как у него захватило дух.

— Не расстраивайся, Холлис.

Конечно, это просто смешно. Всего лишь несколько минут назад он давал советы другим, Стимсону; он казался себе самым настоящим храбрецом, а, выходит, никакое это не мужество, просто он оцепенел, так бывает от сильного потрясения, от шока. А вот теперь он пытается в короткие оставшиеся минуты втиснуть волнение, которое подавлял в себе всю жизнь.

— Я понимаю, каково тебе, Холлис, — слабо донесся голос Леспира, теперь их разделяло уже двадцать тысяч миль. — Я на тебя не в обиде.

«Но разве мы с Леспиром не равны? — спрашивал себя Холлис. — Здесь, сейчас — разве у нас не одна судьба? Что прошло, то кончено раз и навсегда — и какая от него радость? Так и так помирать». Но он и сам понимал, что рассуждения эти пустопорожные, будто стараешься определить, в чем

разница между живым человеком и покойником. В одном есть какая-то искра, что-то таинственное, неуловимое, а в другом — нет.

Вот и Леспир не такой, как он: Леспир жил полной жизнью — и сейчас он совсем другой, а сам он, Холлис, уже долгие годы все равно что мертвый. Они шли к смерти разными дорогами — и если смерть не для всех одинакова, то, надо думать, его смерть и смерть Леспира будут совсем разные, точно день и ночь. Видно, умирать, как и жить, можно на тысячу ладов, и если ты однажды уже умер, что хорошего можно ждать от последней и окончательной смерти?

А через секунду ему срезало правую ступню. Он чуть не расхохотался. Из скафандра опять вышел весь воздух. Холлис быстро наклонился — хлестала кровь, метеорит оторвал ногу и костюм по щиколотку. Да, забавная это штука — смерть в межпланетном пространстве. Она рубит тебя в куски, точно невидимый злобный мясник. Холлис туго завернул клапан у колена, от боли кружилась голова, он силился не потерять сознание; наконец-то клапан завернут до отказа, кровь остановилась, воздух опять наполнил скафандр; и он выпрямился и снова падает, падает, ему только это и остается — падать.

— Эй, Холлис!

Холлис сонно кивнул, он уже устал ждать.

— Это опять я, Эплгейт, — сказал тот же голос.

— Ну?

— Я тут поразмыслил. Послушал, что ты говоришь. Нехорошо все это. Мы становимся скверными. Скверно так помирять. Срываешь зло на других. Ты меня слушаешь, Холлис?

— Да.

— Я соврал тебе раньше. Соврал. Ничего я тебя не проваливал. Сам не знаю, почему я это ляпнул. Наверно, чтоб тебе досадить. Что-то в тебе есть такое, всегда хотелось тебе досадить. Мы ведь всегда не ладили. Наверно, это я так быстро старею, вот и спешу покаяться. Слушал я, как подло ты говорил с Леспиром — и стыдно мне, что ли, стало. В общем, неважно, только ты знай, я тоже валял дурака. Все, что я раньше наболтал, сплошное вранье. И катись к чертям.

Холлис почувствовал, что сердце его снова забилося. Кажется, долгих пять минут оно не билось вовсе, а сейчас опять кровь побежала по жилам. Первое потрясение миновало, а теперь откатывались и волны гнева, ужаса, одиночества. Будто вышел поутру из-под холодного душа, готовый позавтракать и начать новый день.

— Спасибо, Эплгейт.

— Не стоит благодарности. Не вешай носа, сукин ты сын!

— Эй! — голос Стоуна.

— Это ты?! — на всю Вселенную заорал Холлис.

Стоун — один из всех — настоящий друг!

— Меня занесло в метеоритный рой, тут куча мелких астероидов.

— Что за метеориты?

— Думаю, группа Мирмидонян, они проходят мимо Марса к Земле раз в пять лет. Я угодил в самую серединку. Похоже на большущий калейдоскоп. Металлические осколки всех цветов, самой разной формы и величины. Ох, и красота же!

Молчание. Потом опять голос Стоуна:

— Лечу с ними. Они меня утащили. Ах, черт меня подери!

Он засмеялся.

Холлис напрягал зрение, но так ничего и не увидел. Только огромные алмазы, и сапфиры, и изумрудные туманы, и чернильный бархат пустоты, и среди хрустальных искр слышится голос Бога. Как странно, поразительно представить себе: вот Стоун летит с метеоритным роем прочь, за орбиту Марса, летит годами и каждые пять лет возвращается к Земле, мелькнет на земном небосклоне и вновь исчезнет, и так сотни и миллионы лет. Без конца, во веки веков Стоун и рой Мирмидонян будут лететь, образуя все новые и новые узоры, точно пестрые стеклышки в калейдоскопе, которыми любовался мальчонкой, глядя на солнце, опять и опять встряхивая картонную трубку.

— До скорого, Холлис, — чуть слышно донесся голос Стоуна. — До скорого!

— Счастливо! — за тридцать тысяч миль крикнул Холлис.

— Не смеши, — сказал Стоун и исчез.

Звезды сомкнулись вокруг.

Теперь все голоса угасали, каждый уносился все дальше по своей кривой: одни — к Марсу, другие — за пределы Солнечной системы. А он, Холлис... Он поглядел себе под ноги. Из всех только он один возвращается на Землю.

— До скорого!

— Не расстраивайся!

— До скорого, Холлис, — голос Эплгейта.

Еще и еще прощания. Короткие, без лишних слов. И вот огромный мозг, не замкнутый больше в единстве, распадается на части. Все они так слаженно, с таким блеском работали, пока их объединяла черепная коробка пронизывающей пространство ракеты, а теперь один за другим они умирают; разрушается смысл их общего бытия. И, как живое существо погибает, едва выйдет из строя мозг, так теперь погибал самый дух корабля, и долгие дни, прожитые бок о бок, и все, что

люди значили друг для друга. Эплгейт теперь всего лишь оторванный от тела палец, уже незачем его презирать, противиться ему. Мозг взорвался — и бессмысленные, бесполезные обломки разлетелись во все стороны. Голоса замерли, и вот пустота нема. Холлис один, он падает.

Каждый остался один. Голоса их сгинули, будто Бог обронил несколько слов — и недолгое эхо дрогнуло и затерялось в звездной бездне. Вот капитан уносится к Луне; вот Стоун среди роя метеоритов; а там Стимсон; а там Эплгейт улетает к Плутону; и Смит, Тернер, Андервуд, и все остальные — стеклышки калейдоскопа, они так долго складывались в переменичивый мыслящий узор, а теперь их раскидало всех врозь, поодиночке.

«А я? — думал Холлис. — Что мне делать? Как, чем теперь искупить ужасную, пустую жизнь? Хоть одним добрым делом искупить бы свою подлость, она столько лет во мне копилась, а я и не подозревал! Но теперь никого нет рядом, я один, а что можно сделать хорошего, когда ты совсем один? Ничего не сделаешь. А завтра вечером я врежусь в земную атмосферу».

«И сгорю, — подумал он, — и развеюсь прахом над всеми материками. Вот и польза от меня. Самая малость, а все-таки прах есть прах, и он соединится с Землей».

Он падал стремительно, точно пуля, точно камешек, точно гирька, спокойный теперь, совсем спокойный, не ощущая ни печали, ни радости — ничего, только одного ему хотелось: сделать бы что-нибудь хорошее теперь, когда все кончено, сделать хоть что-то хорошее и знать — я это сделал...

«Когда я врежусь в воздух, я вспыхну, как метеор».

— Хотел бы я знать, — сказал он вслух, — увидит меня кто-нибудь?

Маленький мальчик на проселочной дороге поднял голову и закричал:

— Мама, смотри, смотри! Падущая звезда!

Ослепительно яркая звезда прочертила небо и канула в сумерки над Иллинойсом.

— Загадай желание, — сказала мать. — Загадай скорей желание!

ДРУГИЕ ВРЕМЕНА

Услышав новость, все они повыскакивали из ресторанов, кафе и отелей и уставились в небо. Они воздевали вверх свои черные руки над упорно следившими за небом просветлевшими глазами. Стояли с открытыми ртами. На протяжении тысяч миль в маленьких городках в тот жаркий полдень стояли черные люди, отбрасывая короткие тени, и смотрели вверх.

На своей кухне Хэтти Джонсон накрыла крышкой кипящий суп, вытерла тряпкой свои тонкие пальцы и тихо направилась на заднее крыльцо.

— Ма, иди сюда! Эй, ма, иди скорей, а то пропустишь!

— Мама, эй!

Три негритенка кричали, пританцовывая в середине пыльного двора. Они то и дело нетерпеливо поглядывали на дверь дома.

— Иду, иду, — сказала Хэтти, отворяя сетчатую дверь. — Откуда до вас дошли эти слухи?

— От Джонов, ма. Они говорят, что приближается ракета, первая за все двадцать лет, и белый человек в ней!

— Что такое «белый человек»? Я никогда такого не видел.

— Увидите, — сказала Хэтти. — Обязательно увидите.

— Расскажи нам о нем, ма. Расскажи, как это было у тебя.

Хэтти нахмурилась:

— Ну, было это давно. Я тогда еще маленькой девочкой была. Это произошло в 1965 году.

— Расскажи нам о белом человеке, мам!

Она прошла во дворик и стояла там, глядя в чистое голубое марсианское небо с легкими марсианскими облаками на нем и на далекие марсианские горы, изнывающие в марсианском пекле.

Она наконец произнесла:

— Ну, во-первых, у них белые руки.

— Белые руки! — радовались мальчишки и хлопали друг друга по плечам.

— У них белые руки!

— Белые руки! — оглушительно орали ребяташки.

— И белые лица.

— Белые лица! Это правда?

— Белые — вот такие, ма? — и самый маленький из них бросил себе в лицо горсть пыли и зачихал. — Такие, да?

— Гораздо белее, — мрачно ответила Хэтти и стала снова смотреть в небо. В глазах ее читалась тревога, будто она ожидала увидеть там, наверху, ливень с грозой, и то, что их не было, беспокоило ее. — Идите-ка лучше в дом.

— О, ма! — Они с недоверием глядели на нее. — Мы же должны увидеть, ей-Богу, должны! Ничего ведь не случится, верно?

— Не знаю. Просто мне кажется — так будет лучше.

— Мы очень хотим увидеть корабль и потом, если можно, побегим в порт и посмотрим на белого человека. Какой он, ма?

— Не знаю, ничего я не знаю, — в раздумье говорила она и качала головой.

— Расскажи нам еще что-нибудь о нем!

— Ладно уж. Белые люди живут на Земле, откуда прибыли сюда и все мы двадцать лет тому назад. Мы тогда просто взяли и сбежали, и прилетели сюда, на Марс, и осели здесь, построили города и вот живем. Мы теперь уже марсиане, а не земляне. И за все это время ни один белый человек не прилетал к нам. Такая вот история.

— А почему они не прилетали, ма?

— Да потому... Сразу после того как мы отправились сюда, на Земле разразилась атомная война. Страшная война, они без конца бомбили друг друга. И они забыли про нас. А когда через несколько лет военные действия прекратились, у них не осталось ни одной ракеты. Вот до недавнего времени они и строили их. Видно, теперь, спустя двадцать лет, они летят проведать нас. — Она молча посмотрела на детишек и затем, направляясь куда-то, сказала: — Вы меня тут подождите, я схожу к Элизабет Браун, в конец улицы. Обещаете никуда не уходить?

— Не хотелось бы, да уж ладно.

— Вот и хорошо, — и она побежала вниз по дороге.

К Браунам она прибежала как раз вовремя: все семейство загружалось в их огромную машину.

— Хэтти, привет! Поехали с нами!

— А вы куда? — подбежала она, задыхаясь.

— Посмотреть на белого человека!

— Действительно, — со всей серьезностью заявил мистер Браун и указал рукой на свой «груз». — Эти дети никогда не видели белого человека, да и сам я успел подзабыть, какой он.

— Что вы собираетесь делать с этим белым человеком? — спросила Хэтти.

— Делать? — удивилось все семейство. — Да просто посмотреть на него — и все.

— Вы так считаете?

— Что же еще можем мы сделать?

— Не знаю, — сказала Хэтти. — Только я подумала, не случилось бы чего.

— Что именно?

— Да понимаете, — растерянно, в недоумении произнесла Хэтти, — вы ведь не станете линчевать его?

— Линчевать его? — Все дружно рассмеялись. Мистер Браун шлепнул себя по коленям. — Да помилуй Бог, девочка. Мы собираемся пожать ему руку. Не так ли, дети мои?

— Конечно! Конечно!

С другого конца города подъехала еще одна машина, и Хэтти воскликнула:

— Билл!

— Что это ты тут делаешь? Где дети? — гневно прокричал ее супруг. Он оглядел остальных. — А вы, уж не собираетесь ли вы, словно скопище дураков, отправиться на встречу прилетающего человека?

— Да вроде бы так, — кивая головой и улыбаясь, согласился мистер Браун.

— Что ж, тогда прихватите ружья, — велел им Уилли. — Я именно за этим еду домой.

— Билл!

— А ну-ка садись в мою машину, Хэтти. — Он, глядя на нее в упор, держал дверцу машины открытой, пока она не подчинилась.

Он никому не сказал больше ни слова и загрохотал по пыльной дороге на своей машине.

— Билл, не так быстро!

— Не так быстро, да? Ну, это мы еще посмотрим. — Он следил за тем, как рвется назад под машиной дорога. — По какому праву они явились теперь сюда? Почему не оставляют нас в покое? Почему они не разбомбили друг друга там, в том старом мире, и не дают нам жить, как мы хотим?

— Билл, не по-христиански говорить такое.

— Я и не чувствую себя христианином, — ухватившись за руль, яростно твердил он. — Я чувствую себя подлецом. После стольких лет всего того, что они вытворяли с нашим

народом — с моей мамой и моим папой, и твоей мамой и твоим папой — ты хоть помнишь? Ты помнишь, как они повесили моего отца на Ноквуд Хилле и застрелили мою мать? Ты помнишь? Или у тебя такая же короткая память, как у Браунов?

— Я помню, — сказала она.

— Ты помнишь доктора Филиппса и мистера Бертон, и их большие дома, — и лачугу-прачечную моей матери, и отца-старика, продолжавшего трудиться на них; и их благодарность — его повесили доктор Филиппс и мистер Бертон. Однако, — продолжал Уилли, — времена изменились, изменились и обстоятельства. Теперь мы посмотрим, кто против кого издает законы, кого следует линчевать, кто будет ездить в заднем конце автобусов, кому отгородят особые места в кино и театрах. Подождем и увидим.

— О, Билли, ты накличешь беду!

— Об этом все сейчас говорят. Каждый думал про себя об этом дне, надеясь, что он не наступит. Думали: «А что, если этот день придет, если белый человек появится вдруг на Марсе?» Но вот он, этот день, и нам некуда от него бежать.

— Уж не собираешься ли ты позволить белым людям жить здесь?

— Точно. — Он улыбался, но это была хитрая, подлая улыбка, и глаза его были безумны. — Пусть они приходят, и живут здесь, и работают — почему бы нет. Но чтобы заслужить это, им придется жить в крошечном районе города, в трущобах, и чистить нам ботинки, и убирать за нами отбросы, и сидеть в последних рядах галерки. Вот и все, чего мы от них потребуем. И раз в неделю мы будем вешать по одному или парочке из них. Все очень просто.

— То, что ты говоришь, бесчеловечно, и это мне не нравится.

— Тебе придется привыкнуть к этому, — сказал он. Он резко затормозил возле их дома и выпрыгнул из машины. — Найди мои ружья и моток веревки. Мы все устроим как надо.

— О, Билли! — взмолилась она, оставаясь в машине в то время, как он взбежал по ступенькам и хлопнул входной дверью.

Она пошла за ним. Она вовсе не хотела идти за ним, но он чем-то громыхал на чердаке, ругался как безумный, пока не нашел четыре свои ружья. Она увидела блеск этого отвратительного металла в темноте чердака, хотя его самого не могла разглядеть — такой он был черный; она только слышала его проклятия, и наконец его длинные ноги в клубах пыли стали спускаться с чердака, и он набрал кучу медных патронов, вытащил патронники и запихнул в них патроны.

Его лицо оставалось жестким, тяжелым, и за всем этим скрывалась терзавшая его горечь.

— Оставьте нас, — продолжал он ворчать, опустив вдруг руки и не контролируя себя. — Оставьте нас, черт подери, в покое, слышите?

— Билли, Билли...

— И ты... и ты! — И он так посмотрел на нее, что она почувствовала, как его ненависть коснулась ее разума.

За окном дети продолжали болтать друг с другом.

— Белый как молоко, она сказала. Белый как молоко.

— Белый как мел, которым мы пишем, как камень.

Уилли выскочил из дома.

— А ну, пошли все в дом. Я запроу вас. Не видать вам никакого белого человека, и нечего трепаться о нем, бездельники несчастные. Пошли, пошли.

— Но, папочка...

Он затолкал их в дом, пошел достал ведро с краской и шаблон, а из гаража взял толстый моток грубой веревки, конец которой завязал петлей, и, продельвая все это, внимательно наблюдал за небом.

Затем, снова сев в машину, они понеслись, оставляя за собой клубы пыли по дороге.

— Потише, Билли.

— Не время медлить, — сказал он. — Время поспешать, вот я и спешу.

На протяжении всего пути люди стояли и смотрели в небо, или забирались в машины, или уже ехали в машинах, и из некоторых машин, словно телескопы, высматривающие все грехи мира накануне его конца, торчали ружья.

Она смотрела на ружья.

— Это ты им приказал, — обвинила она мужа.

— Именно этим я был занят, — кивнув, проворчал он. Он напряженно следил за дорогой. — Я останавливался возле каждого дома и говорил им, что надо делать: взять ружья, краски, привезти веревки и приготовиться. И теперь все мы — комитет по радушному приему — готовы преподнести им ключ от города. Так-то вот, сэр!

Овладевавший ею ужас заставил ее крепко стиснуть свои тонкие черные руки, она чувствовала, как мчится сломя голову их машина, как она, виляя, обгоняет другие машины. Она слышала, как кричали им вслед: «Эй, Уилли, смотри!» и поднимались руки с веревками и ружьями, когда они проскакивали мимо них, и вслед им мелькали мимолетные улыбки.

— Вот мы и приехали, — сказал Уилли, затормозив у пыльной платформы, и сразу стало тихо.

Ударом своей огромной ноги он распахнул дверцу, вылез из машины и, нагруженный оружием, поволок его по посадочной площадке аэропорта.

— Ты хорошо подумал, Билли?

— Этим я занимался все двадцать лет. Мне было шестнадцать, когда я покинул Землю, и я радовался этому, — сказал он. — Там для меня не было ничего, как, впрочем, и для тебя, и для всех, подобных нам. Я никогда не жалел о том, что оставил Землю. Здесь впервые в жизни мы обрели мир... Ладно, пошли.

Он пробирался сквозь толпу таких же черных, которые пришли на встречу с ним.

— Уилли, Уилли, что нам теперь делать? — спрашивали они.

— Вот ружье, — говорил он. — Вот ружье. Вот еще. — Он яростно совал им в руки оружие. — Вот пистолет. А это дробовик.

Люди стояли такой тесной толпой, что казались одним черным телом с тысячей рук, тянущихся за оружием. «Уилли, Уилли!»

Его высокая, молчащая жена стояла рядом с ним, крепко сжав пухлые губы, с глазами, полными слез и трагедии.

— Принеси краску, — приказал он ей.

И она приволокла галлон желтой краски к платформе, куда в это время подкатил трамвай с блестящей свежей краской новенькой вывеской впереди: «К МЕСТУ ПРИЗЕМЛЕНИЯ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА». В трамвае было полно переговаривающихся друг с другом людей. Они высыпали из него и, глядя на небо и спотыкаясь, бросились бежать по полю. Женщины держали в руках корзинки для пикников, мужчины были в соломенных шляпах и в рубашках с короткими рукавами. Опустевший трамвай стоял и гудел. Уилли взобрался в него, поставил на пол банки с краской, вскрыл их, помешал краску, проверил кисточку, взобрался на сиденье и приложил к стенке шаблон.

— Эй, вы! — кондуктор обошел его сзади, позвякивая мелочью. — Что это вы там надумали делать? А ну, слезайте!

— Сами видите, что я делаю. Не волнуйтесь.

И Уилли с помощью шаблона принялся выводить желтой краской буквы. Сначала он покрыл краской букву «Д», затем «л» и наконец «я» — он был ужасно горд своей работой. Когда он завершил свой труд, кондуктор посмотрел украдкой и прочел слова, сверкавшие свежей желтой краской: «Для белых. Задний сектор». Он стал перечитывать. «Для белых» Он морг-

нул. «Задний сектор» Кондуктор взглянул на Уилли и заулыбался.

— Как, подходит? — спросил Уилли, выходя из трамвая.

— Чудесно, сэр, это мне очень даже подходит, — сказал кондуктор.

Хэтти, сжимая руки на груди, смотрела издали на надпись.

Уилли вернулся к толпе, которая выросла к этому времени, пополнившись пассажирами из автомобилей, с рокотом оставливающих у платформы, и из многих трамваев, с визгом проделавших извилистый путь из близлежащего города.

Уилли взобрался на упаковочный ящик.

— Давайте создадим группу, которая за час напишет объявления во всех трамваях. Есть желающие?

Поднялся лес рук.

— Отправляйтесь!

Группа ушла.

— Давайте создадим группу, чтобы канатами огородить места в театрах — два последних ряда для белых.

Еще больше желающих.

— Идите!

Они помчались.

Уилли всматривался в толпу. С него градом катил пот, он задыхался от напряжения и гордился своей мощью; он положил свою руку на плечо жены, согнувшейся под этой тяжестью, смотревшей в землю и не смевшей поднять глаз от земли.

— А теперь послушайте, — провозгласил он. — Так вот, сегодня мы должны принять закон: никаких смешанных браков!

— Правильно, — откликнулось множество людей.

— Все мальчики — чистильщики сапог — сегодня бросают свою работу.

— Бросаем прямо сейчас! — Несколько человек в лихорадочной спешке прихватили с собой и пронесли через весь город свои щетки, и теперь они повыбрасывали их.

— Примем закон о минимальной зарплате, так?

— Так, так!

— Будем платить этим белым не больше десяти центов за час.

— Правильно!

К выступавшему поспешил мэр города.

— Послушайте-ка, Уилли Джонсон, слезайте с ящика!

— Мэр, меня нельзя принудить ни к чему подобному!

— Вы устраиваете беспорядки, Уилли Джонсон.

— Какая мысль!

— Вы, еще будучи мальчишкой, всегда ненавидели все это. Вы сами ничуть не лучше некоторых белых, о которых вы тут **растпинаетесь!**

— Теперь другое время, мэр, и другие обстоятельства, — сказал Уилли, даже не глядя на мэра, а всматриваясь в лица тех, внизу — улыбающиеся, сомневающиеся, растерянные, некоторые из них враждебные, напуганные, отвернувшиеся от него.

— Вы еще пожалеете, — сказал мэр.

— Мы проведем выборы и выберем нового мэра, — сказал Уилли.

Он смотрел на город, где на улицах, там и сям, появились свежеизготовленные вывески: *«Клиентура ограничена: в любое время обслужим неполноценных клиентов»*. Уилли усмехнулся и захлопал в ладоши. И останавливали трамваи и окрашивали задний сектор белой краской в ожидании их будущих обитателей. И довольные люди заполнили театры и канатами огородили в них места для белых, в то время как их жены удивленно взирали на все это с обочин дорог и шлепками загоняли в дом детишек, чтобы уберечь их от этого ужасного времени.

— Все готовы? — зывал Уилли Джонсон к своим согражданам, держа в руке веревку с аккуратно завязанной на ней петлей.

— Готовы! — прокричала половина собравшихся. Другая половина, недовольно ворча себе под нос, двинулась прочь, подобно персонажам из ючного кошмара, не пожелавшим в нем участвовать.

— Летит! — закричал какой-то малыш.

Как будто все они были марионетками на одной ниточке: все одновременно подняли головы вверх.

По небу в сполохах оранжевого пламени, высокая и прекрасная, летела ракета. Она описала круг и спустилась, вызвав всеобщий вздох. Она приземлилась, причинив небольшое возгорание травы на поле, огонь скоро погас, некоторое время ракета лежала спокойно, а затем под взглядами притихшей толпы большая дверь на боку корабля прошипела выходящим кислородом, отползла в сторону, и из корабля вышел старик.

— Белый человек, белый человек, белый человек... — зашептели в толпе ожидающих слова; дети, бодаясь, напектывали их друг другу на ухо; слова, пульсируя, распространялись дальше, туда, где толпились люди, стояли трамваи под ветром солнечного дня, где из открытых окон разносился запах краски. Шепот сам собой угас, все стихло.

Никто не сдвинулся с места.

Белый человек был высокого роста, держался прямо, хотя в лице его поселилась бездонная усталость. Он был небрит, и глаза его были такими бесконечно старыми, какими они должны быть у человека, которому необходимо жить и который еще живет. Его глаза были бесцветными, почти невидящими, будто стертые всем тем, что ему пришлось увидеть за прошедшие годы. Он был так худ, что его можно было сравнить с зимним облетевшим кустом. Руки его дрожали, и, разглядывая толпу собравшихся, он вынужден был опереться о прилолку.

Он изобразил подобие улыбки у себя на лице и выставил было руку, но тут же убрал ее обратно.

Никто не шевельнулся.

Он посмотрел вниз, на их лица, и, наверное, в поле его зрения попали ружья и веревки, но он не увидел их; возможно, он не почуял и запаха краски. Об этом никто никогда не спросил его. Он начал говорить. Он начал очень тихо, медленно, не предполагая, что его могут прервать, — его и не прерывали, — у него был очень изнеможенный, очень старый, бесцветный голос.

— Неважно, кто я такой, — произнес он. — Мое имя ничего не скажет вам. Не знаю и я ваших имен. Все это придет позже. — Он остановился, прикрыл на минуту глаза и затем продолжал: — Двадцать лет назад вы оставили Землю. Как же много воды утекло с тех пор! Это больше чем двадцать веков, так много всякого произошло за это время. После вашего исхода началась Война. — Он медленно опустил голову. — Да-а, это была большая война. Третья. Она продолжалась долго. До прошлого года. Мы разбомбили все города на Земле. Мы полностью разрушили и Нью-Йорк, и Лондон, и Москву, и Париж, и Шанхай, и Бомбей, и Александрию. Мы превратили их в руины. И когда мы покончили с большими городами, мы принялись за маленькие, и забросали их атомными бомбами, и сожгли их дотла.

И он начал перечислять эти города, и местечки, и улицы. И когда он называл их, среди слушавших его поднимался ропот.

— Мы разрушили Нэцец...

Ропот.

— Колумбию, Джорджию...

Снова ропот.

— Мы спалили Нью-Орлеан...

Тяжелый вздох.

— И Атланту...

Опять вздох.

— И ничего не осталось от Гринуотера, штат Алабама.

Уилли Джонсон резко вскинул голову и стоял с открытым ртом.

Хэтти заметила это его движение и одобрение в его темных глазах.

— Не осталось ничего, — медленно произнес старик, стоя в проеме двери. — Сгорели хлопковые поля.

О-о-о! — простонали все сразу.

— Мы разбомбили ткацкие фабрики...

О-о-о!

— Все заводы стали радиоактивными, все пронизано радиоактивностью. Все дороги, и фермы, и продовольствие — все радиоактивно. Буквально все.

И он продолжал называть все новые и новые города.

— Тампа.

Мой город, прошептал кто-то.

— Фултон.

Это мой, сказал кто-то еще.

— Мэмфис.

Мэмфис... Неужели и Мэмфис сожгли? — раздался испуганный вопрос.

— Мэмфис взорвали.

И четвертую улицу в Мэмфисе?

— Весь город, до основания, — отвечал старик.

Это проняло их всех. Через двадцать лет прошлое нахлынуло на них. В памяти собравшихся людей всплыло на поверхность все: города и местечки, деревья и кирпичные дома, вывески и церкви, и знакомые магазинчики. Название каждого города, места пробуждало память, и среди них не осталось никого, кто не подумал бы о прошедших днях. Все они были достаточно взрослыми для этого, если не считать детей.

— Ларедо.

Я помню Ларедо.

— Нью-Йорк-Сити.

У меня был магазин в Гарлеме.

— Гарлем разбомбили.

Зловещие слова. Знакомые, запомнившиеся места. Трудно представить себе эти места в руинах.

Уилли Джонсон прошептал:

— Гринуотер, Алабама. Там я родился. Я помню.

Разорено. Все разорено. Так сказал этот человек.

Тем временем старик продолжал:

— Мы разрушили, уничтожили все — такими мы были идиотами, идиотами и остались. Мы убили миллионы людей. Не

думаю, что на Земле осталось в живых больше пятисот тысяч человек, всех родов и видов. И из всех обломков цивилизации мы сумели собрать достаточно металла, чтобы построить эту ракету, и мы прибыли на ней в этот час, дабы просить вашей помощи.

Он в сомнении сделал паузу и смотрел вниз, на лица людей в расчете увидеть, что они думают, но ему не удалось развеять свои сомнения.

Хэтти Джонсон почувствовала, как напряглись мускулы руки ее мужа, увидела, как крепко сжал он конец веревки.

— Мы были круглыми идиотами, — тихо продолжал старик. — Мы своими руками свели на нет нашу Землю и цивилизацию. Ни один из городов не стоит спасения: все они будут радиоактивными на протяжении века. С Землей покончено. Ее время ушло. У вас здесь есть ракеты, которыми за все эти двадцать лет вы ни разу не воспользовались, чтобы вернуться на Землю. А я собираюсь попросить вас воспользоваться ими. Отправиться на них на Землю, забрать оставшихся в живых и привезти их на Марс. Помочь нам на сей раз выжить. Мы были глупы. Мы перед Богом признаем нашу глупость и всю нашу греховность. Все мы — и китайцы, и индийцы, и русские, и англичане, и американцы. Мы просим принять нас. Ваши марсианские земли оставались неспаханными многие века; тут найдется место для всех; здесь добрые почвы — я видел ваши поля сверху. Мы придем и будем работать на вас. Да, мы готовы даже на это. Мы заслужили все, что вам угодно будет сделать с нами, но не отвергайте нас. Мы не можем заставить вас действовать. Если вы так захотите, я сяду в корабль и отправлюсь назад — и на этом все кончится. Мы больше никогда не побеспокоим вас. Но нам хотелось бы прилететь сюда, чтобы работать *на вас* и делать все то, что раньше вы делали для нас: убирать ваши дома, готовить пищу, чистить ваши ботинки и во имя Бога подвергнуть себя унижению за все то, что в течение многих веков мы творили с собой, с другими, с вами.

Он окончательно обессилел.

Наступила гробовая тишина. Такая тишина, что ее можно было пощупать рукой, тишина, подобная давлению приближающейся грозы. В сиянии солнца они стояли, опустив, словно плети, свой длинные руки, и глаза всех них были обращены на старика, а тот стоял, не двигаясь, и ждал.

Уилли Джонсон сжимал петлю в руке. Окружавшие его ожидали его действий. Его жена крепко сжимала его руку.

Она жаждала постичь всю их ненависть, докопаться до нее и сделать с нею что-то, пока не набредет на маленькую

шелочку, трещинку в ней, и тогда по кирпичику, по камешку будет разрушать ее, пока не падет часть стены, а затем рухнет и все сооружение, и тогда с ней будет покончено. Оно уже шатается. Но где камень преткновения, и как до него добраться? Чем можно тронуть их, и где найти то, что пробудит в них всех желание разделаться со своей ненавистью?

Она смотрела на Билла во время этой неотступной тишины, и все, что она видела в этой ситуации, был он, его жизнь и все, что с ним было, и она вдруг поняла, что он — камень преткновения, что стоит ему расслабиться — и все остальные вздохнут свободно.

— Мистер... — она сделала шаг вперед. Она еще не знала, с чего начнет. Толпа смотрела ей в спину — она ощущала на себе их взгляды. — Мистер...

Человек повернулся к ней с усталой улыбкой на лице.

— Мистер, вы знаете Ноквуд Хилл в Гринуотере, штат Алабама?

Старик через плечо поговорил с кем-то, находившимся внутри корабля. Через мгновение ему выдали фотографическую карту, он взял ее и ждал.

— Вы знаете большой дуб на его вершине, мистер?

Большой дуб. Место, где застрелили и повесили отца Билла и где его нашли наутро следующего дня качающимся на ветру.

— Да.

— Он еще там? — спросила Хэтти.

— Там его нет, — ответил старик. — Его взорвали. И холм, и дуб — все вместе. Видите? — Он показал фотографию.

— Дайте мне посмотреть на нее, — сказал, протискиваясь вперед и глядя на карту, Уилли.

Хэтти с сильно бьющимся сердцем бросила взгляд на белого человека.

— Расскажите мне о Гринуотере, — поспешила она попросить его.

— Что именно вы хотели бы узнать?

— О докторе Филиппсе. Он жив еще?

Прошла минута, пока получили нужную информацию с помощью пощелкивающей внутри ракеты машины.

— Убит на войне.

— А его сын?

— Мертв.

— А что с их домом?

— Сгорел. Как и все другие дома.

— А другое большое дерево на Ноквуд Хилл — оно цело?

— Пропали все деревья. Сгорели.

— То дерево сгорело, вы уверены? — спросил Уилли.

— Да.

Уилли немного расслабился.

— А что с домом мистера Бертона и с самим мистером Бертоном?

— Не осталось ни домов, ни людей.

— А вы знаете прачечную моей матери, миссис Джонсон, ее лачугу?

Место, где ее застрелили.

— И ее не осталось. Все уничтожено. Вот здесь фотографии, можете сами убедиться.

Это были картинки, которые стоило подержать в руках, посмотреть и задуматься. Ракета была набита подобными картинками и ответами на вопросы. Любой город, любое строение, любое место.

Уилли стоял с веревкой в руках.

Он вспоминал Землю, зеленую Землю и зеленый городишко, в котором он родился и вырос, и одновременно он думал о том же городе, но разрушенном, сметенном с лица земли, рассеянном по ветру со всеми его приметами, со всем тем злом, предполагаемым или совершенным людьми; все, что сделано серьезными людьми, ушло: хлева, кузницы, антикварные лавки, тележки с содовой водой, пивные, мосты через реки, деревья для линчевания, прострелянные картечью холмы, дороги, коровы, мимозы и его собственная хижина вместе с украшенными колоннами большими домами, располагавшимися по берегу реки, этими белыми склепами, где женщины, легкие как мотыльки, мелькали в осеннем свете, далекие, недоступные. Дома, в которых хладнокровные мужчины танцевали, держа в руках бокалы с вином, и ружья их стояли там же, прислоненные к перилам крыльца, вынюхивающие осенний воздух и готовящие смерть. Покончено, со всем этим покончено; ушло и не вернется никогда. Теперь и навсегда вся эта цивилизация разодрана на мелкие кусочки, на конфетти, и распростерлась у их ног. Ничего, ничего от нее не осталось и нечего теперь ненавидеть — ни пустого медного патрона, ни веревочной петли, ни дерева, ни даже самого холма — ничего не осталось для ненависти. Ничего, кроме чужих людей в ракете, людей, готовых чистить ему ботинки, ездить в задней части транспорта и сидеть высоко, на галерке, в ночных театрах...

— Вам не следовало так делать, — сказал Уилли Джонсон.

Его жена смотрела на его большие руки.

Пальцы вдруг разжались.

Веревка, высвободившись, упала и сложилась кольцами на земле.

Они бежали по улицам своего города и срывали так поспешно сделанные новые вывески, и смывали свежую желтую краску с трамваев, и убирали канаты в верхних ярусах театров, и разряжали свои ружья, скатывали веревки и убирали их подальше.

— Каждый начнет все сначала, — сказала Хэтти, когда они возвращались домой в своей машине.

— Да, — сказал наконец Уилли. — Бог оставил нас в живых — одних здесь, других там. И все дальнейшее зависит теперь только от нас. Прошло время быть идиотами. Не надо только быть дураками. Я это понял, когда старик говорил. Я понял тогда, что белый человек сейчас так же одинок, как одиноки были всегда мы. У него теперь нет дома, как его не было у нас такое долгое время. Теперь у нас одинаковые условия. Мы можем начинать все сначала, на равных.

Он остановил машину и не шевелясь сидел в ней, пока Хэтти ходила освободить ребятишек. Они подбежали к отцу.

— Ты видел белого человека? Ты видел его? — кричали они.

— Да, сэр, — сказал Билл, сидя за рулем и медленно потирая пальцами лоб. — Похоже на то, будто сегодня я вообще впервые увидел белого человека по-настоящему — я очень ясно видел его.

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

Днем над долиной брызнул прохладный дождь, смочил кукурузу в полях на косогоре, застучал по соломенной кровле хижины. От дождя вокруг потемнело, но женщина упрямо продолжала растирать кукурузные зерна между двумя плоскими кругами из застывшей лавы. Где-то в сыром сумраке плакал ребенок.

Эрнандо стоял и ждал, пока дождь перестанет и опять можно будет выйти с деревянным плугом в поле. Внизу река, бурля, катила мутно-коричневую воду пополам с песком. Еще одна река — покрытое асфальтом шоссе — застыла недвижно, и лежала пустынная, и влажно блестела. Уже целый час не видно ни одной машины. Необычно и удивительно. За многие годы не было такого часа, чтоб какой-нибудь автомобиль не остановился у обочины и кто-нибудь не окликнул:

— Эй, ты, давай мы тебя сфотографируем!

В одной руке у такого ящичек, который щелкает, в другой — монета.

И если Эрнандо шел к ним с непокрытой головой, оставив шляпу среди поля, они иногда кричали:

— Нет, нет, надень шляпу!

И махали руками, а на руках так и сверкали всякие золотые штуки — и такие, которые показывают время, и такие, по которым можно признать хозяина, и такие, которые ничего не значат, только поблескивают на солнце, словно паучьи глаза. Тогда он поворачивался и шел за шляпой.

— Что-нибудь неладно, Эрнандо? — услышал он голос жены.

— Si. Дорога. Что-то стряслось. Что-то худое, зря дорога так не опустеет.

Легко и неторопливо ступая, он пошел прочь, от дождя сразу промокли плетенные из соломы башмаки на толстой

резиновой подошве. Он хорошо помнил, как досталась ему эта резина. Однажды ночью в хижину с маху ворвалось автомобильное колесо, куры и горшки так и посыпались в разные стороны. Одинокое колесо, и оно крутилось на лету как бешеное. Автомобиль, с которого оно сорвалось, помчался дальше, до поворота, на мгновение повис в воздухе, сверкая фарами, и рухнул в реку. Он и сейчас там. В погожий день, когда река течет тихо и ил оседает, его видно под водой. Он лежит глубоко на дне — длинная, низкая, очень богатая машина — и спит металлическим блеском. А потом поднимется ил, вода замутится, и опять ничего не видно.

На другой день Эрнандо вырезал себе из резиновой шины подметки.

Сейчас он вышел на шоссе, и стоял, и слушал, как тихонько звенит под дождем асфальт.

И вдруг, словно кто-то подал им знак, появились машины. Сотни машин, многие мили машин, они мчались и мчались — все мимо, мимо. Большие длинные черные машины с ревом бешено неслись на север, к Соединенным Штатам, не сбавляя скорости на поворотах. И гудели и сигналили без умолку. Во всех машинах полно народу, и на всех лицах что-то такое, отчего у Эрнандо внутри все как-то замерло и затихло. Он отступил на обочину шоссе и смотрел, как мчатся машины. Он считал их, пока не устал. Пятсот, тысяча машин пронеслись мимо, и во всех лицах что-то странное. Но они мелькали слишком быстро, и не разобрать было, что же это такое.

И вот опять стало тихо и пусто. Быстрые длинные низкие автомобили с откинутым верхом исчезли. Затих вдали последний гудок.

Дорога вновь опустела.

Это было похоже на похороны. Но какие-то дикие, неистовые, уж очень по-сумасшедшему они спешили все на север, на север, на какой-то мрачный обряд. Почему? Эрнандо покачал головой и в раздумье пошевелил пальцами натруженных рук.

И тут появился одинокий последний автомобиль. Почему-то сразу было видно, что он самый-самый последний. Это был старый-престарый «форд», он спустился по горной дороге, под холодным редким дождем, весь укутанный клубами пара. Он торопился изо всех своих сил. Казалось, того и гляди развалится на куски. Завидев Эрнандо, дряхлая машина остановилась — она была ржавая, вся в грязи, радиатор сердито ворчал и шипел.

— Пожалуйста, сеньор, нет ли у вас воды?

За рулем сидел молодой человек лет двадцати в желтом свитере, белой рубашке с распахнутым воротом и в серых штанах. Открытую машину заливал дождь, водитель весь вымок, вымокли и молодые пассажирки — их было пять, они сидели в «фордике» так тесно, что не могли пошевелиться. Все они были очень хорошенькие и старались укрыться от дождя и укрыть водителя старыми газетами. Но то была плохая защита, яркие платья девушек и одежда молодого человека промокли насквозь. И мокрые волосы его прилипли ко лбу. Но никто не обращал внимания на дождь. Никто не жаловался, и это было удивительно. Раньше проезжие всегда жаловались: то им не нравился дождь, то жара, то было слишком поздно, или холодно, или далеко.

Эрнандо кивнул:

— Я принесу воды.

— Ох, пожалуйста, скорее! — воскликнула одна девушка.

Тонкий голосок прозвучал очень испуганно. В нем не слышалось нетерпения, только просьба и страх. И Эрнандо побежал — впервые он заторопился, когда его попросили проезжие, раньше он всегда только замедлял шаг.

Он вернулся, неся крышку от ступицы, полную воды. Эту крышку тоже подарила ему большая дорога. Однажды она залетела к нему на поле — круглая и сверкающая, точно брошенная монета. Автомобиль, с которого она отлетела, скользнул дальше, вовсе и не заметив, что потерял свой серебряный глаз. С тех пор Эрнандо и его жена пользовались этой крышкой для стирки и стряпни, отличный получился тазик.

Наливая воду в радиатор, Эрнандо поглядел на молодые растерянные лица.

— Спасибо вам, спасибо! — сказала одна из девушек. — Вы и не знаете, как вы нас выручили!

Эрнандо улыбнулся:

— Очень много машин проехало за этот час. И все в одну сторону. На север.

Он вовсе не хотел их задеть или обидеть. Но когда он опять поднял голову, все девушки сидели под дождем и плакали. Горько-горько плакали. А молодой человек пытался их успокоить — возьмет за плечи то одну, то другую и легонько встряхнет, а они прикрывают головы газетами, губы у всех дрожат, глаза закрыты, щеки побледнели, и все плачут — одни тихонько, другие навзрыд.

Эрнандо так и застыл, держа в руках крышку, где еще оставалась вода.

— Я не хотел никого обидеть, сеньор, — промолвил он.

— Это ничего, — отозвался водитель.

— А что стряслось, сеньор?

— Вы разве не слышали? — молодой человек обернулся, стиснул одной рукой баранку и подался вперед. — Это все-таки случилось.

Лучше бы он ничего не говорил. Все девушки заплакали еще горше, ухватились друг за дружку, забыв про свои газеты, и дождь заструился по их лицам, мешаясь со слезами.

Эрнандо словно одеревенел. Вылил остатки воды в радиатор. Поглядел на небо — оно было черное, грозное. Поглядел на реку — она вздулась и шумела. Асфальт под ногами стал очень жесткий.

Эрнандо подошел к машине сбоку. Молодой человек взял его за руку и вложил в нее песо. Эрнандо вернул монету.

— Нет, — сказал он. — Я не ради денег.

— Спасибо вам, вы такой добрый, — все еще всхлипывая, сказала одна из девушек. — Ох, мама, папа... я хочу домой, хочу домой... мама, папочка...

Подруги обхватили ее за плечи.

— Я ничего не слышал, сеньор, — тихо сказал Эрнандо.

— Война! — крикнул молодой человек во все горло, как будто кругом были глухие. — Вот она, атомная война, конец света!

— Сеньор, сеньор, — сказал Эрнандо.

— Спасибо вам, спасибо, что помогли, — сказал молодой человек. — Прощайте.

— Прощайте, — сквозь стену дождя сказали девушки; они уже не видели Эрнандо.

Он стоял и смотрел вслед дряхлому «форду», пока тот, дребезжа, спускался в долину. И вот все скрылось из виду — последняя машина, и девушки, и хлопающие на ветру газеты, что они держали над головами.

Еще долго Эрнандо стоял не шевелясь. Ледяные струйки дождя сбежали по его щекам, по пальцам, по домотканым штанам. Он стоял затаив дыхание, весь напрягшись, и ждал.

Он все не сводил глаз с дороги, но она была пуста. «Теперь, пожалуй, она долго не оживет, очень долго», — подумал он.

Дождь перестал. Меж туч проглянуло синее небо. Буря рассеялась за каких-нибудь десять минут, словно чье-то зловонное дыхание. Из чащи потянул душистый ветерок. Слышно было, как легко и вольно течет река. Кустарник ярко зеленел, все дышало свежестью. Эрнандо прошел через поле к своей хижине.

не и поднял плуг. Взялся за рукоятки, поглядел на небо — в вышине уже разгоралось жаркое солнце.

Жена, не переставая молотить кукурузу, окликнула:

— Что случилось, Эрнандо?

— Да так, ничего, — отозвался он.

Направил плуг по борозде и резко крикнул ослу:

— Вперед, бурро!

И, вспахивая тучную землю, они с ослом зашагали по полю, под проясняющимся небом, вдоль глубокой реки.

— «Конец света», — вспомнил вслух Эрнандо. — Как же так — конец?

ЧЕЛОВЕК

Капитан Харт стоял у раскрытого люка ракеты.
— Почему они не идут? — спросил он.

— Откуда мне знать, капитан? — отозвался его помощник Мартин.

— И что же это за место? — спросил капитан, раскуривая сигару. Спичку он швырнул в сияющий луг, и трава загорелась.

Мартин хотел затоптать огонь ботинком.

— Нет, — приказал капитан Харт, — пусть горит. Может быть, они явятся посмотреть, что тут такое, невежи.

Мартин пожал плечами и убрал ногу от расползающегося огня.

Капитан Харт взглянул на часы:

— Вот уже час, как мы приземлились, и что же? Где делегация встречающих, рукопожатия, где оркестр? Никого! Мы пролетели миллионы миль в космосе, а прекрасные граждане какого-то глупого городка на какой-то неведомой планете не обращают на нас внимания! — Он фыркнул, постучав пальцем по часам. — Что ж, даю им еще пять минут, а затем...

— И что затем? — спросил Мартин, неизменно вежливый Мартин, наблюдая за тем, как трясутся отвислые щеки капитана.

— Мы пролетим над их проклятым городом еще раз и напугаем их до смерти. — Голос его стал тише. — Мартин, может быть, они не видели, как мы приземлились?

— Видели. Они смотрели на нас, когда мы пролетали над городом.

— Почему же они не бегут сюда по лугу? Может быть, они спрятались? Они что, трусили?

Мартин покачал головой:

— Нет. Возьмите бинокль, сэр. Посмотрите сами. Они бродят вокруг. Но они не напуганы. Они... ну, похоже, что им все равно.

Капитан Харт прижал бинокль к усталым глазам. Мартин взглянул на него, отметив на его лице морщины раздражения, усталости, непонимания. Казалось, Харту уже миллион лет. Он никогда не спал, мало ел и заставлял себя двигаться все дальше, дальше. А теперь его старые, запавшие губы двигались под биноклем.

— Мартин, я просто не знаю, чего ради мы стараемся. Строим ракеты, расходует силы, чтобы пересечь бездну, ищем их — и что получаем? Пренебрежение. Посмотрите, как эти идиоты бродят с места на место. Неужели они не понимают, какое великое событие только что произошло? Первый космический полет в их глухомань. Часто ли это происходит? Они что, пресыщены?

Мартин не знал.

Капитан Харт устало вернул ему бинокль.

— Зачем все это, Мартин? Я имею в виду космические полеты. Ищем, ищем. Внутри все сжато, и никакого отдыха.

— Может быть, мы ищем мира и покоя. На Земле этого точно нет, — сказал Мартин.

— Вы считаете, нет? — Капитан Харт задумался. — Со времен Дарвина, да? С тех пор как ушло всё, во что мы раньше верили, все ушло за борт, да? Божественное провидение и все такое. Вы считаете, из-за этого мы и летаем к звездам, а, Мартин? Ищем потерянные души, так, что ли? Пытаемся улететь с нашей порочной планеты на другую, чистую?

— Возможно, сэр. Во всяком случае, мы точно чего-то ищем.

Капитан Харт откашлялся, и голос его вновь стал твердым.

— Что ж, в данный момент мы ожидаем мэра города. Бегите туда, расскажите им, что мы — первая космическая экспедиция на планету. Капитан Харт шлет свои приветствия и желает видеть мэра. Вперед!

— Да, сэр. — Мартин медленно зашагал по лугу.

— Быстрее! — рявкнул капитан.

— Да, сэр! — Мартин пустился рысью, а отойдя подальше, снова двинулся не спеша, улыбаясь чему-то своему.

До возвращения Мартина капитан успел выкурить две сигары.

Мартин замер перед раскрытым локтем, покачиваясь, похоже было, что он не в состоянии сфокусировать свой взгляд или связно мыслить.

— Ну? — рявкнул Харт — Что случилось? Они придут приветствовать нас?

Нет — Мартину пришлось прислониться к ракете — у него кружилась голова.

— Почему же?

— Мы не имеем значения, — ответил Мартин. — Капитан, пожалуйста, дайте мне закурить. — Он протянул руку, вслепую нашаривая протянутую пачку, а глаза его, моргая, устремились к золотому городу. Он зажег сигарету и долго молча курил.

— Да скажите же что-нибудь! — вскричал капитан. — Они что, не заинтересовались нашей ракетой?

Мартин произнес:

— Что? Ах, ракета... — Он поглядел на сигарету — Нет, не заинтересовались. Похоже, мы прилетели в неблагоприятное время.

— Неблагоприятное время!

Мартин терпеливо объяснил:

— Послушайте, капитан. Вчера в городе произошло нечто великое. Столь необычайное и великое, что мы оказались жалкими дублерами. Мне нужно сесть. — Он потерял равновесие и тяжело сел, задыхаясь.

Капитан сердито жевал сигару.

— Что произошло?

Мартин поднял голову, дым от сигареты, зажатой в неподвижных пальцах, поплыл по ветру.

— Сэр, вчера в городе появился необычайный человек — добрый, умный, страдающий и бесконечно мудрый!

Капитан гневно воззрился на своего помощника.

— А нам что до него?

— Трудно объяснить. Это человек, которого они ждали веками — миллион лет, наверное. И вот вчера он вошел в их город. Потому-то, сэр, сегодня наша ракета для них абсолютно ничего не значит.

Капитан резко сел.

— Кто же он? Неужели Эшли? Неужели он прилетел раньше нас и украл мою славу? — Он стиснул руку Мартину. Лицо его было бледным, расстроенным.

Не Эшли, сэр

Бертон! Я так и знал. Бертон прокрался вперед нас и испортил нам приземление! Никому нельзя доверять

Не Бертон, сэр, — тихо сказал Мартин

Капитан не мог ему поверить.

Но ведь было всего три ракеты, и мы летели впереди всех. А этот человек, явившийся перед нами, как его зовут?

— У него нет имени. Оно ему и не нужно. На каждой планете его называют по-своему, сэр.

Капитан уставился на Мартина тяжелым недоверчивым взглядом:

— И что же он такого сделал, такого замечательного, что никто и не смотрит на наш корабль?

— Например, — твердо ответил Мартин, — он исцелил больных и утешил неимущих. Он выступил против лицемерия и грязного правления, и он беседовал с народом весь день.

— И что же, это так замечательно?

— Да, капитан.

— Не понимаю. — Капитан всмотрелся Мартину в глаза, в лицо. — Вы не напились, а? — Он отступил на шаг, что-то заподозрив. — Не понимаю.

Мартин посмотрел назад, на город.

— Капитан, если вы не понимаете, я не могу вам объяснить.

Капитан проследил за его взглядом. Город выглядел тихим и прекрасным, и великий покой царил вокруг него. Капитан шагнул вперед, вынув изо рта сигару. Он прищурился, глядя на Мартина, на золотые шпили зданий вдалеке.

— Вы не хотите сказать... неужели вы имеете в виду... этот человек? Не может быть!..

Мартин кивнул:

— Да, сэр, именно это я имею в виду

Капитан замер молча. Потом выпрямился во весь рост:

— Не верю.

В полдень капитан Харт быстро вошел в город, сопровождаемый лейтенантом Мартином и помощником, тащившим приборы. Время от времени капитан разражался громким смехом, уперев руки в бока и покачивая головой.

Их встретил мэр города. Мартин установил треножник, прикрутил к нему коробку и подключил батарейки.

— Вы мэр? — Капитан ткнул в инопланетянина пальцем.

— Да, — ответил мэр.

Между ними стоял замысловатый аппарат, с которым управлялись Мартин и техник. Коробка обеспечивала мгновенный перевод с любого языка. Слова резко падали в ватную тишину города.

— Сначала о вчерашнем, — начал капитан. — Это правда?

— Да.

— У вас есть свидетели?

— Да.

— С ними можно поговорить?

— Говорите с любым из нас, — отвечал мэр — Мы все свидетели.

Капитан тихо шепнул Мартину:

— Массовый гипноз. — И мэру — Как же выглядел этот человек, этот чужестранец?

— Трудно описать, — мэр чуть-чуть улыбнулся.

— Почему же?

— Мнения могут разойтись.

— Что ж, сообщите нам по крайней мере свое, — сказал капитан. — Запишите, — приказал он Мартину через плечо.

Лейтенант нажал на кнопку портативного магнитофона.

— Ну, — начал мэр города, — это был очень добрый и мягкий человек. И он обладает большими познаниями во всем.

— Да-да, я знаю, знаю, — капитан помахал рукой. — Общие слова. Мне нужно нечто осязаемое. Как он выглядел?

— По-моему, это не важно, — отвечал мэр.

— Очень важно, — сурово оборвал его капитан. — Мне необходимо описание внешности этого типа. Если вы не хотите отвечать, я спрошу у других. — И Мартину: — Наверняка это Бертон! Одна из его шуточек, очередной розыгрыш!

Мартин холодно молчал, не глядя на капитана.

Капитан щелкнул пальцами:

— Так что он там делал — исцеления?

— Много исцелений, — подтвердил мэр.

— Могу я увидеть... одного исцеленного?

— Конечно, вот мой сын. — Мэр кивнул маленькому мальчику, и тот шагнул вперед. — У него была отсохшая рука. Теперь — смотрите.

Капитан снисходительно засмеялся:

— Да-да, но ведь это не доказательство. Я же не видел мальчика с отсохшей рукой. Я вижу лишь здоровую руку. Есть ли у вас доказательства того, что вчера у мальчика была больная рука, а сегодня здоровая?

— Мое слово — мое доказательство, — просто отвечал мэр.

— Послушайте! — вскричал капитан. — Вы хотите, чтобы я поверил вам на слово? Ну нет!

— Извините, — сказал мэр, глядя на капитана с выражением, в котором сочетались любопытство и жалость.

— Нет ли у вас изображения мальчика? — спросил капитан.

Через несколько мгновений принесли большой портрет, написанный маслом, на нем был изображен сын мэра с отсохшей рукой.

— Милый мой! — отмахнулся от портрета капитан. — Картину нарисовать может кто угодно. Картины лгут. Мне нужна фотография мальчика.

Фотографий не оказалось. Искусство фотографии было пока неизвестно на этой планете.

— Что ж, — вздохнул капитан, и лицо его задержалось. — Дайте мне поговорить с другими. Так все без толку. — Он ткнул пальцем в какую-то женщину. — Вы. — Она заколебалась. — Вы, вы, подойдите сюда, — приказал капитан. — Расскажите мне об этом чудесном человеке, явившемся к вам вчера.

Женщина смотрела решительно:

— Он ходил среди нас. И он был прекрасен и добр.

— А какого цвета у него глаза?

— Цвета солнца, цвета моря, цвета гор, цвета ночи.

— Достаточно. — Капитан воздел руки к небу. — Поняли, Мартин? Ничего! Какой-то шарлатан бродил по городу, напештывая им в уши сладкие пустяки, и...

— Прекратите, пожалуйста, — попросил Мартин.

Капитан отступил назад:

— Что такое?

— Вы слышали, что я сказал. Мне нравятся эти люди, я им верю. Вы вправе иметь собственное мнение, но держите его при себе, сэр.

— Не смейте так со мной разговаривать! — заорал капитан.

— С меня хватит вашего высокомерия, — отвечал Мартин. — Оставьте их в покое. У них появилось что-то хорошее, доброе, а вы явились в чужое гнездо и гадите в нем, и издеваетесь над ними. А я разговаривал с ними. Я ходил по городу и смотрел на их лица. В них есть нечто такое, чего у вас и быть не может, — вера. Немного простодушной веры, и с ее помощью они горы сдвинут. Вы закипели от злости, потому что кто-то украл ваш триумф, кто-то добрался до них раньше и вы сделали ненужным!

— Я даю вам еще пять секунд, — заметил капитан. — Понимаю. Вы находились под сильным напряжением, Мартин. Целые месяцы в космосе, ностальгия, одиночество. А теперь еще и это. Я вам сочувствую, Мартин. Я не придаю значения вашему мелкому неповиновению.

— А я придаю значение вашему мелкому тиранству, — ответил Мартин. — Я уйду. Я остаюсь здесь.

— Вы не сможете!

— Да неужели? Попробуйте меня остановить. Я ведь затем и прилетел сюда, хотя сам того не знал. Мне это нужно, это для меня. Везите вашу грязь куда-нибудь в другое место, попробуйте нагадить в других гнездах своим сомнением и своим — своим научным методом! — Он быстро огляделся. — У этих людей только что произошло нечто поистине *настоящее*, и нам еще повезло, что мы прилетели сюда почти

вовремя! Неужели вы не можете вдолбить себе в голову, что чудо действительно произошло? На Земле об этом человеке говорили двадцать веков, после того как он прошел по нашему миру. Мы же так хотели увидеть его, услышать его слово, да все не удавалось. А сегодня мы опять упустили его — всего на несколько часов разминулись.

Капитан Харт взглянул на Мартина:

— Да вы плачете, как младенец. Прекратите.

— Мне плевать.

— А мне нет. Перед этими туземцами нужно сохранять выдержку. Вы переутомились. Я прощаю вас.

— Я не нуждаюсь в вашем прощении.

— Глупец! Неужели вы не поняли, что это всего лишь штучки Бертона? Обмануть, надуть, основать свои нефтяные и прочие концерны под религиозным прикрытием! Вы дурак, Мартин. Полнейший дурак! Пора бы уже знать цену землянам. Они способны на все: богохульство, надувательство, ложь, обман, кражу, убийство — лишь бы достичь своей цели. Все хорошо, что сработает. Вы же знаете, Бертон — прагматик, каких мало!

Капитан тяжело вздохнул:

— Ну же, Мартин, признайтесь, именно на такие гнусности и способен Бертон — запутать бедных туземцев да ошипать их дочиста, когда созреют.

— Нет, — произнес Мартин, но уже задумчиво.

Капитан вновь воздел руки к небу:

— Да, клянусь, это был Бертон. Кто же еще? Его грязные, преступные методы. Да, конечно, можно и восхититься. Влетел к ним старый дракон в огне и пламени, окруженный сиянием, тут — доброе слово, там — любящее прикосновение, целительная мазь или заживляющий луч. Бертон, как есть он!

— Нет! — У Мартина упал голос. Он закрыл глаза руками. — Не верю!

— Вы просто не хотите поверить, — настаивал капитан. — Ну признайтесь же. Нечто подобное и способен выкинуть Бертон. Перестаньте видеть сны наяву, Мартин, проснитесь! Уже утро. Вокруг реальный мир, и мы — реальные люди, грязные, конечно, и Бертон грязнее всех!

Мартин отвернулся.

— Ну же, ну, Мартин. — Капитан Харт машинально похлопывал Мартина по спине. — Понимаю, для вас это шок. Стыд, позор и все такое прочее. Бертон — негодяй. Полегче, полегче, я справлюсь, положитесь на меня.

Мартин медленно зашагал к ракете.

Капитан Харт понаблюдал за ним, а потом, глубоко вздохнув, повернулся к женщине:

— Ну расскажите мне еще что-нибудь об этом человеке. Так вы говорили, сударыня?

Позднее, когда офицеры уселись за ужином вокруг маленьких столиков, поставленных на траву возле ракеты, капитан передал Мартину полученные сведения:

— Опросил три дюжины, и все несут ту же белиберду. Работа Бертона, не иначе. Уверен. Через день-другой он свалится сюда, чтобы утвердить свои права и увести у нас из-под носа все контракты. Думаю, надо подождать и испортить ему удовольствие.

Мартин, с красными глазами, мрачно взглянул на него:

— Я убью его.

— Ну-ну, Мартин, мой мальчик!

— Я убью его, помоги мне Боже, убью.

— Ничего, мы его притормозим. Но вы должны признать, что он хитер. Непорядочен, но хитер.

— Негодяй!

— Обещайте мне не предпринимать ничего необдуманного. — Капитан Харт сверился с записями. — Говорят, произошло тридцать чудесных исцелений, слепой стал зрячим, и еще он излечил прокаженного. Да уж, Бертон умеет обделывать свои делишки, в этом ему не откажешь!

Раздался сигнал гонга, и через минуту к капитану подбежал член экипажа:

— Капитан, докладываю! Корабль Бертона идет на посадку! И корабль Эшли, сэр!

— Видите! — Капитан Харт стукнул кулаком по столу. — Вот они, шакалы, явились пожинать плоды! Дождаться не могут! Ну погодите, сейчас они у меня нарвутся! Однако им придется потесниться, чтобы пустить меня на свой пир, — я-то уж их заставлю!

Казалось, Мартина стошнит. Он молча глядел на капитана.

— Дело есть дело, мой милый, — сказал капитан.

Все подняли глаза вверх. Из небес выпали две ракеты.

Приземляясь, они едва не разбились.

— Что там случилось у этих дураков? — вскричал, подпрыгивая, капитан.

Люди уже бежали по дымящемуся лугу к ракетам. Подбежал и капитан. Люк корабля Бертона с треском раскрылся.

Им на руки вывалился человек.

— Что случилось? — вскричал Харт

Человек упал на землю. Они склонились над ним. Он был весь в ожогах. Все тело было покрыто шрамами, ранами и гнойной дымящейся кожей. Он поднял вверх опухшие глаза, и его вздувшийся язык с трудом шевельнулся в разбитых губах.

— Что случилось? — кричал Харт, встав на колени перед умирающим и дергая его за руку.

— Сэр, сэр, — шепнул тот. — Сорок восемь часов назад в секторе 79, недалеко от первой планеты этой системы, наш корабль и корабль Эшли попали в космическую бурю, сэр. — Что-то серое потекло из носа умирающего, изо рта его сочилась кровь. — Все погибли. Вся команда. Бертон мертв. Эшли умер час назад. Трое уцелели.

— Послушайте! — заорал Харт, наклоняясь над истекающим кровью человеком. — Вы впервые тут приземлились?

Молчание.

— Отвечайте!

Умирающий произнес:

— Нет. Буря. Бертон умер два дня назад. Первая посадка за шесть месяцев.

— Вы уверены? — орал Харт, тряся его изо всех сил, стискивая его руки в своих руках. — Уверены?

— Да, — ответили губы умирающего.

— Бертон умер два дня назад? Вы точно знаете?

— Да, да, — прошептал человек.

Голова его упала на грудь. Он был мертв.

Капитан встал на колени возле тела. Лицо капитана скривилось, мышцы непроизвольно сокращались. Члены экипажа отошли в сторону, глядя на него. Мартин ждал. Капитан попросил, чтобы ему помогли встать, и ему помогли. Они повернулись к городу.

— Это значит...

— Это значит?... — переспросил Мартин.

— Это значит, что на эту планету прибыли только мы, — прошептал капитан. — И тот человек...

— Тот человек? — спросил Мартин.

Лицо капитана бессмысленно задергалось. Оно стало старым-престарым и совсем серым. Глаза его остекленели. Капитан сделал шаг вперед по сухой траве.

— Идем, Мартин, идем. Поддержите меня, ради меня самого, поддержите, я боюсь упасть. Нельзя терять времени...

Спотыкаясь, они побрели к городу по высокой сухой траве, навстречу ветру

Через несколько часов они все еще продолжали сидеть в приемной мэра. Тысячи людей побывали здесь, чтобы пого-

ворить с ними. Капитан продолжал сидеть, лицо у него было изможденное, но он все слушал, слушал. Столько света было в лицах тех, кто приходил, подтверждал, рассказывал, что он уже не мог смотреть на них. И все время руки его дергались и ерзали взад-вперед, по коленям, по ремню.

Когда все кончилось, капитан Харт повернулся к мэру и произнес, глядя на него странными глазами:

— Но вы же должны знать, куда он направился?

— Он нам не сказал.

— К какому-то из близлежащих миров? — добивался капитан.

— Не знаю.

— Вы должны знать!

— Вы видите его? — мэр указал на толпу.

Капитан огляделся:

— Нет.

— Тогда он, наверное, ушел.

— Наверное, наверное! — слабым голосом вскричал капитан. — Я допустил кошмарную ошибку, и я хочу видеть его — сейчас! До меня только теперь дошло, что произошло величайшее событие в истории. Подумать только, мы оказались причастны к такому! Существует один шанс из миллиардов, что мы прилетели на одну планету из миллионов через день после его посещения! Вы должны знать, куда он ушел.

— Каждый находит его сам, — мягко ответил мэр.

— Вы спрятали его! — Лицо капитана медленно исказилось, вернулось что-то прежнее, суровое. Капитан начал медленно подниматься.

— Нет, — отвечал мэр.

— Где он? — Пальцы капитана задержались у кожаного футляра, висевшего справа на поясе.

— Не могу вам точно сказать.

— А ну, говорите, да поживее! — И капитан вынул из кобуры оружие.

— Ничего не могу вам сказать.

— Лжец!

На лице мэра, не сводившего глаз с Харта, появилось выражение жалости.

— Вы устали, — сказал он. — Вы долго путешествовали, и вы прилетели от людей, которые давно уже живут без веры и тоже устали. А теперь вам так хочется веры, что вы сами себе мешаете. Если вы совершите убийство, вам будет труднее. Так вы его никогда не найдете.

— Куда он ушел? Ведь он сказал вам, и вы знаете. Ну же, говорите! — Капитан поднял оружие.

Мэр покачал головой.

— Скажите мне! Скажите мне!

Раздался выстрел — всего один. Мэр упал, ему ранило руку.

Мартин прыгнул вперед:

— Капитан!

Оружие метнулось в сторону Мартина.

— Не мешать!

Мэр поднял глаза вверх, придерживая раненую руку.

— Уберите оружие. Вы раните самого себя. Вы никогда не верили, а теперь считаете, что можете поверить, и лишь приносите людям вред.

— Вы мне не нужны, — молвил Харт, возвышаясь над мэром. — Я упустил его здесь, разминулся на день. Что ж, полечу дальше. И дальше. И дальше. На следующей планете я разминусь на полдня, потом — на четверть, на два часа, на час, на полчаса, на минуту. Но я догоню его! Слышите? — Он уже орал, склоняясь к лежавшему на полу. Он едва держался на ногах от усталости. — Идемте, Мартин. — Он опустил руку, оружие повисло.

— Нет, я остаюсь здесь.

— Болван! Оставайтесь, если хотите. А я полечу дальше, так далеко, как смогу, со всеми остальными.

Мэр поднял глаза на Мартина:

— Не волнуйтесь за меня, улетайте. Мои раны залечат.

— Я вернусь, — пообещал Мартин. — Я только дойду с ним до ракеты.

Они промчались через весь город. Любому было видно, каких трудов капитану стоило казаться несгибаемым, как в молодые годы. Добравшись до ракеты, он хлопнул по ее обшивке трясушейся рукой. Он убрал оружие. Потом он посмотрел на Мартина:

— Ну, Мартин?

— Да, капитан?

Капитан поднял глаза к небу.

— Вы уверены, что не полетите со мной?

— Нет, сэр. Не полечу.

— Нас ждет великое приключение, ей-Богу. Я найду его!

— Вы решили лететь за ним, сэр? — спросил Мартин.

Лицо капитана сморщилось, он закрыл глаза.

— Да.

— Хотелось бы мне знать...

— Что?

— Сэр, когда вы его найдете — если найдете, — что вы попросите?

— Я... — Капитан заколебался, открыл глаза. Кулаки его сжимались, разжимались. Он минуту размышлял в недоумении, а потом заулыбался странной улыбкой. — Я... я попрошу у него немного мира и покоя. — Он прикоснулся к ракете. — Давно, давно уже я не... не мог расслабиться.

— А вы когда-нибудь пытались, капитан?

— Не понимаю, — сказал капитан Харт.

— Неважно. Прощайте, капитан.

— Прощайте, Мартин.

Команда стояла у входа. Лишь трое решили лететь вместе с Хартом. Семеро оставались здесь, с Мартином.

Капитан Харт оглядел их и выдал свое заключение:

— Глупцы!

Он влез в люк последним, быстро отдал честь, резко рассмеялся. Крышка люка захлопнулась.

Ракета поднялась в небо, подобно огненной колонне.

Мартин смотрел на нее, пока она не скрылась из виду.

На другом конце луга стоял мэр в окружении нескольких сограждан. Он поманил Мартина рукой.

— Улетел, — сказал Мартин, подойдя к мэру.

— Да, улетел, бедняга, — отозвался мэр. — Так и будет летать, с планеты на планету, неустанно ища, и вечно, вечно будет опаздывать — на час, на полчаса, на десять минут, на минуту. Наконец он опоздает всего на несколько секунд. А когда он облетит три сотни миров и ему будет семьдесят или восемьдесят лет, он упустит *его* на долю секунды, а потом еще на долю секунды. И так и будет летать, думая, что вот-вот поймает то, что он оставил здесь, на нашей планете, в нашем городе, сейчас...

Мартин смотрел мэру прямо в глаза, и мэр протянул ему руку.

— Да разве можно в нем сомневаться? — Он поманил за собой остальных и повернулся к городу лицом. — Идемте. Нас ждут. Он там.

И они вошли в город.

НЕСКОНЧАЕМЫЙ ДОЖДЬ

Дождь продолжался — жестокий, нескончаемый дождь, нудный, изнурительный дождь; ситничек, косохлест, ливень, слепящий глаза, хлопающий в сапогах; дождь, в котором тонули все другие дожди и воспоминания о дождях. Тонны, лавины дождя кромсали заросли и секли деревья, долбили почву и смывали кусты. Дождь морщил руки людей наподобие обезьяньих лап; он сыпался твердыми стеклянными каплями: и он лил, лил, лил...

— Сколько еще, лейтенант?

— Не знаю. Миля. Десять миль, тысяча.

— Вы не знаете точно?

— Как я могу знать точно?

— Не нравится мне этот дождь. Если бы только знать, сколько еще до Солнечного Купола, было бы легче.

— Еще час, самое большее — два.

— Вы в самом деле так думаете, лейтенант?

— Конечно.

— Или лжете, чтобы нас подбодрить?

— Лгу, чтобы вас подбодрить. Хватит, поговорили!

Двое сидели рядом. Позади них — еще двое, мокрые, усталые, обмякшие, как размытая глина под ногами.

Лейтенант поднял голову. Когда-то его лицо было смуглым, теперь кожа выцвела от дождя; выцвели и глаза, стали белыми, как его зубы и волосы. Он весь был белый, даже мундир побелел, если не считать зеленоватого налета плесени.

Лейтенант чувствовал, как по щекам бегут струи воды.

— Сколько миллионов лет прошло, как здесь, на Венере, прекратились дожди?

— Не острите, — сказал один из второй двойки. — На Венере всегда идет дождь. Всегда. Я жил здесь десять лет, и ни на минуту, ни на секунду не прекращался ливень.

— Все равно что под водой жить. — Лейтенант встал и поправил свое оружие. — Что ж, пошли. Мы найдем Солнечный Купол.

— Или не найдем, — заметил циник.

— Еще час или около этого.

— Вы меня обманываете, лейтенант.

— Нет, я обманываю самого себя. Бывают случаи, когда надо лгать. Моим силам тоже есть предел.

Они двинулись по тропе сквозь заросли, то и дело поглядывая на свои компасы. Кругом — никаких ориентиров, только компас знал направление. Серое небо и дождь, заросли и тропа и где-то далеко позади — ракета, на которой они летели и вместе с которой упали. Ракета, в которой лежали два их товарища — мертвые, омываемые дождем.

Они шли гуськом, не говоря ни слова. Показалась река — широкая, плоская, бурая. Она текла в Великое море. Дождевые капли выбивали на ее поверхности миллиарды кратеров.

— Давайте, Симмонс.

Лейтенант кивнул, и Симмонс снял со спины небольшой сверток. Химическая реакция превратила сверток в лодку. Следуя указаниям лейтенанта, они срубили толстые сучья и быстро смастерили весла, после чего поплыли через поток, торопливо гребя под дождем.

Лейтенант ощущал холодные струйки на лице, на шее, на работающих руках. Холод просачивался в легкие. Дождь бил по ушам и глазам, по икрам.

— Я не спал эту ночь, — сказал он.

— А кто спал? Кто? Когда? Сколько мы ночей спали? Тридцать ночей — что тридцать дней! Кто может спать, когда по голове хлещет, барабанит дождь... Все бы отдал за шляпу. Любую, лишь бы перестало стучать по голове. У меня головная боль. Вся кожа на голове воспалена, так и саднит.

— Черт меня занес в этот Китай, — сказал другой.

— Впервые слышу, чтобы Венеру называли Китаем.

— Конечно. Вспомните древнюю пытку. Тебя приковывают к стене. Каждые полчаса на тебя падает капля воды. И ты теряешь рассудок от одного ожидания. То же самое здесь, только масштабом побольше. Мы не созданы для воды. Мы не можем спать, не можем как следует дышать, мы на границе помешательства от того, что без конца ходим мокрые. Будь мы готовы к аварии, запаслись бы непромокаемой одеждой и шлемами. Главное, по голове все барабанит и барабанит. Тяжелый такой... Словно картечь. Я не выдержу долго.

— Эх, где Солнечный Купол! Кто их придумал, тот знал свое дело.

Плывя через реку, они думали о Солнечном Куполе, который ждал где-то в зарослях, ослепительно сияя под дождем. Желтое строение, круглое, светящееся, яркое, как солнце. Пятнадцать футов в высоту, сто футов в поперечнике; тепло, тихо, горячая пища, никакого дождя. А в центре Солнечного Купола, само собой, — солнце. Небольшой свободно парящий шар желтого пламени под самым сводом, и ты можешь его видеть отовсюду, сидя с книгой или сигаретой, или с чашкой горячего шоколада, в котором плавают сливки. Оно ждет их, золотистое солнце, на вид такое же, как земное — ласковое, немеркнувшее; и на то время, что ты празднично проводишь в Солнечном Куполе, можно забыть о дождливом мире Венеры.

Лейтенант обернулся и посмотрел на своих товарищей, что скрипя зубами налегали на весла. Они были белые, как грибы, — как он сам. Венера все обесцвечивает за несколько месяцев. Даже лес казался огромной декорацией из кошмара. Откуда ему быть зеленым без солнца, в вечном сумраке, под нескончаемым дождем? Белые-белые заросли; бледные, как плавленый сыр, листья; стволы, будто ножки гигантских поганок; почва, словно из влажного камамбера... Впрочем, не так-то просто увидеть почву, когда под ногами потоки, ручьи, лужи, а впереди пруды, озера, реки и, наконец, море.

— Есть!

Они выскочили на раскисший берег, шлепая по воде. Выпустили газ из лодки и сложили ее в коробку. Потом, стоя под дождем, попытались закурить. Минут пять, если не больше, бились они, дрожа, над зажигалкой, затем, пряча сигареты в ладони, сделали несколько затяжек. В следующий миг табак уже раскис, и тяжелые капли выбили сигареты из сжатых губ.

Они пошли дальше.

— Стой, минутку, — сказал лейтенант. — Мне показалось, что я что-то увидел.

— Солнечный Купол?

— Я не уверен. Дождь не дал разглядеть.

Симмонс побежал вперед:

— Солнечный Купол!

— Назад, Симмонс!

— Солнечный Купол!

Он исчез за дождевыми струями. Остальные ринулись вдогонку.

Они догнали его на прогалине и стали как вкопанные, глядя на него и его находку.

— Ракета...

Она лежала там, где они ее покинули. Выходит, они кружили и очутились в том самом месте, откуда начали свой долгий

путь... Среди обломков лежали двое погибших, изо рта у них росла зеленоватая плесень. На глазах космонавтов плесень расцвела, но дождь сбил лепестки, и плесень увяла.

— Как же это случилось?

— Видно, поблизости прошла электрическая буря. Она испортила наши компасы. В этом все дело.

— Верно.

— Что же делать теперь?

— Идти снова.

— Черт возьми, мы топтались на месте!

— Ладно, Симмонс, постарайся взять себя в руки.

— В руки, в руки! Этот дождь сведет меня с ума!

— У нас хватит еще продуктов дня на два, если быть экономными.

Дождь плясал по их коже, по мокрой одежде; струи дождя бежали с кончика носа, с ушей, с пальцев, колен. Они были словно заброшенные в дебрях каменные бассейны; из каждой поры сочилась вода.

Вдруг издали донесся грозный рев.

Из пелены дождя вынырнуло чудовище.

Чудовище опиралось на тысячу голубых электрических ног. Оно приближалось быстро и неотвратно. Каждый его шаг был как удар с плеча. Там, где ступали голубые ноги, деревья падали и сгорали. Могучие вихри озона заполнили влажный воздух, дым метался во все стороны, разбиваемый дождем. Чудовище было длиной с полмили, вышиной — с милю, оно ощупывало землю, словно слепой исполин. Иногда, на короткое мгновение, оно оказывалось совсем без ног. В следующий миг из его брюха вырывались тысячи хлыстов, которые беспощадно жалили заросли.

— Электрическая буря, — сказал один из четверки. — Она вывела из строя компасы. Теперь идет на нас.

— Ложись! — приказал лейтенант.

— Бегите! — заорал Симмонс.

— Не дурите. Ложитесь. Она бьет в самые высокие точки. Мы еще можем спастись. Ложитесь не ближе пятидесяти футов от ракеты. Глядишь, потратит на нее весь свой заряд, а нас минует. Живей!

Они шлепнулись наземь.

— Идет? — почти сразу послышался вопрос.

— Идет.

— Приблизилась?

— Осталось двести ярдов.

— А сейчас?

— Вот она!

Чудовище повисло над ними. Оно обронило десять голубых стрел-молний, и они вонзились в ракету. Ракета вздрогнула, точно гонг от удара, и издала глухой металлический звук. Чудовище обронило еще пятнадцать стрел. Они плясали в причудливой пантомиме, поглаживая деревья и мокрую землю.

— А-а! — Один из космонавтов вскочил на ноги.

— Ложись, идиот! — крикнул лейтенант.

— А-а!

Еще десяток молний поразили ракету. Лейтенант повернул лежащую на руке голову и увидел ослепительно голубые вспышки. Он видел, как раскалываются вдребезги деревья. Он видел, как чудовищное темное облако, словно черный диск, повернуло над ними и метнуло вниз сотню электрических стрел.

Тот, что вскочил на ноги, теперь бежал, будто в огромном зале с колоннами. Он метался, петлял среди колонн, но они вдруг рухнули и послышался такой звук, словно муха села на раскаленную проволоку-ловушку. Такие ловушки были дома на ферме лейтенанта в годы его детства. Три товарища услышали запах человека, обращенного в золу.

Лейтенант спрятал лицо.

— Не поднимать головы! — распорядился он.

Он боялся, что вот-вот сам вскочит и побежит.

Озарив лес еще десятком молний, буря двинулась дальше. Снова кругом был один сплошной дождь. Он быстро унес запах горелого, и три товарища сели, ожидая, когда утомится отчаянно колотящееся сердце.

Потом они пошли к телу, надеясь, что еще можно вернуть его к жизни. Они не могли смириться с мыслью, что уже ничего нельзя сделать. Это была естественная реакция людей, которые не хотят признать смерть, пока не убедятся, пока не коснутся ее и не решат — хоронить или предоставить это быстро поднимающейся поросли.

Тело было словно скрученная сталь, обернутая сожженной кожей. Будто восковая кукла, которую бросили в печь и извлекли из огня, когда лишь тонкая пленка воска осталась на обугленном скелете. Только зубы не почернели, и они сверкали, как причудливый белый браслет, зажатый в черном кулаке.

— Зачем он вскочил...

Они сказали это почти одновременно.

На глазах у них тело стало исчезать под покровом растений. Вьюнки, плющ, даже цветы для покойного...

Буря, шагая на голубых ходулях, исчезла вдали.

Они пересекли реку, ручей, поток и еще дюжину рек, ручьев, потоков. Реки, новые реки рождались у них на глазах, а старые меняли русла: реки цвета ртути, реки цвета серебра и молока.

Они вышли к морю.

Великое море... На Венере был всего один материк. Он простирался на три тысячи миль в длину и на тысячу в ширину, окруженный со всех сторон Великим морем, покрывающим всю остальную часть дождливой планеты. Великое море лениво лизало бледный берег.

— Нам туда. — Лейтенант кивнул на юг. — Я уверен, что в той стороне находятся два Солнечных Купола.

— Раз уж начали, почему сразу не построили еще сотню?

— Всего их на острове сто двадцать штук, верно?

— К концу прошлого месяца было сто двадцать шесть. Год назад на конгрессе на Земле предложили построить еще двести десятка, да только сами знаете, как сложно с ассигнованиями. Пусть лучше несколько человек свихнутся от дождя.

Они зашагали на юг.

Лейтенант, Симмонс и третий космонавт, Пикар, шагали под дождем, который шел то реже, то гуще, то реже, то гуще; под ливнем, который хлестал и лил, и не переставая барабанил по суше, по морю и по идущим людям.

Симмонс первый заметил его.

— Вот он!

— Что там?

— Солнечный Купол!

Лейтенант моргнул, стряхивая с век влагу, и заслонил глаза сверху рукой, защищая их от хлестких капель.

Поодаль, у моря, на краю леса, что-то желтело. Да, это он — Солнечный Купол!

Люди улыбались друг другу.

— Похоже, вы были правы, лейтенант.

— Удача!

— От одного вида сил прибавляется. Вперед! Кто первый? Последний будет сукин сын! — Симмонс затрусил по лужам. Остальные механически последовали его примеру. Они устали, запыхались, но скорость не сбавляли.

— Вот когда я кофе напьюсь, — пропыхтел, улыбаясь, Симмонс. — А булочки с изюмом — это же объединение! А потом лягу, и пусть солнышко печет... Тому, кто изобрел Солнечные Купола, орден надо дать!

Они побежали быстрее, желтый свет стал ярче.

— Наверно, сколько людей тут помешалось, пока не появились убежища. А что! Очень просто. — Симмонс отрывисто выдыхал слог. — Дождь, дождь! Несколько лет назад. Встретил приятеля. Моего друга. В лесу. Бродит вокруг. Под дождем. И все твердит: «Сам не знаю, как войти, из-за дождя. Сам не знаю, как войти, из-за дождя. Сам не знаю...» И так далее. Без конца. Рехнулся, бедняга.

— Береги дыхание!

Они продолжали бежать.

Они смеялись на бегу и смеясь достигли двери Солнечного Купола.

Симмонс рывком распахнул дверь.

— Эгей! — крикнул он. — Где булочки и кофе, подавайте их сюда!

Никто не отозвался.

Они шагнули внутрь.

В Солнечном Куполе было пусто и темно. Ни желтого искусственного солнца, парящего в прозрачной мгле в центре голубого свода, ни накрытого стола. Холодно, словно в склепе, а сквозь тысячи отверстий в своде пробивался дождь. Струи падали на ковры и мягкие кресла, разбивались о стеклянные крышки столов. Густые заросли, словно исполинский мох, покрывали стены, верх книжного шкафа, диваны. Крупные капли, срываясь сверху, хлестали по лицам людей.

Пикар тихонько рассмеялся.

— Пикар, прекратить!

— Господи, вы только посмотрите: ни солнца, ни пищи — ничего. Венески — это их рук дело! Конечно!

Симмонс кивнул, роняя капли со лба. Вода бежала по его серебристым волосам и белесым бровям.

— Время от времени венески выходят из моря и нападают на Солнечный Купол. Они знают, что если уничтожат Купола, то могут нас погубить.

— Но разве наша охрана не вооружена?

— Конечно. — Симмонс шагнул на относительно сухой колок пола. — Но с последнего нападения прошло пять лет. Бдительность ослабла, и они захватили здешнюю охрану врасплох.

— Где же тела?

— Венески унесли их с собой, в море. У них, говорят, есть свой способ топить пленников. Медленный способ, вся процедура длится около восьми часов. Просто очаровательно.

— Держу пари, что не осталось ни крошки еды, — усмехнулся Пикар.

Лейтенант неодобрительно взглянул на него, потом сделал многозначительный жест Симмонсу. Симмонс покачал головой и зашел в помещение, расположенное у стены. Там была кухня. Раскисшие буханки хлеба беспорядочно валялись на полу, мясо обросло нежно-зеленой плесенью. Из множества дыр в потолке струился дождь.

— Восхитительно. — Лейтенант смотрел на дыры. — Боюсь, нам вряд ли удастся законопатить это сито и навести порядок.

— Без продуктов? — Симмонс фыркнул. — К тому же солнечные генераторы разбиты вдребезги. Лучшее, что можно при-

думать, — идти до следующего Солнечного Купола. Сколько до него отсюда?

— Недалеко. Помнится, как раз тут поставили два Купола очень близко один от другого. Если обождать здесь, может подойти спасательный отряд...

— Наверно, они уже приходили и ушли. Месяцев через шесть пришлют ремонтную бригаду — когда поступят средства от конгресса. Нет, уже лучше не ждать.

— Ладно. Съедем остатки нашего рациона и пойдем.

— Если бы только дождь перестал колотить меня по голове, — заговорил Пикар. — Хоть на несколько минут. Просто чтобы я вспомнил, что такое покой.

Он сжал голову обеими руками.

— Помню, в школе за мной сидел один изверг и щипал, щипал, щипал меня каждые пять минут. И так весь день. Это длилось неделями, месяцами. Мои руки были в синяках, кожа вздулась. Я думал, что сойду с ума от этого щипания. И он меня довел. Кончилось тем, что я действительно взбесился от боли, схватил металлический треугольник для черчения и чуть не убил этого ублюдка. Чуть не отсек ему башку, чуть не выколол глаза, меня еле от него оторвали. И все время кричал: «Чего он ко мне пристает?» Господи! — Дрожащие руки все сильнее стискивали голову, глаза были закрыты. — А что я могу сделать сейчас? Кого ударить, кому сказать, чтобы перестал, оставил меня в покое. Дождь, проклятый дождь не дает передышки, щиплет и щиплет, только и слышно, только и видно, что дождь, дождь, дождь!

— К четырем часам мы будем у следующего Солнечного Купола.

— Солнечного Купола? Такого же, как этот?! А если они все разгромлены? Что тогда? Если во всех куполах дыры и отовсюду хлещет дождь?!

— Что ж, попытаем счастья.

— Мне надоело пытаться счастья. Все, что я хочу, — крыша над головой и хоть чуточку покоя. Хочу побыть один.

— Туда всего восемь часов хорошего хода.

— Не беспокойтесь, я не отстану. — Пикар рассмеялся, отводя взгляд.

— Давайте поедим, — сказал Симмонс, пристально наблюдая за ним.

Они снова пошли вдоль побережья на юг. На пятом часу пути им пришлось свернуть, так как дорогу преградила река, настолько широкая и бурная, что на лодке не одолеть. Они поднялись на десять километров вверх по реке и увидели, что

она бьет из земли, словно кровь из смертельной раны. Обойдя исток, они под непрекращающимся дождем снова спустились к морю.

— Я должен поспать, — сказал Пикар, оседая на землю. — Четыре недели не спал. Ни минуты не уснул... Спать, здесь...

Небо стало темнее. Надвигалась ночь, а на Венере ночью царит такой мрак, что опасно двигаться. У Симмонса и лейтенанта тоже подкашивались ноги.

Лейтенант сказал:

— Ладно, попробуем. Может быть, на этот раз получится. Хотя эта погода не очень-то благоприятствует сну.

Они легли, подложив руки под головы так, чтобы вода не захлестывала рот и закрытые глаза. Лейтенанта трясло

Он не мог уснуть.

Что-то ползало по нему. Что-то словно обтягивало его живой, колющейся пленкой. Капли, падая, соединялись с другими каплями, и получались струйки, которые просачивались сквозь одежду и щекотали кожу. Одновременно на ткань садились, тут же пуская корни, маленькие растения. А вот уж и плещ обвивает все тело плотным ковром; он чувствовал, как крохотные цветы образуют бутоны, раскрываются и роняют лепестки. А дождь все барабанил по голове. В призрачном свете — растения флуоресцировали в темноте — он видел фигуры своих товарищей; будто упавшие стволы, покрытые бархатным ковром трав и цветов. Дождь хлестал по его шее. Он повернулся в грязи и лег на живот, на липкие растения; теперь дождь хлестал по спине и ногам.

Он вскочил на ноги и стал лихорадочно стряхивать с себя воду. Тысячи рук трогали его, но он не мог больше выносить, чтобы его трогали. Содрогаясь, он что-то задел. Ну конечно, Симмонс стоял под струями дождя, дрожа, чихая и кашляя. В тот же миг вскочил и Пикар и с криком заметался вокруг них.

— Пойдите, Пикар.

— Прекратите! Прекратите! — кричал Пикар. Потом схватил ружье и выпустил в ночное небо шесть зарядов.

Каждая вспышка освещала полчища дождевых капель, которые на миг застыли в воздухе, словно ошеломленные выстрелами, — пятнадцать миллиардов капель, пятнадцать миллиардов слез, пятнадцать миллиардов бусинок или драгоценных камней на фоне белого бархата витрины. Свет гас, и капли, что задерживали свой полет, чтобы их могли запечатлеть, падали на людей, жали их, словно рой насекомых, воплощение холода и страданий.

— Прекратите! Прекратите!

— Пикар!

Но Пикар вдруг будто онемел. Он не метался больше, стоял неподвижно. Лейтенант осветил фонариком его мокрое лицо: Пикар, широко раскрыв рот и глаза, смотрел вверх, дождевые капли разбивались о его язык и глазные яблоки, булькали пеной в ноздрах.

— Пикар!

Он не отвечал и не двигался. Влажные пузырьки лопались на его белых волосах, по шее и кистям рук катились прозрачные алмазы.

— Пикар! Мы уходим. Идем дальше. Пошли!

Крупные капли срывались с его ушей.

— Слышишь, Пикар!

Он точно окаменел.

— Оставьте его, — сказал Симмонс.

— Мы не можем уйти без него.

— А что же делать, нести его? — Симмонс сплюнул. — Поздно: он уже не человек... Знаете, что будет дальше? Он так и будет стоять, пока не захлебнется.

— Что?

— Неужели вы не слышали об этом? Пора уже знать. Он будет стоять задржав голову, чтобы дождь лил ему в рот и нос. Будет вдыхать воду.

— Не может быть!

— Так было с генералом Ментом. Когда его нашли, он сидел на утесе, запрокинув голову, и дышал дождем. Легкие были полны воды.

Лейтенант снова осветил немигающие глаза. Ноздри Пикара тихо шипели.

— Пикар! — Лейтенант ударил ладонью по его безумному лицу.

— Он ничего не чувствует, — продолжал Симмонс. — Несколько дней под таким дождем, и любой перестанет ощущать собственные руки и ноги.

Лейтенант в ужасе поглядел на свою руку. Она онемела.

— Но мы не можем бросить Пикара.

— Вот все, что мы можем сделать. — Симмонс выстрелил. Пикар упал на затопленную землю.

— Спокойно, лейтенант, — сказал Симмонс. — В моем пистолете найдется заряд и для вас. Спокойно. Подумайте как следует: он все равно стоял бы так до тех пор, пока не захлебнулся бы. Я сократил его мучения.

Лейтенант скользнул взглядом по распростертому телу:

— Вы убили его.

— Да. Иначе он погубил бы нас всех. Вы видели его лицо. Он помешался.

Помолчав, лейтенант кивнул:

— Это верно.

И они пошли дальше под ливнем.

Было темно, луч фонарика проникал в стену дождя лишь на несколько футов. Через полчаса они выдохлись. Пришлось сесть и ждать, ждать утра, борясь с мучительным чувством голода. Рассвело: серый день, нескончаемый дождь... Они продолжали путь.

— Мы просчитались, — сказал Симмонс.

— Нет. Через час будем там.

— Говорите громче, я вас не слышу. — Симмонс остановился, улыбаясь. — Уши. — Он коснулся их руками. — Они отказали. От этого бесконечного дождя я онемел весь, до костей.

— Вы ничего не слышите? — спросил лейтенант.

— Что? — Симмонс озадаченно смотрел на него.

— Ничего. Пошли.

— Я лучше обожду здесь. А вы идите.

— Ни в коем случае.

— Я не слышу, что вы говорите. Идите. Я устал. По-моему, Солнечный Купол не в этой стороне. А если и в этой, то, наверно, весь свод в дырах, как у того, что мы видели. Лучше я посижу.

— Сейчас же встаньте!

— Пока, лейтенант.

— Вы не должны сдаваться, осталось совсем немного.

— Видите — пистолет. Он говорит мне, что я останусь. Мне все осточертело. Я не сошел с ума, но скоро сойду. А этого я не хочу. Как только вы отойдете достаточно далеко, я застрелюсь.

— Симмонс!

— Вы произнесли мою фамилию, я вижу по губам.

— Симмонс.

— Поймите, это всего лишь вопрос времени. Либо я умру сейчас, либо через несколько часов. Представьте себе, что вы дошли до Солнечного Купола, — если только вообще дойдете, — и находите дырявый свод. Вот будет приятно!

Лейтенант подождал, потом зашлепал по грязи. Отойдя, он обернулся и окликнул Симмонса, но тот сидел с пистолетом в руке и ждал, когда лейтенант скроется. Он отрицательно покачал головой и махнул: уходите.

Лейтенант не услышал выстрела.

На ходу он стал рвать цветы и есть их. Они не были ядовитыми, но и не прибавили ему сил: немного погода его вывернуло наизнанку.

Потом лейтенант нарвал больших листьев, чтобы сделать шляпу. Он уже пытался однажды; и на этот раз дождь быстро размыл листья. Стоило сорвать растение, как оно немедленно начинало гнить, превращаясь в сероватую аморфную массу.

— Еще пять минут, — сказал он себе, — еще пять минут, и я войду в море. Войду и буду идти. Мы не приспособлены к такой жизни, ни один человек Земли никогда не сможет к этому привыкнуть. Ох, нервы, нервы...

Он пробился через море листья и влаги и вышел на небольшой холм.

Впереди, сквозь холодную мокрую завесу, угадывалось желтое сияние.

Солнечный Купол.

Круглое желтое строение за деревьями, поодаль. Он остановился и, качаясь, смотрел на него.

В следующее мгновение лейтенант побежал, но тут же замедлил шаг. Он боялся. Он не звал на помощь. Вдруг это тот же Купол, что накануне. Мертвый Купол без солнца?

Он поскользнулся и упал. «Лежи, — думал он, — все равно ты не туда забрел. Лежи. Все было напрасно. Пей, пей, доволь».

Но лейтенант заставил себя встать и идти вперед, через бесчисленные ручьи. Желтый свет стал совсем ярким, и он опять побежал. Его ноги давили стекла и зеркала, руки рассыпали бриллианты.

Он остановился перед желтой дверью. Надпись: «Солнечный Купол». Он потрогал дверь онемевшей рукой. Повернул ручку и тяжело шагнул вперед.

На пороге он замер, осматриваясь. Позади него в дверь барабанил ливень. Впереди, на низком столике, стояла серебряная кастрюлька и полная чашка горячего шоколада с расплывающимися на поверхности густыми сливками. Рядом на другом подносе — толстые бутерброды с большими кусками цыпленка, свежими помидорами и зеленым луком. На вешалке, перед самым носом, висело большое мохнатое полотенце; у ног стоял ящик для мокрой одежды; справа была кабина, где горячие лучи мгновенно обсушивали человека. На кресле — чистая одежда, приготовленная для случайного путника. А дальше кофе в горячих медных кофейниках, патефон, тихая музыка, книги в красных и коричневых кожаных переплетах. Рядом с книжным шкафом — кушетка, низкая, мягкая кушетка, на которой так хорошо лежать в ярких лучах того, что в этом помещении самое главное.

Он прикрыл глаза рукой. Он успел заметить, что к нему идут люди, но ничего не сказал. Выждав, открыл глаза и снова стал смотреть. Вода, стекая с одежды, собралась в лужу у его ног; он чувствовал, как высыхают его волосы, и лицо, грудь, руки, ноги.

Он смотрел на солнце.

Оно висело в центре купола — большое, желтое, яркое.

Оно светило бесшумно, и во всем помещении царил полная тишина. Дверь была закрыта, и только обретающая чувствительность кожа еще помнила дождь. Солнце парило высоко под голубым сводом, ласковое, золотистое, чудесное.

Он пошел вперед, срывая с себя одежду.

КОСМОНАВТ

Над темными волосами мамы, освещая ей путь, кружил рой электрических светлячков. Она стояла в дверях своей спальни, провожая меня взглядом. В холле царил тишина.

— Ты ведь сможешь мне удержать его дома на этот раз? — спросила она.

— Постараюсь, — ответил я.

— Прошу тебя. — По ее лицу бежали беспокойные блики. — На этот раз мы его не отпустим.

— Ладно, — ответил я, подумав. — Но только ни к чему это, ничего не выйдет.

Она повернулась; светлячки, чертя свои орбиты, летали над ней, подобно блуждающему созвездию, и светили ей во тьме. Я услышал, как она тихо говорит:

— Во всяком случае, попробуем.

Другие светлячки проводили меня в мою комнату. Я лег, в кровати замкнулась цепь, и тотчас светлячки погасли.

Полночь. Мы с матерью, разделенные невесомым мраком, ждем, каждый в своей комнате. Кровать, тихо напевая, стала меня укачивать. Я нажал выключатель; пение и качание прекратились. Я не хотел спать, я совсем не хотел спать.

Эта ночь ничем не отличалась от множества других памятных для нас ночей. Сколько раз мы лежали, бодрствуя, и вдруг ощущали, как прохладный воздух становится жарким, как ветер несет огонь, или видели, как стены на миг озаряются ярким сполохом. И мы знали, что в эту секунду над домом проходит его ракета. Его ракета летела над домом, и дубы гнулись от воздушного вихря. Я лежал, широко раскрыв глаза и часто дыша, и слышал мамин голос в радиophone:

— Ты почуствовал?

И я отвечал:

— Да-да, это он.

Пройдя над нашим городом, маленьким городком, где никогда не садились космические ракеты, корабль моего отца летел дальше, и мы лежали еще два часа, думая: «Сейчас отец садится в Спрингфилде, сейчас он сошел на гудронную дорожку, сейчас подписывает бумаги, сейчас он на вертолете, пролетает над рекой, над холмами, сейчас сажает вертолет в нашем маленьком аэропорту Грин-Виллидж...» Вот уже половина ночи прошла, а мы с матерью, каждый в своей неуютной кровати, все слушаем, слушаем. «Сейчас идет по Белл-стрит. Он всегда идет пешком... не берет машину... сейчас проходит парк, угол Оукхерст, и сейчас...»

...Я поднял голову с подушки. На улице, все ближе и ближе, легкие, торопливые, нетерпеливые шаги. Вот свернули к дому... вверх по ступенькам террасы... И мы оба, мама и я, улыбнулись в прохладном мраке, слыша, как внизу, узнав хозяина, отворяется наружная дверь, что-то негромко говорит, приветствуя, и снова затворяется.

Три часа спустя я тихонько, затаив дыхание, повернул блестящую ручку их двери, прокрался в безбрежной, как космос между планетами, тьме и протянул руку за маленьким черным ящиком, что стоял у кровати родителей, в ногах. Есть! И я бесшумно побежал к себе, думая: «Он ведь все равно ничего не расскажет, не хочет, чтобы я знал».

И вот из открытого ящичка струится черный костюм космонавта — будто черная туманность с редкими стежками далеких звезд. Я мял в горячих руках темную ткань и вдыхал ароматы планет: Марса — запах железа, Венеры — благоухание зеленого плюща, Меркурия — огонь и сера; я обонял молочную луну и жесткость звезд. Потом я положил костюм в центрифугу, которую собрал недавно в школьной мастерской, и пустил ее.

Вскоре в реторте осела тонкая пыль. Я поместил ее под окуляр микроскопа.

Родители безмятежно спали, весь дом спал, автоматические пекари, механические слуги и уборщики-роботы погрузились в свой электрический сон; а я смотрел, смотрел на сверкающие крупинки метеорной пыли, кометных хвостов и глины с далекого Юпитера. Они сами были словно далекие миры, и сквозь тубус микроскопа я уходил в полет — миллиарды миль в космосе, фантастические ускорения...

На рассвете, устав путешествовать и боясь, что пропажу обнаружат, я отнес ящичек на место, в спальню родителей. Потом я уснул, но тут же проснулся от гудка машины под окном. Это приехали из химчистки за костюмом. «Хорошо, что я не стал ждать», — подумал я. Ведь через час костюм

вернется обезличенный, очищенный от всех следов путешествия.

И я опять уснул, а в кармашке пижамы, как раз над бьющимся сердцем, лежал пузырек с магической пылью.

Когда я спустился, отец сидел за столом, завтракал.

— Как спалось, Дуг? — приветствовал он меня, будто все время был дома, будто и не уходил на три месяца в космос.

— Хорошо, — ответил я.

— Гренки?

Он нажал кнопку, и стол поджарил мне четыре ломтя хлеба — румяные, золотистые.

Помню, как отец в тот день работал в саду, все копал и копал, словно искал чего-то. Длинные смуглые руки стремительно двигались, сажая, уминая, привязывая, срезая, обрезая. Смуглое лицо неизменно было обращено к земле. Глаза отца смотрели на то, чем были заняты руки; он ни разу не взглянул на небо или на меня, даже на маму. Лишь когда мы опускались на колени рядом с ним, чтобы ощутить сквозь ткань комбинезона сырость земли, погрузить пальцы в черный перегной и забыть о буйно-голубом небе, он оглядывался влево и вправо, на маму или на меня, и ласково подмигивал, после чего продолжал работать, глядя в землю, все время в землю, и небо видело только его согнутую спину.

Вечером мы сидели на механических качелях на террасе, они нас качали и обдували ветром, и пели нам песни. Было лето, луна, был лимонад, мы держали в руках холодные стаканы, и отец читал стереогазету, вмонтированную в специальную шляпу, которая переворачивала микространицы за увеличительным стеклом, если моргнуть три раза. Отец курил сигареты и рассказывал мне, как он был мальчиком в 1997 году. Немного погодя он, как всегда, спросил:

— Ты почему не гуляешь, не гоняешь ногами банки, Дуг?

Я ничего не ответил, но мать сказала:

— Он гуляет, когда тебя нет дома.

Отец посмотрел на меня, потом, впервые за этот день, на небо. Мать всегда наблюдала за ним, когда он смотрел на звезды. Первый день и первый вечер после возвращения он редко глядел на небо. Я видел его рьяно работающим в саду, лицо будто срослось с землей. На второй день он уже чаще посматривал на звезды. Днем мать не так боялась неба; зато как ей хотелось бы выключить вечерние звезды! Иной раз мне так и казалось, что она мысленно ищет выключатель. Напрасно...

На третий вечер, бывало, мы уже соберемся спать, а отец все еще мешкает на террасе, и я слышал, как мама его зовет —

так она меня звала домой с улицы. И отец, вздохнув, включал фотоэлектрический замок. А на следующее утро, за завтраком, я, глянув вниз, обнаруживал у его ног черный ящичек; мама еще спала.

— Ну, Дуг, до свидания, — говорил он, пожимая мне руку.

— Через три месяца?

— Точно.

И он шел по улице, не садился ни на вертолет, ни на такси, ни на автобус, а просто шел пешком, неся летный костюм неприметно, в сумке под мышкой. Он не хотел, чтобы люди говорили, что он зазнался, став космонавтом.

Часом позже мама спускалась завтракать и съедала ровным счетом один ломтик поджаренного хлеба...

Но сегодня было сегодня, первый вечер, и он почти совсем не глядел на звезды.

— Пойдем на телевизионный карнавал, — предложил я.

— Отлично, — сказал отец.

Мама улыбнулась мне.

И мы поспешили на вертолете в город и повели отца мимо бесчисленных экранов, чтобы его голова, его лицо были с нами, чтобы он больше никуда не глядел. Мы смеялись смешному, серьезно смотрели серьезное, а я все думал: «Мой отец летает на Сатурн, на Нептун, на Плутон, но никогда не приносит мне подарков. Другие мальчики, у которых отцы путешествуют в космосе, показывают товарищам кусочки руды с Каллисто, обломки черных метеоритов, голубой песок. А мне приходится выменивать у них образцы для своей коллекции — песок с Меркурия, марсианские камни, которые наполняют мою комнату, но о которых отец никогда не хочет говорить».

Случалось, — я помнил, — он что-нибудь приносил маме. Раз посадил в нашем дворе подсолнечники с Марса, но через месяц после того, как он ушел в новый полет, когда цветы выросли, мама однажды выбежала во двор и все их срезала.

Мы стояли перед стереоскопическим экраном, и тут я брякнул, не думая, задал отцу вопрос, с которым всегда к нему обращался:

— Скажи, как там, в космосе?

Мама метнула на меня испуганный взгляд. Поздно.

Полминуты отец стоял молча, подыскивая ответ, потом пожал плечами.

— Там... это лучше всего самого лучшего в жизни. — Он осекся. — Да нет, ничего особенного. Рутинка. Тебе бы не понравилось. — Он испытующе посмотрел на меня.

— Но ты всякий раз летишь опять.

— Привычка.

— И куда же ты полетишь теперь?

— Еще не решил. Надо подумать.

Он всегда обдумывал. В те дни космонавтов было мало, он мог сам выбирать, как, куда и когда лететь. Вечером третьего дня после его возвращения вы могли видеть, как он выбирает звезду.

— Пошли, — сказала мама, — пора домой.

Было еще не поздно, и дома я попросил отца надеть форму космонавта. Мне не следовало просить, чтобы не огорчать маму, но я ничего не мог с собой поделать. Я продолжал упрашивать отца, хотя он всегда мне отказывал. Я никогда не видел его в форме. Наконец он сказал:

— Ну ладно.

Мы ждали в гостиной, пока он поднялся наверх по воздушной шахте. Мама печально смотрела на меня, словно не веря, что ее собственный сын может так с ней поступать. Я отвел глаза.

— Прости меня, — сказал я.

— Ты мне ничуть не помогаешь, — произнесла она. — Ничуть.

Мгновение спустя в воздушной шахте послышался шорох.

— Вот и я, — тихо сказал отец.

Мы увидели его в форме.

Костюм был черный, с блестящим отливом. Серебряные пуговицы, серебряные лампасы до каблуков черных ботинок. Казалось, он весь — тело, руки, ноги — вырезан из черной туманности, сквозь которую просвечивают неяркие звездочки.

Костюм облегал тело, как перчатка облекает длинную гибкую руку, от него пахло прохладным воздухом, металлом, космосом. От него пахло огнем и временем.

Отец стоял посреди комнаты, смущенно улыбаясь.

— Повернись, — сказала мама.

Ее глаза, обращенные на него, смотрели куда-то далеко-далеко.

Когда отец бывал в космосе, она совершенно о нем не говорила. Вообще ни о чем не говорила, кроме погоды, моей шеи — дескать, не худо бы вымыть, — или своей бессонницы. Однажды она пожаловалась, что ночь была слишком светлая.

— Но ведь эту неделю ночи безлунные.

— А звезды? — ответила она.

Я пошел в магазин и купил ей новые жалюзи, темнее, зеленее. Ночью, лежа в кровати, я слышал, как она их опускает, тщательно закрывая окна. Долгий шуршащий звук...

Как-то раз я собрался подстричь газон.

— Не надо. — Мама стояла в дверях. — Убери на место косилку.

Так и росла у нас трава по три месяца без стрижки. Отец подстригал ее, когда возвращался домой.

Она вообще не разрешала мне ничего делать — скажем, чинить машину, которая готовила завтрак, или механического чтеца. Она все копила, как копят к празднику. И потом я видел, как отец стучит или паяет, улыбаясь, и мать счастливо улыбается, глядя на него.

Да, без него она о нем совсем не говорила. В свою очередь отец никогда не пытался связаться с нами, перебросить мост через миллионы километров.

Однажды он сказал мне:

— Твоя мать обращается со мной так, словно меня нет, словно я невидимка.

Я сам это заметил. Она глядела мимо него, на его руки, щеки, только не в глаза. А если смотрела в глаза, то будто сквозь пелену, как зверь, который засыпает. Она говорила «да» там, где надо, улыбалась — все с опозданием на полсекунды.

— Словно я для нее не существую, — сказал отец.

А на следующий день она опять была с нами, и он для нее существовал, они брались за руки и шли гулять вокруг квартала или отправлялись на верховую прогулку, и мамины волосы развевались, как у девочки; она выключала все механизмы на кухне и сама спекла ему удивительные пирожные, торты и печенье, жадно смотрела ему в глаза, улыбалась своей настоящей улыбкой. А к концу такого дня, когда он для нее существовал, она непременно плакала. И отец стоял, растерянно глядя вокруг, точно в поисках ответа, но нигде его не находил. ...Отец медленно повернулся, показывая костюм.

— Повернись еще, — попросила мама.

На следующее утро отец примчался домой с целой кипой билетов. Розовые билеты на Калифорнийскую ракету, голубые на Мексиканскую авиалинию.

— Живей! — воскликнул он. — Купим дорожную одежду, потом ее сожжем. Вот — в полдень вылетаем в Лос-Анджелес, в два часа — вертолетом до Санта-Барбары, в девять — самолетом до Энсенады, и там заночуем!

И мы отправились в Калифорнию. Полтора дня путешествовали по тихоокеанскому побережью, пока не осели на песчаном пляже Малибу. Отец все время прислушивался, или пел, или жадно рассматривал все вокруг, цепляясь за впечатления, словно мир был большой центрифугой, которая вращается так быстро, что его в любой момент могло от нас оторвать.

В наш последний день в Малибу мама осталась в гостинице. Отец долго лежал со мной рядом на песке, под жарким солнцем.

— Ух, — вздохнул он, — благодать...

Прикрыв глаза, он лежал на спине и пил солнце.

— Вот чего недостает, — сказал он.

Он, конечно, хотел сказать «на ракете». Но отец избегал упоминать свою ракету и не любил говорить обо всем том, чего на ракете нет. Откуда на ракете соленый ветер? Или голубое небо? Или ласковое солнце? Или мамин домашний обед? И разве на ракете поговоришь со своим четырнадцатилетним сыном?

— Что ж, потолкуем, — произнес он наконец.

И я знал, что теперь мы с ним будем говорить, говорить — три часа подряд, как это было у нас заведено. До самого вечера мы будем, нежась на солнце, вполголоса болтать о моем учении, как высоко я могу прыгнуть, быстро ли плаваю.

Отец кивал, слушая меня, улыбался, одобрительно трепал по щеке. Мы говорили. Не о ракете и не о космосе — мы говорили о Мексике, где однажды путешествовали на старинном автомобиле, о бабочках во влажных лесах зеленой, теплой Мексики: дело было в полдень, сотни бабочек облепили наш радиатор и тут же погибали, махая голубыми и розовыми крылышками, трепеща в судорогах — красивое и грустное зрелище. Мы говорили обо всем, только не о том, что мне хотелось. И отец слушал меня. Он слушал так, словно жаждал насытиться звуками, которые ловил его слух. Он слушал ветер, дыхание океана и мой голос, чутко, сосредоточенно, с напряженным вниманием, которое как бы отсеивало физические тела и оставляло только звуки. Он закрывал глаза, чтобы лучше слышать. И я вспоминал, как он слушал стрекот машин, когда сам подстригает газон, вместо того чтобы включить программное управление, видел, как он вдыхает запах скошенной травы, когда она брызжет на него зеленым фонтаном.

— Дуг, — сказал он часов около пяти, мы только что подобрали полотенца и пошли вдоль прибоа к гостинице, — обещаю тебе одну вещь.

— Что?

— Никогда не будь космонавтом.

Я остановился.

— Я серьезно, — продолжал он. — Потому что там тебя всегда будет тянуть сюда, а здесь — туда. Так что лучше и не начинать. Чтобы тебя не захватило.

— Но...

— Ты не знаешь, что это такое. Всякий раз, когда я там, я говорю себе: «Если только вернусь на Землю — останусь насовсем, никогда больше не полечу». И все-таки лечу опять, и, наверно, всегда будет так.

— Я уже давно хочу стать космонавтом, — сказал я.

Он не слышал моих слов.

— Я пытаюсь заставить себя остаться. Когда я в субботу пришел домой, то твердо решил: сделаю все, чтобы заставить себя остаться.

Я вспомнил, как он, обливаясь потом, трудился в саду, как мы летели и он постоянно был чем-то увлечен, к чему-то прислушивался. Ну конечно: все это делалось, чтобы убедить себя, что море, города, земля, родная семья — вот единственно реальное и стоящее в жизни. И я знал, что отец будет делать сегодня ночью: стоя на террасе, он будет смотреть на алмазную россыпь Ориона.

— Обещай, что не станешь таким, как я, — попросил он.

Я помедлил.

— Хорошо, — ответил я.

Он пожал мне руку.

— Умница, — сказал он.

Обед был чудесный. Мама, как только мы вернулись домой, отправилась на кухню и занялась готовкой, возилась с тестом и корицей, гремела кастрюлями и противнями. И вот на столе красуется огромная индейка с приправами, брусничный соус, горошек, пирог с тыквой.

— Разве сегодня праздник? — удивился отец.

— В День благодарения тебя не будет дома.

— Вот как.

Он вдыхал аромат. Он поднимал крышки с блюд и наклонялся так, чтобы благоуханный пар гладил его загорелое лицо. И каждый раз говорил: «А-ах...» Потом он посмотрел на комнату, на свои руки. Обвел взглядом картины на стенах, стулья, стол, меня, маму. Наконец прокашлялся; я понял, что он решил.

— Лилли!

— Да? — Мама смотрела на него через стол, который в ее руках превратился в чудесный серебряный капкан, волшебный омут из подливки, в котором — она надеялась — ее муж, подобно доисторическому зверю в асфальтовом пруду, прочно увязнет и останется навсегда, надежно огражденный птичьими косточками. В ее глазах играли искорки.

— Лилли, — повторил отец.

«Ну, ну, — нетерпеливо думал я, — говори же скорее, скажи, что ты на этот раз останешься дома, навсегда, и никогда больше не улетишь, скажи!»

В этот самый миг тишину разорвал пронзительный стрекот пролетающего вертолета, и стекло в окне отозвалось хрустальным звоном. Отец глянул в окно.

Вот они, голубые вечерние звезды, и красный Марс поднимается на востоке.

Целую минуту отец смотрел на Марс. Потом, не глядя, протянул руку в мою сторону.

— Можно мне горошка? — попросил он.

— Простите, — сказала мать, — я совсем забыла хлеб. — И она выбежала на кухню.

— Хлеб на столе, — крикнул я ей вслед.

Отец начал есть, стараясь не глядеть на меня.

В ту ночь я не мог уснуть. Вскоре после полуночи я спустился вниз. Лунный свет будто покрыл все крыши ледяной коркой, сверкающая роса превратила газон в снежное поле. В одной пижаме я стоял на пороге, овеваемый теплым ночным ветром. Вдруг я заметил, что отец здесь, на террасе. Он сидел на механических качелях и медленно качался. Я видел темный профиль, обращенный к небу; он следил за движением звезд. Его глаза были подобны дымчатым кристаллам, в каждом отражалось по луне.

Я вышел и сел рядом. Мы качались вместе.

Наконец я спросил:

— А в космосе есть смертельные опасности?

— Миллион.

— Назови какие-нибудь.

— Столкновение с метеором, из ракеты выходит весь воздух. Или тебя захватит кометой. Ушиб. Удушье. Взрыв. Центробежные силы. Чрезмерное ускорение. Недостаточное ускорение. Жара, холод, Солнце, Луна, звезды, планеты, астероиды, планетоиды, радиация...

— Погибших сжигают?

— Поди найди их.

— А куда же девается человек?

— Улетает за миллиарды миль, такие ракеты называют блуждающими гробами. Ты становишься метеором или планетоидом, который вечно блуждает в космосе.

Я промолчал.

— Зато, — сказал он погодя, — в космосе смерть быстрая. Раз — и нету. Никаких страданий. Чаще всего человек вообще ничего не замечает.

Мы пошли спать.

Настало утро.

Стоя в дверях, отец слушал, как в золотой клетке поет желтая канарейка.

Он не слышал моих слов.

— Я пытаюсь заставить себя остаться. Когда я в субботу пришел домой, то твердо решил: сделаю все, чтобы заставить себя остаться.

Я вспомнил, как он, обливаясь потом, трудился в саду, как мы летели и он постоянно был чем-то увлечен, к чему-то прислушивался. Ну конечно: все это делалось, чтобы убедить себя, что море, города, земля, родная семья — вот единственно реальное и стоящее в жизни. И я знал, что отец будет делать сегодня ночью: стоя на террасе, он будет смотреть на алмазную россыпь Ориона.

— Обещай, что не станешь таким, как я, — попросил он.

Я помедлил.

— Хорошо, — ответил я.

Он пожал мне руку.

— Умница, — сказал он.

Обед был чудесный. Мама, как только мы вернулись домой, отправилась на кухню и занялась готовкой, возилась с тестом и корицей, гремела кастрюлями и противнями. И вот на столе красуется огромная индейка с приправами, брусничный соус, горошек, пирог с тыквой.

— Разве сегодня праздник? — удивился отец.

— В День благодарения тебя не будет дома.

— Вот как.

Он вдыхал аромат. Он поднимал крышки с блюд и наклонялся так, чтобы благоуханный пар гладил его загорелое лицо. И каждый раз говорил: «А-ах...» Потом он посмотрел на комнату, на свои руки. Обвел взглядом картины на стенах, стулья, стол, меня, маму. Наконец прокашлялся; я понял, что он решил.

— Лилли!

— Да? — Мама смотрела на него через стол, который в ее руках превратился в чудесный серебряный капкан, волшебный омут из подливки, в котором — она надеялась — ее муж, подобно доисторическому зверю в асфальтовом пруду, прочно увязнет и останется навсегда, надежно огражденный птичьими косточками. В ее глазах играли искорки.

— Лилли, — повторил отец.

«Ну, ну, — нетерпеливо думал я, — говори же скорее, скажи, что ты на этот раз останешься дома, навсегда, и никогда больше не улетишь, скажи!»

В этот самый миг тишину разорвал пронзительный стрекот пролетающего вертолета, и стекло в окне отозвалось хрустальным звоном. Отец глянул в окно.

Вот они, голубые вечерние звезды, и красный Марс поднимается на востоке.

Целую минуту отец смотрел на Марс. Потом, не глядя, протянул руку в мою сторону.

— Можно мне горошка? — попросил он.

— Простите, — сказала мать, — я совсем забыла хлеб. — И она выбежала на кухню.

— Хлеб на столе, — крикнул я ей вслед.

Отец начал есть, стараясь не глядеть на меня.

В ту ночь я не мог уснуть. Вскоре после полуночи я спустился вниз. Лунный свет будто покрыл все крыши ледяной коркой, сверкающая роса превратила газон в снежное поле. В одной пижаме я стоял на пороге, овеваемый теплым ночным ветром. Вдруг я заметил, что отец здесь, на террасе. Он сидел на механических качелях и медленно качался. Я видел темный профиль, обращенный к небу; он следил за движением звезд. Его глаза были подобны дымчатым кристаллам, в каждом отражалось по луне.

Я вышел и сел рядом. Мы качались вместе.

Наконец я спросил:

— А в космосе есть смертельные опасности?

— Миллион.

— Назови какие-нибудь.

— Столкновение с метеором, из ракеты выходит весь воздух. Или тебя захватит кометой. Ушиб. Удушье. Взрыв. Центробежные силы. Чрезмерное ускорение. Недостаточное ускорение. Жара, холод, Солнце, Луна, звезды, планеты, астероиды, планетоиды, радиация...

— Погибших сжигают?

— Поди найди их.

— А куда же девается человек?

— Улетает за миллиарды миль, такие ракеты называют блуждающими гробами. Ты становишься метеором или планетоидом, который вечно блуждает в космосе.

Я промолчал.

— Зато, — сказал он погодя, — в космосе смерть быстрая. Раз — и нету. Никаких страданий. Чаще всего человек вообще ничего не замечает.

Мы пошли спать.

Настало утро.

Стоя в дверях, отец слушал, как в золотой клетке поет желтая канарейка.

— Итак, решено, — сказал он. — Следующий раз, как вернусь, — уж навсегда, больше никуда не полечу.

— Отец! — воскликнул я.

— Скажи об этом маме, когда она встанет.

— Ты серьезно?

Он кивнул:

— До свидания, через три месяца.

И он зашагал по улице, неприметно неся черную форму под мышкой, насвистывая, поглядывая на высокие зеленые деревья. На ходу сорвал ягоды с куста боярышника и подкинул их высоко в воздух, уходя в прозрачные утренние тени...

Несколько часов спустя я завел разговор с мамой, мне хотелось кое-что выяснить.

— Отец говорит, ты иногда ведешь себя так, словно не видишь и не слышишь его, — сказал я.

Она все мне объяснила.

— Десять лет назад, когда он впервые улетел в космос, я сказала себе: «Он мертв. Или все равно что мертв. Думай о нем как о мертвом». И когда он три или четыре раза в год возвращается домой, то это и не он вовсе, а просто приятное воспоминание или сон. Если воспоминание или сон прекратятся, это совсем не так больно. Поэтому большую часть времени я думаю о нем как о мертвом...

— Но ведь бывает...

— Бывает, что я ничего не могу с собой поделать. Я пеку пироги и обращаюсь с ним как с живым, и мне больно. Нет, лучше считать, что он ушел десять лет назад и я никогда его не увижу. Тогда не так больно.

— Он разве тебе не сказал, что в следующий раз останется навсегда?

Она медленно покачала головой:

— Нет, он умер. Я в этом уверена.

— Он вернется живой, — сказал я.

— Десять лет назад, — продолжала мать, — я думала: что, если он погибнет на Венере? Тогда мы больше не сможем смотреть на Венеру. А если на Марсе? Мы не сможем видеть Марс. Только он вспыхнет в небе красной звездой, как нам тотчас захочется уйти в дом и закрыть дверь. А если он погибнет на Юпитере, на Сатурне, Нептуне? В те ночи, когда выходят эти планеты, мы будем ненавидеть звездное небо.

— Еще бы, — сказал я.

Сообщение пришло на следующий день.

Посыльный вручил его мне, и я прочел его, стоя на террасе. Солнце садилось. Мать стояла в дверях и смотрела, как я складываю листок и прячу его в карман.

— Мам, — заговорил я.

— Не говори мне того, что я и без тебя знаю, — сказала она.

Она не плакала.

Нет, его убил не Марс и не Венера, не Юпитер и не Сатурн. Нам не надо было бояться, что мы будем вспоминать о нем всякий раз, когда в вечернем небе загорится Юпитер, или Сатурн, или Марс.

Дело обстояло иначе. Его корабль упал на Солнце.

Солнце — огромное, пламенное, беспощадное, которое каждый день светит с неба и от которого никуда не уйдешь.

После смерти отца мать долго спала днем и до вечера не выходила. Мы завтракали в полночь, ели ленч в три часа ночи, обедали в шесть утра, когда царил холодный сумрак. Мы уходили в театр на всю ночь и ложились спать на рассвете.

Потом мы еще долго выходили гулять только в дождливые дни, когда не было солнца.

ОГНЕННЫЕ ШАРЫ

Пламя расплескалось над сонными лужайками. Искры озарили лица дядюшек и тетюшек. Опадали шутихи в сияющих карих глазах двоюродных братьев, и отгоревшие угли сыпались где-то вдалеке на сухую траву.

Преподобный отец Джозеф Дэниел Перегрин открыл глаза. Какой сон: он, и его родные, и огневая потеха над старинным дедушкиным домом в Огайо — так давно!

Он лежал, вслушиваясь в гулкую, соборную тишину. В соседних кельях покоятся его товарищи — не мнится ли и им перед стартом звездолета «Распятие», что настало Четвертое июля? Да. Точно на заре Дня независимости, ты, задыхаясь, ждешь первого фейерверка и с охапками громовых чудес выбегаешь на росистую мостовую.

Так и они, епископальные священники, затаили дыхание, прежде чем ринуться к Марсу, оставляя в бархатном соборе пространства ладанный след.

— Стоило ли нам лететь? — прошептал отец Перегрин. — Не на Земле ли нам должно искупать свои грехи? Не от своих ли судеб мы бежим?

Он поднялся; тело его двигалось медленно, вспоминая о клубнике, молоке и бифштексах.

— Или это простая леность? — размышлял он. — Или меня страшит мой путь?

Он шагнул под острые иглы душа.

— Но я отволоку тебя на Марс, тело мое, — говорил он себе. — Старые грехи оставим позади. А на Марсе — найдем новые?

Мысль почти восхитительная. Грехи, дотоле невообразимые. Не он ли сам написал статью «Проблемы греха в иных мирах», пусть ее и отвергали как недостаточно серьезную братья по вере?

Всего лишь прошлым вечером, за последней сигарой, они с отцом Стоуном обсуждали ее.

— На Марсе, — говорил сияющий отец Перегрин, — грех может оказаться добродетелью. И нам должно остерегаться добрых дел, ибо каждое из них может оказаться грешным! Потрясающе! Уже много веков миссионеров не ожидало столько приключений!

— Грех, — сухо ответил отец Стоун, — я распознаю и на Марсе.

— О, мы, священники, как лакмусовая бумажка, краснеем в присутствии греха, — отпарировал отец Перегрин. — Но что, если марсианская химия не позволит нам менять цвет? Если на Марсе есть иные чувства, то должны быть и незнакомые грехи.

— Без злого умысла нет ни греха, ни кары — так говорил Господь, — ответил отец Стоун.

— На Земле — согласен. Но что, если на Марсе грех оставляет свое зло в подсознании, сохраняя мысли и разум человека в беззлобном неведении? Что тогда?

— Да что можно еще придумать из новых грехов?

Отец Перегрин подался вперед:

— Одиноким Адам был безгрешен. Добавьте Еву, и вы добавите искушение. Добавьте еще одного мужчину, и станет возможным прелюбодеяние. Прибавьте иной пол, новых людей, и грехи умножатся. Безрукие не способны душировать. Они не способны к убийству подобным способом. Дайте им руки, и вы дадите возможность нового насилия. Амебы не грешат — они размножаются делением. Они не желают жены ближнего своего, не убивают. Дайте им пол, руки, ноги — и вот вам убийство и прелюбодеяние. Добавляя или убирая руки, ноги, людей, вы добавляете или убираете грехи из списка возможных. Что, если на Марсе пять новых чувств, органов, незримых частей тела, какие мы себе и вообразить не можем — не найдем ли мы там и пять новых грехов?

— Похоже, вам нравятся подобные рассуждения, — выдавил отец Стоун, хватая воздух ртом.

— Поддерживаю остроту ума, святой отец, только и всего.

— Все мыслями жонглируете — как факелами и тарелками?

— Да. Потому что наша Церковь порой походит на живую пирамиду в балагане, когда поднимается занавес и замирают присыпанные белым тальком и цинковой пудрой фигуры, тщась изобразить Красоту. Выглядит чудесно. Но я надеюсь, что для меня всегда останется место побегать среди этих статуй. А вы, отец Стоун?

Тот поднялся.

— Думаю, нам лучше лечь. Через несколько часов мы двинемся на поиски ваших новых грехов, отец Перегрин.

Ракета была готова к старту.

Морозным утром шли, закончив молитвы, избранные проповедники Нью-Йорка, и Чикаго, и Лос-Анджелеса — Церковь посылала лучших из сынов своих — шли через город к заиндевавшему космодрому.

«Отец Перегрин, — вспоминал по пути святой отец слова епископа, — вы станете главой миссии, а отец Стоун — вашим помощником. Причины, побудившие меня избрать вас на столь ответственный пост, к прискорбию моему, оказались ясны не для всех. Но ваш памфлет о межзвездном грехе не остался непрочитанным. Вы гибкий человек. А Марс похож на старый чулан, на тысячи лет забытый, и грехи громоздятся там, точно рухлядь. Марс вдвое старше Земли; там вдвое больше было субботних вечеров, разгульного пьянства и подглядывания за женщинами, обнаженными, как белые выдры. И если мы откроем этот чулан, нас завалит мусором. Нам нужен человек с быстрым гибким умом, чтобы лавина не погребла его. Тот, в ком слишком много догматизма, сломается. Я предчувствую, что вы устоите. Святой отец, этот пост — ваш».

Епископ, а за ним и все остальные преклонили колена.

Прозвучали благословения, окропили ракету брызги святой воды. И, вставая, епископ еще раз обратился к отлетающим:

— Идите же с Богом, дабы подготовить марсиан к принятию истины Господней. Желаю вам набраться мудрости в пути.

Двадцать человек прошли мимо епископа, шурша рясами, по очереди влагая свои руки в его добрые ладони, прежде чем скрыться в благословленном снаряде.

— Может быть, — пробормотал в последнюю секунду отец Перегрин, — Марс — это ад? И он только ждет нас, чтобы взорваться огнем и серой?

— Помогите нам Боже, — отозвался отец Стоун.

Ракета взлетела.

Они покидали космос, как покидают прекраснейший из соборов. И шаг на Марс походил на первый шаг по мостовой через пять минут после того, как в церкви ты воистину ощутил любовь Господню.

Священники осторожно сошли по дымящемуся трапу и преклонили колена на марсианском песке, пока отец Перегрин возносил благодарственную молитву.

— Благодарим тебя, Господи, за путь сквозь пространства твои. Достигли мы новой земли, Господи, так дай нам и глаза новые. Новые звуки будут слышны нам, так дай же новые уши. И будут нам грехи новые, потому молим тебя — укрепи и очисти сердца наши. Аминь.

Они встали.

Словно подводная лодка, ищущая следы жизни в океанских глубинах, шли они по Марсу. То была земля неизведанного греха. Как осторожно придется им взвешивать легчайшие перышки дел — потому что сами шаги их могут оказаться грешными, или дыхание, или даже пост!

Мэр Первого города приветствовал их с распростертыми объятиями:

— Чем могу помочь вам, отец Перегрин?

— Мы хотели бы разузнать о марсианах. Только зная, каковы они, мы сможем разумно построить для них церковь. Если они десяти футов роста, мы сделаем высокие двери. Если их кожа синего, или зеленого, или красного цвета, мы по-новому раскрасим витражи. Если они тяжелы — мы сделаем скамьи покрепче.

— Не думаю, святой отец, — ответил мэр, — что вам стоит беспокоиться за марсиан. Их два вида. Одна раса почти вымерла, а те, кто остался, таятся от нас. А вторая — они не совсем люди.

— Да? — Сердце отца Перегрина забилося чаще.

— Это сияющие огненные шары, святой отец. Они живут в тех холмах. Люди ли они, звери — кто скажет? Но я слышал, что действуют они разумно. — Мэр пожал плечами. — Конечно, они не люди, так что вряд ли вам...

— Наоборот, — быстро перебил его отец Перегрин. — Вы ведь сказали «разумно»?

— Так говорят, — ответил мэр. — Один старатель сломал в этих холмах ногу. Он бы там и умер, но налетели синие огненные шары. Очнулся он на шоссе, а как попал туда — не помнит.

— Пьян был, — предположил отец Стоун.

— Так говорят, — повторил мэр. — Отец Перегрин, марсиане все вымерли, остались только эти синие шары. Я, честно говоря, думаю, что вам лучше отправиться в Первый город. Марс оживает. Теперь это целина, как прежде на Земле — Дикий Запад и Аляска. Люди рвутся сюда. В Первом городе пара тысяч ирландских механиков, горняков и поденщиков, чьи души срочно пора спасать — слишком уж много с ними падших женщин, слишком много они пьют десятивекового вина...

Отец Перегрин смотрел в сторону пологих голубых холмов.

Отец Стоун прокашлялся.

— Да, отец?

Отец Перегрин не слышал.

— Шары синего огня?

— Да, святой отец.

— Ох, — выдохнул отец Перегрин.

— Синие шарики. — Отец Стоун покачал головой. — Цирк какой-то!

В запястьях отца Перегрина забились жилы. Он видел пограничный городок с его грехами — свеженькими, только что собранными, и видел холмы, древние самым древним и все же новым для него грехом.

— Мэр, смогут ли ваши ирландцы пожариться в аду еще денек?

— Ради вас я их переверну, чтобы не подгорели, отец.

— Тогда мы отправимся туда. — Отец Перегрин кивнул в сторону холмов.

Священники зароптали.

— Слишком просто будет отправиться в город, — объяснил отец Перегрин. — Я предпочитаю думать, что, если бы Спасителю сказали: «Вот торная тропа», он ответил бы: «Покажите мне траву сорную; я проторю тропу иную».

— Но...

— Отец Стоун, подумайте, какой груз мы возьмем на душу, если пройдем мимо грешников, не протянув им руки.

— Но огненные шары!..

— Полагаю, человек тоже казался смешным всем прочим тварям, когда был сотворен. Но, несмотря на обыденный облик, он наделен душой. Предположим же, что и эти пламенные шары обладают душами, пока мы не докажем обратного.

— Хорошо, — согласился мэр, — но вы еще вернетесь в город.

— Посмотрим. Для начала позавтракаем. А потом мы с вами, отец Стоун, отправимся в холмы. Я не хочу пугать этих огненных марсиан машинами или толпами. Приступим к трапезе?

Ели святые отцы в молчании.

К закату отец Перегрин и отец Стоун далеко углубились в холмы. Они сели на камень, расслабились и ждали. Марсиане так и не появились перед ними, и оба чувствовали себя немного разочарованными.

— Интересно... — Отец Перегрин утер лицо. — Если сказать им «Привет!» — они ответят?

— Отец Перегрин, вы когда-нибудь бываете серьезны?

— И не буду, пока Господь не станет серьезен. И не надо так возмущаться, прошу вас. Господь никак уж не серьезен. Мы ведь знаем о нем точно лишь одно — что он есть любовь. А любовь неотделима от чувства юмора, не так ли? Нельзя любить человека, которого вы не терпите, верно? А чтобы терпеть кого-то рядом, надо хоть изредка над ним посмеиваться. Вы согласны? Все мы — смешные зверюшки, вывозившиеся в миске сгущенки, и, потешаясь над нами, тем больше Господь нас любит.

— Никогда не думал, что Господу присуще чувство юмора, — заметил отец Стоун.

— Сотворившему утконоса, верблюда, страуса и человека? Да бросьте! — Отец Перегрин расхохотался.

И в тот же миг из-за сумеречных склонов, будто шеренга голубых маяков, показались марсиане.

Первым заметил их отец Стоун.

— Смотрите!

Отец Перегрин обернулся, и смех застыл у него на устах.

Среди далеких звезд парили, чуть подрагивая, шары синего пламени.

— Что за твари! — Отец Стоун вскочил, но отец Перегрин остановил его:

— Подождите!

— Надо было нам идти в город!

— Послушайте, прошу вас! — умолял отец Перегрин.

— Я боюсь!

— Не бойтесь. Это божьи создания!

— Скорее дьявольские!

— Нет, нет, успокойтесь! — Отец Перегрин усадил его, и они сидели вдвоем, пока приближающиеся огненные сферы озаряли их лица нежным голубым сиянием.

И снова вечер Дня независимости, подумал, дрожа, отец Перегрин. Снова вернулось детство, и ночь Четвертого июля, когда небо рассыпается в звездную пыль и пылающий грохот, и стекла в рамках звенят от взрывов, точно лед в тысяче бокалов. Дядюшки, тетушки, двоюродные братья, вздыхающие — «Ах!» — как по команде небесного доктора. Краски летнего неба. И «огненные шары», щедро зажигаемые уверенными, ласковыми дедушкиными руками. О, как запомнились они — мягко сияющие «огненные шары», надувающиеся теплом, как крылья бабочки; лежащие в коробках сухими осами и расправляемые, наконец, вечером бурного, буйного дня, красные, белые, синие, точно флаги — Огненные Шары! Непонятные тени дорогих и близких, давно умерших и спящих подо

мхом, следили, как дедушка зажигает свечку и дыхание тепла наполняет шар, округлый, мерцающий, и руки не желают отпускать это светящееся чудо, потому что стоит ему улететь, как уйдет из жизни еще один год, еще одно Четвертое июля, еще один кусочек Красоты. И тогда все выше и выше, к жарким летним звездам, устремятся огненные шары, и будут в тишине следить за ними красно-бело-синие глаза из всех окон. И поплывут огненные шары, далеко-далеко, в Иллинойс, над темными реками и спящими домами, и растают навсегда...

На глаза его навернулись слезы. Над ним парили марсиане, не один огненный шар — тысячи. И вот-вот встанет рядом давно умерший дед, взирая вместе с ним на великую Красоту.

Но то был отец Стоун.

— Пойдемте, отче, прошу вас!

— Я должен поговорить с ними.

Отец Перегрин подался вперед, не зная, что сказать, потому что в прежние времена лишь одно говорил он в своих мыслях огненным шарам: «Вы прекрасны, вы так прекрасны» — а теперь этого не хватало. Он только воздел неподъемные руки и крикнул в небеса, как мечтал с детства: «Привет!»

Но пламенные шары лишь полыхали отражениями в невидимом зеркале: застывшие, расплывчатые, чудесные, вечные.

— Мы пришли в Господе, — сказал небу отец Перегрин.

— Глупо, глупо, глупо. — Отец Стоун грыз костяшки пальцев. — Именем Божьим заклинаю, отец Перегрин, остановиться!

Но мерцающие сферы сдуло ввысь. Мгновением позже они исчезли вдали.

Отец Перегрин воззвал снова — и эхо его последнего крика сотрясло горы. Обернувшись, он увидел, как стряхнула с себя пыль лавина, помедлила и с грохотом, точно каменная телега, ринулась на них по склону.

— Смотрите, что вы натворили! — воскликнул отец Стоун.

Отец Перегрин замер — вначале потрясенный, потом испуганный. Он отвернулся, зная, что и пары шагов не успеет сделать, как камни сотрут его в прах. Он успел лишь вымолвить: «О Господи!» — и лавина накрыла его!

— Отче!

Словно плевелы от зерен, отделило их от земли. Засверкали синие шары, дрогнули ледяные звезды, грянуло, и вот они стоят на утесе, в двух сотнях футов от того места, где покоились бы под тоннами камней их тела.

Синий свет померк.

Священники стояли, вцепившись друг в друга.

- Что случилось?
- Синие огни подняли нас!
- Да нет, мы убежали!
- Нет, нас спасли шары.
- Невозможно!
- Так и было.

Небо опустело — словно смолк великий колокол, и отзвуки его еще гудели в костях и зубах.

— Пойдемте отсюда. Вы нас обоих угробите.

— Я уже много лет не боюсь смерти, отец Стоун.

— Мы ничего не доказали. Эти синие шары улетают при первом же окрике. Бесполезно.

— Нет. — Отца Перегриня переполняло упорное ощущение чуда. — Они спасли нас. Это доказывает, что у них есть души.

— Это доказывает только, что у них была такая возможность. Мы ведь могли спастись и сами, я не помню, как все случилось.

— Они не звери, отец Стоун. Звери не спасают чужаков. Они наделены милосердием и состраданием. Возможно, завтра мы узнаем больше.

— Узнаем? Что? Как? — Отец Стоун смертельно устал; чопорное лицо его отражало все пережитые им мучения духа и тела. — Следуя за ними на вертолетах и зачитывая Библию вслух? Они не люди. У них нет ни глаз, ни ушей, ни тел, как у нас.

— Но я чувствую в них нечто, — ответил отец Перегрин. — Грядет откровение, я знаю это. Они спасли нас. Они мыслят. У них был выбор: дать нам жить или погибнуть. В этом — их свободная воля!

Отец Стоун принялся разводить костер, мрачно озирая каждую ветку и давась серым дымом.

— А я открою приют для гусят и монастырь для святых свиней и построю собор под микроскопом, чтобы инфузории посещали службы и перебирали четки жгутиками.

— Ох, отец Стоун...

— Простите. — Отец Стоун моргнул покрасневшими глазами. — Но вы и крокодила готовы благословить, прежде чем он вас сожрет. Вы ставите под угрозу всю нашу миссию. Наше место в Первом городе: смывать духи с рук, а вкус спиртного — из глоток.

— Неужели вы не можете признать человеческое в нечеловеческом?

— Я предпочитаю находить бесчеловечное в человеке.

— Но если я докажу, что эти существа грешат, знают грех, ведут жизнь духовную, наделены свободной волей и разумом — что тогда?

— Меня вам придется убеждать долго.

Быстро холодало; ужиная печеньем и ягодами, священники глядели в огонь, видя в нем отражения самых странных своих желаний. Потом они улеглись спать под звездный благовест. Прежде чем в последний раз повернуться с боку на бок, отец Стоун, уже несколько минут пытавшийся найти, чем поддеть своего товарища, пробормотал, глядя в розовеющие угли:

— Не было на Марсе ни Адама, ни Евы, ни первородного греха. Может быть, марсиане и не отпадали от благодати Божьей. Тогда мы сможем вернуться в город и прийти к людям.

Отец Перегрин напомнил себе помолиться за отца Стоуна, за избавление его от гневливости, а теперь и от мстительности — помоги ему Бог!

— Но ведь марсиане убили нескольких наших поселенцев, отец Стоун. А это грех. Были здесь и грех первородный, и марсианские Адам с Евой. Мы еще найдем их. Люди, к сожалению, остаются людьми, как бы ни выглядели, и одинаково склонны к греху.

Отец Стоун притворился спящим.

Отец Перегрин не сомкнул глаз.

Конечно, они не могут позволить марсианам отправиться в ад, не так ли? Как они могут, пойдя на сделку с совестью, вернуться в новые колонии, в города, полные притонов греха и яркоглазых, белотелых женщин, кувыркающихся в кроватях с холостыми рабочими? Но не там ли место духовников? Не каприз ли — этот поход в холмы? О Церкви ли Господней он думал или утолял жажду ненасытного любопытства? Но эти пламенно-синие шары — каким лихорадочным огнем пылают они в его душе! Что за вызов воображению — найти человека под маской, под нечеловеческой личиной! Сможет ли он гордиться — хотя бы в душе, — что обратил в веру истинную полный огненных шаров бильярдный стол? Что за гордыня! Но в ней не стыдно покаяться — ведь гордыня часто рождается из любви, а он так любил Господа, так счастлив был той любовью, что желал этого счастья всем на свете.

Уже засыпая, он вновь увидел синие шары — они парили над ним, как огненные ангелы, беззвучно баюкая его беспкойный сон.

Когда отец Перегрин проснулся ранним утром, его синие мечты все еще парили в небе.

Отец Стоун спал, свернувшись калачиком. А отец Перегрин наблюдал, как парят и наблюдают за ним марсиане. Они тоже

люди — он чувствовал это сердцем. Но он должен доказать это, или он предстанет пред епископом, чтобы тот без злобы и сожаления отстранил его от миссии.

Но как доказать это, если они таятся под сводами небес? Как призвать их и дать ответы на тысячи вопросов?

«Они спасли нас от лавины».

Отец Перегрин поднялся и, пробираясь между скал, начал карабкаться по склону ближайшего холма, пока не оказался над двухсотфутовым обрывом. От восхождения и мороза у него перехватило горло; он постоял немного, переводя дыхание.

«Если я упаду отсюда, то непременно разобьюсь».

Он столкнул в пропасть камешек. Через несколько секунд донесся стук.

«Господь никогда не простит меня».

Он скинул еще камешек.

«Но ведь если я делаю это из любви к нему, это ведь не будет самоубийством, так?..»

Он поднял глаза на синие шары.

«Но сперва — еще одна попытка». И он позвал их:

— Эй! Здравствуйте!..

Отзвуки обрушились лавиной, но синие шары не шелохнулись, не мигнули.

Пять минут кряду он говорил с ними. Замолчав, отец Перегрин глянул вниз — отец Стоун все еще упрямо дремал у костра.

«Я должен доказать. — Отец Перегрин шагнул к краю обрыва. — Я старик. И нет во мне страха. Он ведь поймет, что я делаю это ради него?»

Он глубоко вздохнул. Вся жизнь промелькнула перед его глазами, и подумалось ему: «Я сейчас умру? Я боялся, что слишком люблю жизнь. Но есть тот, кого я люблю больше».

И с этой мыслью он шагнул с утеса.

И упал.

— Глупец! — вскричал он, кружась в воздухе. — Ты ошибся! — Камни метнулись к нему, и он увидел на них себя — разбившимся, мертвым. — Зачем я сделал это? — Но он уже знал ответ. Мгновением позже спокойствие снизошло на него. Ветер ревел в ушах, и скалы мчались навстречу.

А потом дрогнули звезды, вспыхнуло голубое пламя, и отца Перегрина окружило синее безмолвие. Секундой позже его бережно опустили на камни. Он сидел там почти минуту, ощущая себя и взирая на отлетевшие ввысь синие огни.

— Вы спасли меня! — прошептал он. — Вы не дали мне умереть. Вы знали, что это грех.

Он кинулся к безмятежно спящему отцу Стоуну.

— Проснитесь, проснитесь, отец! — тряс он его, пока не разбудил. — Отец, они спасли меня!

— Кто спас? — Отец Стоун, моргая, сел.

Отец Перегрин пересказал, что с ним случилось.

— Сон. Кошмар. Ложитесь лучше спать, — раздраженно ответил отец Стоун. — Вместе со своими цирковыми шариками.

— Но я не спал!

— Ну полно, отец, успокойтесь, хватит.

— Вы мне не верите? У вас есть пистолет? Да, вот он, дайте сюда.

— Что вы делаете? — Отец Стоун подал ему пистолетик, захваченный для защиты от змей и прочих злобных гадов.

Отец Перегрин вцепился в рукоять:

— Я докажу вам!

Он прицелился себе в ладонь и выстрелил.

— Стойте!

Блеснул свет, и на их глазах пуля замерла в полете, остановившись в дюйме от раскрытой ладони. Мгновение она висела в голубом ореоле, потом с шипением упала в пыль.

Трижды стрелял отец Перегрин — в руку, в ногу, в туловище. Три пули замерли, поблескивая, и мертвыми осами упали к его ногам.

— Видите? — проговорил отец Перегрин, опуская руку, и выронил пистолет. — Они знают. Они не животные. Они мыслят, судят, им ведома мораль. Какой зверь стал бы спасти меня от меня самого? На это способен лишь человек, отец Стоун. Ну, теперь-то вы мне верите?

Отец Стоун глядел на синие огни в небе. Потом опустился на колени, молча подобрал еще теплые пули и крепко сжал в кулаке.

За их спинами разгорался рассвет.

— Мне думается, пора вернуться к остальным, рассказать им все и привести их сюда, — сказал отец Перегрин.

Когда солнце встало, они преодолели почти полпути до ракеты.

Отец Перегрин начертил на аспидной доске круг.

— Се Христос, сын Отца небесного.

Он притворился, что не слышит изумленных вздохов слушателей.

— Се Христос, во славе его, — продолжил он.

— Больше похоже на задачу по геометрии, — заметил отец Стоун.

— Удачное сравнение. Мы здесь имеем дело с символами. Будучи изображен кругом или квадратом, Христос не перестает быть Христом. Столетиями крест изображал его любовь и страдание. Этот круг станет Христом марсианским. Таким принесем мы его в этот мир.

Святые отцы беспокойно зашевелились, переглядываясь.

— Вы, отец Маттиас, изобразите в стекле подобие этого круга, сферу, наполненную огнем. Пусть стоит она на алтаре.

— Дешевый фокус, — пробормотал отец Стоун.

— Наоборот, — терпеливо ответил отец Перегрин. — Мы дарим им понятный образ Господа. Если бы Христос явился на Землю в облике осьминога, так ли легко приняли бы мы его? — Он развел руками. — Разве дешевым фокусом со стороны Создателя было привести к нам Христа в теле Иисуса? После того как мы благословим церковь, построенную нами, освятим алтарь и этот символ, разве откажется Христос обрести тот облик, что мы видим перед собой? Вы сердцем своим чувствуете — не откажется.

— Но в теле бездушного зверя! — воскликнул брат Маттиас.

— Мы уже говорили об этом много раз, брат Маттиас, с тех пор как вернулись. Эти существа спасли нас от обвала. Они знали, что самоуничтожение суть грех, и раз за разом предотвращали его. А потому мы должны построить церковь в холмах, жить с марсианами, найти их грехи и пути, которыми идут они, и помочь им найти Господа.

Святых отцов такая перспектива не радовала.

— Потому ли, что их вид странен? — спросил отец Перегрин. — Но что нам плоть? Лишь сосуд, куда Господь вмещает наш дух. Если завтра я обнаружу, что морские львы внезапно приобрели свободную волю и интеллект, познали, что есть грех, что есть жизнь, научились смягчать справедливость милосердием и жизнь — любовью, то я построю собор под водой. И если чудом Господним воробьи будут наделены бессмертными душами, то я наполню гелием церковь и взлечу за ними вслед, ибо все души, в любом облике, если наделены они свободной волей и знанием греха, станут гореть в аду, если не будут причащены истинной верой. И марсианскому шару я не позволю гореть в аду, потому что лишь в моих глазах это просто шар. Я закрою глаза — и передо мною стоят разум, любовь, душа, и я не могу отвергнуть их.

— Но вы хотите поставить этот шарик на алтарь! — запротестовал отец Стоун.

— Вспомните китайцев, — невозмутиво ответил отец Перегрин. — Какого Христа почитают китайские христиане? Восточного, само собой. Все вы видели изображенное китайцами

житие Христа. Во что он одет? В восточные одежды. Где ходит он? По китайским пейзажам, среди бамбука, туманных гор и корявых сосен. Его глаза узки, а скулы — высоки. Каждая страна, каждый народ добавляют по капле к облику нашего Спасителя. Я вспоминаю Святую Деву Гваделупскую, которой поклоняется с любовью вся Мексика. Обращали ли вы внимание, что на всех портретах ее кожа смугла, как и у ее почитателей? И разве это богохульство? Ничуть. Неразумно ждать, что человек примет Бога, пусть истинного, с кожей иного цвета. Меня часто поражает, почему наши миссионеры так успешно трудятся в Африке, неся снежно-белого Христа. Наверное, потому, что альбиносы и белый цвет вообще для многих африканских племен священные. Но со временем — не потемнеет ли там кожа Христова? Форма не имеет значения — только содержание. Не стоит ждать, что марсиане примут чуждый им облик Господа. Мы должны дать им Христа в их собственном обличье.

— В ваших рассуждениях есть пробел, отец, — проговорил отец Стоун. — Не заподозрят ли марсиане нас в лицемерии? Они поймут, что мы поклоняемся не шарообразному Христу, но человеку с руками и ногами. Как мы объясним им разницу?

— Показав, что ее нет. Христос заполнит любой сосуд, который мы предложим. Тела или шары — он везде, и каждый почитает его под разным обличьем. Больше того, мы должны *верить* в тот шар, что даем марсианам. Мы должны верить в шар, бессмысленный для нас видом. Эта сфера станет для нас Христом. Нам нельзя забыть: для марсиан и мы, и облик земного Христа будут смешны и бессмысленны, как расточительство плоти.

Отец Перегрин отложил мел.

— Теперь отправимся же в холмы и построим наш храм. Святые отцы принялись собираться.

Церковь была не зданием, но расчищенной от камней, выровненной площадкой на вершине холма. Там возвели алтарь, и брат Маттиас установил на нем созданный им пламенеющий шар.

После шести дней трудов «церковь» была готова.

— А что мы будем делать с этим? — Отец Стоун постучал по привезенному с земли железному колоколу — *Что им колокола?*

— Я полагаю, что принес его ради собственного успокоения, — признался отец Перегрин. — Нам нужно что-то знакомое. Эта церковь не слишком похожа на храм. Мы здесь чувствуем себя немного нелепо — даже я. Непривычно обра-

щать в истинную веру создания иного мира. Порой я кажусь себе клоуном. И тогда я молю Господа дать мне сил.

— Многие отцы невеселы. Кое-кто смеется над всей затеей, отец Перегрин.

— Я знаю. Вот для них и установим колокол в башенке.

— А оргáн?

— Сыграем на нем на первой службе, завтра.

— Но марсиане...

— Знаю. Но вновь — для нашего душевного спокойствия пусть и музыка будет нашей. Их гимны мы откроем потом.

Воскресным утром они встали очень рано; бледными призраками двигались они в ледяном холоде, звеня колокольчиками осевшего на одеждах инея, стряхивая струйки серебряной воды.

— Интересно, а вокресенье ли сегодня на Марсе? — задумчиво пробормотал отец Перегрин, но, заметив гримасу отца Стоуна, заторопился: — Может быть, вторник или четверг — кто знает? Неважно. Глупости. Для нас сегодня воскресенье. Пойдем.

Дрожа, посиневшие отцы вышли на просторную площадку «церкви» и преклонили колена.

Отец Перегрин произнес короткую молитву и возложил холодные пальцы на клавиши органа. Музыка взлетела, как стая прекрасных птиц. Он касался клавиш, словно трав заросшего сада, и красота взмывала над холмами.

Музыка усмирила ветры. В воздухе разлился сладкий запах утра. Музыка уплывала в горы, и каменная пыль опадала дождем.

Священники ждали.

— Ну, отец Перегрин, — отец Стоун глянул в пустое небо, туда, где вставало доменно-алое солнце, — я не вижу наших друзей.

— Я попробую еще раз. — Отец Перегрин исходил по́том.

Камень за камнем он строил храм Баха, собор столь огромный, что притворы его громоздились в Ниневии, купола — под дланью святого Петра. Музыка звучала, и, когда оргáн замолк, собор не рухнул — он взмыл к снежным облакам, и они унесли его в дальнюю даль.

Небо оставалось пустым.

— Они придут! — Но в груди отца Перегрин зародилось крохотное, растущее зерно паники. — Помолимся. Упросим их прийти. Они читают мысли; они поймут.

С шелестом риз, с ропотом преклонили колени святые отцы. И завели молитву.

И с востока, из-за ледяных гор явились пламенеющие шары. На Марсе было семь часов утра, в воскресенье, или четверг, или понедельник.

Они парили и кувыркались, заполняя воздух вокруг дрожащих священников.

— Спасибо, Господи, спасибо тебе. — Отец Перегрин зажмурился и заиграл вновь. А когда музыка умолкла — обернулся и посмотрел на свою удивительную паству.

И голос послышался ему и сказал:

— Мы пришли ненадолго.

— Вы можете остаться, — ответил отец Перегрин.

— Лишь на краткий миг, — тихо ответил голос. — Мы пришли, лишь чтобы сообщить вам то, что должны были сказать с самого начала. Но мы надеялись, что без наших понуканий вы пойдете своей дорогой.

Отец Перегрин открыл было рот, но голос прервал его:

— Мы Древние, — сказал он, и словно синее газовое пламя полыхнуло в мозгу священника. — Мы первые марсиане, те, что оставили мраморные города и ушли в горы, отбросив плоть. Очень, очень давно мы стали такими, какими ты видишь нас. Некогда мы были людьми; как и вы, имели тела, руки, ноги. Легенда гласит, что один из нас нашел способ освободить душу и разум человека, избавить его от телесных мук и печалей, от смерти и уродства, от скорби и старости; и так мы приняли облик синих огней, и вечно живем с тех пор в ветрах небесных над холмами, без гордыни и надменности, без нищеты и бедности, без страстей и душевного холода. Мы ушли от тех, кто остался, от других обитателей этого мира, и так вышло, что о нас позабыли, и процесс перехода был утерян. Но мы не умрем, и годы не причинят нам вреда. Мы отбросили грех и живем в благодати Господней. Мы не желаем имущества ближнего своего, ибо ничем не владеем. Мы не крадем и не убиваем, мы лишены похоти и ненависти. Мы счастливы. Мы не размножаемся, не едим, не пьем и не воюем. Вся чувственность, все грехи, все детство тела спало с нас вместе с телами. Мы оставили грех позади, отец Перегрин, и он сгорел, как осенние листья, он растаял, как грязный снег скверной зимы, увял, как ало-золотые цветы весенней страсти, утрачен, как душные ночи раскаленного лета, и наш климат умерен, а времена — богаты мыслью.

Отец Перегрин поднялся на ноги, потому что теперь голос гремел, едва не отнимая чувства, омывая его благим огнем.

— Мы хотели сказать вам, что благодарны за то, что вы построили для нас это место. Но мы не нуждаемся в нем, ибо каждый из нас — сам себе храм, и не нужны нам места очищения. Простите, что не пришли к вам раньше, но мы живем в одиночестве; уже десять тысяч лет мы не разговаривали ни с кем и не вмешивались в дела мира. Тебе кажется, что мы, как птицы небесные: не пашем и не жнем. Ты прав. А потому возьмите храм, что построили вы для нас, отнесите его в новые свои города и благословляйте там свой народ. И будьте уверены — мы живем в счастье и мире.

Отцы преклонили колена перед могучим синим огнем, и отец Перегрин — вместе с ними. Они плакали, вовсе не жалея, что тратят свое время, потому что оно не было потрачено зря.

Синие шары, перешептываясь, начали вновь подниматься в холодную высь.

— Могу я... — воскликнул отец Перегрин, зажмурившись, едва осмеливаясь спросить, — могу я когда-нибудь вернуться, чтобы учиться у вас?

Полыхнули синие огни. Дрогнул воздух.

Да. Когда-нибудь он может прийти снова. Когда-нибудь.

А потом ветер сдул Огненные Шары и унес, и отец Перегрин пал на колени, рыдая и всхлипывая: «Вернитесь! Вернитесь!» — словно вот-вот возьмет его на руки дедушка и отнесет по скрипучей лестнице в спальню старого дома в давно сгнившем городке в Огайо...

На закате они отправились в город. Оглядываясь, отец Перегрин видел, как полыхают синие шары. «Нет, — подумал он, — нам не построить для вас собора. Вы — сама Красота. Какой собор может сравниться с фейерверком чистых душ?»

Отец Стоун молча шел рядом.

— Мне кажется, — проговорил он наконец, — что для каждой планеты есть своя истина. И каждая — часть большой Истины. Когда-нибудь они сложатся вместе, как кусочки мозаики. То, что случилось, потрясло меня. Во мне нет больше сомнений, отец Перегрин. Здешняя истина так же верна, как и земная, они стоят бок о бок. А мы пойдем к другим мирам, собирая истину по кусочкам, пока в один прекрасный день перед нами не предстанет Целое, как заря нового дня.

— Для вас это серьезное признание, отец Стоун.

— Мне почти жаль, что мы спускаемся с гор к своему роду. Эти синие огни, когда они опустились вокруг нас, и этот голос... — Отец Стоун вздрогнул.

Отец Перегрин взял его за руку. Дальше они пошли бок о бок.

— И знаете, — сказал отец Стоун, точно подводя черту и не сводя глаз с брата Маттиаса, идущего впереди и бережно сжимающего в руках стеклянный шар, наполненный вечным сиянием негасимого голубого огня, — знаете, отец Перегрин, этот шар...

— Да?

— Это Он. Все-таки это Он.

Отец Перегрин улыбнулся, и они вместе спустились с холмов в новый город.

ЗАВТРА КОНЕЦ СВЕТА

- Что бы ты делала, если б знала, что завтра настанет конец света?

— Что бы я делала? Ты не шутишь?

— Нет.

— Не знаю. Не думала.

Он налил себе кофе. В сторонке на ковре при ярком зеленоватом свете ламп «молния» обе девочки что-то строили из кубиков. В гостиной по-вечернему уютно пахло только что сваренным кофе.

— Что ж, пора об этом подумать, — сказал он.

— Ты серьезно?

Он кивнул.

— Война?

Он покачал головой.

— Атомная бомба? Или водородная?

— Нет.

— Бактериологическая война?

— Да нет, ничего такого, — сказал он, помешивая ложечкой кофе. — Просто, как бы это сказать, пришло время поставить точку.

— Что-то я не пойму.

— По правде говоря, я и сам не понимаю; просто такое у меня чувство. Минутами я пугаюсь, а в другие минуты мне ничуть не страшно и совсем спокойно на душе. — Он взглянул на девочек — их золотистые волосы блестели в свете лампы. — Я тебе сперва не говорил. Это случилось четыре дня назад.

— Что?

— Мне приснился сон. Что скоро все кончится, и еще так сказал голос. Совсем незнакомый, просто голос, и он сказал, что у нас на Земле всему придет конец. Наутро я про это почти забыл, пошел на службу, а потом вдруг вижу — Стэн Уиллис

среди бела дня уставился в окно. Я говорю: о чем замечтался, Стэн? А он отвечает — мне сегодня снился сон, и не успел он договорить, а я уже понял, что за сон. Я и сам мог ему рассказать, но Стэн стал рассказывать первым, а я слушал.

— Тот самый сон?

— Тот самый. Я сказал Стэну, что и мне тоже это снилось. Он вроде не удивился. Даже как-то успокоился. А потом мы обошли всю контору, просто так, для интереса. Это получилось неожиданно, само собой. Мы не говорили — пойдем поглядим, как и что. Просто пошли и видим, кто разглядывает свой стол, кто руки, кто в окно смотрит. Кое с кем я поговорил. И Стэн тоже.

— И всем приснился тот же сон?

— Всем до единого. В точности то же самое.

— Ты веришь?

— Верю. Сроду ни в чем не был так уверен.

— И когда же это будет? Когда все кончится?

— Для нас — сегодня ночью, в каком часу не знаю, а потом и в других частях света, когда там настанет ночь — Земля-то вертится. За сутки все кончится.

Они посидели немного, не притрагиваясь к кофе. Потом медленно выпили его, глядя друг на друга.

— Чем же мы это заслужили? — сказала она.

— Не в том дело, заслужили или нет; просто ничего не вышло. Я смотрю, ты и спорить не стала. Почему это?

— Наверное, есть причина.

— Та самая, что у всех наших в конторе?

Она медленно кивнула:

— Я не хотела тебе говорить. Это случилось сегодня ночью. И весь день женщины в нашем квартале об этом толковали. Им снился тот самый сон. Я думала, это просто совпадение. — Она взяла со стола вечернюю газету. — Тут ничего не сказано.

— Все и так знают. — Он выпрямился, испытующе посмотрел на жену. — Боишься?

— Нет. Я всегда думала, что будет страшно, а оказывается, не боюсь.

— А нам вечно твердят про чувство самосохранения — что же оно молчит?

— Не знаю. Когда понимаешь, что все правильно, не становишь выходить из себя. А тут все правильно. Если подумать, как мы жили, этим должно было кончиться.

— Разве мы были такие уж плохие?

— Нет, но и не очень-то хорошие. Наверно, в этом вся беда — в нас ничего особенного не было, просто мы оста-

вались сами собой, а ведь очень многие в мире совсем озверели и творили невесть что.

В гостинной смеялись девочки.

— Мне всегда казалось: вот придет такой час, и все с воплями выбегут на улицу.

— А по-моему, нет. Что ж вопить, когда изменить ничего нельзя.

— Знаешь, мне только и жаль расставаться с тобой и с девочками. Я никогда не любил городскую жизнь и свою работу, вообще ничего не любил, только вас троих. И ни о чем я не пожалею, разве что неплохо бы увидеть еще хоть один погожий денек, да выпить глоток холодной воды в жару, да вздремнуть. Странно, как мы можем вот так сидеть и говорить об этом?

— Так ведь все равно ничего не поделаешь.

— Да, верно; если б можно было, мы бы что-нибудь делали. Я думаю, это первый случай в истории — сегодня каждый в точности знает, что с ним будет завтра.

— А интересно, что все станут делать сейчас, вечером, в ближайшие часы?

— Пойдут в кино, послушают радио, посмотрят телевизор, уложат детишек спать и сами лягут — все, как всегда.

— Пожалуй, этим можно гордиться — что все, как всегда.

Минуту они сидели молча, потом он налил себе еще кофе.

— Как ты думаешь, почему именно сегодня?

— Потому.

— А почему не в другой какой-нибудь день, в прошлом веке, или пятьсот лет назад, или тысячу?

— Может быть, потому, что еще никогда не бывало такого дня — девятнадцатого октября тысяча девятьсот шестьдесят девятого года, а теперь он настал, вот и все. Такое уж особенное число, потому что в этот год во всем мире все обстоит так, а не иначе, — вот потому и настал конец.

— Сегодня по обе стороны океана готовы к вылету бомбардировщики, и они никогда уже не приземлятся.

— Вот отчасти и поэтому.

— Что ж, — сказал он, вставая. — Чем будем заниматься? Вывоем посуду?

Они перемыли посуду и аккуратней обычного ее убрали. В половине девятого уложили девочек, поцеловали их на ночь, зажгли по ночнику у кроваток и вышли, оставив дверь спальни чуточку приоткрытой.

— Не знаю... — сказал муж, выходя, оглянулся и остановился с трубкой в руке.

— О чем ты?

— Закрыть дверь плотно или оставить щелку, чтоб было светлее...

— А может быть, дети знают?

— Нет, конечно, нет.

Они сидели и читали газеты, и разговаривали, и слушали музыку по радио, а потом просто сидели у камина, глядя на раскаленные уголья, и часы пробили половину одиннадцатого, потом одиннадцать, потом половину двенадцатого. И они думали обо всех людях на свете, о том, кто как проводит этот вечер — каждый по-своему.

— Что ж, — сказал он наконец. И поцеловал жену долгим поцелуем.

— Все-таки нам было хорошо друг с другом.

— Тебе хочется плакать? — спросил он.

— Пожалуй, нет.

Они прошли по всему дому и погасили свет, в спальне разделись не зажигая огня, в прохладной темноте, и откинули одеяла.

— Как приятно, простыни такие свежие.

— Я устала.

— Мы все устали.

Они легли.

— Одну минуту, — сказала она.

Поднялась и вышла на кухню. Через минуту вернулась.

— Забыла привернуть кран, — сказала она.

Что-то в этом было очень забавное, он невольно засмеялся.

Она тоже посмеялась — и правда, забавно! Потом они перестали смеяться и лежали рядом в прохладной постели, держась за руки, щекой к щеке.

— Спокойной ночи, — сказал он еще через минуту.

— Спокойной ночи.

ИЗГНАННИКИ

Глаза их горели как раскаленные угли, уста изрыгали пламя, когда, склонившись над котлом, они погружали в него то грязную палку, то свои когтистые костлявые пальцы.

Когда нам вновь сойтись втроем
В дождь, под молнию и гром?*

Пьяно раскачиваясь, они плясали на берегу высохшего моря, оскверняя воздух проклятиями, прожигая тьму злобным кошачьим взглядом:

Разом все вокруг котла!
Сыпьте скверну в глубь жерла!..
Жарко, жарко, пламя ярко!
Хороша в котле заварка**.

Они остановились, оглядываясь.

— Где магический кристалл? Где иглы?

— Вот они!

— Хорошо, вот хорошо!

— Желтый воск загустел?

— Готов, готов!

— Лейте его в форму!

— Все ли получилось как надо? — Они держали в руках восковую фигурку, и мягкий воск прилипал к пальцам, словно желтая патока.

— Теперь иглой его, прямо в сердце!..

— Кристалл, где кристалл? Он там, где гадальные карты. Смахните-ка с него пыль. А теперь глядите в него...

The Exiles

© Т. Шинкарь, перевод, 1996

* Шекспир «Макбет», акт I, сцена 1, пер. М. Л. Лозинского

** Там же. Акт IV, сцена 1

Ведьмы впились глазами в магический кристалл.

— Смотрите, смотрите, смотрите!..

Ракета летела, держа курс на Марс. На ракете один за другим умирали люди.

Командир устало поднял голову:

— Придется дать морфий.

— Но, командир...

— Вы что, не видите, как ему худо? — командир приподнял шерстяное одеяло. Лежавший под влажной простыней человек пошевелился и застонал. В воздухе запахло жженой серой.

— Я видел... видел! — Умиравший открыл глаза, и взгляд его остановился на иллюминаторе, за которым была космическая бездна, хороводы звезд, где-то бесконечно далеко — планета Земля и совсем близко — огромный красный шар Марса. — Я видел его... огромный упырь с лицом человека... прилип к переднему стеклу... машет крыльями, машет... машет...

— Пульс? — коротко спросил Командир.

Санитар нащупал пульс.

— Сто тридцать.

— Он так долго не выдержит. Дайте ему морфий. Идемте, Смит.

Они проследовали дальше. Казалось, пол был выложен узором из высохших человеческих костей и черепов, застывших в безмолвном крике. Командир шел, стараясь не глядеть под ноги.

— Пирс здесь, не так ли? — сказал он, открывая следующий люк.

Врач в белом халате отошел от распростертого на столе тела.

— Ничего не понимаю.

— Но как он умер? Причина смерти?

— Мы не знаем, Командир. Это не сердце, не мозг, не последствия шока. Он просто перестал дышать.

Командир взял врача за запястье, отыскивая пульс. Лихорадочные удары кольнули пальцы словно жало. Лицо Командира оставалось бесстрастным.

— Поберегите себя, доктор. У вас тоже учащенный пульс. Доктор кивнул головой:

— Пирс жаловался на боль в ногах и запястьях, словно его кололи иглками. Сказал, что тает, будто воск, а потом упал. Я помог ему подняться. Он плакал, как дитя. Жаловался, что в сердце у него серебряная игла. А затем он умер. Вот его

тело. Если хотите, можем повторить вскрытие. Все органы абсолютно здоровы.

— Невероятно. Должна же быть причина!

Командир подошел к иллюминатору. Он чувствовал, как пахнут ментолом, йодом и медицинским мылом его тщательно ухоженные руки. Белоснежные зубы прополосканы дорогим эликсиром, промытые до блеска уши и розовая кожа лица лоснятся, комбинезон напоминает кусок сверкающей горной соли, начищенные до блеска ботинки похожи на два черных зеркала, от стриженных ежиком волос исходит резкий запах одеколона. Даже дыхание Командира было свежим и чистым, как морозный воздух. На нем не было ни единого пятнышка, ни пылинки. Он напоминал новехонький хирургический инструмент, только что вынутый из автоклава и приготовленный для операции.

И все, кто летел с ним в ракете, были ему под стать. Казалось, в спине у каждого из них — ключик, чтобы заводить их и пускать в действие. Все они были не более как дорогими и затейливыми игрушками, послушными и безотказными.

Командир смотрел, как приближался Марс — он становился все ближе, все огромней.

— Через час посадка на этой проклятой планете. Смит, вам когда-нибудь снились упыри и прочая пакость?

— Снились, сэр. За месяц до старта ракеты из Нью-Йорка. Белые крысы грызли мне шею, сосали кровь. Боялся сказать вам, думал, еще не возьмете с собой.

— Ну ладно, — вздохнул Командир, — я тоже видел сон. Первый за все пятьдесят лет жизни. Он приснился мне за несколько недель до отлета. А потом снился каждую ночь. Будто я белый волк, которого обложили на снежном холме. Меня подстрелили, в теле застряла серебряная пуля. А потом зарыли в землю и в сердце воткнули кол. — Он кивнул в сторону иллюминатора. — Вы думаете, Смит, они ждут нас?

— Кто знает, марсиане ли там, сэр.

— Кто же тогда? Они начали запугивать нас уже за два месяца до старта. Сегодня они убили Пирса и Рейнолдса. А вчера ослеп Грэвилль. Почему? Никто не знает. Упыри, иголки, сны, люди, умирающие без всякой причины. В другое время я бы сказал, что это смахивает на колдовство. Но мы живем в 2120 году; Смит. Мы разумные люди. Ничего такого не должно случиться, а вот поди же, случается. Кто бы они ни были, эти существа с их упырями и иголками, но они наверняка постараются прикончить нас всех. — Он резко повернулся. — Смит, принесите-ка сюда все книги из моего шкафа. Я хочу, чтобы они были с нами при посадке.

На столе высилась груда книг — не менее двухсот.

— Спасибо, Смит. Вы заглядывали когда-нибудь в них? Думаете, я сошел с ума? Может быть. У меня было предчувствие. Я выписал их из Исторического музея в последнюю минуту. А все из-за этих проклятых снов. Двенадцать ночей подряд меня кололи, резали на куски, визжащий упырь был распят на операционном столе, что-то мерзкое и смердящее хранилось в черном ящике под столом. Кошмарные, страшные сны. Всем нашим ребятам снились кошмары о колдовстве, оборотнях, вампирах и призраках — всякая чертовщина, о которой они прежде и понятия не имели. Почему? Да все потому, что сто лет назад были уничтожены все книги, где об этом говорилось. Был издан такой закон. Он запретил все эти ужасные книги. То, что вы видите сейчас, Смит, — это последние экземпляры. Их сохранили для истории и запрятали в музейные хранилища.

Смит наклонился, пытаясь прочесть названия на пыльных переплетах:

— Эдгар Аллан По «Рассказы», Брэм Стокер «Дракула», Мэри Шелли «Франкенштейн», Генри Джеймс «Поворот винта», Вашингтон Ирвинг «Легенда о Сонной Лощине», Натаниель Хоторн «Дочь Рапачини», Амброз Бирс «Случай на мосту через Совинный ручей», Льюис Кэрролл «Алиса в Стране чудес», Алджернон Блэквуд «Ивы», Фрэнк Баум «Волшебник Изумрудного города», Г. Ф. Лавкрафт «Зловещая тень над Иннсмутом». И еще книги Уолтера де ла Мэра, Уэйкфилда, Гарвея, Уэллса, Эсквита, Хаксли! Эти авторы все запрещены! Их книги сожгли в тот самый год, когда перестали праздновать День всех святых и Рождество. Зачем нам эти книги, сэр?

— Не знаю, — вздохнул Командир. — Пока не знаю...

Три ведьмы подняли повыше магический кристалл. В нем, мерцающая, светилось лицо Командира. До их слуха донеслось еле слышное: «Не знаю... Пока не знаю...»

Ведьмы впились друг в друга взглядом.

— Надо спешить, — сказала первая.

— Пора предупредить тех, что в городе.

— Надо сказать им о книгах. Дело плохо. Все этот идиот Командир виноват.

— Через час они посадят здесь свою ракету.

Три старухи содрогнулись и посмотрели на берег высохшего марсианского моря, где высился Изумрудный город. В самой высокой его светелке маленький человек раздвинул пурпурные занавеси на окне. Он смотрел на пустынный ландшафт, туда, где три старые колдуньи варили свое варево и

мляли в руках воск. Дальше были видны другие костры, тысячи костров. Сквозь марсианскую ночь плыли легкий, как крылья ночной бабочки, синий дымок благовоний, черный табачный дым и дым костров из траурных еловых веток, туманы, пахнувшие корицей и тленом. Маленький человек сосчитал жарко горящие ведьмины костры. Словно почувствовав на себе взгляд трех ведьм, он обернулся. Край опущенной пурпурной занавеси упал, полуприкрыв окно, и от этого казалось, что соседний портал мигнул, словно чей-то желтый глаз.

Эдгар Аллан По смотрел в окно башни, и аромат выпитого вина приятно щекотал его ноздри.

— У друзей Гекаты нынче много дел, — сказал он, глядя ваясь в силуэты ведьм далеко вниз.

— Я видел, как сегодня их гонял Шекспир, — произнес голос за его спиной. — Там на берегу моря собралась вся его рать, их тысячи. Там же три ведьмы, Оберон, отец Гамлета, Пак — все. Я говорю — тысячи. Море людей.

— Славный Вильям. — По обернулся. Занавеска упала, совсем закрыв окно. Он еще стоял какое-то мгновение, глядя на грубую каменную кладку стен, почерневший деревянный стол, свечу и человека, который сидел у стола и от нечего делать зажигал одну спичку за другой и смотрел, как они, догорев, гаснут. Это был Амброс Бирс. Он что-то насвистывал себе под нос, время от времени тихонько посмеиваясь.

— Настало время предупредить мистера Дикенса, — сказал По. — Мы и так слишком долго медлили. В нашем распоряжении считанные часы. Вы пойдете со мной, Бирс?

Бирс живо взглянул на него:

— Я только что подумал — что будет с нами?

— Если не удастся убить их или хотя бы отпугнуть, то нам придется покинуть планету, разумеется. Переселимся на Юпитер, а если они прилетят и туда, тогда на Сатурн, а если они и туда доберутся, у нас есть Уран, Нептун, на худой конец, Плутон...

— А потом?

Лицо Эдгара По казалось усталым, в глазах, затухая, все еще отражались огни костров, в голосе звучала печальная отрешенность, неуместными сейчас казались выразительные жесты и мягкая темная прядь, упавшая на удивительно белый лоб. Казалось, он поверженный демон, полководец, потерпевший поражение. Задумываясь, он имел обыкновение нервно покусывать темные шелковистые усы, отчего они изрядно пострадали. Он был так мал ростом, что его огромный белый, словно светящийся лоб, казалось, плыл сам по себе в сумерках комнаты.

— У нас есть одно преимущество — более совершенные средства передвижения, — сказал он. — Кроме того, всегда есть надежда на их атомные войны, гибель государств, возврат средневековья, а следовательно, и суеверий. И тогда в один прекрасный вечер мы вдруг все сможем вернуться на Землю. — Темные глаза Эдгара По задумчиво глядели из-под выпуклого сверкающего лба. Он поднял глаза на потолок.

— Итак, они летят сюда, чтобы разрушить и этот мир. Не могут примириться с тем, что существует еще что-то, что они не успели осквернить.

— Разве волчья стая успокоится, если уцелела хоть одна овца? — сказал Бирс. — Будет настоящая схватка. Я усядусь где-нибудь в стороне и буду вести счет. Столько-то землян угодило в чан с кипящей смолой и столько-то Рукописей, найденных в бутылках, брошено в костер, столько-то землян проткнуто иглами и столько-то Красных смертей пустилось наутек при виде шприца — ха-ха!

Эдгар По качнулся, слегка захмелевший от выпитого вина и гнева.

— Что мы такого сделали? Ради всего святого, будьте с нами, Бирс. Разве критики и рецензенты были справедливы к нашим книгам? О нет! Они просто схватили их своими стерильными щипцами и бросили в чан, чтобы прокипятить и убить вредоносные микробы. Будь они все прокляты!

— Презабавное положение, — промолвил Бирс.

Отчаянный вопль, раздавшийся за дверью, прервал беседу.

— Мистер По! Мистер Бирс!

— Да-да, мы здесь! — Спустившись несколькими ступеньками вниз, они увидели прислонившегося к стене человека. Он задыхался от волнения.

— Вы слышали? — вскричал он, увидев их. Дрожащей рукой он вцепился в них, будто под ногами у него разверзлась бездна. — Через час они будут здесь! Они везут с собой книги! Ведьмы говорят, что это старые книги! А вы отсиживаетесь в башне в такое время! Почему вы ничего не делаете?

— Мы делаем все возможное, Блэквуд. Вам это в новинку. Идемте с нами, мы направляемся к мистеру Чарльзу Диккенсу

— .. чтобы обсудить нашу участь, нашу печальную участь, — добавил Бирс и подмигнул.

Они спускались по лестнице в гулкую пустоту замка, все ниже и ниже, туда, где паутина, пыль и тлен.

— Не волнуйтесь, — говорил По, и его лоб освещал им путь, словно огромная белая лампа, то вспыхивая, то зату-

хая. — Я дал знать всем, кто там, на берегу мертвого моря. Всем вашим и моим друзьям, Блэквуд, и вашим, Бирс, тоже. Они все там. Все зверье, ведьмы и старики с длинными острыми зубами. Ловушки расставлены, колодцы и маятники ждут. И Красная смерть тоже... — он тихонько засмеялся. — Да, Красная смерть. Мог ли я думать, что настанет время, когда понадобится, чтобы на самом деле была Красная смерть? Но они хотят этого, и они это получат!

— Достаточно ли мы сильны? — терзался сомнениями Блэквуд.

— А что такое сила? Во всяком случае, для них это будет неожиданностью. У них нет воображения, у этих чистеньких молодых людей в стерильных комбинезонах и шлемах, напоминающих стеклянные аквариумы. Они исповедуют новую религию, на груди у них на золотых цепочках скальпели, на головах диадемы из микроскопов, в руках сосуды с дымящимися благовониями, но на самом деле это всего лишь бактерицидные автоклавы. Они хотят покончить раз и навсегда со всякой чертовщиной. Имена По, Бирса, Хоторна, Блэквуда не должны осквернять их стерильные уста.

Выйдя из замка, они пересекли всю в разводях равнину — озеро не озеро, а нечто мерцающее и призрачное, как в недобром сне. Воздух был полон каких-то звуков, свиста крыльев, вздохов ветра. Бормотание у костров то умолкало, то вновь звучало, фигуры раскачивались. Мистер По видел, как поблескивали вязальные спицы: они вязали, вязали, вязали. Они сушили боль, страдания и зло восковым фигуркам, изображавшим людей. От кипящего котла пахло чесноком, кайенским перцем, дурманяще благоухал брошенный в огонь шафран.

— Продолжайте, — крикнул им По. — Я еще вернусь.

На пустынном берегу моря темные фигуры вытянулись, стали расти и вдруг унеслись в небо, как черный дым. В далеких горах на башнях зазвонили колокола, и черное воронье, встревоженное бронзовым звоном, взметнулось и рассыпалось в воздухе как пыль.

С одинокого холма По и Бирс торопливо спустились в долину и тут же очутились на мощенной булыжником улочке. Была холодная, унылая погода, к тому же еще туман, и сновавшие взад-вперед прохожие громко топали ногами, чтобы хоть немного согреться; теплились огоньки свечей в окнах контор и лавок где висели рождественские индейки. Стайка закутанных с ног до головы мальчишек, прославляя Рождество, пела: «Да пошлет вам радость Бог», и их дыхание

— Пусть выйдет хотя бы мистер Марли?

— Нет!

Дверь захлопнулась. Когда По спускался вниз по улице, скользя по обледеневшему булыжнику, он услышал звук рожка и увидел подъехавший почтовый дилижанс. Из него со смехом и песнями, раскрасневшиеся и оживленные, выкрикивая рождественские поздравления, высыпали члены Пиквикского клуба и что есть мочи заколотили в дверь. Им открыл жирный парень.

Эдгар По торопливо шагал по берегу мертвого моря. На мгновение он задерживался то у одного, то у другого костра, чтобы отдать распоряжения, проверить, хорошо ли кипит котел, достаточно ли зелья и как начертаны мелом магические пентаграммы. «Хорошо! — восклицал он и спешил дальше. — Отлично! — кричал он и бежал дальше». Другие бежали за ним. Вот уже присоединились и мистер Коппард с мистером Мэкеном. Все злобные змеи и разгневанные демоны, огнедышащие драконы и шипящие гадюки, трясущиеся ведьмы, ядовитые колючки, жгучая крапива и колючий терновник — все, что некогда оставило на этом печальном берегу отступившее море фантазии, теперь пенилось, бурлило и гневно шипело.

Мистер Мэкен вдруг остановился. Он опустил на холодный песок и заплакал, как ребенок. Его пытались утешить, но безуспешно.

— Я вдруг подумал... — промолвил он, — ...я подумал, что будет с нами, когда исчезнут последние экземпляры наших книг.

Сердитый ветер пронесся мимо.

— Не смейте говорить об этом!

— Но мы должны! — простонал мистер Мэкен. — Именно сейчас, когда ракета сядет, вы, мистер По, вы, Коппард, вы, Бирс, исчезнете. Как дым, развеянный ветром. Ваши лица начнут таять...

— Смерть, смерть всем нам!

— Мы существуем, пока нас терпят на Земле. Если сегодня будет вынесен окончательный приговор и исчезнут последние экземпляры наших книг, мы погаснем, как гаснет огонь.

Коппард печально размышлял:

— Кто я? В чьей памяти на Земле я еще живу? Где? В африканской хижине? Какой-нибудь отшельник, может быть, читает мои рассказы. Последняя свеча, задуваемая ветром времени и науки. Дрожащий слабый огонек, благодаря которому я еще живу в гордом изгнании. Он или, может быть, мальчишка, вовремя нашедший меня на старом чердаке? О, вчера мне

было так худо, так худо. У души ведь тоже есть плоть, как есть она у тела, и плоть моей души ныла, каждая ее частичка... Вчера я был свечой, которая вот-вот погаснет, но вдруг пламя разгорелось с новой силой, потому что ребенок, там, на Земле, чихая от пыли, нашел на старом чердаке мою потрепанную, изъеденную временем книгу. И вот я вновь получил короткую отсрочку!

В маленькой хижине на берегу громко хлопнула дверь. Небольшого роста человек, изможденный и исхудавший так, что кожа буквально висела на нем, вышел из хижины и, не обращая ни на кого внимания, сел и уставился на свои сжатые кулаки.

— Вот кого мне жаль, — тихо прошептал Блэквуд. — Посмотрите, конец его близок. Когда-то он был более реален, чем мы, люди. Веками его, всего лишь легенду, наделяли розовой плотью, белоснежной бородой, обряжали в красный бархатный тулуп и черные сапоги. Ему дали сани, оленей, серебряную мишуру и ветку остролиста. Столько веков понадобилось, чтобы создать его. А потом взяли и уничтожили, выбросили как негодную вещь.

Все молчали.

«Как там на Земле без Рождества? — подумал По. — Без жареных каштанов, елочных украшений, хлопушек и свечей... Ничего, только снег, ветер и одинокие люди-реалисты...»

Они смотрели на печального старика с тощей бородкой, в выцветшем красном бархатном кафтане.

— Знаете, как это случилось?

— Нетрудно представить. Фанатик-психиатр, умничающий социолог, с пеной у рта негодующий педагог, лишенные фантазии родители...

— Прискорбное положение. Я не завидую торговцам рождественскими подарками, — заметил, усмехнувшись, Бирс. — В последнее время, как мне помнится, они начинали готовиться к сочельнику за день до Праздника всех святых. Теперь, если в этом есть еще смысл, пожалуй, начнут уже с сентября...

Бирс внезапно умолк и с печальным стоном рухнул на землю. Падая, он успел прошептать:

— Как странно...

Окаменев от ужаса, они смотрели, как его тело превращается в сизую золу и обугленные кости; хлопья сажки проплыли в воздухе.

— Бирс! Бирс!

— Его нет.

— Погиб последний экземпляр его книги. Кто-то только что сжег ее на Земле.

белыми облачками плыло в морозном воздухе. Часы на башне то и дело оглушительно били полночь. Детишки выбегали из пекарен, крепко держа в грязных ручонках узелки с кастрюльками и подносами, где дымился рождественский семейный обед.

Остановившись под вывеской «СКРУДЖ, МАРЛИ И ДИККЕНС», По взял в руки дверной молоток с лицом Марли и стукнул им в дверь. Она тут же приоткрылась, и веселые звуки музыки едва не заставили пришельцев тут же пуститься в пляс. За спиной человека, воинственно наставившего на непрошенных гостей свою острую бородку и усы, виднелся хлопающий в ладоши мистер Физзиуиг и миссис Физзиуиг — одна сплошная улыбка. Эта пара отплясывала так лихо, что то и дело натыкалась на других; пиликала скрипка, и звенел смех, похожий на звон хрустальной люстры, когда ее легонько тронет ветерок. Огромный стол был уставлен блюдами со свиными око-роками, индейками и гусями, украшенными ветками остролиста, со сладкими пирогами, молочными поросятами, гирляндами сосисок, апельсинами и яблоками. За столом сидели Боб Кретчит и Крошка Доррит, Малютка Тим и мистер Феджин собственной персоной, и еще человек, действительно похожий на непроваренный кусок говядины, или лишнюю каплю горчицы, или ломтик сыра, или непрожаренную картофелину — не кто иной, как сам мистер Марли со своей цепью и прочим; вино лилось рекой, а румяная индейка делала то, что ей и положено — дымилась во всем своем великолепии*.

— Что вам угодно? — спросил мистер Чарльз Диккенс.

— Мы снова пришли просить вас, Чарльз. Нам нужна ваша помощь, — промолвил По.

— Помощь? Какая? Вы надеетесь, что я помогу вам справиться с этими славными ребятами, что летят сюда на ракете? Напрасно. Я здесь случайно. Мои книги сожгли по ошибке. Я никогда не писал страшных и невероятных историй, как вы, По, или вы, Бирс, или другие. У меня нет ничего общего с вами, ужасные вы люди!

— Вы обладаете даром убеждать, — продолжал уговаривать его По — Вы могли бы встретить их, рассеять их сомнения, усыпить бдительность, а потом — потом мы бы занялись ими.

Диккенс не сводил взгляда с черного плаща, в котором прятал руки Эдгар По. Улыбнувшись, По вытащил из складок плаща черную кошку

---

* Персонажи и сценки из «Рождественской песни в прозе» и других произведений Чарльза Диккенса (*Примеч пер.*)

— А это подарок для одного из них.

— А для остальных?

По, довольный, улыбнулся:

— Преждевременное погребение.

— Вы мрачный человек, По.

— Я напуганный и очень разгневанный человек. Я — Бог, так же как и вы, мистер Диккенс, как мы все, и всё, что было создано нашей фантазией — наши герои, если хотите, — сейчас не только подвергается опасности, но уже изгнано, запрещено, сожжено, разорвано в клочья, вычеркнуто из памяти. Миры, созданные нами, рушатся и гибнут. Даже боги могут восстать!

— Вот как? — Диккенс нетерпеливо вскинул голову: ему хотелось поскорее вернуться к веселому обществу, музыке и вкусной еде. — Тогда, может быть, вы объясните, почему мы все очутились здесь? Как это могло случиться?

— Война порождает войны, разрушение ведет к разрушению. На Земле во второй половине двадцатого века стали запрещать наши книги. О, какая чудовищная казнь — уничтожать все, что мы создали! Именно это побудило нас вернуться. Откуда? Из царства смерти? Небытия? Я не любитель абстракций. Просто я не знаю. Я только знаю, что наши миры, наши творения взывали о помощи, и мы пытались спасти их. Единственной возможностью спасти их было переждать здесь, на Марсе, какую-нибудь сотню лет, пока на Земле станет невозможно от слишком большого количества ученых с их скептицизмом и недоверием. Но они решили прогнать нас и отсюда, нас и нашу фантазию, алхимиков, ведьм, вампиров и оборотней, которые один за другим отступали, по мере того как наука победно шествовала по Земле, покоряя одну страну за другой. У нас нет иного выхода, кроме бегства. Вы должны помочь нам. Вы умеете убеждать. Вы нам нужны.

— Повторяю еще раз, я ничего общего с вами не имею. Я не одобряю ни вас, По, ни других! — сердито вскричал Диккенс. — Я никогда не выдумывал ведьм, вампиров и прочей чертовщины.

— А ваш святочный рассказ с привидениями? Ваша «Рождественская песнь в прозе»?

— Чепуха! Всего один рассказ. Возможно, я еще что-то написал о привидениях, ну и что из этого? Мои главные книги совсем не об этом, там нет подобной ерунды!

— По ошибке или нет, но они и вас причислили к нам. Они уничтожили и ваши книги, Диккенс, — миры, созданные вами! Вы должны ненавидеть их!

— Я согласен, что они глупы и невежественны, но что из этого? Прощайте.

— Да хранит его Бог. Теперь ничего от него не осталось. Ибо кто мы, как не наши книги, и если погибнут книги, бесследно исчезаем и мы.

В небе нарастал гул.

Испуганно вскрикнув, они посмотрели вверх. Обжигая небосвод огненными выхлопами, летела ракета. На берегу замелькали огни фонарей, слышался скрип, скрежет, бульканье, запахло колдовским варевом. Полые тыквы-черепа со свечами в пустых глазницах поднялись в холодный чистый воздух. Костлявые пальцы сжались в кулак, и вопль вырвался из сухих уст колдуньи:

Чур, корабль, остановись!
Сгинь, корабль, воспламенись,
Лопни, тресни, развались!..
Плоть сушеная колдуньи,
Шерсть ушана в полнолуние...

— Настал час нам отправляться в путь, — прошептал Блэквуд. — На Юпитер, Сатурн или Плутон.

— Бежать? — крикнул ветру По. — Никогда!

— Я старый человек, я устал...

По взглянул в лицо старику и понял, что тот говорит правду. Он вскарабкался на огромный валун и обратился к тысячам серых теней, болотных огоньков и желтых глаз, к воющему ветру.

— Яды! Зелье! — крикнул он.

Запахло горьким миндалем, мускусом, тмином, фиалковым корнем и полынью.

Ракета снижалась медленно и неотвратно, с воем и стенаниями проклятого всеми грешника. Эдгар По неистовствовал. Он вскинул вверх сжатые кулаки, и оркестр из запахов, ненависти и гнева послушно повиновался. Словно сорванные бурей ветки в воздухе пронеслись летучие мыши. Негодующие сердца, пущенные как ядра, взрывались в опаленном воздухе кровавым фейерверком. Все ниже и ниже, неумолимо как маятник, опускалась ракета.

С гневными проклятиями По попятился назад, а ракета приближалась, сверля и жадно всасывая воздух. Мертвое море стало колодцем, где, как в западне, они ждали, когда опустится зловещая машина, подобно сверкающему лезвию топора. Их как будто застигла горная лавина.

— Змеи! — крикнул По.

Многоцветные ленты серпантина взметнулись вверх, навстречу ракете. Но она уже села, взвихрив воздух, опалив его

пламенем. И вот она лежит, тяжело отдуваясь, опустив огненный хвост на песок, всего в какой-то миле от них.

— Вперед! — неистово вскричал По. — Наш план изменился. У нас теперь лишь один выход. Вперед! Всем вместе на нее! Раздавим ее, убьем их всех!

Казалось, это был приказ разбушевавшимся волнам изменить свой бег, морю вздыбиться и покинуть веками обжитое ложе, яростным вихрям закружиться над песками, огненным потокам устремиться в высохшие русла, буре, ливню, громам обрушиться на берег; заметались тени и с пронзительным визгом и свистом, скуля, лопоча и стелясь, устремились к ракете, которая, выключив двигатели, лежала в ложине, как погашенный факел. Словно опрокинули закопченный котел, — разгневанные люди и рычащее зверье, как потоки раскаленной лавы, потекли по безводным милям морского дна.

— Убьем их! — кричал бегущий По.

Люди вышли из ракеты, держа ружья наготове. Настороженно оглядываясь, они принюхивались, как ищейки. Пусто. Никого. Они облегченно вздохнули.

Последним вышел Командир. Он коротко отдал приказ собрать хворост, разложить костер. Вспыхнуло пламя. Командир приказал всем стать поближе, в полукруг.

— Перед нами новый мир, — начал он, заставляя себя говорить размеренно и спокойно, хотя то и дело с опаской бросал взгляд через плечо на высохшее море за спиной. — Старый мир остался позади, это начало нового мира. Символическим актом мы сейчас еще раз подтвердим свою преданность науке и прогрессу. — И он коротко кивнул лейтенанту: — Книги!

Пламя заиграло на потускневших заглавиях книг: «Ивы», «Чужой», «Смотри, перед тобой мечтатель», «Доктор Джекил и мистер Хайд», «Волшебник Изумрудного города», «Пеллосидар», «Страна, которую забыло время», «Сон в летнюю ночь» и ненавистные имена Мэkena, Эдгара По, Кэбелла, Дансени, Блэквуда, Льюиса Кэрролла — старые имена, забытые, преданные анафеме имена.

— Это новый мир. А теперь мы торжественно покончим с тем, что еще осталось от старого.

И Командир вырвал страницу из книги. Он вырывал их одну за другой и бросал в огонь.

Пронзительный крик!

Люди в испуге отпрянули, и их взоры невольно устремились поверх пламени костра к неровным осыпающимся берегам пустого моря.

Еще крик, высокий и печальный, — предсмертный вопль издыхающего дракона, яростно бьющегося о прибрежную гальку кита, ибо левиафаново море ушло, чтобы не вернуться никогда.

Словно воздух со свистом ворвался в пустоту, где за мгновение до этого что-то было!

Командир аккуратно расправил с последней книгой.

Воздух больше не дрожал.

Тишина.

Люди, пригнув головы, прислушивались.

— Командир, вы слышите?

— Нет.

— Волна, сэр! Там, на дне этого моря! Мне показалось, я даже видел ее. Огромная черная волна. Катится прямо на нас!

— Вам привиделось.

— Смотрите туда, сэр!

— Что еще там?

— Смотрите, смотрите! Город вдалеке! Зеленый город у озера! Он раскололся надвое, он рушится!

Подавшись вперед, люди напрягли зрение.

Смит стоял среди них. Его била дрожь. Он прижал руку ко лбу, силясь что-то вспомнить.

— Я вспомнил! Да-да, вспомнил. Давно-давно, еще в детстве, я читал книгу... Кажется, это была сказка об изумрудном городе. Я вспомнил! «Волшебник Изумрудного города».

— Изумрудного?

— Да, так назывался город. Я видел его сейчас точно таким, как он описан в книге. Он рухнул.

— Смит?

— Да, сэр.

— Приказываю, немедленно к врачу!

— Слушаюсь, сэр! — Смит коротко отдал честь.

— Всем соблюдать осторожность!

Боязливо ступая, держа ружья наготове, люди отдалились от ракеты и ее слепящих прожекторов, чтобы получше разглядеть длинное ложе моря и низкие холмы.

— Как? Здесь никого нет? — разочарованно прошептал Смит. — Ни одной живой души?

Ветер, горестно завывая, бросил горсть песка к его ногам.

ТО ЛИ НОЧЬ, ТО ЛИ УТРО

За два часа он выкурил пачку сигарет.
— Как далеко мы в космосе?

— Миллиард миль, не меньше.

— Миллиард миль от чего? — спросил Хичкок.

— Смотри что тебе нужно, — ответил Клеменс, который не выкурил пока ни одной сигареты. — Миллиард миль от дома, можно сказать.

— Так и скажи.

— От дома, Земли, Нью-Йорка, Чикаго. От того места, откуда ты родом.

— Я не помню, откуда я, — ответил Хичкок. — Я даже не верю, что существует Земля. А ты веришь?

— Да, — быстро ответил Клеменс. — Сегодня утром она мне приснилась.

— В космосе нет утра.

— Тогда ночью.

— Здесь всегда ночь, — тихо сказал Хичкок. — О какой конкретной ночи ты говоришь?

— Заткнись, — сказал Клеменс, рассердившись. — Дай до-сказать.

Хичкок раскурил новую сигарету. Рука его не дрожала, но казалось, что она дрожит где-то внутри, под загорелой кожей, дрожит произвольно, сама по себе — такая маленькая неприметная дрожь в руке и огромная — во всем теле. Двое космонавтов сидели на полу палубы обзора и смотрели на звезды. Глаза Клеменса блестели, взгляд Хичкока был пуст и не выражал ничего, кроме разве легкого недоумения.

— Я проснулся в 05.00 часов, — промолвил он, и казалось, что он обращается к своей правой руке. — Я услышал, что кричу: «Где я? Где?» И в ответ слышу: «Нигде». Тогда я спрашиваю: «Где я был?» И сам отвечаю: «На Земле». «Что

такое Земля?» — удивляюсь я. «Это место, где я родился», — говорю я себе. Но это же ничто, и даже хуже, чем ничто. Я не верю тому, чего не вижу, не слышу и что не могу потрогать руками. Я не вижу Землю, почему я должен верить, что она существует? Не верить куда безопасней.

— Она существует, — улыбнувшись, уверенно сказал Клеменс. — Вон та, светящаяся точка — это и есть Земля.

— Это не Земля, это наше Солнце. Отсюда Землю не видно.

— Я вижу ее. У меня хорошая память.

— Это не одно и то же, глупец, — неожиданно рассердился Хичкок. — Я хочу сказать, видеть можно лишь глазами. Со мной всегда так было. Если я в Бостоне, то Нью-Йорк для меня мертв. Но когда я в Нью-Йорке, тогда мертв Бостон. Если я не вижу человека хотя бы один день, для меня он умирает. Но, встретив его вновь на улице, Господи, как я радуюсь его воскрешению и чуть не пляшу от счастья, что снова вижу его. Да, так было со мной раньше. Теперь я более не пляшу, просто смотрю на него. Когда же он уходит, для меня он снова мертв.

Клеменс рассмеялся:

— Просто у тебя мозги работают на самом примитивном уровне. Ты ничего не запоминаешь. У тебя нет воображения, Хичкок, старина. Ты должен научиться многое держать в своей памяти.

— А зачем мне помнить о вещах, которыми я не могу пользоваться? — спросил Хичкок, глядя широко открытыми глазами в космос. — Я — человек практичный. Если я не могу видеть Землю и ходить по ней, что ж, прикажешь мне ходить по памяти о Земле, так что ли? Это больно. Воспоминания, как однажды сказал мне отец, колючи как иглы дикобраза. К черту их! Подальше от воспоминаний. Они делают человека несчастным, мешают ему работать, доводят до слез.

— А я вот сейчас шагаю по Земле, — сказал Клеменс, мечтательно прищурившись и выпустив струйку дыма.

— Смотри, ты дразнишь дикобраза. Чуть позднее, днем ты почувствуешь, что потерял аппетит и тебе не хочется съесть свой ленч. Ты будешь удивляться и не понимать почему, — сказал Хичкок глухим ровным голосом. — А все потому, что ты занозил ноги колючками дикобраза и тебе теперь больно. К черту все это! Если я не могу что-то выпить, попробовать на вкус, что-то ущипнуть, кому-то дать пинка, растянуться и полежать на чем-то, тогда, говорю я себе, забудь об этом. Для Земли я умер, что ж, она тоже умерла для меня. Если сегодня вечером в Нью-Йорке никто не оплакивает меня, к черту Нью-Йорк! В космосе нет времен года: нет зимы и лета, нет

весны и осени. Нет здесь какого-то конкретного вечера или утра, а есть только космос и более ничего. А в это мгновение здесь мы с тобой и эта ракета. Но реально существующим я ощущаю только себя. Вот и все.

Клеменс словно и не слушал его.

— А я вот беру монету и бросаю ее в телефон-автомат, — промолвил он с медленной улыбкой, наглядно показывая, как он это делает. — И звоню своей подруге в Эванстаун: — Аллю, Барбара!

Ракета продолжала свой полет.

Ровно в 13.05 звонок собрал всех на ленч. Команда бесшумно, в подбитых резиной бутсах, мгновенно заняла свои места за столами с мягкой обивкой.

Клеменс вдруг понял, что ему совсем не хочется есть.

— Что я тебе говорил, — тут же заметил это Хичкок. — Вот тебе твои чертовы дикобразы! Забудь о них, как я тебе говорил. Смотри, какой у меня аппетит, — произнес он все это монотонным, неживым голосом, без тени юмора или злорадства. — Следи за мной, — он положил в рот солидный кусок пирога, проверил языком его мягкость, затем перевел взор на остатки пирога на тарелке, тронул его вилкой, нажал и стал мять лимонную начинку, следя, как она брызжет струйками меж зубцов вилки. Затем он ощупал рукой бутылку с молоком и наполнил им стакан, прислушиваясь к звуку льющегося молока. При этом он так пристально смотрел на молоко, словно ждал, что оно побелеет еще больше, и так быстро осушил стакан, что едва ли распробовал вкус молока. Свой ленч он съел в считанные минуты, лихорадочно забрасывая пищу в рот, а съев все, стал поглядывать по сторонам, нельзя ли прихватить еще что-нибудь. Но поблизости все уже было съедено. Посло этого он снова тупо уставился в иллюминатор, где видел космос и ракету.

— Все это нереально, — вдруг сказал он.

— Что? — спросил Клеменс.

— Звезды. Кто-нибудь хоть раз дотронулся до одной из них? Я вижу их, это верно, но что за радость видеть то, что удалено от тебя на миллион, а то и миллиард миль? Стоит ли думать о том, что так далеко от тебя?

— Зачем ты полетел? — неожиданно спросил Клеменс.

Хичкок заглянул в свой досуха пустой стакан и, крепко сжав его в руке, отпустил и снова сжал.

— Не знаю, — он провел языком по краю стакана. — Просто должен был, вот и все. Разве ты всегда знаешь, почему совершаешь те или иные поступки в своей жизни?

— Тебе нравилась идея путешествия в космос? Перемена мест?

— Не знаю. Впрочем, да. Хотя нет. Важна не перемена мест, а важен момент, когда находишься между ними. — Хичкок впервые попытался сосредоточить свой взгляд на чем-то конкретном за иллюминатором, но туманность была столь далекой и неопределенной в своих очертаниях, что его взгляд не мог за что-либо уцепиться, и его лицо и руки выражали предельное напряжение. — Главное — это космос и его необъятность. Мне всегда нравилась его идея: пустота сверху, пустота снизу и еще большая пустота между ними, а в ней я.

— Никогда еще не слышал, чтобы кто-то так говорил о космосе.

— Вот видишь, я это сказал. Надеюсь, ты меня слышал.

Хичкок вынул новую пачку сигарет и закурил, жадно затягиваясь и выпуская клубы дыма.

— Каким было твое детство, Хичкок? — спросил Клеменс.

— Я никогда не был молодым. Тот Хичкок, каким я был, умер. Вот тебе еще один пример колючек памяти. Я не хочу сесть на них голым задом, спасибо. Я всегда считал, что умираешь каждый день и каждый день тебя ждет аккуратный деревянный ящик с твоим номером. Но никогда не надо возвращаться назад, поднимать крышку ящиков и глядеть на себя того, прошлого. Ты умираешь в своей жизни не одну тысячу раз, а это уже горы мертвяков, и каждый раз ты умираешь по-своему, с другой гримасой на лице, которая раз от разу становится все ужасней. Ведь каждый день — ты другой, себе незнакомый, кого ты уже не понимаешь и не хочешь понимать.

— Таким манером ты отрезаешь себя от своего прошлого.

— Что общего у меня с молодым Хичкоком, какое мне дело до него? Он был круглым дураком, которого вечно отовсюду выгоняли, кем помыкали, кого лишь использовали в своих целях. У молодого Хичкока был никудышный отец, и он был рад смерти своей матери, потому что она была не лучше. Неужели я должен вернуться назад, чтобы поглядеть на то, каким было лицо отца в день его смерти, и позлорадствовать? Он тоже был дураком.

— Мы все — дураки, — промолвил Клеменс, — и всегда ими были. Только мы считаем, что меняемся с каждым днем. Просыпаешься и думаешь: «Нет, сегодня я уже не дурак. Я получил свой урок. Вчера я был дураком, но сегодня утром — нет». А завтра понимаешь, что как был дураком, так им и остался. Мне кажется, что выход здесь один: чтобы выжить и чего-то добиться, надо примириться с тем, что мы несовершенны, и жить по этой мерке.

— Я не хочу вспоминать о несовершенном, — заявил Хичкок. — Я не могу пожать руку молодому Хичкоку, понимаешь? Где он сейчас? Ты можешь найти его для меня? Он умер, ну так и черт с ним! Я не строю свое завтра с учетом глупостей, которые наделал вчера.

— Ты все неправильно понял.

— Тогда оставь меня таким, каков я есть. — Хичкок, закончив ленч, продолжал сидеть за столом и глядеть в иллюминатор. Остальные космонавты странно поглядывали на него.

— Метеориты и вправду существуют? — вдруг спросил Хичкок.

— Ты, черт побери, отлично знаешь, что существуют.

— На экране нашего радара — да, такие светящиеся прочерки в космосе. Нет, я не верю ничему, что существует или происходит не в моем присутствии. Иногда, — он кивнул на космонавтов, заканчивающих свою трапезу, — иногда я не верю ни в кого и ни во что, кроме себя. — Он выпрямился. — Тут есть лестница, ведущая на верхний этаж корабля?

— Да.

— Я должен немедленно ее видеть.

— Не надо так нервничать, друг.

— Жди меня здесь, я скоро вернусь. — Хичкок быстро вышел.

Космонавты продолжали медленно дожевывать пищу. Прошло какое-то время, и, наконец, один из них поднял голову от тарелки:

— Как давно он такой? Я имею в виду Хичкока.

— Только сегодня.

— Вчера он тоже был чудной.

— Да, но сегодня с ним намного хуже.

— Кто-нибудь сообщил об этом психиатру?

— Мы думали, что обойдется. Каждый проходит через это, впервые попав в космос. Со мной тоже такое было. Сначала начинаешь философствовать без всякого удержу, а потом трясешься от страха. Покрываешься холодным потом, сомневаешься в родных отце и матери, не веришь, что есть Земля, и в конце концов напиваешься до чертиков. А потом просыпаешься с дурной башкой и все проходит.

— Хичкок ни разу не напивался, — заметил кто-то. — А ему не помешало бы хорошенько напиться.

— Не знаю, как он прошел отборную комиссию?

— А как прошли ее мы? Им нужны люди. Космос отпугивает людей. Большинство боится его до чертиков. Так что в комиссии не особо придираются при отборе и легко признают человека годным.

— Этот при всех скидках не может быть признан годным, — опять сказал кто-то. — Он из тех, кому все нипочем. От него всего можно ждать.

Прошло пять минут. Хичкок не возвращался.

Клеменс, не выдержав, встал и по винтовой лестнице поднялся на полетную палубу. Хичкок был там. Он с нежностью прикоснулся рукой к перегородке.

— Она существует, — говорил он себе.

— Конечно, существует.

— Я боялся, что ее нет. — Хичкок внимательно посмотрел на Клеменса. — И ты жив.

— Жив, и уже немало лет.

— Нет, — возразил Хичкок. — Сейчас, в данную минуту, пока ты здесь, рядом со мной, ты жив. Мгновение назад тебя не было, ты был ничем.

— Для себя я был всем, — не согласился Клеменс.

— Это не имеет значения. Тебя не было со мной, — настаивал Хичкок. — А это главное. Команда внизу?

— Да.

— Ты можешь это доказать?

— Послушай, Хичкок, тебе лучше показаться доктору Эдвардсу. Мне кажется, ты нуждаешься в его помощи.

— Нет, со мной все в порядке. А кто здесь доктор, кстати? Ты мне можешь доказать, что он на ракете?

— Могу. Все, что нужно сделать, — это позвать его сюда.

— Нет, я имею в виду, что, стоя вот здесь в эту самую минуту, ты никак не можешь доказать мне, что он на ракете. Разве я не прав?

— Конечно, не двигаясь и оставаясь здесь с тобой, я не смогу этого сделать.

— Вот видишь. У тебя нет возможности доказать это с помощью твоих умственных усилий. А мне нужно именно такое доказательство, чтобы я его почувствовал. Материальные доказательства, за которыми надо сбегать и притащить сюда, мне не нужны. Я хочу, чтобы доказательство можно было держать в уме, потрогать его, почувствовать его запах, ощущать его целиком. Но это невозможно. Чтобы верить в существование вещи, ты должен постоянно иметь ее при себе. Землю в карман не положишь или же человека. А я хочу добиться того, чтобы всегда иметь при себе любую вещь. Чтобы я мог верить в ее существование. Это так обременительно — куда-то идти, брать что-то физически существующее, лишь бы доказать что-то. Я не люблю реальные вещи, потому что их всегда можно забыть где-нибудь или оставить, а потом перестать в них верить.

— Таковы правила игры.

— Я хочу поменять их. Разве плохо было бы подтверждать наличие той или иной вещи или человека простым усилием ума и всегда быть уверенным, что каждая вещь на своем месте? Я всегда бы знал, как выглядит то или другое место, когда меня там нет. Я хотел бы быть в этом уверенным.

— Это невозможно.

— Знаешь, — мечтательно промолвил Хичкок, — первая мысль о том, чтобы попасть в космос, пришла мне лет пять назад. Как раз в это время я потерял работу. Я хотел стать писателем. Да, одним из тех, кто много говорит и мало пишет. Это все народ вспыльчивый, раздражительный. Поэтому, когда я потерял свою хорошую работу и ушел из издательского дела, я так и не смог ничего себе найти. Тогда-то все и покатилося под гору. А тут еще умерла жена. Как видишь, ничего нет постоянного, ничто не стоит там, где ты его поставил. На материальные вещи нельзя полагаться. Сынишку пришлось отдать на попечение тетке, дела шли все хуже, как вдруг однажды был напечатан рассказ под моим именем, но он не был моим.

— Я что-то не понимаю.

Лицо Хичкока было бледным и покрылось испариной.

— Могу только сказать, что я смотрел на страницу напечатанного рассказа, где под его названием стояло мое имя: «Джозеф Хичкок», и знал, что это не я, а кто-то другой. Не было никакой возможности доказать, действительно *доказать*, что человек, написавший рассказ, был именно я. Рассказ мне был знаком, я знал, что писал его, но имя на бумаге не означало, что это я, — просто какой-то символ, чье-то имя. И оно было мне чужим. Вот тогда-то я и понял, что даже карьера преуспевающего писателя ничего не будет значить для меня, потому что я не смогу отождествить себя со своим именем. Все будет пыль и тлен. С тех пор я больше не писал. Найдя через несколько дней рассказы в ящике стола, я не был уверен, что они написаны мною, хотя помнил, что сам печатал их на машинке. Всегда мешало это непонятное отсутствие доказательства, этот *разрыв* между процессом создания и уже созданной вещью. То, что уже создано, становится мертвым и не может служить доказательством, ибо это уже не действие. Реально лишь действие. А лист бумаги, где оно запечатлено и завершено, как бы уже не существует, оно невидимо. На доказательстве, что *было* действие, ставится точка. Остается только память о нем, а я не доверяю своей памяти. Могу я доказать, что я написал эти рассказы? Нет, не могу. Может это сделать любой автор? Я имею в виду — сделать действие

доказательством. Нет. По сути дела, нет. Если только кто-то не будет присутствовать рядом и видеть, как ты печатаешь. А что, если ты не сочиняешь, а пишешь что-то по памяти? Тогда, когда работа сделана, доказательством становится только память. Так я стал везде и во всем искать этот разрыв между действием и его итогом. Я находил эти разрывы во всем. Я стал сомневаться, был ли я женат, есть ли у меня сын, была ли у меня когда-нибудь в жизни работа. Я сомневался, что родился в штате Иллинойс, что мой отец был пьяницей, а для матери я доброго слова не мог найти. Ничего этого я уже не был способен доказать. Конечно, мне могут сказать: «Ты, такой-сякой, сам хорош» и прочее, но разве в этом дело?

— Тебе бы лучше выбросить все это из головы, — наизда-тельно сказал Клеменс.

— Не могу. Эти разрывы, бреши и пространства без конца и края навели меня на мысль о космосе и звездах. Мне захотелось попасть в космос, в это ничто, на металлической, но хрупкой, как яичная скорлупа, ракете, подальше от этих мест с их разрывами и невозможностью доказательств. Я вдруг понял, что счастье я обрету только в космосе. Прилетев на Альдебаран-II, я тут же подпишу контракт на обратный пяти-летний полет на Землю, а потом, как челнок, буду летать туда и обратно до конца дней своих.

— Ты говорил об этом с психиатром?

— Чтобы он зацементировал бреши и разрывы, наполнил пропасти памяти шумом и теплой водой, словами и прикосно-вением рук, и всем прочим. Нет, благодарю покорно. — Хич-кок умолк. — Мне становится все хуже, как ты считаешь? Я подумал уже об этом. Сегодня утром, проснувшись, я подумал, что мне стало хуже. А может, лучше? — Он снова умолк и покосился на Клеменса. — Ты здесь? Ты действительно здесь? А ну, докажи.

Клеменс достаточно сильно ударил его по руке.

— Да, — успокоился Хичкок, потирая руку, внимательно осматривая ее и массируя. — Ты был здесь. Всего какую-то долю секунды. А теперь я не знаю, здесь ли ты.

— Скоро увидимся, — бросил на ходу Клеменс и поспешил за врачом.

Зазвонили звонки сигнализации тревоги. Один, второй, третий. Ракета вздрогнула, словно кто-то дал ей основательного пинка. Послышался неприятный сосущий звук, какой издает пылесос. Клеменс услышал крики и втянул в себя разреженный воздух, который со свистом проносился мимо его ушей. Вскоре

стало пусто в носу, опустели легкие. Ноги Клеменса споткнулись. Но тут же свист уходящего воздуха прекратился.

— Метеорит! — крикнул кто-то.

— Брешь заделана, — послышался ответ.

Так оно и было. Наружное аварийное устройство «паук» уже сделало свое дело, наложив горячую металлическую заплату на дыру в корпусе ракеты и накрепко приварив ее.

Клеменс слышал чей-то несмолкающий голос, потом крик и побежал по коридору, уже снова наполнявшемуся свежим неразрезанным воздухом. Взглянув на перегородку, он увидел свежую заделанную дыру и обломки метеорита на полу, словно куски сломанной игрушки. В сборе были все: капитан, врач и члены команды. На полу лежал Хичкок. Закрыв глаза, он выкрикивал снова и снова:

— Он пытался убить меня! Он пытался убить меня!

Его подняли и поставили на ноги.

— Это не должно было случиться, — твердил Хичкок. — Такого не должно быть, разве я не прав? Он целился в меня. Почему он это сделал?

— Все в порядке, Хичкок, все в порядке, — успокаивал его капитан.

Доктор в это время перевязывал небольшой порез на руке Хичкока. Тот, подняв голову, встретил взгляд Клеменса.

— Он хотел убить меня, — объяснил он другу.

— Я знаю, — успокоил его Клеменс.

Прошло семнадцать часов. Ракета продолжала полет. Клеменс зашел за перегородку и стал ждать. Теперь лишь капитан и психиатр были с Хичкоком. Он сидел на полу, поджав к груди ноги и крепко обхватив их руками.

— Хичкок! — окликнул его капитан.

Молчание.

— Хичкок, послушайте меня, — попытался в свою очередь психиатр.

Заметив Клеменса, они обратились к нему:

— Вы его друг?

— Да.

— Вы готовы нам помочь?

— Если смогу.

— Это все проклятый метеорит, — буркнул капитан. — Если бы не он, ничего бы с ним не произошло.

— Рано или поздно это произошло бы все равно, — заметил психиатр. — Попробуйте поговорить с ним, — обратился он к Клеменсу

Клеменс медленно подошел к Хичкоку и, склонившись над ним, легонько потряс его за руку:

— Эй, Хичкок, очнись.

Молчание.

— Это я, Клеменс, — попробовал он снова. — Смотри, я здесь. — Он похлопал Хичкока по руке. Потом стал массировать его застывшую в напряжении шею, спину, склоненную к коленям голову. Он взглянул на психиатра, тот лишь тихонько вздохнул.

Капитан пожал плечами:

— Шоковая терапия, доктор?

Психиатр кивнул:

— Начнем через час.

«Да, — подумал Клеменс, — выведение человека из шокового состояния. Дайте ему порцию джазовой музыки, помажьте перед его носом бутылкой со свежей хлорофилловой настойкой или вином из одуванчиков, постелите под ноги ковер из зеленой травы, разбрызгайте в воздухе духи “Шанель”, подстригите ему волосы, обрежьте ногти, приведите ему женщину, кричите и топайте на него ногами, раздавите его и поджарьте на электричестве, заполните все мучающие его разрывы и бреши, но как быть с доказательствами? Способны ли вы все время представлять их ему так, чтобы он в них поверил? Вы не можете занимать внимание ребенка погремушкой или свистком каждую ночь в течение тридцати лет. Когда-то надо остановиться. Но когда вы сделаете это, он снова будет для вас потерян, если, конечно, вы для него вообще существуете».

— Хичкок! — крикнул Клеменс так громко, как только мог, в полном отчаянии, словно сам стоял на краю пропасти. — Это я, твой друг! Эй, очнись!

Клеменс повернулся и вышел при полном молчании остальных.

Двенадцать часов спустя снова раздался сигнал тревоги.

Когда все сбежались и топот ног затих, капитан все объяснил:

— Хичкок, воспользовавшись тем, что остался один, надел скафандр и вышел в космос. Один.

Клеменс, часто моргая, силился увидеть в огромном стекле иллюминатора расплывающиеся пятна звезд и далекую густую темноту космоса.

— Теперь он там, — наконец промолвил он.

— Да. Где-то в миллионе миль от нас. Нам теперь его не найти. Я сразу понял, что он там, когда услышал, что на пульте заработало радио и раздался его голос. Он разговаривал сам с собой.

— Что он говорил?

— Что-то вроде: «Нет никаких теперь ракет. Никаких. И людей тоже. Во всей Вселенной. Да и не было их. Никаких деревьев и прочих растений, и никаких звезд». Вот что он говорил. Потом то же самое начал говорить о своих руках и ногах. Никаких, мол, рук у него нет и не было никогда. «Никаких ног. Где доказательства, что они у меня были? Да и тело тоже. Ни губ, ни лица, ни головы у меня нет и не было. Только космос, только брешь, разрыв...»

Все молча смотрели в иллюминатор на далекие холодные звезды.

«Космос, — думал Клеменс. — Хичкок по-настоящему любил космос. Пустота сверху, пустота снизу и огромная зияющая пустота посередине, а в ней Хичкок, падающий вниз, через это *ничто* навстречу то ли ночи, то ли утру...»

КОШКИ-МЫШКИ

В первый же вечер любовались фейерверком — пожалуй, эта пальба могла бы и напугать, напомнить вспышки не столь безобидные, но уж очень красивое оказалось зрелище, огненные ракеты взмывали в древнее ласковое небо Мексики и рассыпались ослепительно белыми и голубыми звездами. И все было чудесно, в воздухе смешалось дыхание жизни и смерти, запах дождя и пыли, из церкви тянуло ладаном, от эстрады — медью духового оркестра, выводившего медлительную трепетную мелодию «Голубки». Церковные двери распахнуты настежь, и, казалось, внутри пылают по стенам гигантские золотые созвездия, упавшие с октябрьских небес: ярко горели и курились тысячи и тысячи свечей. Над площадью, выложенной прохладными каменными плитами, опять и опять вспыхивал фейерверк, раз от разу удивительней, словно пробегали невиданные кометы-канатоходцы, ударялись о глинобитные стены кафе, взлетали на огненных нитях выше колокольни, где мелькали босые мальчишечьи ноги — мальчишки подскакивали, приплясывали и без усталости раскачивали исполинские колокола, и все окрест гудело и звенело. По площади метался огненный бык, преследовал смеющихся взрослых и радостно визжащих детишек.

— Тысяча девятьсот тридцать восьмой, — с улыбкой сказал Уильям Трейвис. — Хороший год.

Они с женой стояли чуть в сторонке, не смешиваясь с крикливой, шумной толпой.

Бык внезапно кинулся прямо на них. Схватившись за руки, низко пригнувшись, они с хохотом побежали прочь мимо церкви и эстрады, среди оглушительной музыки, шума и гама, под огненным дождем, под яркими звездами. Бык промчался мимо — хитроумное сооружение из бамбука, брызжащее поро-

ховыми искрами, его легко нес на плечах быстроногий мексиканец.

— Никогда в жизни так не веселилась! — Сьюзен Трейвис остановилась перевести дух.

— Изумительно, — сказал Уильям.

— Это будет долго-долго, правда?

— Всю ночь.

— Нет, я про наше путешествие.

Уильям сдвинул брови и похлопал себя по нагрудному карману.

— Аккредитивов у меня хватит на всю жизнь. Знай развлекайся. Ни о чем не думай. Им нас не найти.

— Никогда?

— Никогда.

Теперь кто-то, забравшись на гремющую звоном колокольную, пускал огромные шутихи, они шипели и дымили, толпа внизу пугливо шарахалась, шутихи с оглушительным треском рвались под ногами танцующих. Пахло жареными в масле майсовыми лепешками, так что слонки текли; в переполненных кафе люди, сидя за столиками, поглядывали на улицу, в смуглых руках пенились кружки пива.

Быку пришел конец. Огонь в бамбуковых трубках иссяк, и он испустил дух. Мексиканец снял с плеч легкий каркас. Его тучей облепили мальчишки, каждому хотелось потрогать великолепную голову из папье-маше и самые настоящие рога.

— Пойдем посмотрим быка, — сказал Уильям.

Они проходили мимо входа в кафе, и тут Сьюзен увидела — на них смотрит человек, белокожий человек в белоснежном костюме, в голубой рубашке с голубым галстуком, лицо художавое, загорелое. Волосы у него прямые, светлые, глаза голубые, и он в упор смотрит на них с Уильямом.

Она бы его не заметила, если б у его локтя не выстроилась батарея бутылок: пузатая бутылка мятного ликера, прозрачная бутылка вермута, графинчик коньяка и еще семь штук разных напитков, и под рукой десяток неполных рюмок. Неотрывно глядя на улицу, он потягивал то из одной рюмки, то из другой, порою жмурился от удовольствия и, смакуя, плотно сжимал тонкие губы. В другой руке у него дымилась гаванская сигара, и рядом на стуле лежали десятка два пачек турецких сигарет, шесть ящиков сигар и несколько флаконов одеколона.

— Билл. — шепнула Сьюзен.

— Спокойно, — сказал муж. — Это не то.

— Я видела его утром на площади.

— Идем, не оглядываясь. Давай осматривать быка. Вот так, теперь спрашивай.

— По-твоему, он Сыщик?

— Они не могли нас выследить!

— А вдруг?

— Отличный бык! — сказал Уильям владельцу сооружения из папье-маше.

— Неужели он гнался за нами по пятам через двести лет?

— Осторожней, ради Бога, — сказал Уильям.

Сьюзен пошатнулась. Он крепко сжал ее локоть и повел прочь.

— Держись, — он улыбнулся, — нельзя привлекать внимание. Сейчас тебе станет лучше. Давай пойдем туда, в кафе, и выпьем у него перед носом, тогда, если он и правда то, что мы думаем, он ничего не заподозрит.

— Нет, не могу.

— Надо. Идем. Вот я и говорю Дэвиду: что за чепуха! — Последние слова он произнес в полный голос, когда они уже поднимались на веранду кафе.

«Мы здесь, — думала Сьюзен. — Кто мы? Куда идем? Чего боимся? Начнем с самого начала, — говорила она себе, ступая по глинобитному полу. — Только бы не потерять рассудок.

Меня зовут Энн Кристен, моего мужа — Роджер. Мы из две тысячи сто пятьдесят пятого года. Мы жили в страшном мире. Он был точно огромный черный корабль, он покинул берега разума и цивилизации и мчался во тьму, трубя в черный рог, и уносил с собою два миллиарда людей, не спрашивая, хотят они этого или нет, к гибели, за грань суши и моря, в пропасть радиоактивного пламени и безумия».

Они вошли в кафе. Тот человек не сводил с них глаз.

Где-то зазвонил телефон.

Сьюзен вздрогнула. Ей вспомнилось, как звонил телефон в Будущем, через двести лет, в голубое апрельское утро 2155 года, и она сняла трубку.

— Энн, это я, Рене! — раздалось тогда в трубке. — Слышала? Про Бюро путешествий во времени слышала? Можно ехать куда хочешь — в Рим за двести лет до Рождества Христова, к Наполеону под Ватерлоо, в любой век и в любое место!

— Ты шутишь, Рене.

— И не думаю. Клинтон Смит сегодня утром отправился в Филадельфию, в тысяча семьсот семьдесят шестой. Это Бюро все может. Деньги, конечно, бешеные. Но ты только подумай: увидеть своими глазами пожар Рима! И Кублай-хана, и Моисея, и Красное море! Проверь почту, наверно, и тебе уже прислали рекламу.

Она открыла пневматичку и вынула рекламное объявление на тонком листе фольги:

**РИМ И СЕМЕЙСТВО БОРДЖИА!
БРАТЬЯ РАЙТ НА «КИТТИ ХОК»!**

Бюро путешествий во времени обеспечит вас костюмами любой эпохи, перенесет в толпу очевидцев убийства Линкольна или Цезаря! Мы обучим вас любому языку, и вы легко освоитесь в какой угодно стране, в каком угодно году. Латынь, греческий, разговорный древнеамериканский — на выбор. Путешествие во времени — лучший отдых!

В трубке все еще жужжал голос Рене:

— Мы с Томом завтра отправляемся в тысяча четыреста девяносто второй. Ему обещали место на корабле Колумба. Изумительно, правда?

— Да, — пробормотала ошеломленная Энн. — А правительство как относится к этому Бюро с Машиной времени?

— Ну, полиция за ними присматривает. А то люди станут удирать от воинской повинности в Прошлое. На время поездки каждый обязан передать властям свой дом и все имущество в залог, что вернется. Не забудь, у нас война.

— Да, конечно, — повторила Энн. — Война.

Она стояла с телефонной трубкой в руках и думала — вот он, счастливый случай, о котором мы с мужем говорили и мечтали столько лет! Нам совсем не нравится, как устроен мир в две тысячи сто пятьдесят пятом. Ему опостылело делать бомбы на заводе, мне — разводить в лаборатории смертоносных микробов, мы бы рады бежать от всего этого. Может быть, вот так нам удастся ускользнуть в глубь веков, в дебри прошлых лет, там нас никогда не разыщут, не вернут в мир, где жгут наши книги, обыскивают мысли, держат нас в вечном испепеляющем страхе, командуют каждым нашим шагом, орут на нас по радио...

Они в Мексике, в 1938 году.

Сьюзен смотрела на размалеванную стену кафе.

Тем, кто хорошо работал на Государство Будущего, разрешалось во время отпуска развлекаться и отдохнуть в Прошлом. И вот они с мужем отправились в 1938 год, сняли комнату в Нью-Йорке, ходили по театрам, полюбовались на зеленую статую Свободы, которая все еще стояла в порту. А на третий день переменяли одежду и имена и сбежали в Мексику!

— Конечно, это он, — прошептала Сьюзен, глядя на незнакомца за столиком. — Смотри, сигареты, сигары, бутылки.

Они выдают его с головой. Помнишь наш первый вечер в Прошлом?

Месяц назад, перед тем как удрать, они провели свой первый вечер в Нью-Йорке, смаковали странные напитки, наслаждались непривычными яствами, накопили уйму духов, перепробовали десятки марок сигарет — ведь в Будущем почти ничего нет, там все пожирает война. И они делали глупость за глупостью, бегали по магазинам, барам, табачным лавчкам и возвращались к себе в номер в блаженном одурении, еле живые.

И этот незнакомец ведет себя ничуть не умнее — так может поступать только человек из Будущего, за долгие годы стосковавшийся по вину и табаку.

Сьюзен и Уильям сели за столик и спросили вина.

Незнакомец так и сверлил их взглядом — как они одеты, как причесаны, какие на них драгоценности, изучал походку и движения.

— Сиди спокойно, — одними губами шепнул Уильям. — Держись так, будто ты в этом платье и родилась.

— Напрасно мы все это затеяли.

— О Господи, — сказал Уильям, — он идет сюда. Ты молчи, я сам с ним поговорю.

Незнакомец подошел и поклонился. Чуть слышно щелкнули каблуки. Сьюзен окаменела. Ох уж это истинно солдатское щелканье, его ни с чем не спутаешь, как и резкий, ненавистный стук в дверь среди ночи.

— Мистер Роджер Кристен, — сказал незнакомец, — вы не подтянули брюки, когда садились.

Уильям похолодел. Опустил глаза, руки его лежали на коленях как ни в чем не бывало. У Сьюзен неистово колотилось сердце.

— Вы обознались, — поспешно сказал Уильям. — Моя фамилия не Крислер.

— Кристен, — поправил незнакомец.

— Меня зовут Уильям Трейвис. И я не понимаю, какое вам дело до моих брюк.

— Виноват, — незнакомец придвинул себе стул. — Скажем так: я вас узнал именно потому, что вы не подтянули брюки. А все подтягивают. Если не подтягивать, они быстро вздуваются на коленях пузырями. Я заехал очень далеко от дома, мистер... Трейвис, и ищу, кто бы составил мне компанию. Моя фамилия Симс.

— Сочувствуем вам, мистер Симс, одному, конечно, скучно, но мы устали. Завтра мы уезжаем в Акапулько.

— Премилое местечко. Я как раз оттуда, разыскивал там друзей. Они где-то поблизости. Я их непременно отыщу... вашей супруге дурно?

— Спокойной ночи, мистер Симс.

Они пошли к выходу. Уильям крепко держал Сьюзен под руку. Симс крикнул вдогонку:

— Да, вот еще что...

Они не обернулись. Он чуть помедлил и отчетливо, раздельно произнес:

— Год две тысячи сто пятьдесят пятый.

Сьюзен закрыла глаза, земля уходила из-под ног. Как слепая, она вышла на сверкающую огнями площадь.

Они заперлись у себя в номере. И вот они стоят в темноте, и она плачет, и кажется, вот-вот на них обвалятся стены. А вдалеке с треском вспыхивает фейерверк, и с площади доносятся взрывы смеха.

— Такая наглость! — сказал Уильям. — Сидит и дымит сигаретами, черт бы его побрал, хлещет коньяк и оглядывает нас с головы до пят, как скотину. Надо было мне пристукнуть его на месте! — Голос Уильяма дрожал и срывался. — У него даже хватило нахальства сказать свое настоящее имя! Начальник Сыскного бюро. И эта дурацкая история с брюками. Господи, ну почему я их не подтянул, когда садился. Для этой эпохи самый обычный жест, все их поддерживают машинально. А я сел не так, как все, и он сразу насторожился: ага, человек не умеет обращаться с брюками! Видно, привык к военной форме или к полувоенной, как полагается в Будущем. Убить меня мало, я же выдал нас с головой!

— Нет, нет, виновата моя походка... эти высокие каблуки... И наши прически, стрижка... сразу видно, мы только-только от парикмахера. Мы такие неловкие, держимся неестественно, вот и бросаемся в глаза.

Уильям зажег свет.

— Он пока нас испытывает. Он еще не уверен... не совсем уверен. Значит, нельзя просто удрать. Тогда он будет знать наверняка. Мы преспокойно поедem в Акапулько.

— А может, он и так знает, просто забавляется, как кошка с мышью.

— С него станется. Время в его власти. Он может околачиваться здесь сколько душе угодно, а потом доставит нас в Будущее ровно через минуту после того, как мы оттуда отбыли. Он может держать нас в неизвестности много дней и насмеяться над нами.

Сьюзен сидела на постели, вдыхая запах древесного угля и ладана — запах старины, — и утирала слезы.

— Они не поднимут скандала, как по-твоему?

— Не посмеют. Чтобы впихнуть нас в Машину времени и отправить обратно, им нужно застать нас одних.

— Так вот же выход, — сказала Сьюзен. — Не будем оставаться одни, будем всегда на людях. Заведем кучу друзей и знакомых, станем ходить по базарам, останавливаться в лучших отелях и в каждом городе, куда ни приедем, будем обращаться к властям и платить начальнику полиции, чтобы нас охраняли, а потом придумаем, как избавиться от Симса, — убьем его, переоденемся по-другому, хотя бы мексиканцами, и скроемся.

В коридоре послышались шаги.

Они погасили свет и молча разделись. Шаги затихли вдали. Где-то хлопнула дверь.

Сьюзен стояла в темноте у окна и смотрела на площадь.

— Значит, вон то здание — церковь?

— Да.

— Я часто думала, какие они были — церкви. Их давным-давно никто не видал. Может, пойдем завтра, посмотрим?

— Конечно, пойдем. Ложись-ка.

Они легли, в комнате было темно.

Через полчаса зазвонил телефон.

— Слушаю, — сказала Сьюзен.

И голос в трубке произнес:

— Сколько бы мыши ни прятались, кошка все равно их изловит.

Сьюзен опустила трубку и, вся похолодев, вытянулась на постели.

За стеной, в году тысяча девятьсот тридцать восьмом, кто-то играл на гитаре — одну песенку, другую, третью...

Ночью, протянув руку, она едва не коснулась года две тысячи сто пятьдесят пятого. Пальцы ее скользили по холодным волнам времени, словно по рифленому железу, она слышала мерный топот марширующих ног, миллионы оркестров ревели военные марши; перед глазами протянулись тысячи и тысячи сверкающих пробирок с болезнетворными микробами, она брала их в руки одну за другой — с ними она работала на гигантской фабрике Будущего; в пробирках притаились проказа, чума, брюшной тиф, туберкулез; а потом раздался оглушительный взрыв. Рука Сьюзен обуглилась и съезжилась, ее отбросило чудовищным толчком, весь мир взлетел на воздух и рухнул, здания рассыпались в прах, люди истекли кровью и застыли. Исполинские вулканы, машины, вихри и лавины — все смолкло, и Сьюзен, всхлипывая, очну-

лась в постели в Мексике, за много лет до этой страшной минуты...

В конце концов им удалось забыться сном на час, не больше, а ни свет ни заря их разбудили скрежет автомобильных тормозов и гудки. Из-за железной решетки балкона Сьюзен выглянула на улицу — там только что остановились несколько легковых и грузовых машин с какими-то красными надписями, из них с шумом и гамом высыпали восемь человек. Вокруг собралась толпа мексиканцев.

— Que pasa?* — крикнула Сьюзен какому-то мальчонке.

Он покричал ей в ответ. Сьюзен обернулась к мужу:

— Это американцы, они снимают здесь кинофильм.

— Любопытно, — откликнулся Уильям (он стоял под душем). — Давай посмотрим. По-моему, не стоит сегодня уезжать. Попробуем усыпить подозрения Симса. И поглядим, как делают фильмы. Говорят, в старину это было любопытное зрелище. Нам не мешало бы немного отвлечься.

Отвлечись попробуй, подумала Сьюзен. При ярком свете солнца она на минуту совсем забыла, что где-то тут, в гостиной, сидит некто и курит несчетные сигареты и ждет. Глядя сверху на веселых, громогласных американцев, она чуть не закричала: «Помогите! Спрячьте меня, спасите! Перекрасьте мне глаза и волосы, переоденьте как-нибудь. Помогите же, я — из две тысячи сто пятьдесят пятого года!»

Но нет, не крикнешь. Фирмой путешествий во времени заправляют не дураки. Прежде чем отправить человека в путь, они устанавливают у него в мозгу психическую блокаду. Никому нельзя сказать, где и когда ты на самом деле родился, и никому в Прошлом нельзя открыть что-либо о Будущем. Прошое нужно охранять от Будущего, Будущее — от Прошлого. Без такой психической блокады ни одного человека не пустили бы свободно странствовать по столетиям. Будущее следует оберегать от каких-либо перемен, которые мог бы вызвать тот, кто путешествует в Прошлом. Как бы страстно Сьюзен этого ни хотела, она все равно не может сказать веселым людям там, на площади, кто она такая и каково ей сейчас.

— Позавтракаем? — предложил Уильям.

Завтрак подавали в огромной столовой. Всем одно и то же — яичницу с ветчиной. Тут было полно туристов. Появились приезжие киношники, их было восемь — шестеро мужчин и две женщины, они пересмеивались, с шумом отодвигали стулья. Сьюзен сидела неподалеку, и ей казалось, рядом с ними тепло и безопасно, она даже не испугалась, когда в столовую,

---

* Что происходит? (исп.)

попыхивая турецкой сигаретой, спустился мистер Симс. Он издали кивнул им, и Сьюзен кивнула в ответ и улыбнулась: он ничего им не сделает, ведь здесь эти восемь человек из кино да еще десятка два туристов.

— Тут эти актеры, — сказал Уильям. — Может, я попробую нанять двоих, скажу, что это для забавы — пускай переоденутся в наше платье и укатят в нашей машине; выберем минуту, когда Симс не сможет видеть их лиц. Он часа три будет гоняться за ними, а мы тем временем сбежим в Мехикосити. Там ему нас вовек не отыскать!

— Эй!

К ним наклонился толстяк, от него пахло вином.

— Да это американские туристы! — закричал он. — Ух, как я рад, на мексиканцев мне уже смотреть тошно! — Он крепко пожал им обоим руки. — Идемте позавтракаем все вместе. Злосчастье любит большое общество. Я — Злосчастье, вот мисс Скорбь, а это мистер и миссис Терпеть-не-можем-Мексику. Все мы ее терпеть не можем. Но мы тут делаем первые наброски для нашего треклятого фильма. Остальные приезжают завтра. Меня зовут Джо Мелтон. Я режиссер. Ну не паршивая ли страна! На улицах всюду похороны, люди мрут как мухи. Да что же вы? Присоединяйтесь к нам, порадуите нас!

Сьюзен и Уильям рассмеялись.

— Неужели я такой забавный? — спросил мистер Мелтон всех вообще и никого в отдельности.

— Просто чудо! — Сьюзен подсела к их компании.

Издали свирепо смотрел Симс.

Сьюзен скорчила ему гримасу.

Симс направился к ним между столиками.

— Мистер и миссис Трейвис, — окликнул он еще на ходу, — мы, кажется, собирались позавтракать втроем.

— Прошу извинить, — сказал Уильям.

— Подсаживайтесь, приятель, — сказал Мелтон. — Кто им друг, тот и мне приятель.

Симс принял приглашение. Актеры говорили все разом, и под общий говор Симс спросил вполголоса:

— Надеюсь, вы хорошо спали?

— А вы?

— Я не привык к пружинным матрацам, — проворчал Симс. — Но кое-чем удастся себя вознаградить. Полночи я не спал, перепробовал кучу разных сигарет и всякой еды. Очень странно и увлекательно. Эти старинные грешки позволяют испытать целую гамму новых ощущений.

— Не понимаю, что вы такое говорите, — сказала Сьюзен.

— Все еще разыгрываете комедию, — усмехнулся Симс. — Бесполезно. И в толпе вам тоже не укрыться. Рано или поздно я поймаю вас без свидетелей. Терпения у меня достаточно.

— Послушайте, — вмешался багровый от выпитого Мелтон, — этот малый вам, кажется, докучает?

— Нет, ничего.

— Вы только скажите, я его живо отсюда вышвырну.

И Мелтон опять что-то заорал своим спутникам. А Симс под крики и смех продолжал:

— Итак, о деле. Целый месяц я вас выслеживал, гонялся за вами из города в город, весь вчерашний день потратил, чтоб вывести вас на чистую воду. Я бы попробовал избавить вас от наказания, но для этого вы без шума пойдете со мной и вернетесь к работе над ультраводородной бомбой.

— Надо же, за завтраком — об ученых материях, — заметил Мелтон, краем уха уловив последние слова.

— Подумайте об этом, — невозмутимо продолжал Симс. — Вам все равно не ускользнуть. Если вы меня убьете, вас выследят другие.

— Не понимаю, о чем вы.

— Да бросьте! — обозлился Симс. — Шевельните мозгами. Вы и сами понимаете, мы не можем позволить вам удрать. Тогда найдутся и еще охотники улизнуть в Прошлое. А нам нужны люди.

— Для ваших войн, — не выдержал Уильям.

— Билл!

— Ничего, Сьюзен. Будем говорить на его языке. Все уже ясно.

— Превосходно, — сказал Симс. — А то ведь какая потрясающая наивность — бежать от своего прямого долга!

— Это не долг, а крошечный ужас.

— Вздор. Всего лишь война.

— Про что это вы? — поинтересовался Мелтон.

Сьюзен была бы рада ему объяснить. Но она не могла пойти дальше общих рассуждений. Психическая блокада ничего другого не допускала. Вот и Симс и Уильям сейчас, казалось бы, рассуждали общо и отвлеченно.

— Всего лишь! — говорил Уильям. — Бомбы, несущие проказу, убьют половину человечества!

— И тем не менее обитатели Будущего на вас в обиде, — возразил Симс. — Вы двое прячетесь, так сказать, на уютном островке в тропиках, а они летят напрямик к черту в зубы. Смерти по вкусу не жизнь, а смерть. Умиравшим приятно, когда они умирают не одни. Все-таки утешение знать, что в

пекле и в могиле ты не одинок. Все они обижены на вас обоих, а я — глашатай их обиды.

— Видали такого глашатая обид? — воззвал Мелтон ко всей компании.

— Чем дольше вы заставляете меня ждать, тем хуже для вас. Вы нужны нам для работы над новой бомбой, мистер Трейвис. Вернетесь теперь же — обойдется без пыток. А станете тянуть — мы все равно заставим вас работать над бомбой, а когда закончите, испробуем на вас некоторые сложные и малоприятные новинки. Так-то, сэр.

— Есть предложение, — сказал Уильям. — Я вернусь с вами при условии, что моя жена останется здесь живая и невредимая, подальше от этой войны.

Симс поразмыслил:

— Ладно. Через десять минут ждите меня на площади. Я сяду к вам в машину. Отвезете меня за город, в какое-нибудь глухое местечко. Я позабочусь, чтоб там нас подобрала Машина времени.

— Билл! — Сьюзен стиснула руку мужа.

Он оглянулся:

— Не спорь. Решено. — И прибавил, обращаясь к Симсу: — Еще одно. Минувшей ночью вы могли забраться к нам в номер и утащить нас. Почему вы не воспользовались случаем?

— Допустим, я недурно проводил время, — лениво протянул Симс, посасывая очередную сигару. — Такая приятная передышка, южное солнце, экзотика, досадно со всем этим расставаться. Жалко отказываться от вина и сигарет. Еще как жалко! Итак, через десять минут на площади. О вашей жене позаботятся, она вольна оставаться здесь, сколько пожелает. Прощайтесь.

Он встал и вышел.

— Скатертью дорога, мистер Болтун! — завопил ему вдогонку Мелтон. Потом обернулся и поглядел на Сьюзен: — Э-э, кто-то плачет! Да разве за завтраком можно плакать? Куда это годится?

Ровно в четверть десятого Сьюзен стояла на балконе их номера и смотрела вниз, на площадь. Там, на бронзовой скамье тонкой работы, закинув ногу на ногу, сидел мистер Симс, складка его брюк была безупречна. Он откусил кончик новой сигары и с чувством закурил.

Сьюзен услышала рокот мотора — в дальнем конце мощенной булыжником улицы выехал из гаража Уильям, машина медленно двинулась вниз по склону холма.

Она набирала скорость. Тридцать миль в час, сорок, пятьдесят. Куры на пути кидались врассыпную.

Симс снял белую панаму, отер платком покрасневший лоб, опять надел панаму, и тут он увидел машину.

Она неслась прямо на площадь со скоростью шестьдесят миль в час.

— Уильям! — вскрикнула Сьюзен.

Машина с грохотом налетела на обочину, подскочила и ринулась по плитам тротуара к позеленевшей от времени скамье. Симс выронил сигару, взвизгнул, отчаянно замахал руками. Удар. Симса подбросило... вверх, вверх... потом вниз, вниз... и тело нелепым узлом тряпья шмякнулось оземь.

Автомобиль остановился в дальнем конце площади, одно переднее колесо было исковеркано. Сбежался народ.

Сьюзен ушла в комнату, плотно затворила балконные двери.

В полдень они рука об руку спустились по ступеням мэрии, оба бледные. В лице ни кровинки.

— *Adijs, señor*, — сказал им вслед мэр города. — *Adios, señora**.

Они остановились на площади, толпа все еще гладела на лужу крови.

— Тебя вызовут опять? — спросила Сьюзен.

— Нет, мы все выяснили во всех подробностях. Несчастный случай. Машина перестала слушаться. Я даже всплакнул там у них. Бог свидетель, я должен был хоть как-то отвести душу. Просто не мог сдержать слезы. Нелегко мне было его убить. В жизни никого не хотел убивать.

— Тебя не будут судить?

— Нет, собирались было, но раздумали. Я их убедил. Мне поверили. Это был несчастный случай. И кончено.

— Куда мы поедем? В Мехико-Сити? В Уруапан?

— Машина сейчас в ремонте. Ее починят сегодня к четверем. Тогда вырвемся отсюда.

— А за нами не погонятся? По-твоему, Симс был один?

— Не знаю. Думаю, у нас есть немного форы.

Когда они подходили к своей гостинице, оттуда как раз высыпали киношники. Мелтон, хмурая брови, поспешил навстречу.

— Эй, я уже слышал, что стряслось. Вот неприятность! Но теперь все уладилось? Вам бы надо немного развлечься. Мы тут снимаем кое-какие уличные кадры. Хотите поглядеть? Идемте, вам полезно рассеяться.

---

* До свиданья, сеньор и сеньора (*исп.*)

И они пошли.

Пока устанавливали аппарат, Трейвисы стояли на булыжной мостовой. Сьюзен смотрела вдаль, на сбегавшую с горы дорогу, на шоссе, что вело в сторону Акапулько, к морю, мимо пирамид и руин, и селений, где лачуги слеплены были из желтой, синей, лиловой глины и повсюду пламенели цветы бугенвиллеи, смотрела и думала: «Мы будем ездить с места на место, держаться всегда большой компанией, всегда на людях — на базаре, в гостинной, будем подкупать полицейских, чтоб ночевали поблизости, и запирались на двойные замки, но главное — всегда будем на людях, никогда больше не останемся наедине, и всегда будет страшно, что первый встречный — это еще один Симс. И никогда мы не будем уверены, что сумели провести Сыщиков, сбили их со следа. А там, впереди, в Будущем, только того и ждут, чтобы поймать нас, вернуть, сжечь бомбами, сгноить чудовищными болезнями, ждет полиция, чтобы командовать, как дрессированными собачонками: “Служи! Перекувырнись! Прыгай через обруч!” И нам придется всю жизнь удирать от погони, и никогда уже мы не сможем остановиться, передохнуть, спокойно спать по ночам».

Собралась толпа поглазеть, как снимают фильм. А Сьюзен вглядывалась в толпу и в ближние улицы.

— Заметила кого-нибудь подозрительного?

— Нет. Который час?

— Три. Машину, наверно, скоро починят.

Пробные съемки закончились без четверти четыре. Оживленно болтая, все направились к гостинице. Уильям по дороге заглянул в гараж. Вышел он оттуда озабоченный:

— Машина будет готова в шесть.

— Но не позже?

— Нет, не волнуйся.

В вестибюле они осмотрелись — нет ли еще одиноких путешественников вроде мистера Симса, только-только от парикмахера, таких, что чересчур благоухают одеколоном и курят сигарету за сигаретой, — но тут было пусто. Когда поднимались по лестнице, Мелтон сказал:

— Утомительный выдался денек! Надо бы под занавес опрокинуть стаканчик, согласны? А вы, друзья? Коктейль? Пиво?

— Пожалуй.

Всей оравой ввалились в номер Мелтона, и началась пирушка.

— Следи за временем, — сказал Уильям.

«Время, — подумала Сьюзен. — Если бы у нас было время! Как бы хорошо в октябре долгий погожий день сидеть на

площади, закрыв глаза, улыбаться оттого, что солнце так славно греет лицо и обнаженные руки, и не шевелиться, и ни о чем не думать, ни о чем не тревожиться. Хорошо бы уснуть под щедрым солнцем Мексики и спать сладко, уютно, беззаботно, день за днем...»

Мелтон откупорил бутылку шампанского.

— Ваше здоровье, прекрасная леди! — сказал он Сьюзен, поднимая бокал. — Вы так хороши, что могли бы сниматься в кино. Пожалуй, я даже снял бы вас на пробу.

Сьюзен рассмеялась.

— Нет, я серьезно, — сказал Мелтон. — Вы очаровательны. Пожалуй, я сделаю из вас кинозвезду.

— И возьмете меня в Голливуд?

— Уж конечно, вам нечего торчать в этой проклятой Мексике!

Сьюзен мельком глянула на Уильяма, он приподнял бровь и кивнул. Это значит переменить место, обстановку, манеру одеваться, может быть, даже имя и путешествовать в компании; восемь спутников — надежный щит от всякой угрозы из Будущего.

— Звучит очень соблазнительно, — сказала Сьюзен.

Шампанское слегка ударило ей в голову. День проходил незаметно; вокруг болтали, шумели, смеялись. Впервые за много лет Сьюзен чувствовала себя в безопасности, ей было так хорошо, так весело, она была счастлива.

— А для какой картины подойдет моя жена? — спросил Уильям, вновь наполняя бокал.

Мелтон окинул Сьюзен оценивающим взглядом. Остальные перестали смеяться и прислушались.

— Пожалуй, я создал бы повесть, полную напряжения, тревоги и неизвестности, — сказал Мелтон. — Повесть о супружеской чете, вот как вы двое.

— Так.

— Возможно, это будет своего рода повесть о войне, — продолжал режиссер, подняв бокал и разглядывая вино на свет.

Сьюзен и Уильям молча ждали.

— Повесть о муже и жене, они живут в скромном домике, на скромной улице, году, скажем, в две тысячи сто пятьдесят пятом, — говорил Мелтон. — Все это, разумеется, приблизительно. Но в жизнь этих двоих входит грозная война — ультра-водородные бомбы, военная цензура, смерть, и вот — в этом вся соль — они удирают в Прошлое, а за ними по пятам следует человек, который им кажется воплощением зла, а на самом деле лишь стремится пробудить в них сознание долга.

Бокал Уильяма со звоном упал на пол.

— Наша чета, — продолжал Мелтон, — ищет убежища в компании киноактеров, к которым они прониклись доверием. Чем больше народу, тем безопаснее, думают они.

Сьюзен без сил поникла на стуле. Все неотрывно смотрели на режиссера. Он отпил еще глоток шампанского.

— Ах, какое вино! Да, так вот, наши супруги, видимо, не понимают, что они необходимы Будущему. Особенно муж, от него зависит создание металла для новой бомбы. Поэтому Сыщики — назовем их хоть так — не жалеют ни сил, ни расходов, лишь бы выследить мужа и жену, захватить их и доставить домой, а для этого нужно застать их одних, без свидетелей, в номере гостиницы. Тут хитрая стратегия. Сыщики действуют либо в одиночку, либо группами по восемь человек. Не так, так эдак, а они своего добьются. Может получится увлекательнейший фильм, правда, Сьюзен? Правда, Билл? — и он допил вино.

Сьюзен сидела как каменная, глядя в одну точку.

— Выпейте еще, — предложил Мелтон.

Уильям выхватил револьвер и выстрелил три раза подряд, один из мужчин упал, остальные кинулись на Уильяма. Сьюзен отчаянно закричала. Чья-то рука зажала ей рот. Револьвер валялся на полу, Уильям отбивался, но его уже держали.

Мелтон стоял на прежнем месте, по его пальцам текла кровь.

— Прошу вас, — сказал он, — не усугубляйте своей вины.

Кто-то забарабанил в дверь:

— Откройте!

— Это управляющий, — сухо сказал Мелтон. Вскинул голову и скомандовал своим: — За дело! Быстро!

— Откройте! Я вызову полицию!

Сьюзен и Уильям переглянулись, посмотрели на дверь...

— Управляющий желает войти, — сказал Мелтон. — Быстрыей!

Выдвинули аппарат. Из него вырвался голубоватый свет и залил комнату. Он ширился, и спутники Мелтона исчезали один за другим.

— Быстрыей!

За миг до того как исчезнуть, Сьюзен взглянула в окно — там была зеленая лужайка, лиловые, желтые, синие, алые стены; струилась, как река, булыжная мостовая; среди опаленных солнцем холмов ехал крестьянин верхом на ослике; мальчик пил апельсиновый сок, и Сьюзен ощутила вкус душистого напитка; на площади в тени дерева стоял человек с гитарой.

и Сьюзен ощутила под пальцами струны; вдали виднелось море — синее, ласковое, — и волны подхватили ее и понесли.

И она исчезла. И муж ее исчез.

Дверь распахнулась. В номер ворвались управляющий и несколько служащих гостиницы.

Комната была пуста.

— Но они только что были тут! Я сам видел, как они пришли, а теперь — никого! — закричал управляющий. — Через окно никто удрать не мог, на окнах железные решетки!

Под вечер пригласили священника, снова открыли комнату, проветрили, и священник окропил все углы святой водой и прочитал молитву.

— А с этим что делать? — спросила горничная.

И показала на стенной шкаф — там теснились 67 бутылок вина: шартрез, коньяк, ликер «creme de cacaо», абсент, вермут, текилья, а кроме того, 106 пачек турецких сигарет и 198 желтых коробок с отличными гаванскими сигарами, по пятьдесят центов штука...

ПРИШЕЛЕЦ

Саул Уильямс проснулся и с тоской выглянул наружу из своей палатки. Он подумал о том, как далеко от него Земля — миллионы миль отделяют меня от нее, подумал он. Ну а что тут можно поделаться? Когда легкие полны этой «кровавой ржавчины», когда без конца терзает кашель.

Саул поднялся в тот день в семь часов. Это был высокий, худой, истощенный болезнью человек. Утро на Марсе стояло тихое, ничто не нарушало безмолвие мертвого морского дна, не было даже ветра. Среди пустынного неба сияло холодное солнце.

Саул вымыл лицо и позавтракал.

А после этого ему страшно захотелось вернуться на Землю. Он всеми способами пытался оказаться в Нью-Йорке. Иногда, когда он правильно усаживался и определенным образом складывал руки, ему это удавалось. Он даже почти улавливал запах Нью-Йорка. Но такое получалось редко, большей частью у него ничего не выходило.

В то же утро, позднее, Саул попробовал умереть. Он лег на песок и приказал своему сердцу остановиться. Оно продолжало стучать. Он представил себе, как он спрыгивает со скалы или перерезает себе вены, но сам же рассмеялся — он знал, что ему неостанет мужества на подобный акт.

«Может быть, если я поднатужусь и хорошенько сосредоточусь на этом, я просто засну и не проснусь больше», — предположил он. Он и это попробовал. Через час он проснулся — рот его был полон крови. Он поднялся, выплюнул ее и почувствовал ужасную жалость к себе. Эта кровавая ржавчина заполняет рот и нос, течет из ушей, из-под ногтей, и этой хворобе требуется год, чтобы покончить с тобой. Существовало только одно средство против болезни — запихнуть тебя в ракету и отправить в изгнание на Марс. На Земле не знали,

как лечить таких больных, а оставить их там значило распространить заразу на других и убить и их. Так он оказался тут, в полном одиночестве, беспрестанно истекая кровью.

Саул присмотрелся. Вдалеке, возле древних городских руин он увидел человека, лежавшего на грязном одеяле.

Когда Саул подошел к нему, человек на одеяле ответил на это слабым движением.

— Привет, Саул, — произнес он.

— Опять утро, — сказал Саул. — Бог мой, как мне одиноко!

— Такова судьба всех нас заржавелых, — возразил человек на одеяле, такой немощный и бледный, что казалось — коснись его, и он рассыпется.

— Как бы я хотел, — сказал Саул, глядя на лежащего перед ним человека, — чтобы ты хотя бы поговорил со мной. Почему интеллектуалы никогда не подхватывают нашу кровавую ржавчину и не прилетают сюда?

— Это явный заговор против тебя, Саул, — сказал человек, закрывая глаза, не в силах держать их открытыми. — Меня когда-то хватало на то, чтобы оставаться интеллектуалом. Теперь даже думать для меня — тяжкий труд.

— Когда бы мы могли хотя бы говорить друг с другом!.. — сказал Саул Уильямс.

Его собеседник только безразлично пожал плечами:

— Приходи завтра. Может, у меня хватит сил потолковать с тобой об Аристотеле. Я попытаюсь. Правда, — и он свалился под отжившим свое деревом. Он приоткрыл один глаз. — Вспомни, мы с тобой как-то беседовали об Аристотеле, шесть месяцев назад — хороший был денек тогда.

— Помню, — сказал Саул, не слушая его. Он посмотрел на мертвое море. — Хотел бы я быть таким же немощным, как ты, тогда, наверное, меня не тревожило бы состояние моего интеллекта. Я тогда был бы спокоен.

— Через шесть месяцев тебе станет так же плохо, как мне сейчас, — заметил умирающий. — И тебе будет безразлично все, кроме сна, как можно больше сна. Сон уподобится женщине для тебя. Ты всегда будешь стремиться к ней, потому что она и свежа, и хороша, и верна, и всегда добра к тебе и все в том же роде. Ты будешь пробуждаться с единственным желанием — снова погрузиться в сон. Это чудесная вещь.

Его голос перешел в шепот. И вот он умолк, и жизнь легко отлетела от него.

Саул оставил его.

По берегу мертвого моря, подобно пустым бутылкам, выброшенным некоей длинной волной, валялись тела спящих людей. Саул видел их всех сразу, там, внизу, на изгибе пустого моря.

Один, второй, третий — каждый спал в одиночку, большинство из них были в худшем состоянии, чем он, у каждого был небольшой запас еды, каждый был занят только собой, потому что нужда в общении отпадала и только сон прельщал всех.

Поначалу несколько ночей все они собирались возле общих бивачных костров. И говорили об одной только Земле. Ни о чем больше разговоров не было. О самой Земле, о воде, журчащей в речушках маленьких городов, и о том, как вкусен домашний клубничный торт, и о раннем утре в Нью-Йорке, когда, овеваемый соленым ветерком, переправляешься на пароме из Джерси.

«Мне нужна Земля, — думал Саул. — Она мне так нужна, что сил никаких нет. Мне необходимо то, чего я уже никогда не смогу иметь. Больше, чем в пище, сильнее, чем в женщине, сильнее всего на свете я нуждаюсь в Земле. Моя болезнь навсегда отторгает от меня женщин — это совсем не то, что я хочу. Но Земля... да. Она необходима для ума, не для жалкого тела».

В небе полыхнул светом блестящий металл.

Саул посмотрел на небо.

Снова свет от летящего металла.

Спустя минуту ракета приземлилась на дне моря. Открылся люк, из ракеты с багажом в руке вышел человек. Два других в защитных биокостюмах вынесли вслед за ним большие коробки с едой и поставили для него палатку.

Еще мгновение — и ракета снова устремилась в небо. Изгнанник остался стоять в одиночестве.

Саул побежал. Он не бегал вот уже несколько недель, и на него сразу навалилась усталость, но он бежал и кричал:

— Привет! Привет!

Когда Саул подбежал к молодому человеку, тот осмотрел его с ног до головы.

— Привет. Итак, это Марс. Меня зовут Леонард Марк.

— Меня Саул Уильямс.

Они обменялись рукопожатием.

Леонард Марк был очень молод — всего восемнадцати лет; настоящий блондин с розовым, свежим — несмотря на болезнь — лицом и голубыми глазами.

— Как там, в Нью-Йорке? — спросил Саул.

— Вот так, — сказал Леонард Марк и посмотрел на Саула.

Нью-Йорк, весь из камня, пронизанный мартовскими ветрами, возник прямо из пустыни. Электричество неоновыми цветами вспыхнуло вокруг. Желтые такси скользили по тихим улицам ночного города. Подняли мосты, и в полуночных

гаванях загудели буксирные суда. Раздвинулись занавеси на сверкающих блестками мюзиклах.

Саул сильно сжал руками голову.

— Продолжайте! Продолжайте! — кричал он. — Что происходит со мной? Что со мной случилось? Я схожу с ума!

В Центральном парке распускались листья, молодые, зеленые. Саул шел по тропе, вдыхая весенний воздух и наслаждаясь запахами.

— Дурачина, остановись! Остановись! — кричал сам себе Саул. Он обеими руками сжимал свой лоб. — Этого не может быть!

— Это есть, — сказал Леонард Марк.

Небоскребы Нью-Йорка растаяли. Вернулся Марс. Саул стоял на пустынном дне мертвого моря, опустошенно глядя на молодого незнакомца.

— Вы... — сказал он, указывая рукой на Леонарда Марка. — Вы сделали это. Вы сделали это вашим разумом.

— Да, — сказал Леонард Марк.

В молчании стояли они друг против друга. Потом, весь дрожа, Саул схватил руку своего коллеги-изгнанника и, без конца пожимая ее, говорил:

— О, как же я рад, что вы здесь! Представить себе не можете, как я рад!

Они пили крепкий черный кофе из жестяных кружек. Наступил полдень. Они проболтали все это теплое утро.

— И откуда у вас эта способность? — спросил Саул, потягивая кофе из своей кружки и не отрывая глаз от юного Леонарда Марка.

— Это одно из моих врожденных качеств, — ответил Марк, разглядывая свой напиток. — В 57 году моя мать оказалась во время взрыва в Лондоне. Через десять месяцев появился на свет я. Не знаю, как назвать эту мою способность. Телепатия или передача мыслей на расстоянии — так, наверное. Я обычно выступал с этим на сцене. Я объехал весь мир. В афишах писали «Леонард Марк, чудо-интеллект!» Я всячески отмежевывался от этого. Многие считали меня шарлатаном. Вы ведь знаете, как публика относится к театральному люду. Один я знал, что мой талант подлинный, но я никому не признавался в этом. Безопаснее было не давать особого хода слухам о нем. О, совсем немногие из моих ближайших друзей знали о моих истинных способностях. А их у меня великое множество, и все они пригодятся нам здесь, на Марсе.

— Черт возьми, до чего же вы напугали меня сначала, — признался Саул, крепко сжимая кружку в руке. — Когда из

земли вдруг вырос непонятно каким образом Нью-Йорк, я подумал, что сошел с ума.

— Это один из видов гипноза, который воздействует сразу на все органы чувств — на глаза, уши, нос, рот, кожу. Что бы вам особенно хотелось сделать прямо сейчас?

Саул поставил свою кружку. Он старался сдерживать дрожь в руках. Облизнул губы.

— Я хотел бы оказаться в речушке в городе Меллине, штат Иллинойс, где, будучи мальчишкой, я любил купаться. Хотелось бы совсем нагишом поплавать в ней.

— Хорошо, — согласился Леонард Марк и чуть-чуть повернул голову.

Саул с закрытыми глазами упал на песок. Леонард Марк сидел, наблюдая за ним.

Саул лежал на песке. Время от времени его руки начинали двигаться, конвульсивно подергиваться. Его рот оставался все время открытым. Из его то сжимавшейся, то расслаблявшейся глотки вырывались невнятные звуки.

Затем Саул начал производить плавные движения руками — вперед-назад, вперед-назад, — тяжело дышал, повернув голову в одну сторону, медленно взмахивал руками в теплом воздухе, загребая желтый песок под себя, его тело размеренно поворачивалось из стороны в сторону.

Леонард Марк спокойно допил кофе. В процессе питья он не спускал глаз с копошащегося на дне мертвого моря, что-то шепчущего Саула.

— Довольно, — сказал Леонард Марк.

Саул сел, потирая лицо руками.

Спустя немного времени он заговорил с Леонардом Марком.

— Я видел речку. Я бегал по берегу, сбросив с себя все, — рассказывал он, затаив дыхание, и недоверчивая улыбка не сходила с его лица. — И я нырнул в речку и плавал в ней!

— Очень рад, — сказал Леонард Марк.

— Вот! — Саул полез в карман и вытащил свою последнюю плитку шоколада. — Это вам.

— Что это? — спросил Леонард Марк, глядя на вознаграждение. — Шоколад? Какая ерунда! Я делаю это не ради платы. Я это делаю потому, что таким образом приношу вам счастье. Положите вашу шоколадку обратно в карман, пока я не превратил ее в гремучую змею и она не укусила вас.

— Благодарю вас, благодарю вас! — Саул убрал шоколадку. — Вы даже не представляете, какая там замечательная была вода. — Он потянулся за кофейником. — Налить еще?

Разливая кофе, Саул на какое-то мгновение закрыл глаза.

«Я обрел здесь Сократа, — думал он. — Сократа, и Платона, и Ницше, и Шопенгауэра. Этот человек, судя по его разговору, гений. Его талант непостижим! Подумать только — долгие, вольготные дни и прохладные ночи, заполненные нашими с ним беседами. Год обещает быть совсем неплохим. Не половина года...»

Он вылил остатки кофе.

— Что-то не так?

— Нет, ничего.

Саул был в смятении, он был потрясен.

«Мы отправимся в Грецию, — мечтал он. — В Афины. А захотим — окажемся в Риме, где будем изучать римских авторов. Мы остановимся в Парфеноне и в Акрополе. Это не будут просто беседы, — мы, кроме того, побываем в разных местах. Этот человек способен сделать так. Когда мы заговорим о пьесах Расина, он создаст сцену и артистов на ней — и все это для меня. Бог мой, да такого никогда в моей жизни не было! Насколько же лучше оказаться больным здесь, на Марсе, чем здоровым, но без этих возможностей, на Земле! Много ли людей найдется, кто видел бы греческую трагедию, сыгранную в греческом амфитеатре в 31 году до нашей эры?

А если я совершенно серьезно и спокойно попрошу этого человека представить мне Шопенгауэра, Дарвина, Бергсона и всех прочих крупных мыслителей прошедших веков?.. А почему бы нет? Сидеть и беседовать с Ницше лицом к лицу или с самим Платоном!..»

Но существовала одна загвоздка. Саул засомневался.

Остальные. Остальные больные люди, лежавшие на дне мертвого моря. Они уже зашевелились, направляясь к ним. Они видели сверкание ракеты в небе, ее приземление, выгрузку ее пассажира. И вот они шли, медленно, мучительно, чтобы приветствовать вновь прибывшего.

Саул похолодел.

— Марк, — произнес он, — мне кажется, нам лучше скрыться в горах.

— Зачем?

— Вы видите этих людей, приближающихся к нам? Среди них есть сумасшедшие.

— Правда?

— Да.

— Одиночество и вся эта жизнь сделали их такими?

— Да, вот именно. Нам лучше уйти.

— Они совсем не выглядят опасными. Они так медленно передвигаются.

— Они еще вам покажут.

Марк посмотрел на Саула:

— Вы дрожите. Что с вами?

— У нас нет времени на разговоры, — сказал Саул, быстро поднимаясь на ноги. — Пошли. Неужели вы не понимаете, что будет, если они узнают о вашем таланте? Они станут драться за обладание вами. Они будут убивать друг друга... они убьют вас за право владеть вами.

— О, но ведь я не принадлежу никому, — возразил Леонард Марк. Он взглянул на Саула. — Никому. Даже вам.

Саул вздернул подбородок:

— Я и не думал об этом.

— А сейчас — сейчас вы тоже об этом не подумали? — рассмеялся Марк.

— Некогда нам препираться тут, — заявил Саул, щеки его горели, глаза возбужденно блестели. — Пошли!

— Не хочу. Я останусь сидеть здесь до тех пор, пока эти люди не подойдут к нам. Вы слишком большой собственник. Моя жизнь принадлежит только мне.

Саул почувствовал, как в нем подымается злоба. Лицо его исказилось.

— Вы слышали, что вам сказано!

— Как же быстро вы из друга превратились во врага, — заметил Марк.

Саул набросился на него. Удар был стремительный и точный.

Марк, смеясь, уклонился от него:

— Ничего у вас не получится!

Они стояли в центре Таймс-сквер. Мимо, гудя, проносились с грохотом машины. Небоскребы круто подымались в голубое, прозрачное небо.

— Это обман! — вскричал Саул, потрясенный увиденным. — Ради всего святого, Марк, не надо! Люди уже близко. Они убьют вас!

Марк сидел на тротуаре, радуясь своей шутке.

— Пускай подходят. Я их всех одурачу!

Нью-Йорк отвлек внимание Саула от Марка. Так и было задумано — переключить его внимание на святотатственную прелесть города, от которого он был отлучен столько месяцев. Вместо того чтобы снова напасть на Марка, он только стоял и впивал в себя далекую, но столь родную ему жизнь.

Он закрыл глаза:

— Нет.

И, падая, увлек за собой Марка. В его ушах захлебывались гудки автомобилей. Бешено скрипели тормоза. Он нанес удар Марку в подбородок.

Тишина.

Марк лежал на дне моря.

Взяв на руки потерявшего сознание Марка, Саул тяжело побежал к горам.

Нью-Йорк исчез. Осталось только нескончаемое молчание мертвого моря.

Со всех сторон к нему приближались люди. Со своей бесценной ношей он устремился к горам — он нес в своих руках Нью-Йорк, и зеленые пригороды, и ранние весны, и старых друзей. Один раз он упал, тут же вскочил и, не останавливаясь, продолжал свой бег.

Ночь царила в пещере. Ветер врывался в нее и устремлялся прочь, увлекая за собой пламя костерка, рассеивая золу.

Марк открыл глаза. Он был связан веревками и прислонен к стене пещеры напротив костерка.

Саул, по-кошачьи тревожно поглядывая на вход в пещеру, подложил в костер дровишко.

— Вы последний дурак. — Саул вздрогнул. — Да-да, — сказал Марк, — вы дурак. Они все равно найдут нас. Даже если им понадобятся для этого все шесть месяцев, они найдут нас. Они видели Нью-Йорк, на расстоянии, как мираж. И в центре него — нас. Надеяться на то, что это их не заинтересовало и что они не последуют за нами, бессмысленно.

— Тогда я с вами двинусь дальше, — глядя на огонь, сказал Саул.

— И они сделают то же.

— Заткнись!

Марк улыбнулся:

— Вы и со своей женой так разговариваете?

— Слышишь?

— О, прекрасный брачный союз — ваша жадность и мой талант. А теперь что бы вы хотели посмотреть? Хотите, я покажу вам кое-что еще из вашего детства?

Саул почувствовал пот у себя на лбу. Он не мог понять, шутит его пленник или нет.

— Да, — ответил он.

— Хорошо, — сказал Марк, — смотрите!

Скалы вдруг полыхнули огнем. Саул задохнулся от паров серы. Серные шахты взрывались вокруг, сотрясая стены пещеры. Вскочив на ноги, Саул закашлялся: обожженный, уничтоженный адским пламенем, он едва мог двигаться.

Ад исчез. Они снова были в пещере.

Марк хохотал.

Саул надвинулся на него.

— Ты... — произнес он, склоняясь над Марком.

— Чего еще вы хотели от меня? — воскликнул Марк. — Вы что, думаете, мне могло понравиться то, что вы утащили меня сюда, связали по рукам и ногам и превратили в невесту-интеллектуалку обезумевшего от одиночества человека?

— Я развяжу вас, если вы обещаете мне не убегать.

— Этого я не могу обещать. Я свободный человек. Я никому не принадлежу.

Саул опустил на колени:

— Но вы должны принадлежать, слышите? Вы должны принадлежать мне. Я не позволю вам уйти от меня!

— Дорогой мой человек, чем больше вы твердите подобные вещи, тем больше мы отдаляемся друг от друга. Имей вы разум и веди вы себя интеллигентно, мы давно были бы друзьями. Я бы с удовольствием доставлял вам ваши маленькие гипнотические радости. Мне, в конце концов, не составляет особого труда вызывать духов. Одна забава. Но вы все испортили. Вы захотели присвоить меня полностью. Вы побоялись, что другие отнимут меня у вас. О, как же вы ошибались. У меня хватит сил сделать их всех счастливыми. Вы могли бы поделиться мной с ними, как коммунальной кухней. Я же, творя добро, принося радости, чувствовал бы себя богом среди своих чад, а вы в ответ приносили бы мне подарки, лакомые кусочки со своего стола.

— Простите, простите меня! — вскричал Саул. — Но я слишком хорошо знаю этих людей.

— А вы, вы разве отличаетесь от них? Едва ли! Выйдите-ка да посмотрите, не идут ли они. Мне показалось, что я слышал какой-то шум.

Саул вскочил. У входа в пещеру он приложил козырьком руки ко лбу, вглядываясь в скрытую в ночи низину перед собой. Шевелились какие-то смутные тени. Может быть, это ветер колебал заросли сорняков? Он задрожал — мелкой, противной дрожью.

— Я ничего не вижу.

Он вернулся в пустую пещеру. Взглянул на костер.

— Марк!

Марк исчез.

Кроме пещеры, забитой галькой, камнями, булыжниками, одиноко потрескивающего костра да воя ветра, ничего больше не было.

Саул стоял, глазам своим не веря и вдруг онемев.

— Марк! Марк! Вернитесь!

Этот человек осторожно, потихоньку освободился от своих пут и, используя свои способности, обманул его, сказав, что слышит приближающихся людей, а сам сбежал — куда?

Пещера была довольно глубокая, но заканчивалась глухой стеной. И Марк не мог проскользнуть мимо него в ночную тьму. Тогда что?

Саул обошел костер.

Он вытащил свой нож и приблизился к большому валуну, стоявшему у стены. С улыбочкой он прислонил нож к валуну. Все так же улыбаясь, он постучал по нему ножом. Потом он замахнулся ножом с явным намерением вонзить его в валун.

— Стой! — закричал Марк.

Валун исчез. На его месте был Марк. Саул спрятал нож. Щеки его пылали. Глаза горели как у безумного.

— Что, номер не прошел? — прошипел он.

Он наклонился, сцепил свои руки у Марка на горле и стал душить его. Марк ничего не говорил, только неловко изворачивался в тисках сжимавших его горло рук, с иронией глядел на Саула, и взгляд его говорил Саулу то, что он и сам прекрасно знал.

Если ты убьешь меня, говорили глаза Марка, где ты возьмешь воплощение своих мечтаний? Если ты убьешь меня, где окажутся твои любимые потоки и речная форель? Убей меня, убей Платона, убей Аристотеля, убей Эйнштейна — на, убей всех нас! Давай, души меня. Я разрешаю.

Пальцы Саула разжались. Тени вползли в пещеру.

Они оба повернули головы.

Там были люди. Их было пятеро, измученных дорогой, задыхающихся. Они ждали, не вступая в круг света.

— Добрый вечер, — смеясь, приветствовал их Марк. — Входите, входите, джентльмены.

На заре споры и яростные препирания все еще продолжались. Марк сидел среди этих грубиянов, потирал свои запястья, наконец-то снова свободный от своих пут. Он соорудил конференц-зал с панелями из красного дерева и с мраморным столом, за которым все они теперь и сидели, эти смешные, бородатые, дурно пахнущие, потные и жадные мужчины, устремив все взгляды на свое сокровище.

— Есть один способ все уладить, — сказал наконец Марк. — Каждому из вас выделяются определенные часы в определенный день для встречи со мной. Со всеми вами я буду обращаться одинаково. Я буду муниципальной собственностью с правом приходить и уходить куда мне вздумается. Так будет справедливо. Что же касается нашего Саула, он подвергнется испытанию. Когда он докажет, что снова стал цивилизованным человеком, я проведу с ним один-два сеанса. До тех пор у меня не будет ничего общего с этим человеком.

Прибывшие злорадно ухмыльнулись, взирая на Саула.

— Простите меня, — взмолился Саул. — Я не знал, что делаю. Теперь у меня все в порядке.

— Посмотрим, — сказал Марк. — Давайте подождем месячишко, а?

Прибывшие снова злорадно ухмыльнулись.

Саул ничего не сказал. Он сидел уставившись в пол пещеры.

— Теперь займемся делом, — предложил Марк. — По понедельникам ваш день, Смит.

Смит кивнул.

— По вторникам я буду заниматься с Питером — по часу или что-то около того.

Питер кивнул.

— По средам я займусь с Джонсоном, Холцманом и Джимом — и на этом закончу.

Последние трое переглянулись.

— Остаток недели все должны оставить меня в полном покое, слышите? — потребовал Марк. — Хорошенького понемножку. Если вы не подчинитесь мне, никаких представлений не будет.

— А мы, может, заставим тебя представлять, — заявил Джонсон. Он переглянулся с остальными. — Ишь какой, нас пятеро против него одного. Нам ничего не стоит заставить его делать все, что мы захотим. Если будем действовать заодно, чего только не добьемся.

— Не будьте идиотами, — обратился Марк к другим мужчинам.

— Дай договорить, — сказал Джонсон. — Он нам тут толкует, что он будет делать. Почему бы нам не растолковать ему! Нас ведь больше, не так ли? А он еще грозит не дать нам представлений. Ха! Позвольте мне запихнуть ему щепки под ногти, а еще, пожалуй, поджарить на раскаленном напильнике его пальчики, и тогда посмотрим, как он не будет представлять! Почему бы нам не получать представления каждый вечер, хотел бы я знать?

— Не слушайте его! — воскликнул Марк. — Он сумасшедший. Нельзя полагаться на него. Вы же знаете, что он сделает, верно? Он каждого из вас застанет врасплох и поубивает вас всех поодиночке. Да-да, он перебьет всех вас, чтобы остаться ему одному — он и я! Вот он какой!

Слушавшие его прищурились. Сначала на Марка, потом на Джонсона.

— Сейчас, — заметил Марк, — ни один из вас не верит никому другому. Совещание получилось дурацкое. Стоит одному из вас повернуться спиной к остальным, и он будет убит.

Я уверен, к концу недели все вы будете мертвы или в преддверии смерти.

Ледяной ветер свистал в зале из красного дерева. Зал потихоньку таял, снова превращаясь в пещеру. Марк устал шутить. Мраморный стол плюхнулся на пол, расплескался мелкими брызгами и испарился.

Люди смотрели друг на друга маленькими, горящими, звериными глазками. Все сказанное было правдой. Они увидели друг друга в предстоящие дни — подлавливающими один другого, убивающими до тех пор, пока в живых не останется последний, счастливчик, чтобы в одиночку наслаждаться интеллектуальным сокровищем, оказавшимся среди них.

Саул встревоженно наблюдал за ними, чувствуя свое полное одиночество. Допустив однажды ошибку, как трудно бывает признать свою вину, вернуться назад, начать все с начала. Они все были не правы. Они пребывали в заблуждении долгое время. Теперь это уже не было заблуждением, это было нечто гораздо худшее.

— Но дела-то ваши совсем плохи, — сказал Марк, — потому что у одного из вас есть пистолет.

Все вскочили.

— Ищите! — сказал Марк. — Найдите того, у кого он, или все вы будете трупами!

Это их доконало. Они бросались из стороны в сторону, не зная, кого обыскивать первым. Они орали, хватали друг друга за руки, а Марк с презрением наблюдал за ними.

Джонсон отпрянул назад, ощупывая свою куртку.

— Ладно, — сказал он, — пора кончать со всем этим! Первым ты, Смит!

И он выстрелил Смиту в грудь. Смит упал.

Остальные загалдели и бросились врассыпную. Джонсон прицелился и выстрелил еще два раза.

— Остановитесь! — вскричал Марк. Из скал, из пещеры, из самого воздуха вдруг выплыл Нью-Йорк. Лучи солнца освещали макушки небоскребов. Грохотала наземка. Буксиры сновали по гавани. Зеленая леди с факелом в руке взирала на залив.

— Смотрите же, болваны! — крикнул Марк.

Центральный парк вспыхнул созвездиями весенних цветов. Ветерок оведал их запахом свежескошенной травы.

И в изумлении эти люди остолбенели посреди Нью-Йорка. Джонсон выстрелил еще три раза. Саул подбежал к нему. Он бросился на Джонсона, свалил его на землю, вырвал у него пистолет. Раздался еще один выстрел.

Люди перестали крушить все вокруг себя. Они застыли на месте. Саул лежал на Джонсоне. Сражение закончилось.

Наступило жуткое молчание. Они оглядывались по сторонам.

Нью-Йорк тонул в море. Со всем своим шипением, бормотанием, придыханиями. С воплем рушащегося металла и старины огромные строения наклонились, скукожились, хлынули потоком вниз и исчезли.

Марк стоял среди зданий. Потом аккуратная красная дырочка образовалась у него на груди, и, подобно самим зданиям, он безмолвно рухнул на землю.

Саул лежал, глядя на своих сотоварищей, на тело Марка. Он встал с пистолетом в руке. Джонсон не шелохнулся — он боялся шелохнуться.

Все они одновременно закрыли и тут же открыли глаза, будто надеялись таким образом оживить человека, лежавшего перед ними.

В пещере было холодно. Саул стоял и безучастно смотрел на пистолет в своей руке. Он взял и бросил его далеко в низину и не видел, как он падал.

Они смотрели на труп, будто не верили в случившееся. Саул склонился над ним и дотронулся до мягкой руки.

— Леонард! — тихо позвал он. — Леонард? — он потряс его руку. — Леонард!

Леонард Марк оставался неподвижным. Глаза его были закрыты, он больше не дышал.

Саул поднялся.

— Мы убили его, — сказал он, ни на кого не глядя. Его рот наполнился кровью. — Единственного, кого мы не хотели убить, мы убили.

Трясущейся рукой он прикрыл свои глаза. Остальные стояли в нерешительности.

— Возьмите лопату, — велел им Саул. — Закопайте его. — Он отвернулся от всех них. — Мне больше нет дела до вас.

Кто-то отправился за лопатой.

Саул настолько ослаб, что едва мог двигаться. Его ноги будто вросли в землю, их корни питали его безысходным одиночеством и страхом, и стужей ночей. Костер почти погас, и теперь только свет двух лун скользил по склонам голубых гор.

До него доносился звук, будто кто-то рядом копал лопатой землю.

— Он нам совсем и не нужен, — произнес кто-то слишком громко.

По-прежнему Саул слышал, как копают лопатой землю. Он тихо подошел к темному дереву и соскользнул по его стволу вниз, на песок и теперь сидел безразлично, тупо сложив руки на коленях. «Спать, — подумал он. — Мы все теперь ляжем спать. У нас есть хотя бы это. Засну и постараюсь хоть во сне увидеть Нью-Йорк и все остальное». Он устало закрыл глаза, кровь заполнила его рот, и нос, и трепещущие веки.

— Как он делал это? — спросил он угасающим голосом. Голова его упала на грудь. — Как он вызывал сюда Нью-Йорк и устраивал нам прогулки по нему? А ну-ка попробую. Думай! Думай о Нью-Йорке! — шептал он, засыпая. — Нью-Йорк, и Центральный парк, и Иллинойс весной, яблони в цвету и зеленая трава.

Ничего у него не получилось. Ничего похожего. Нью-Йорк ушел, и никакими силами он не мог вернуть его обратно. Каждое утро он будет вставать и брести к мертвому морю в поисках его, и во все времена он будет ходить по всему Марсу в поисках его, и никогда он его не отыщет. И наконец ляжет, не в силах больше ходить, и попытается найти Нью-Йорк в своей голове, но не найдет его и там.

Последнее, что он слышал засыпая, был звук поднимающейся и опускающейся лопаты, роющей яму, в которую со страшным скрежетом металла и в золотом тумане, и со своим запахом, и со своим светом, и со своим звучанием рухнул Нью-Йорк и был в ней зарыт.

Всю ту ночь он плакал во сне.

БЕТОНОМЕШАЛКА

Под открытым окном, будто осенняя трава на ветру, зашуршали старушечьи голоса:

— Эттил трус! Эттил изменник! Славные сыны Марса готовы завоевать Землю, а Эттил отсиживается дома!

— Болтайте, болтайте, старые ведьмы! — крикнул он.

Голоса стали чуть слышны, словно шепот воды в длинных каналах под небом Марса.

— Эттил опозорил своего сына; каково мальчику знать, что его отец — трус, — шушукались сморщенные старые ведьмы с хитрыми глазами. — О стыд, о бесчестье!

В дальнем углу комнаты плакала жена. Будто холодный нескончаемый дождь стучал по черепичной кровле.

— Ох, Эттил, как ты можешь?

Эттил отложил металлическую книгу в золотом проволочном переплете, которая все утро ему напевала, что он пожелает.

— Я ведь уже пытался объяснить, — сказал он. — Вторжение на Землю — глупейшая затея. Она нас погубит.

За окном — гром и треск, рев меди, грохот барабанов, крики, мерный топот ног, шелест знамен, песни. По камню мостовых, вскинув на плечо огнеструйное оружие, маршировали солдаты. Следом бежали дети. Старухи размахивали грязными флажками.

— Я останусь на Марсе и буду читать книгу, — сказал Эттил.

Громкий стук в дверь. Тилла отворила. В комнату ворвался Эттилов тесть:

— Что я слышу? Мой зять предатель?!

— Да, отец.

— Ты не вступаешь в марсианскую армию?

— Нет, отец.

— О чтоб тебя! — Старик побагровел. — Опозоришься навеки. Тебя расстреляют.

— Так стреляйте — и покончим с этим.

— Слыханное ли дело, марсианину — да не вторгнуться на Землю! Где это слыхано?

— Неслыханное дело, согласен. Небывалый случай.

— Неслыханно, — зашипели ведьмы под окном.

— Хоть бы ты его вразумил, отец! — сказала Тилла.

— Как же, вразумишь навозную кучу! — воскликнул отец, гневно сверкая глазами, и подступил к Эттилу: — День на славу, оркестры играли, женщины плачут, детишки радуются, все как нельзя лучше, шагают доблестные воины, а ты сидишь тут... О стыд!

— О стыд! — всхлипнули голоса в кустах поодаль.

— Вон из моего дома! — вспылil Эттил. — Надоела мне эта дурацкая болтовня! Убирайся ты со своими медалями и барабанами!

Он подтолкнул тестя к выходу, жена взвизгнула, но тут дверь распахнулась, на пороге — военный патруль.

— Эттил Врай? — рявкнул голос.

— Да.

— Вы арестованы!

— Прощай, дорогая моя жена! Иду воевать заодно с этими дураками! — закричал Эттил, когда люди в бронзовых кольчугах поволокли его на улицу.

— Прощай, прощай, — скрываясь вдали, эхом отзывались ведьмы.

Тюремная камера была чистая и опрятная. Без книги Эттилу стало не по себе. Он вцепился обеими руками в решетку и смотрел, как за окном уносятся в ночное небо ракеты. Холодно светили несчетные звезды; каждый раз, как среди них вспыхивала ракета, они будто кидались враспынную.

— Дураки, — шептал Эттил. — Ах, дураки!

Дверь камеры распахнулась. Вошел человек, вкатил подобие тележки, разгороженной на ящики — все они навалом загружены книгами. Позади выросла фигура Военного наставника.

— Эттил Врай, отвечайте, почему у вас в доме хранились запрещенные земные книги. Все эти «Удивительные истории», «Научные рассказы», «Фантастические повести» Объясните.

И он стиснул руку Эттила повыше кисти. Эттил вырвал руку:

— Если вы намерены меня расстрелять, стреляйте. Именно из-за этой литературы я и не желаю воевать с Землей. Из-за этих книг ваше вторжение обречено

— Как так? — Наставник хмуро покосился на пожелтевшие от времени журналы.

— Возьмите книжку, — сказал Эттил. — Любую, на выбор. С тысяча девятьсот двадцать девятого—тридцатого и до тысяча девятьсот пятидесятого года по земному календарю в девяти рассказах из десяти речь шла о том, как марсиане вторглись на Землю...

— Ага!.. — Военный наставник улыбнулся и кивнул.

— ...а потом потерпели крах, — закончил Эттил.

— Да это измена! Держать у себя такие книги!

— Называйте, как хотите. Но дайте мне сделать кое-какие выводы. Каждое вторжение неизменно кончалось пшиком по милости какого-нибудь молодого человека по имени Мик, Рик, Джик или Беннон; как правило, он худощавый и стройный, родом ирландец, действует в одиночку и одолевает марсиан.

— И вы смеете в это верить!

— Что земляне и правда на это способны, не верю. Но поймите, Наставник, у них за плечами традиция, поколение за поколением в детстве зачитывались подобными выдумками. Они просто напичканы книжками о безуспешных нашествиях. У нас, марсиан, таких книг нет и не было, верно?

— Ну-у...

— Не было.

— Пожалуй, что и так.

— Безусловно, так, сами знаете. Мы никогда не сочиняли таких фантастических выдумок. И вот теперь мы поднялись, мы идем в бой — и погибнем.

— Странная логика. При чем тут старые журналы?

— Боевой дух. В этом вся соль. Земляне знают, что они не могут не победить. Это знание у них в крови. Они не могут не победить. Они отразят любое вторжение, как бы великолепно его ни организовать. Книжки, которых они читались в юности, придают им непоколебимую веру в себя, где нам с ними равняться! Мы, марсиане, не так уж уверены в себе; мы знаем, что можем потерпеть неудачу. Как мы ни бьем в барабаны, как ни трубим в трубы, а дух наш слаб.

— Это измена! Я не желаю слушать! — закричал Военный наставник. — Через десять минут все эти книжонки сожгут и тебя тоже. Можешь выбирать, Эттил Врай. Либо ты вступишь в Военный легион, либо сгоришь.

— Выбирать из двух смертей? Что ж, лучше сгореть.

— Эй, люди!

Эттила вытолкали во двор. И он увидел, как были преданы огню книги, которые он так любовно собирал. Посреди двора

зияла яма в пять футов глубиной, в яму налито горючее. Его подожгли, с ревом взметнулось пламя. Через минуту Эттила толкнул в яму.

А в конце двора, в тени, одиноким мрачным изваянием застыл его сын, большие желтые глаза полны горечи и страха. Мальчик не протянул руку, не вымолвил ни слова, только смотрел на отца, точно умирающий зверек, бессловесный зверек, что молит о пощаде.

Эттил поглядел на яростное пламя. Грубые руки схватили его, сорвали с него одежду и подтащили к огненной черте, за чертой — смерть. И только тут Эттил проглотил ком, застрявший в горле, и крикнул:

— Стойте!

Лицо Наставника, в рыжих пляшущих отсветах, в дрожащем жарком мареве, придвинулось ближе:

— Чего тебе?

— Я вступаю в Военный легион, — сказал Эттил.

— Хорошо! Отпустите его!

Грубые руки разжались.

Эттил обернулся — сын стоял в дальнем конце двора и ждал. Не улыбался, просто ждал. В небо взметнулась яркая бронзовая ракета — и звезды померкли...

— А теперь пожелаем доблестным воинам счастливого пути, — сказал Наставник.

Загремел оркестр, ветер ласково брызнул слезами дождя на потных, распаренных солдат. Запрыгали ребятишки. Среди пестрой толчеи Эттил увидел жену, она плакала от гордости; рядом, молчаливый и торжественный, стоял сын.

Строевым шагом смеющиеся отважные воины вошли в межпланетный корабль. Легли в сетки, пристегнулись. По всему кораблю в сетках расположились солдаты. Все что-то лениво жевали и ждали. Захлопнулась тяжелая крышка люка. Где-то в клапане засвистел воздух.

— Вперед, к Земле и гибели, — прошептал Эттил.

— Что? — переспросил кто-то.

— Вперед, к славной победе, — скорчив подобающую мину, сказал Эттил.

Ракета рванулась в небо.

«Бездна, — думал Эттил. — Вот мы летим в медном котле через бездны мрака и алые сполохи. Мы летим, наша прославленная ракета запылает в небе над землянами, и сердца их исполнятся страхом. Ну а самому тебе каково сейчас, когда ты далек, так страшно далек от дома, от жены, от сына?»

Он пытался понять, почему его бьет дрожь. Словно все внутренности, все самое сокровенное в твоём существе, без чего нельзя жить, накрепко привязал к родному Марсу — и прыгнул прочь на миллионы миль. Сердце все еще на Марсе, там оно бьется и пылает. Мозг все еще на Марсе, там он мыслит, трепещет, как брошенный факел. И желудок еще там, на Марсе, сонно переваривает последний обед. И легкие еще там, в прохладном голубом хмельном воздухе Марса — мягкие подвижные мехи, что жаждут освобождения, вот часть тебя, которой так нужен покой.

Ибо теперь ты лишь автомат без винтов и гаек, ты труп, те, у кого над тобою власть, вскрыли тебя и выпотрошили и все, что было в тебе стоящего, бросили на дно пересохших морей, раскидали по сумрачным холмам. И вот ты — опустошенный, угасший, охладевший, у тебя остались только руки, чтоб нести смерть землянам. Руки — вот и все, что от тебя осталось, подумал он холодно и отрешенно.

Лежишь в сетке, в огромной паутине. Не один, вас много, но другие целы и невредимы, тело и душа у них — одно. А все, что от тебя осталось живого, бродит там, позади, под вечерним ветерком среди пустынных морей. Здесь же, в ракете, только холодный ком глины, в котором уже нет жизни.

— Штурмовые посты, штурмовые посты, к штурму!

— Готов! Готов! Готов!

— Подъем!

— Встать из сеток! Живо!

Эттил повиновался команде. Где-то отдельно, впереди него, двигались его онемевшие руки.

«Как быстро все это получилось, — думал он. — Только год назад на Марс прилетела ракета с Земли. Наши ученые — ведь они наделены потрясающим телепатическим даром — в точности ее скопировали; наши рабочие на своих потрясающих заводах соорудили сотни таких же ракет. С тех пор больше ни один земной корабль не достиг Марса, и, однако, все мы в совершенстве овладели языком людей Земли. Мы знаем их культуру, ход их мыслей. И мы дорого заплатим за столь блистательные успехи...»

— Орудия, к бою!

— Есть!

— Прицел!

— Дистанция в милях?

— Десять тысяч!

— Штурм!

Гудящая тишина. Тишина скрытого в ракете улья. Гудят и жужжат крохотные катушки, бесчисленные приборы, рычаги,

вертящиеся колеса. И молча ждут люди. В молчании застыли тела, только пот проступает под мышками, на лбу, под оставшимися выцветшими глазами.

— Внимание! Приготовиться!

Из всех сил держится Эттил — только бы не потерять рассудок! — и ждет, ждет...

Тишина, тишина, тишина. Ожидание.

Ти-и-и-и!

— Что это?

— Радио с Земли!

— Дайте настройку!

— Они пробуют с нами связаться, они нас вызывают. Дайте настройку!

И-и-иии!

— Вот они! Слушайте!

— Вызываем марсианские военные ракеты!

Тишина затаила дыхание, гудение улья смолкло и отступило, и в ракете над застывшими в ожидании солдатами раздался резкий, отрывистый чужой голос:

— Говорит Земля! Говорит Уильям Соммерс, президент Объединения американских промышленников!

Эттил стиснул рукоятку боевого аппарата, весь подался вперед, зажмурился.

— Добро пожаловать на Землю!

— Что? — закричали в ракете. — Что он сказал?

— Да, да, добро пожаловать на Землю.

— Это обман!

Эттил вздрогнул, открыл глаза и ошалело уставился в потолок, откуда исходил невидимый голос.

— Добро пожаловать! Зеленая Земля, планета цивилизации и промышленности, приветствует вас! — радушно вещал голос. — Мы вас ждем с распростертыми объятиями, да обратится грозное нашествие в дружественный союз на вечные времена.

— Обман!

— Тс-с, слушайте.

— Много лет назад мы, жители Земли, отказались от войн и уничтожили наши атомные бомбы. И теперь мы не готовы воевать, нам остается лишь приветствовать вас. Наша планета к вашим услугам. Мы просим только о милосердии, наши добрые и милостивые завоеватели.

— Этого не может быть, — прошептал кто-то

— Уж конечно, это обман!

— Итак, добро пожаловать! — закончил представитель Земли мистер Уильям Соммерс. — Опускайтесь, где вам угодно. Земля к вашим услугам, все мы — братья!

Эттил засмеялся. На него оглянулись, уставились в недоумении:

— Он сошел с ума!

А Эттил все смеялся, пока его не стукнули.

Маленький толстенький человечек посреди раскаленного ракетодрома в Гринтауне, штат Калифорния, выхватил белоснежный платок и отер взмокший лоб. Потом со свежесколоченной дощатой трибуны подслеповато прищурился на пятидесятитысячную толпу, которую сдерживала плотная цепь полицейских. Все взгляды были устремлены в небо.

— Вот они!

Толпа ахнула.

— Нет, это просто чайки!

Ропот разочарования.

— Я начинаю думать, что напрасно мы не объявили им войну, — прошептал толстяк мэр. — Тогда можно было бы разойтись по домам.

— Ш-ш, — остановила его жена.

— Вот они! — загудела толпа.

Из солнечных лучей возникли марсианские ракеты.

— Все готовы? — мэр беспокойно огляделся.

— Да, сэр, — сказала мисс Калифорния 1965 года.

— Да, — сказала и мисс Америка 1940 года (она примчалась сюда в последнюю минуту, чтобы заменить мисс Америку 1966-го — та, как на грех, слегла).

— Ясно, готовы, сэр! — подхватил мистер Крупнейший грейпфрут из долины Сан-Фернандо за 1956 год.

— Оркестр готов?

Оркестранты вскинули трубы, точно ружья на изготовку.

— Так точно!

Ракеты приземлились.

— Давайте!

Оркестр грянул марш «Я иду к тебе, Калифорния» и сыграл его десять раз подряд.

С двенадцати до часа дня мэр говорил речь, простирая руки к безмолвным недоверчивым ракетам.

В час пятнадцать герметические люки ракет открылись.

Оркестр трижды сыграл «О штат золотой!».

Эттил и еще полсотни марсиан с оружием наготове спрыгнули наземь.

Мэр выбежал вперед, в руках у него были клюки от Земли.

Оркестр заиграл «Приходит в город Санта-Клаус», и певческая капелла, нарочно для этого случая доставленная с Лонг-Бич, запела на этот мотив новые слова о том, как «приходят в город марсиане».

Видя, что все вокруг безоружны, марсиане поуспокоились, но огнестрелы не убрали.

С часа тридцати до двух пятнадцати мэр повторял свою речь специально для марсиан.

В два тридцать мисс Америка 1940 года вызвалась перецеловать всех марсиан, если только они станут в ряд.

В два часа тридцать минут и десять секунд оркестр заиграл «Здравствуйте, здравствуйте, как поживаете?», чтобы замять неловкость, возникшую по вине мисс Америки.

В два тридцать пять мистер Крупнейший грейпфрут преподнес в дар марсианам двухтонный грузовик с плодами своих садов.

В два тридцать семь мэр раздал всем марсианам бесплатные билеты в театры «Элита» и «Маджестик»; при этом он произнес речь, которая длилась до начала четвертого.

Заиграл оркестр, и пятьдесят тысяч человек запели «Все они славные парни».

В четыре часа торжество закончилось.

Эттил уселся в тени ракеты, с ним были двое его товарищей.

— Так вот она, Земля!

— А я считаю, всю эту дрянь надо перебить, — заявил один марсианин. — Не верю я землянам. Что-то они замышляют. Ну с чего они так уж нам радуются? — Он поднял картонную коробку, в ней что-то шуршало. — Что это они мне сунули? Говорят, образчик. — Он прочел надпись на этикетке: — «БЛЁСК. Новейшая Мыльная Стружка».

Вокруг сновала толпа, земляне и марсиане вперемешку, точно на карнавале. Стоял немолчный говор, радушные хозяева пробовали на ощупь обшивку ракет, засыпали гостей вопросами.

Эттил словно окаменел. Его пуше прежнего била дрожь.

— Неужели вы не чувствуете? — шепнул он. — Тут таится что-то недоброе, противоестественное. Нам не миновать беды. Все это неспроста. Какое-то ужасное вероломство. Я знаю, они готовят нам худое.

— А я говорю, их надо перебить — всех до единого!

— Как же убивать тех, кто называет тебя другом и приятелем? — спросил второй марсианин.

Эттил покачал головой:

— Они не притворяются. И все-таки у меня такое чувство, будто нас бросили в чан с кислотой и мы растворяемся, превращаемся в ничто. Мне страшно. — Он нацелил мозг на толпу, силясь нащупать ее настроение. — Да, они и вправду к нам расположены, у них это называется «на дружеской ноге». Это огромное сборище самых обыкновенных людей, они равно благосклонны что к собакам и кошкам, что к марсианам. И все же... все же...

Оркестр сыграл «Выкатим бочонок». Компания «Пиво Хейгенбека» (город Фресно, штат Калифорния) угощала всех даровым пивом.

Марсиан начало тошнить.

Их неудержимо рвало. Даровое угощение фонтанами извергалось обратно.

Давясь и отплевываясь, Эттил сидел в тени платана.

— Это заговор... гнусный заговор... — стонал он и судорожно хватался за живот.

— Что вы такое съели? — над ним стоял Военный наставник.

— Что-то непонятное, — простонал Эттил. — У них это называется «кукурузные хлопья».

— А еще?

— Еще какой-то ломоть мяса с булкой, и пил какую-то желтую жидкость из бочки со льдом, и ел какую-то рыбу и штуку, которую они называют «пирожное», — вздохнул Эттил, веки его вздрагивали.

Со всех сторон раздавались стоны завоевателей-марсиан.

— Перебить подлых предателей! — слабым голосом выкрикнул кто-то.

— Спокойнее, — остановил Наставник. — Это просто гостеприимство. Они переусердствовали. Вставайте, воины. Идем в город. Надо разместить повсюду небольшие гарнизоны, так будет вернее. Остальные ракеты приземляются в других городах. Пора браться за дело.

Солдаты кое-как поднялись на ноги и растерянно хлопали глазами.

— Вперед шагом... марш!

Раз, два, три, четыре! Раз, два, три, четыре!

Городок, весь белый, дремал, окутанный мерцающим зноем. Все раскалилось — столбы, бетон, металл, полотняные навесы, крыши, толь — все дышало жаром.

Мерный шаг марсиан гулко отдавался на улицах.

— Осторожней! — вполголоса предупредил Наставник.

Они проходили мимо салона красоты.

Внутри украдкой хихикнули:

— Смотрите!

Из окна выглянула медно-рыжая голова и тотчас скрылась, будто кукла в театре марионеток. Блеснул в замочной скважине голубой глаз.

— Заговор, — шептал Эттил. — Так и знайте, это заговор.

В жарком воздухе тянуло духами из вентиляторов, что бешено крутились в пещерах, где под электрическими колпаками, точно какие-то морские дива, сидели женщины — волосы их закручивались неистовыми вихрями или вздымались, будто горные вершины; глаза то пронизывали, то стекленели, смотрели и тупо, и хитро; накрашенные рты алели, как неоновые трубки. Крутились вентиляторы, запах духов истекал в неподвижный знойный воздух, вползал в зеленые кроны деревьев, исподтишка окутывал изумленных марсиан.

Нервы Эттила не выдержали.

— Ради всего святого! — вдруг закричал он. — Скорее по ракетам — и домой! Эти ужасные твари нас погубят! Вы на них только посмотрите! Видите, видите? Эти женщины в стылых пещерах, в искусственной скале — злобные подводные чудища!

— Молчать!

Только посмотрите на них, думал Эттил. Ноги как колонны, и платья над ними шевелятся, будто холодные зеленые жабры.

Он снова закричал.

— Эй, кто-нибудь, заткните ему глотку!

— Они накинутся на нас, забросают коробками шоколада и модными журналами, их жирно намазанные ярко-красные рты оглушат нас визгом! Они затопят нас потоками пошлости, все наши чувства притупятся и заглохнут. Смотрите, их терзают непонятные электрические машины, а они что-то жужжат, и напевают, и бормочут! Неужели вы осмелитесь войти к ним в пещеры?

— А почему бы и нет? — раздались голоса.

— Да они изжарят вас, потравят, как кислотой, вы сами себя не узнаете! Вас раздавят, сотрут в порошок, каждый обратится в мужа — и только, в существо, которое работает и приносит домой деньги, чтоб они могли тут сидеть и пожирать свой мерзкий шоколад. Неужели вы надеетесь их обуздать?

— Конечно, черт подери!

Издалека долетел голос — высокий, пронзительный женский голос:

— Поглядите на того, посередке, — правда, красавчик?

— А марсиане в общем-то ничего. Право слово, мужчины как мужчины, — томно протянул другой голос.

— Эй, вы! Ау! Марсиане! Э-эй!

Эттил с воплем кинулся бежать...

Он сидел в парке, его трясло. Он перебирал в памяти все, что видел. Поднимал глаза к темному ночному небу — как далеко он от дома, как одинок и заброшен! Даже и сейчас, сидя в тишине под деревьями, он издали видел: марсианские воины ходят по улицам с земными женщинами, скрываются в маленьких храмах развлечений, — там, в призрачном полумраке, они следят за белыми видениями, скользящими по серым экранам, и прислушиваются к странным и страшным звукам, а рядом сидят маленькие женщины в кудряшках и жуют вязкие комки резины, а под ногами валяются еще комки, уже окаменевшие, и на них навеки остались отпечатки острых женских зубов. Пещера ветров — кинематограф.

— Привет!

Он в ужасе вскинул голову.

Рядом на скамью опустилась женщина, она лениво жевала резинку.

— Не убегай, — сказала она. — Я не кусаюсь.

— Ох! — вырвалось у Эттила.

— Сходим в кино? — предложила женщина.

— Нет.

— Да ну, пойдем, — сказала она. — Все пошли.

— Нет, — повторил Эттил. — Разве вам тут, на Земле, больше нечего делать?

— А чего тебе еще? — Она подозрительно оглядела его, голубые глаза округлились. — Что же мне, по-твоему, сидеть дома носом в книжку? Ха-ха! Выдумает тоже!

Эттил изумленно посмотрел на нее, спросил не сразу:

— А все-таки, чем вы еще занимаетесь?

— Катаемся в автомобилях. У тебя автомобиль есть? Непременно заведи себе новый большой «подлер-шесть» с откидным верхом. Шикарная машина! Уж будь уверен, у кого есть «подлер-шесть», тот любую девчонку подцепит! — и она подмигнула Эттилу. — У тебя-то денег куча, раз ты с Марса, это уж точно. Была бы охота, можешь завести себе «подлер-шесть» и кати куда вздумается, это уж точно.

— Куда. в кино?

— А чем плохо?

— Нет-нет, ничего...

— Да вы что, мистер? Рассуждаете прямо как коммунист, — сказала женщина. — Нет, сэр, такие разговорчики никто тер-

петь не станет, черт возьми. Наше общество очень даже мило устроено. Мы люди покладистые, позволили марсианам нас завоевать, даже пальцем не шевельнули — верно?

— Вот этого я никак не пойму, — сказал Эттил. — Почему вы нас так приняли?

— По доброте душевной, мистер, вот почему! Так и запомни, по доброте душевной!

И она пошла искать себе другого кавалера.

Эттил собрался с духом — надо написать жене; разложил бумагу на коленях и старательно вывел: «Дорогая Тилла!» Но тут его снова прервали. Чуть не под носом застучали в бубен, пришлось поднять голову — перед ним стояла тщедушная старушонка с детски круглым, но увядшим и сморщенным личиком.

— Брат мой! — закричала она, глядя на Эттила горящими глазами. — Обрел ли ты спасение?

Эттил вскочил, уронил перо:

— Что? Опасность?

— Ужасная опасность! — завопила старуха, затрясла бубном и возвела очи горе. — Ты нуждаешься в спасении, брат мой, ты на краю гибели!

— Кажется, вы правы, — дрожа согласился Эттил.

— Мы уже многих нынче спасли. Я сама принесла спасение троим марсианам. Мило, не правда ли? — она широко улыбнулась.

— Пожалуй, что так.

Она впиалась в Эттила пронзительным взглядом. Наклонилась к нему и таинственно зашептала:

— Брат мой, был ли ты окрещен?

— Не знаю, — ответил он тоже шепотом.

— Не знаешь?! — крикнула она и высоко вскинула бубен.

— Это вроде расстрела, да? — спросил Эттил.

— Брат мой, ты погряз во зле и грехе, — сказала старушонка. — Не тебя осуждаю, ты вырос во мраке невежества. Я уж вижу, ваши марсианские школы ужасны, вас совсем не учат истине. Вас развращают ложью. Брат, если хочешь быть счастливым, дай совершить над тобой обряд крещения.

— И тогда я буду счастлив даже здесь, в этом мире? — спросил Эттил.

— Не требуй сразу многого, — возразила она. — Здесь довольствуйся малым, ибо есть другой, лучший мир, и там всех нас ждет награда.

— Тот мир я знаю, — сказал Эттил.

— Там покой, — продолжала она.

— Да.

— И тишина.

— Да.

— Там реки текут молоком и медом.

— Да, пожалуй, — согласился Эттил.

— И все смеются и ликуют.

— Я это как сейчас вижу, — сказал Эттил.

— Тот мир лучше нашего.

— Куда лучше, — подтвердил он. — Да, Марс — великая планета.

Старушонка так и вскинулась, чуть не ударила его бубном по лицу.

— Вы что, мистер, насмехаетесь надо мной?!

— Да нет же! — Эттил смутился и растерялся. — Я думал, вы это про...

— Уж конечно, не про ваш мерзкий Марс! Вот таким, как вы, и суждено вечно кипеть в котле, вы покроетесь язвами, вам уготованы адские муки...

— Да, признаться, Земля — место малоприятное. Вы очень верно ее описываете.

— Опять вы надо мной насмехаетесь, мистер! — разъярилась старушонка.

— Нет-нет, прошу прощения. Это я по невежеству.

— Ладно, — сказала она. — Ты язычник, а язычники все невоспитанные. На, держи бумажку. Приходи завтра вечером по этому адресу и будешь окрещен, и обретешь счастье. Мы громко распоеваем, без усталости шагаем, и, если хочешь слышать всю нашу медь, все трубы, и флейты, и кларнеты, ты к нам придешь. Придешь?

— Постараюсь, — неуверенно сказал Эттил.

И она зашагала прочь, колотя на ходу в бубен и распоевая во все горло: «Счастье мое вечно со мной!»

Ошеломленный Эттил снова взялся за письмо.

Дорогая Тилла!

Подумай только, по своей naïveté* я воображал, будто земляне встретят нас бомбами и пушками. Ничего подобного! Я жестоко ошибался. Тут нет никакого Рика, Мика, Джика, никаких таких молодцов, которые в одиночку спасают всю планету. Вовсе нет.

Тут только и есть, что белобрысые розовые роботы с телами из резины; они вполне реальные и все-таки чуточку неправдоподобны, живые — и все-таки говорят и действу-

---

* Простота душевная (фр.)

ют как автоматы и весь свой век проводят в пещерах. У них немислимые, необъятные *derrieres**. Глаза неподвижные, застывшие, ведь они только и делают, что смотрят кино. И никакой мускулатуры, развиты лишь мышцы челюстей, ведь они непрестанно жуют резинку.

Таковы не отдельные люди, дорогая моя Тилла, такова вся земная цивилизация, и мы брошены в нее, как горсть семян в громадную бетономешалку. От нас ничего не останется. Нас сокрушит не их оружие, но их радушие. Нас погубит не ракета, но автомобиль...

Отчаянный вопль. Треск, грохот. И тишина.

Эттил вскочил. За оградой парка на улице столкнулись две машины. В одной было полно марсиан, в другой — землян. Эттил вернулся к письму.

Милая, милая Тилла, вот тебе кое-какие цифры, если позволишь. Здесь, на Американском континенте, каждый год погибают сорок пять тысяч человек — превращаются в кровавый студень в своих жестянках-автомобилях. Красный студень, а в нем белые кости, точно нечаянные мысли — смешные и страшные мысли застывают в желе. Автомобили сплющиваются в такие аккуратненькие консервные банки, а внутри все перемешалось и все тихо.

Везде на дорогах кровавое месиво, и на нем жужжат огромные навозные мухи. Внезапный толчок, остановка, и лица обращаются в карнавальные маски. Есть у здешних жителей такой праздник — карнавал в День всех святых. Видимо, в этот день они поклоняются автомобилю или, во всяком случае, тому, что несет смерть.

Выглянешь из окна, а там лежат двое; еще минуту назад они не знали друг друга, а теперь соединились в тесном объятии, оба мертвы. Я предчувствую, наша армия будет перемолота, отравлена, всякие колдуньи и жевательная резинка заманят воинов в капканы кинотеатров и погубят. Завтра же, пока не поздно, попытаюсь сбежать домой, на Марс.

Тилла моя, где-то на Земле есть некий Человек, и у него Рычаг, довольно ему нажать на рычаг — и он спасет эту планету. Но человек этот сейчас не у дел. Заветный рычаг покрывается пылью. А сам он играет в карты.

---

* Зады (фр.)

Женщины этой зловещей планеты утопили нас в потоках пошлой чувствительности и неуместного кокетства, они предаются отчаянному веселью, потому что скоро здешние парфюмеры переварят их в котле на мыло. Спокойной ночи, Тилла моя. Пожелай мне удачи, быть может, я погибну при попытке к бегству. Поцелуй за меня сына.

Эттил сложил письмо, немые слезы кипели в груди. Не забыть бы отправить письмо с почтовой ракетой.

Он вышел из парка. Что остается делать? Бежать? Но как? Вернуться попозже вечером на стоянку, забраться одному в ракету и улететь? Возможно ли это? Он покачал головой. Ничего не поймешь, совсем запутался.

Ясно одно: если остаться на Земле, тобой живо завладеют бесчисленные вещи, которые жужжат, фыркают, шипят, обдают дымом и зловонием. Пройдет полгода — и у тебя заведется огромная, хорошо прирученная язва, кровавое давление астрономических масштабов, и совсем ослепнешь, и каждую ночь будут душить долгие, мучительные кошмары, и никак из них не вырвешься. Нет, ни за что!

Мимо с бешеной скоростью несутся в своих механических гробах земляне — лица застывшие, взгляд дикий. Не сегодня-завтра они наверняка изобретут автомобиль, у которого будет шесть серебряных ручек.

— Эй, вы!

Взвыла сирена. У обочины остановилась огромная, точно катафалк, зловещая черная машина. Из нее высунулся человек.

— Марсианин?

— Да.

— Вас-то мне и надо. Влезайте, да поживей, вам крупно повезло. Влезайте! Свезу вас в отличное местечко, там и потолкуем. Ну же, не стойте столбом!

Ошеломленный Эттил покорно открыл дверцу и сел в машину.

Покатили.

— Что будете пить, Э Вэ? Коктейль? Официант, два манхэттена! Спокойно, Э Вэ. Я угощаю. Я и наша студия. Нечего вам хвататься за кошелек. Рад познакомиться, Э Вэ. Меня зовут Эр Эр Ван Пленк. Может, слыхали про такого? Нет? Ну все равно руку, приятель.

Он зачем-то помял Эттилу руку и сразу ее выпустил. Они сидели в темной пещере, играла музыка, плавно скользили официанты. Им принесли два бокала. Все произошло так

внезапно. И вот Ван Пленк, скрестив руки на груди, разглядывает свою марсианскую находку.

— Итак, Э Вэ, вы мне нужны. У меня есть идея — благо-роднейшая, лучше не придумаешь! Даже не знаю, как это меня осенило. Сижу сегодня дома, и вдруг — бац! — вот это, думаю, будет фильм! ВТОРЖЕНИЕ МАРСИАН НА ЗЕМЛЮ. А что для этого нужно? Нужен консультант. Ну, сел я в машину, отыскал вас, и вся недолга. Выпьем! За ваше здоровье и за наш успех. Хоп!

— Но... — возразил было Эттил.

— Знаю, знаю, ясно, не задаром. Чего-чего, а денег у нас прорва. И еще у меня при себе такая книжечка, а в ней золотые листочки, могу ссудить.

— Мне не очень нравятся ваши земные растения, и...

— Э, да вы шутник! Так вот, слушайте, как мне мыслится сценарий. — В азарте он наклонился к Эттилу. — Сперва шикарные кадры: на Марсе разгораются страсти, огромное сборище, марсиане кричат, бьют в барабаны. В глубине — громадные серебряные города...

— Но у нас на Марсе города совсем не такие...

— Тут нужно красочное зрелище, сынок. Красочное. Папаше Эр Эру лучше знать. Словом, все марсиане пляшут вокруг костра.

— Мы не пляшем вокруг костров...

— В этом фильме придется вам разжечь костры и плясать, — объявил Ван Пленк и даже зажмурился, гордый своей непогрешимостью. Покивал головой и мечтательно продолжал: — Затем нам понадобится марсианка, высокая златокудрая красавица.

— На Марсе женщины смуглые, с темными волосами и...

— Послушай, Э Вэ, я не понимаю, как мы с тобой поладим. Кстати, сынок, надо бы тебе сменить имя. Как бишь тебя зовут?

— Эттил.

— Какое-то бабье имя. Подберем получше. Ты у меня будешь Джо. Так вот, Джо. Я уже сказал, придется нашим марсианкам стать беленькими, понятно? Потому что потому. А то папочка расстроится. Ну, что скажешь?

— Я думал...

— И еще нам нужна такая сцена, чтоб зрители рыдали — в марсианский корабль угодил метеорит или еще что — словом, катастрофа, но тут прекрасная марсианка спасает всю ораву от верной смерти. Сногсшибательная выйдет сценка. Знаешь, Джо, это очень удачно, что я тебя нашел. Для тебя это дельце выгодное, можешь мне поверить.

Эттил перегнулся к нему через столик и крепко сжал его руку.

— Одну минуту. Мне надо вас кое о чем спросить.

— Валяй, Джо, не смущайся.

— Почему вы все так любезны с нами? Мы вторглись на вашу планету, а вы... вы все принимаете нас, точно родных детей после долгой разлуки. Почему?

— Ну и чудачки же вы там, на Марсе! Сразу видно, святая простота. Ты вот что сообрази, Мак. Мы тут люди маленькие, верно?

И он помахал загорелой ручкой в изумрудных перстнях.

— Мы люди самые заурядные, верно? Так вот, мы, земляне, этим гордимся. Наш век — век Заурядного человека, Билл, и мы горды, что мы — мелкая сошка. У нас на Земле, друг Билли, все жители сплошь Сарояны. Да-да. Этакое огромное семейство благодушных Сароянов, и все нежно любят друг дружку. Мы вас, марсиан, отлично понимаем, Джо, и понимаем, почему вы вторглись на Землю. Ясное дело, вам одиноко на вашем маленьком холодном Марсе и завидно, что у нас такие города...

— Наша цивилизация гораздо старше вашей...

— Уж пожалуйста, Джо, не перебивай, не расстраивай меня. Дай я выскажу свою теорию, а потом говори хоть до завтра. Так вот, вам там было скучно и одиноко, и вы прилетели к нам повидать наши города и наших женщин — и милости просим, добро пожаловать, ведь вы наши братья, вы тоже самые заурядные люди.

А кстати, Роско, тут есть еще одна мелочь: на этом вашем вторжении можно и подзаработать. Вот, скажем, я задумал фильм — он нам даст миллиард чистой прибыли, это уж будь покоен. Через неделю мы пустим в продажу куклу-марсианку по тридцать монет штука. Считай, еще миллионы дохода. И у меня есть контракт, выпущу какую-нибудь марсианскую игру, она пойдет по пять монет. Да мало ли чего еще можно напридумывать.

— Вот оно что, — сказал Эттил и отодвинулся.

— Ну и, разумеется, это отличный новый рынок. Мы вас завалим товарами, только хватайте, и средства для удаления волос дадим, и жевательную резинку, и ваксу — прорву всего.

— Постойте. Еще один вопрос.

— Валяй.

— Как ваше имя? Что это означает — Эр Эр?

— Ричард Роберт

Эттил поглядел в потолок

— А может быть, иногда случайно кто-нибудь зовет вас... м-м... Рик?

— Угадал, приятель. Ясно, Рик, как же еще.

Эттил перевел дух и захохотал и никак не мог остановиться. Ткнул в собеседника пальцем:

— Так вы — Рик? Рик! Стало быть, вы и есть Рик!

— А что тут смешного, сынок? Объясни папочке!

— Вы не поймете... вспомнилась одна история... — Эттил хохотал до слез, задыхался от смеха, судорожно стучал кулаком по столу. — Так вы Рик! Ох, забавно! Ну совсем не похожи. Ни тебе огромных бицепсов, ни волевого подбородка, ни ружья. Только туго набитый кошелек, кольцо с изумрудом да толстое брюхо!

— Эй, полегче на поворотах, Мак. Может, я и не Аполлон, но...

— Вашу руку, Рик! Давно мечтал познакомиться. Вы — тот самый человек, который завоеует Марс, ведь у вас есть машинки для коктейля, и супинаторы, и фишки для покера, и хлыстики для верховой езды, и кожаные сапоги, и клетчатые кепи, и ром.

— Я только скромный предприниматель, — сказал Ван Пленк и потупил глазки. — Я делаю свой бизнес и получаю толику барыша. Но я уже говорил, Джей, я давно подумывал: надо поставлять на Марс игрушки дядюшки Уиггили и комиксы Дика Трейси, там все будет в новинку! Огромный рынок сбыта! Ведь у вас и не слыхивали о политических карикатурах, так? Так! Словом, мы вас засыплем всякой всячиной. Наши товары будут нарасхват. Марсиане их просто с руками оторвут, малыш, верно говорю! Еще бы — духи, платья из Парижа, модные комбинезоны — чуешь? И первоклассная обувь.

— Мы ходим босиком.

— Что я слышу?! — воззвал Р. Р. Ван Пленк к небесам. — На Марсе живет одна неотесанная деревенщина? Вот что, Джо, это уж наша забота. Мы всех застыдим, перестанут шлепать босиком. А тогда и сапожный крем пригодится!

— А-а...

Ван Пленк хлопнул Эттила по плечу:

— Стало быть, заметано? Ты — технический директор моего фильма, идет? Для начала получаешь двести долларов в неделю, а там дойдет и до пяти сотен. Что скажешь?

— Меня тошнит, — сказал Эттил. От выпитого коктейля он весь посинел.

— Э, прошу прощения. Я не знал, что тебя так разберет. Выйдем-ка на воздух.

На свежем воздухе Эттилу стало полегче.

— Так вот почему Земля нас так встретила? — спросил он и покачнулся.

— Ясно, сынок. У нас на Земле только дай случай честно заработать, ради доллара всякий расстается. Покупатель всегда прав. Ты на меня не обижайся. Вот моя карточка. Завтра в девять утра приезжай в Голливуд на студию. Тебе покажут твой кабинет. Я приеду в одиннадцать, тогда потолкуем. Ровно в девять, смотри не опаздывай. У нас порядок строгий.

— А почему?

— Чудак ты, Галлахер! Но ты мне нравишься. Спокойной ночи. Счастливого вторжения!

Автомобиль отъехал.

Эттил поглядел ему вслед, поморгал растерянно. Потер лоб ладонью и побрел к стоянке марсиан.

— Как же теперь быть? — вслух спросил он себя.

Ракеты безмолвно поблескивали в лунном свете. Издали, из города доносился гул, там буйно веселились. В походном лазарете хлопотали врачи: с одним молодым марсианином случился тяжелый нервный припадок; судя по воплям больного, он чересчур всего нагляделся, чересчур много выпил, слишком много наслушался песен из красно-желтых ящичков в разных местах, где люди пьют, и за ним без конца гонялась от столика к столику женщина, огромная, как слониха. Опять и опять он бормотал:

— Дышать нечем... заманили, раздавили...

Понемногу всхлипывания затихли. Эттил вышел из густой тени и направился к кораблям, надо было пересечь широкую дорогу. Вдалеке вповалку валялись пьяные часовые. Он прислушался. Из огромного города долетала музыка, автомобильные гудки, вой сирен. А ему чудились еще и другие звуки: приглушенно урчат машинки в барах, готовят солодовый напиток, от которого воины обрастут жирком, станут ленивыми и беспамятными; в пещерах кинотеатров вкрадчивые голоса убаюкивают марсиан, нагоняют крепкий-крепкий сон — от него никогда уже не очнешься, не отрезвеешь до конца дней.

Пройдет год — и сколько марсиан умрет от цирроза печени, от камней в почках, от высокого кровяного давления, сколько покончат с собой?

Эттил стоял посреди пустынной дороги. За два квартала из-за угла вывернулась машина и понеслась прямо на него.

Перед ним выбор: остаться на Земле, поступить на службу в киностудию, числиться консультантом, являться по утрам минута в минуту и начать понемногу поддакивать шефу — да, мол, конечно, бывала на Марсе жестокая резня; да, наши

женщины высокие и белокурые, да, у нас есть разные племена, и у каждого свои пляски и жертвоприношения, да, да, да. А можно сейчас же пойти и залезть в ракету и одному вернуться на Марс.

— А что будет через год? — сказал он вслух.

На Марсе откроют Ночной Клуб Голубого канала. И Казино Древнего города. Да, в самом сердце марсианского Древнего города устроят игорный притон! И во всех старинных городах пойдут кружить и перемигиваться неоновые огни реклам, и шумные компании затеют веселье на могилах предков — да, не миновать.

Но час еще не пробил. Через несколько дней он будет дома. Тилла и сын ждут его, и можно напоследок еще несколько лет пожить тихо и мирно — дышать свежим ветром, сидеть с женой на берегу канала и читать милые книги, порой пригубить тонкого легкого вина, мирно побеседовать — то недолгое время, что еще остается им, пока не свалится с неба неоновое безумие.

А потом, быть может, они с Тиллой найдут убежище в синих горах, будут скрываться там еще год-другой, пока и туда не нагрянут туристы и не начнут щелкать затворами фотоаппаратов и восторгаться — ах, какой дивный вид!

Он уже точно знал, что скажет Тилле:

— Война ужасна, но мир подчас куда страшнее.

Он стоял посреди широкой пустынной дороги.

Обернулся — и без малейшего удивления увидел: прямо на него мчится машина, а в ней полно орущих подростков. Мальчишки и девчонки лет по шестнадцати, не больше, гонят открытую машину так, что ее мотает и кидает из стороны в сторону. Указывают на него пальцами, истошно вопят. Мотор ревет все громче. Скорость — шестьдесят миль в час.

Этил кинулся бежать. Машина настигала.

«Да, да, — устало подумал он. — Как странно, как печально... и рев, грохот... точь-в-точь бетономешалка».

КОРПОРАЦИЯ «МАРИОНЕТКИ»

Двое медленно шли вдоль по улице и спокойно беседовали. Обоим было лет по тридцать пять, и для десяти часов вечера оба были примечательно трезвы.

— Но почему в такую рань? — спросил Смит.

— Потому, — ответил Брэйлинг.

— В кои-то веки выбрался, и уже в десять — домой.

— Наверное, нервы пошаливают.

— Странно, как тебе это вообще удалось. Я тебя десять лет пытаюсь вытащить посидеть со стаканчиком. А стоило тебе вырваться, и ты настаиваешь, что должен вернуться в такую рань.

— Боюсь спугнуть удачу, — отозвался Брэйлинг.

— Что ты сделал — подсыпал жене снотворного в кофе?

— Нет, это было бы непорядочно. Сам скоро увидишь.

Они свернули за угол.

— По правде говоря, Брэйлинг... не хотел бы я этого касаться, но ты с ней натерпелся. Можешь не признаваться, но твой брак был сплошным кошмаром, верно?

— Я бы не сказал.

— Выплыло ведь, как она заставила тебя жениться. Помнишь, в 1979 году, когда ты собирался в Рио...

— Милый Рио. Собирался, да так и не съездил.

— Помнишь, как она порвала на себе одежду, растрепала волосы и пригрозила вызвать полицию, если ты не женишься?

— Она всегда была нервной, Смит, пойми.

— Это просто подлость. Ты не любил ее. Хотя это ты ей сказал?

— Припоминаю, что даже настаивал.

— И все-таки женился.

— Мне приходилось думать о своем бизнесе и о матери с отцом. Такой скандал их убил бы.

— И так уже десять лет.

— Да, — произнес Брэйлинг; взгляд его серых глаз был тверд. — Но я думаю, все еще переменится. Думаю, мои ожидания сбудутся. Взгляни.

Он продемонстрировал длинный синий билет.

— Да это же билет до Рио на четверг!

— Да. Наконец-то я поеду.

— Но это же просто замечательно! Ты-то заслужил! А она не станет возражать? Скандалить?

Брэйлинг нервно улыбнулся:

— Она не узнает, что я уехал. Я вернусь через месяц, и никто ничего не проведаст, кроме тебя.

— Вот бы и мне с тобой, — вздохнул Смит.

— Бедняга Смит. Твоя семейная жизнь тоже не сахар, верно?

— Пожалуй, ведь у моей жены все с перебором. Я хочу сказать, когда ты женат уже десять лет, как-то не ждешь, чтобы твоя жена торчала у тебя на коленях каждый вечер битых два часа, по десять раз на дню звонила тебе на работу и лепетала, как девочка. Я все думаю — может, она умственно отсталая?

— Ты, Смит, никогда не отличался воображением. Вот и мой дом. Ну как, хочешь узнать мой секрет? Как мне удалось вырваться сегодня.

— А ты и правда скажешь?

— Посмотри наверх, — сказал Брэйлинг.

Оба уставились в темноту.

В окне прямо над ними, на втором этаже, появилась тень. Человек лет тридцати пяти с висками, тронутыми сединой, грустными серыми глазами и реденькими усиками глянул на них с высоты.

— Да это же ты! — воскликнул Смит.

— Ш-ш-ш, не так громко. — Брэйлинг помахал рукой. Человек в окне понимающе кивнул и исчез.

— Наверное, я спятил, — пожаловался Смит.

— Погоди минутку.

Они ждали.

Входная дверь дома распахнулась, и высокий худой джентльмен, с усиками и печальными глазами, вышел им навстречу

— Привет, Брэйлинг, — сказал он.

— Привет, Брэйлинг, — ответил Брэйлинг

Никакой разницы.

Смит уставился на них.

Это твой брат-близнец? А я и не знал.

— Нет, нет, — тихо произнес Брэйлинг. — Наклонись. Приложи ухо к груди Брэйлинга-два.

Смит поколебался, потом, нагнувшись, припал к покорно подставленной груди двойника.

Тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик.

— Да нет! Быть не может!

— Может.

— Дай еще послушать.

Тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик.

Смит отступил и растерянно захлопал глазами. Он протянул руку и коснулся теплых щек и ладоней двойника.

— Откуда он у тебя?

— Правда, он великолепно сработан?

— Невероятно. Откуда?

— Дай этому человеку твою карточку, Брэйлинг-два.

Брэйлинг-два жестом фокусника извлек белую карточку.

КОРПОРАЦИЯ «МАРИОНЕТКИ»

Сделайте копию самого себя или своих друзей! Новые гуманоидные пластиковые модели образца 1990 года, гарантия от всех видов физического износа. Цены от 7600 долларов; 15 000 долларов — наша модель «люкс».

— Нет, — сказал Смит.

— Да, — сказал Брэйлинг.

— Естественно, — сказал Брэйлинг-два.

— Как долго это продолжается?

— Уже месяц. Я держу его в погребе, в ящике для инструментов. Моя жена никогда вниз не спускается, а единственный ключ от замка к этому ящику — у меня. Сегодня вечером я сказал, что хотел бы выйти купить сигару. Я спустился в погреб, вынул из ящика Брэйлинга-два и отправил его составить компанию моей жене, пока сам я провожу время в твоём обществе, Смит.

— Чудесно! Он даже пахнет, как ты. «Бонд-стрит» и «Мелакринос»*.

— Назови меня буквоедом, но, по-моему, это в высшей степени порядочно. В конце концов, больше всего на свете моя жена жаждет обладать мной. Эта марионетка — я до кончиков ногтей. Я был дома весь вечер. Я пробуду дома весь следующий месяц. А тем временем после десяти лет ожидания некий джентльмен побывает в Рио. Когда я вернусь из Рио, Брэйлинг-два, отправится обратно в ящик.

---

* «Бонд-стрит» — марка сигарет, «Мелакринос» — марка сигар. (Примеч. пер.)

Смит поразмыслял минуту-другую.

— А он продержится месяц без подзарядки? — спросил он наконец.

— Хотя шесть месяцев, если нужда возникнет. И он сконструирован так, чтобы полностью соответствовать — есть, спать, потеть — все естественно, как само естество. Ты ведь позаботишься о моей жене, Брэйлинг-два?

— У тебя премилая жена, — кивнул Брэйлинг-два. — Я к ней весьма привязался.

Смита начала пробирать дрожь.

— А как долго работает корпорация «Марионетки»?

— Втайне — вот уже два года.

— А вдруг... ну, если есть возможность... — Смит с мольбой ухватил приятеля за рукав. — Ты мне подскажешь, где я мог бы обзавестись роботом... ну, марионеткой для себя? Адресом не поделишься?

— Держи.

Смит взял карточку и повертел в руке.

— Спасибо, — выпалил он. — Ты и не знаешь, что это для меня значит. Хотя немного отдыха. Хотя один вечер за месяц. Моя жена так меня обожает, что и часа без меня прожить не может. Я и сам ее нежно люблю, но... помнишь стихи: «Любовь улетает — достаточно руки разжать, любовь умирает, коль в путах ее удержат»? Вот я и хочу немного ослабить хватку.

— Ты счастливчик, тебя жена хоть любит. Моя проблема — ненависть. С этим справиться потруднее.

— О, Нетти любит меня безумно. Моя задача — приспособить ее любовь к себе.

— Удачи тебе, Смит. Заходи ко мне, пока я буду в Рио. Моей жене покажется странным, если ты вдруг перестанешь заглядывать. И обращайся с Брэйлингом-два совсем как со мной.

— Правильно! Прощай. И — спасибо!

Смит с улыбкой на устах зашагал по улице. Брэйлинг и Брэйлинг-два повернулись и вошли в дом.

В городском автобусе Смит насвистывал тихонько и вертел в пальцах белую карточку.

Клиенты обязуются хранить полную секретность, поскольку до легализации Конгрессом продукции корпорации «Марионетки» ее использование уголовно наказуемо.

— Ну-ну, — пробормотал Смит.

Клиенты обязаны предоставить гипсовый слепок своего тела и точный цветовой индекс глаз, губ, волос, кожи и т. д. Срок моделирования — два месяца.

«Не так уж долго, — подумал Смит. — Через два месяца мои ребра придут в себя после сокрушающих объятий. Через два месяца моя вечно стискиваемая рука перестанет болеть. Через два месяца заживут вечные ссадины на нижней губе. Не то чтобы я хотел быть *неблагодарным...*» — Он перевернул карточку.

За два года своего существования корпорация «Марионетки» принесла счастье многим благодарным клиентам. Наш девиз — «Никаких веревочек». Адрес: 43 Саут Уэсли-Драйв.

Автобус подъехал к остановке; Смит вышел. Подымаясь по лестнице, он тихо напевал себе под нос.

«У нас с Нетти, — бормотал он про себя, — пятнадцать тысяч долларов на общем банковском счету. Я просто сниму восемь тысяч — скажем, на деловые расходы. Марионетка наверняка окупится, и даже с лихвой. А Нетти незачем знать».

Смит открыл дверь и мигом очутился в спальне. Там была Нетти — огромная, бледная, погруженная в благостный сон.

— Милая Нетти. — При виде ее безмятежного лица в полумраке угрызения совести едва не сглотали его. — Стоило б тебе проснуться, и ты бы сокрушила меня поцелуями и воркованием. Право же, ты заставляешь меня почувствовать себя преступником. Ты всегда была такой хорошей, любящей женой. Иной раз мне даже не верится, что ты вышла за меня, а не за этого Бада Чэпмена, который когда-то так тебе нравился. Похоже, за последний месяц твоя страсть ко мне стала еще более безумной.

Слезы навернулись ему на глаза. Внезапно Смит захотелось поцеловать жену, признаться в любви, разорвать карточку, забыть обо всем. Но стоило ему потянуться к ней, как в руку вернулась боль, а ребра затрещали и заныли. Он остановился, отвернулся; в глазах его застыла мука. Он вышел в холл и в темноте пересек комнаты. В библиотеке он открыл ящик стола и извлек чековую книжку.

— Взять восемь тысяч, и все, — произнес Смит. — И дело с концом... — Он замер. — Минуточку!

Он судорожно перелистывал страницы.

— Это еще что такое? — воскликнул он. — Десяти тысяч не хватает! — Он так и подскочил. — Осталось только пять тысяч! Что она сотворила? Что Нетти с ними сотворила? Опять тряпки, шляпки, духи! Или нет — я знаю! Она купила тот домик над Гудзоном, о котором в минувшем месяце прожужжала мне все уши, и хоть бы словом обмолвилась!

Смит ринулся в спальню, пылая праведным гневом. Да что она себе думала, когда швырялась так их деньгами? Он склонился над кроватью.

— Нетти! — рявкнул он. — Нетти, проснись!

Она не шелохнулась.

— Что ты сотворила с моими деньгами? — взвыл он.

Она беспокойно пошевелилась. Свет из окна румянил ее прекрасные щеки.

Что-то было в ней такое... Его сердце яростно заколотилось. В горле пересохло. Он затрепетал. Ноги его подкосились. Он рухнул на колени.

— Нетти, Нетти! — возопил он. — Что ты сделала с моими деньгами?!

А потом пришла жуткая мысль. Потом ужас и одиночество поглотили его. Потом — боль и разочарование. Ибо, сам того не желая, он нагибался все ниже и ниже, пока его горячее ухо не прижалось крепко и плотно к ее округлой розовой груди.

— Нетти!

Тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик.

Пока Смит уходил по ночной улице, Брэйлинг и Брэйлинг-два закрыли за собой входную дверь.

— Я рад, что он тоже будет счастлив, — заметил Брэйлинг.

— Да, — рассеянно отозвался Брэйлинг-два.

— Тебя ящик дожидается, Б-два. — Брэйлинг вел второго за локоть вниз по лестнице в погреб.

— Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить, — сказал Брэйлинг-два, когда они ступили на цементный пол. — Этот погреб. Он мне не нравится. Мне не нравится в ящике.

— Я постараюсь придумать что-нибудь поудобнее.

— Марионетки должны двигаться, а не лежать. Как бы тебе понравилось почти все время проводить в ящике?

— Ну...

— Никак бы не понравилось. Я функционирую. Меня невозможно отключить. Я тоже живой, и у меня есть чувства.

— Осталось всего несколько дней. Я уеду в Рио, и тебе не придется жить в ящике. Ты сможешь жить наверху.

Брэйлинг-два раздраженно махнул рукой:

— А когда ты хорошенько отдохнешь и вернешься, я снова отправлюсь в ящик.

— Продавцы марионеток не предупредили меня, что мне попался образец с норовом, — заметил Брэйлинг.

— Они о нас многого не знают, — сообщил Брэйлинг-два. — Ведь мы — новинка. И мы чувствительны. Мне даже думать

противно, что ты уедешь, и будешь смеяться, и полеживать на солнышке в Рио, а мы тут торчи в этой холодине.

— Но я мечтал об этой поездке всю жизнь, — тихо вымолвил Брэйлинг.

Он прикрыл глаза и увидел море, и горы, и желтый песок. Воображаемый шум волн отлично успокаивал его. Солнце замечательно грело его обнаженные плечи. Вино было восхитительным.

— Я никогда не попаду в Рио, — возразил второй. — Об этом ты подумал?

— Нет, я...

— И вот еще что. Твоя жена...

— А что — моя жена? — переспросил Брэйлинг, начиная бочком пробираться к двери.

— Я к ней весьма привязался.

— Я рад, что тебе нравится твоя работа. — Брэйлинг нервно облизнул губы.

— Боюсь, ты все же не понимаешь. Я... я полагаю, что я люблю ее.

Брэйлинг сделал еще шаг и замер.

— Ты — что?!

— Я все думал и думал, — продолжал Брэйлинг-два, — как хорошо в Рио, а мне туда ни за что не попасть. И еще я подумал, что мы с твоей женой... мы могли бы быть вполне счастливы.

— К-как м-мило... — Самой небрежной походкой, на какую он только был способен, Брэйлинг направился к двери погреба. — Ты не подождешь меня минуточку? Мне нужно позвонить.

— Куда? — нахмурился Брэйлинг-два.

— Неважно.

— В корпорацию «Марионетки»? Чтобы они приехали и забрали меня?

— Нет, нет — у меня такого и в мыслях не было! — Брэйлинг попытался рвануться к двери.

Железные пальцы сомкнулись на его запястьях.

— Руки прочь!

— Нет

— Это тебя моя жена подучила?

— Нет

— Она догадалась? Она говорила с тобой? Она знает? Это ее рук дело? — Он пронзительно закричал. Чужая ладонь зажала его рот.

— Ты так и не узнаешь, верно? — вежливо улыбнулся Брэйлинг-два. Так и не узнаешь.

— Она наверняка догадалась, она наверняка тебя подучила! — брыкался Брэйлинг.

— Я собираюсь поместить тебя в ящик, — сообщил Брэйлинг-два, — закрыть его и ключ потерять. А потом я куплю еще один билет до Рио, для твоей жены.

— Нет, нет, погоди. Постой же. Не сходи с ума. Давай все обсудим!

— Прощай, Брэйлинг.

Брэйлинг окаменел.

— Что значит «прощай»?

Десять минут спустя миссис Брэйлинг проснулась. Она приложила руку к щеке — только что кто-то ее поцеловал. Она вздрогнула и подняла глаза.

— Но... но ты никогда этого не делал, — пробормотала она.

— А мы посмотрим, как это можно исправить, — пообещал некто.

ГОРОД

Город ждал двадцать тысяч лет. Планета двигалась по своему космическому пути, полевые цветы распускались и облетали, а город ждал. Реки выходили из берегов, мелели и пересыхали, а город ждал. Ветры, некогда молодые и буйные, захирели, остепенились; облака в небесах, исстрадавшиеся, разодранные в клочья, истерзанные, обрели покой и плыли в праздной белизне. А город ждал.

Город ждал, всеми своими окнами и черными обсидиановыми стенами, и небоскребами, и башнями без флагов, и нехоженными, незамусоренными улицами, и незахватанными дверными ручками. Город ждал, а тем временем планета описывала в космосе дугу, следуя своей орбите вокруг сине-белого солнца. И времена года шли своей чередой, и сменяли друг друга мороз и палящий зной, а потом опять наступали холода, и опять зеленели поля и желтели летние лужайки.

Это произошло в летний полдень, в середине двадцатитысячного года — город дождался.

В небе появилась ракета.

Ракета пролетела высоко-высоко, развернулась, подлетела ближе и приземлилась на глинистом пустыре в пятидесяти ярдах от обсидиановой стены.

Послышался топот ботинок, ступающих по худосочной траве, и из ракеты окликнули тех, кто уже выбрался наружу:

— Готовы?

— Все в порядке, ребята. Будьте начеку! Идем в город. Енсен, вы и Хачисон пойдете впереди, в охранении. Смотрите в оба.

Город отворил потайные ноздри в своих черных стенах и прочную вентиляционную шахту, запрятанную глубоко в его теле. Мощные потоки воздуха хлынули вниз по трубам сквозь густые фильтры, задерживающие пыль, к тончайшим, нежней-

шим спиралькам и паутинкам, излучающим серебристое свечение. Снова и снова нагнетался и всасывался воздух, снова и снова вместе с теплым ветром город вдыхал запахи с пустыря.

«Пахнет огнем, упавшим метеоритом, раскаленным металлом. Из другого мира прибыл космический корабль. Пахнет медью, жженой пылью, серой и ракетной гарью».

Информация, отпечатанная на перфоленте, пошла, передаваемая желтыми зубчатыми колесиками, от одной машины к другой.

Щелк-щелк-щелк-щелк.

Затикал подобно метроному вычислитель. Пять, шесть, семь, восемь, девять. Девять человек! Застрекотало печатающее устройство и мгновенно отстучало это известие на ленте, которая скользнула вниз и исчезла.

Щелк-щелк-щелк-щелк.

Город ждал, когда же послышатся мягкие шаги каучуковых подошв.

Великанские ноздри города снова раздулись.

Запах масла. Шагавшие люди распространяли по городу слабые запахи. Те попадали в гигантский Нос и там будили воспоминания о молоке, сыре, мороженом, о сливочном масле, об испарениях молочной индустрии.

Щелк-щелк.

— Ребята, будьте наготове!

— Джонс, не делай глупостей, достань пистолет!

— Город мертвый, чего бояться.

— Как знать.

От лающей речи ожили Уши. Столько веков они прислушивались к жалобным вздохам ветра, слышали, как опадает с деревьев листва, как из-под снега по весне потихоньку пробивается трава. И вот Уши, освежив смазку, принялись натягивать барабанные перепонки, туго-натуго, чтобы расслышать тончайшие оттенки биения сердца пришельцев, неуловимые, как трепыхание мотылька. Уши напрягли слух. Нос накачивал полные камеры запахов.

От страха люди вспотели. Под мышками у них появились темные пятна, взмокли ладони, сжимавшие оружие.

Город потягивал своим Носом этот запах, словно знаток, дегустирующий старинное вино.

Щелк-щелк-щелк-щелк. С катушек разом скользнули ленты с данными. Пот: хлориды — столько-то процентов; сульфаты — столько-то; азот мочевины, азот аммиачный... Выводы: креатинин, сахар, молочная кислота, *так-так-так!*

Звякнули и выскочили окончательные результаты.

Нос засопел, выдавливая из себя отработанный воздух. Уши продолжали вслушиваться.

— Капитан, по-моему, нужно возвращаться к ракете.

— Приказы отдаю я, мистер Смит!

— Да, сэр.

— Эй, там, впереди! Видите что-нибудь?

— Ничего, сэр. Похоже, этот город опустел очень давно!

— Что теперь скажете, Смит? Опасаться нечего.

— Не нравится мне тут. Не знаю почему. Вам знакомо чувство, когда вы приходите куда-нибудь и вам начинает мерещиться, что вы тут уже бывали? Уж слишком знакомым кажется этот город.

— Бросьте! Эта планетная система находится в миллиардах миль от Земли. Мы никак не могли побывать здесь раньше. Наша ракета — единственная, которая может летать со световой скоростью.

— И все же я никак не могу отделаться от этой мысли. Надо уносить отсюда ноги.

Звук шагов оборвался. В неподвижном воздухе слышно было только дыхание Смита.

Ухо уловило его и приступило к действиям. Закрутились роторы и валы, сквозь клапаны и трубки заструились, мерцая, жидкости по каналцам. Сперва формула, затем — готовый продукт стали появляться один за другим. Через несколько минут по сигналу Носа и Ушей из широких пор в стенах на прищельцев стал изливаться пахучий пар.

— Запах. Чувствуете запах? А-ах! Зеленая травка. Вы когда-нибудь вдыхали запах приятнее? Клянусь, я готов стоять тут хоть до скончания века и дышать этим воздухом!

Над стоящими людьми витал невидимый хлорофилл.

— А-ах!

Вновь послышались шаги.

— Ну, Смит, в этом-то что плохого? Вперед, вперед!

На миллиардную долю секунды Ухо и Нос позволили себе расслабиться.

Контригра удалась. Пешки продвигались дальше.

Теперь из дымки показались затуманенные Глаза города.

— Капитан! Окна!

— Что такое?

— Окна домов, вон там! Они двигались, я видел!

— А я нет.

— Они шевелились и поменяли цвет, с темного на светлый.

— С виду обычные квадратные окна.

Размытые предметы стали видны резче. В машинных расщелинах города крутились смазанные оси, противовесы оку-

нались в поддоны с зеленым маслом. Оконные рамы выгнулись. Окна засияли.

Внизу, по улице, шагали двое из разведчиков. Следом на безопасном расстоянии — еще семеро. На них белая форма, лица порозовели так, словно их отхлестали по щекам, глаза голубые. Ходят прямо, на задних конечностях, в руках держат оружие из металла. Ноги обуты. Пола мужского. У них есть глаза, уши, рты, носы.

По окнам пробежала дрожь. Они истончились. Незаметно расширились, словно бесчисленные зрачки.

— Говорю же вам, капитан, что-то неладное с окнами!

— Ерунда!

— Я возвращаюсь, сэр.

— Что?

— Я возвращаюсь к ракете.

— Мистер Смит!

— Я не хочу угодить в западню!

— Что, пустого города испугались?

Остальные натянуто улыбнулись.

— Смейтесь, смейтесь!

Улица была вымощена булыжником. Каждый камень размером три дюйма в ширину и шесть в длину. Улица осела, но совсем незаметно для глаза. Улица взвешивала пришельцев.

В машинном бункере красная стрелка коснулась отметки: 178 фунтов... 210, 154, 201, 198... Каждый был взвешен, вес каждого записан, и запись уползла с катушки в густую темноту.

Теперь уже город окончательно пробудился!

Вентиляционные шахты вдыхали и выдыхали воздух, смешанный с табачным духом изо рта пришельцев, с запахом зеленого мыла от рук. Глазные яблоки и те источали едва уловимый запах. Город подмечал все это. Сводная информация отсылалась дальше, чтобы там к ней прибавились новые данные. Хрустальные окна поблескивали, Уши все туже натягивали барабанные перепонки... город всеми органами чувств, как невидимый снегопад, навалился на пришельцев, подсчитывая их вдохи и выдохи, глухие удары сердец, город вслушивался, всматривался, пробовал на вкус.

Улицы служили городу языком. И там, где проходили люди, вкус их ступней улавливался сквозь поры в камнях, а затем проверялся на лакмусовом индикаторе. Дотошно собранные сведения о химическом составе влились в нарастающий поток информации. Оставалось дожидаться, когда крутящиеся колеса и шуршащие спицы выдадут окончательный результат.

Шаги. Кто-то бежит.

- Вернитесь! Смит!
- Подите к черту!
- Хватай его, ребята!

Шум погони.

И — последнее. Город послушал, посмотрел, попробовал на язык, прощупал, взвесил и подвел итог. Осталось решить последнюю задачу.

На поверхности улицы распахнулась ловушка. Бегущий капитан незаметно для других исчез.

Он был подвешен за ноги. Горло ему перерезало лезвие. Второе лезвие полоснуло по груди, скелет был вмиг очищен от всех внутренностей. В потайной камере под улицей капитан умер, распластанный на столе. Хрустальные микроскопы установились на красные переплетения мышц, бесплотные пальцы тыкали в сердце, которое все еще сокращалось. Лоскутья раскроенной кожи были приколоты к столу, а тем временем чьи-то руки перекладывали части тела так и сяк — казалось, некий любознательный шахматист стремительно передвигает по доске красные фигуры.

Наверху, на улице, бежали люди. Они гнались за Смитом и что-то кричали ему вдогонку. Смит что-то кричал в ответ, а внизу, в таинственной комнате, разливалась по капсулам кровь, встряхивалась, вертелась на центрифуге, намазывалась на предметные стеклышки и вновь отправлялась под микроскопы. Производились подсчеты, измерялись температуры. Сердце было разрезано на семнадцать долек, печень и почки — строго пополам. В черепе было просверлено отверстие и через него высосаны мозги, нервы были выдернуты, как провода из испорченного распределительного щита, мускулы проверялись на упругость. А в это время в электрическом чреве города Мозг подвел наконец итог. И грандиозной работе всех машин мгновенно был дан отбой.

Итак.

Это — люди. Они прибыли из далекого мира, с определенной планеты, у них определенным образом устроены глаза, уши, характерная походка, они носят оружие, думают, дерутся, у них особенное строение сердца и всех прочих органов. Все соответствует древним записям.

Люди наверху гнались за Смитом.

Смит бежал к ракете.

Итак.

Они — наши враги. Это их мы дожидались двадцать тысяч лет, чтобы увидеться с ними снова. Это их мы ждали, чтобы отомстить. Все сходится. Они прилетели с планеты Земля. Двадцать тысяч лет назад они объявили войну Таоллану, они держали нас в рабстве, калечили и уничтожили с помощью

страшной болезни. Потом, разграбив и растащив нашу планету, они удрали в другую галактику, чтобы самим спастись от этой болезни. Они позабыли и о той войне, и том времени, они позабыли и о нас. Но мы их не забыли. Они — наши враги. Известно достоверно. Наше ожидание окончилось.

— Смит, вернись!

А теперь — к делу! На красном столе, где лежало распротертое и выпотрошенное тело капитана, чьи-то руки вновь приступили к игре. Во влажное лоно вложены внутренности из меди, латуни, серебра, алюминия, каучука и шелка; паучки выткали золотую паутинку, которая вживилась в кожу; вложено сердце, а в черепную коробку помещен платиновый мозг, который гудит и сыплет крохотными голубыми искорками, провода тянутся к рукам и ногам. Через минуту тело прочно зашито, швы на горле и голове замазаны, заживлены наново.

Капитан сел и вытянул руки.

— Стоять!

На улице снова возник капитан, поднял пистолет и выстрелил. Смит упал с пулей в сердце.

Все обернулись.

— Глупец! Города боится!

Они смотрели на тело Смита, лежавшее у их ног.

Они смотрели на капитана, кто широко раскрытыми глазами, кто прищурившись.

— Слушайте, — сказал капитан, — я должен вам кое-что сообщить.

Теперь город, который их взвесил, попробовал на вкус и обнюхал, который применил все свои средства, за исключением одного, последнего, приготовился пустить в ход и его — дар речи. Он говорил не враждебным языком массивных стен и башен, и не от имени каменной громады булыжных мостовых и крепостей, нашпигованных машинами, а тихим голосом одного-единственного человека.

— Я больше не капитан, — сказал он, — и не человек.

Люди отпрянули.

— Я — город, — произнес он и заулыбался. — Я ждал двести веков. Я ждал, когда вернутся сыновья сыновей других сыновей.

— Капитан! Сэр!

— Я еще не все сказал. Кто создал меня? Город. Меня создали те, кто погиб. Древний народ, который жил здесь когда-то. Который земляне бросили издыхать от страшной неизлечимой болезни, похожей на проказу. И мечтая о том дне, когда земляне снова явятся сюда, древний народ построил этот город на планете Тьмы, на берегах Векового моря, близ Мертвых гор, и нарек его городом Возмездия. Как поэтично!

Этот город был задуман как весы, как лакмусовая бумажка, как антенна для проверки всех космических странников будущего. За двадцать тысяч лет здесь побывали всего две ракеты. Одна — с далекой галактики Эннт. Обитателей корабля проверили, взвесили, решили, что они не подходят по параметрам, и выпустили из города живыми и невредимыми, так же, как и пришельцев со второго корабля. Но сегодня наконец пожаловали вы! Отмщение будет полным. Вот уже двести веков, как тот народ мертв, но он оставил после себя этот город, чтобы вам был оказан в нем радушный прием.

— Капитан, вам нездоровится? Может, вам вернуться на корабль?

Город содрогнулся.

Мостовые разверзлись, и люди с воплями провалились вниз. Падая, они увидели сверкающие лезвия, летящие им навстречу.

Спустя некоторое время кто-то позвал:

— Смит?

— Здесь!

— Енсен?

— Здесь!

— Джонс, Хачисон, Спрингер?

— Здесь, здесь, здесь.

Они выстроились у люка ракеты.

— Немедленно возвращаемся на Землю.

— Есть, сэр!

Швы на шеях были незаметны, как незаметны были и латунные сердца, серебряные внутренности и тонюсенькие золотые проволочки вместо нервов. Из голов доносилось едва слышное электрическое гудение.

— Это мы в два счета!

Девять человек суежились, загружая ракету золотистыми бомбами, начиненными микробами заразной болезни.

— Их нужно сбросить на Землю.

— Будет исполнено, сэр!

Люк захлопнулся. Ракета взмыла в небеса. Рокот ее двигателей удалялся, город лежал, раскинувшись на летних пустошах. Его зрение притупилось. Перестал напрягаться слух. Закрылись огромные вентиляционные шахты Ноздрей, улицы больше ничего не взвешивали, не подытоживали, потайные машины нашли отдохновение в масляных ваннах. Ракета растворилась в небе.

Понемногу, растягивая удовольствие, город наслаждался роскошью умирания.

УРОЧНЫЙ ЧАС

Ох и весело будет! Вот это игра! Сто лет такого не было! Детишки с криком носятся взад и вперед по лужайкам, то схватятся за руки, то бегают кругами, влезают на деревья, хохочут. В небе пролетают ракеты, по улицам скользят проворные машины, но детвора поглощена игрой. Такая потеха, такой восторг, столько визга и суеты!

Мышка вбежала в дом, чумакая и вся в поту. Для семи лет она горластая и крепкая, и на редкость твердый характер. Миссис Моррис оглянуться не успела, а дочь уже с грохотом выдвигает ящики и сыплет в мешок кастрюльки и разную утварь.

— О Господи, Мышка, что это творится?

— Мы играем! Очень интересно! — запыхавшись, вся красная, отозвалась Мышка.

— Посиди минутку, передохни, — посоветовала мать.

— Не, я не устала. Мам, можно я все это возьму?

— Только не продырявь кастрюли, — сказала миссис Моррис.

— Спасибо, спасибо! — закричала Мышка и ракетой метнулась прочь.

— А что у вас за игра? — крикнула мать ей вслед.

— Вторжение! — на бегу бросила Мышка.

Хлопнула дверь.

По всей улице дети тащили из дому ножи, вилки, консервные ножи, а то и кочергу или кусок старой трубы.

Любопытно, что волнение и суматоха охватили только младших. Старшие, начиная лет с десяти, смотрели на все это свысока и уходили гулять подальше или с достоинством играли в прятки и с мелюзгой не связывались.

Тем временем отцы и матери разъезжали в сверкающих хромированных машинах. В дома приходили мастера —

починить вакуумный лифт, наладить подмигивающий телевизор или задушивший продуктопровод. Взрослые мимоходом поглядывали на озабоченное молодое поколение, завидовали неумной энергии разыгравшихся малышей, снисходительно улыбались их буйным забавам и сами, пожалуй, не прочь бы позабавиться с детишками, да только солидному человеку такое не пристало...

— Эту, эту и еще эту, — командовала Мышка, и ребята выкладывали перед ней разнокалиберные ложки, штопоры и отвертки. — Это давай сюда, а это туда. Не так! Вот неумеха! Так. Теперь не мешайся, я приделаю эту штуку, — она прикусила кончик языка и озабоченно наморщила лоб. — Вот так. Понятно?

— Ага-а! — завопили ребята.

Подбежал двенадцатилетний Джозеф Коннорс.

— Уходи! — без обиняков заявила Мышка.

— Я хочу с вами играть, — сказал Джозеф.

— Нельзя! — отрезала она.

— Почему?

— Ты будешь дразниться.

— Честное слово, не буду.

— Нет уж. Знаем мы тебя. Уходи, а то поколотим.

Подкатил на мотороликах еще один двенадцатилетний.

— Эй, Джо! Брось ты эту мелюзгу. Пошли!

Джозефу явно не хотелось уходить, он повторил не без грусти:

— А я хочу с вами.

— Ты старый, — возразила Мышка.

— Не такой уж я старый, — рассудительно сказал Джо.

— Только будешь смеяться и испортишь все вторжение.

Мальчик на мотороликах громко, презрительно фыркнул:

— Пошли, Джо! Ну их! Все еще в сказки играют!

Джозеф полпелся прочь. И пока не завернул за угол, все оглядывался.

А Мышка опять захлопотала. При помощи своего разномастного инструмента она сооружала непонятный аппарат. Сунула другой девочке тетрадку и карандаш, и та под ее диктовку прилежно выводила какие-то каракули. Жарко грело солнце, голоса девочек то звенели, то затихали.

А вокруг гудел город. Вдоль улиц мирно зеленели деревья. Только ветер не признавал тишины и покоя и все метался по городу, по полям, по всей стране. В тысяче других городов были такие же деревья, и дети, и улицы, и деловые люди в тихих солидных кабинетах что-то говорили в диктофон или следили за экранами телевизоров. Синее небо серебристыми

иглами прошивали ракеты. Везде и во всем ощущалось спокойное довольство и уверенность, люди привыкли к миру и не сомневались: их больше не ждет никакая беда. Ведь на всей земле люди дружны и едины. Все народы в равной мере владеют надежным оружием. Давно уже достигнуто идеальное равновесие сил. Человечество больше не знает ни предателей, ни несчастных, ни недовольных, а потому не тревожится о завтрашнем дне. И сейчас полмира купается в солнечных лучах, и дремлет, пригревшись, листва деревьев.

Миссис Моррис выглянула из окна второго этажа.

Дети. Она поглядела на них и покачала головой. Что же, они с аппетитом поужинают, сладко уснут и в понедельник пойдут в школу. Крепкие, здоровые, и слава Богу. Она прислушалась.

Подле розового куста Мышка что-то озабоченно говорит... а кому? Там никого нет.

Станный народ дети. Другая кроха — как бишь ее? Да, Энн — она усердно выводит каракули в тетрадке. Мышка что-то спрашивает у розового куста, а потом диктует подружке ответ.

— Треугольник, — говорит Мышка.

— А что это тре...гольник? — с запинкой спрашивает Энн.

— Неважно, — отвечает Мышка.

— А как оно пишется?

— Тэ...рэ...е... — начинает объяснять Мышка, но у нее не хватает терпения. — А, да пиши как хочешь! — и диктует дальше: — Перекладина.

— Я еще не дописала тре...гольник.

— Скорей, копуха! — кричит Мышка.

Мать высовывается из окна.

— ...у-голь-ник, — диктует она растерявшейся Энн.

— Ой, спасибо, миссис Моррис! — говорит Энн.

— Вот это правильное слово, — смеется миссис Моррис и возвращается к своим заботам: надо включить электромагнитную щетку, чтоб вытянуло пыль в прихожей.

А в знойном воздухе колышутся детские голоса.

— Перекладина, — говорит Энн.

Затишье.

— Четыре, девять, семь. А, потом бэ, потом фэ, — деловито диктует издали Мышка. — Потом вилка, и веревочка, и шеста... шесту... шестиугольник!

За обедом Мышка залпом осушила стакан молока и метнулась к двери. Миссис Моррис хлопнула ладонью по столу.

— Сядь сию минуту, — велела она дочери. — Сейчас будет суп.

Она нажала красную кнопку автомата, и через десять секунд в резиновом приемнике мягко стукнуло. Миссис Моррис открыла дверцу, вынула запечатанную банку с двумя алюминиевыми ручками, мигом вскрыла ее и налила горячий суп в чашку.

Мышка ерзала на стуле.

— Скорей, мам! Тут вопрос жизни и смерти, а ты...

— В твои годы я была такая же. Всегда вопрос жизни и смерти. Я знаю.

Мышка торопливо глотала суп.

— Ешь помедленнее, — сказала мать.

— Не могу, меня Бур ждет.

— Кто это Бур? Странное имя.

— Ты его не знаешь, — сказала Мышка.

— Разве в нашем квартале поселился новый мальчик?

— Еще какой новый, — сказала Мышка, принимаясь за вторую порцию.

— Который же это — Бур? Покажи его мне.

— Он там, — уклончиво ответила Мышка. — Ты будешь смеяться. Все только дразнятся да смеются. Фу, пропасть!

— Что же, этот Бур такой застенчивый?

— Да. Нет. Как сказать. Ох, мам, я побегу, а то у нас никакого вторжения не получится.

— А кто куда вторгается?

— Марсиане на Землю. Нет, они не совсем марсиане. Они... ну не знаю. Вон оттуда, — она ткнула ложкой куда-то вверх.

— И отсюда. — Миссис Моррис легонько тронула разгоряченный дочкин лоб.

Мышка возмутилась:

— Смеешься! Ты рада убить и Бура, и всех!

— Нет-нет, я никого не хотела обидеть. Так этот Бур — марсианин?

— Нет. Он... ну не знаю. С Юпитера, что ли, или с Сатурна, или с Венеры. В общем, ему трудно пришлось.

— Могу себе представить! — Мать прикрыла рот ладонью, пряча улыбку.

— Они никак не могли придумать, как бы им напасть на Землю.

— Мы неприступны, — с напускной серьезностью подтвердила мать.

— Вот и Бур так говорит. Это самое слово, мам: не...при...

— О-о, какой умный мальчик. Какие взрослые слова знает.

— Ну и вот, мам, они все не могли придумать, как на нас напасть. Бур говорит... он говорит, чтобы хорошо воевать, надо найти новый способ заставить людей врасплох. Тогда не-

пременно победишь. И еще он говорит, надо найти помощников в лагере врага.

— Пятую колонну, — сказала мать.

— Ага. Так Бур говорит. А они все не могли придумать, как застать Землю врасплох и как найти помощников.

— Неудивительно. Мы ведь очень сильны, — засмеялась мать, убирая со стола.

Мышка сидела и так смотрела на стол, будто видела на нем все, о чем рассказывала.

— А потом в один прекрасный день, — продолжала она театральным шепотом, — они подумали о детях!

— Вот как! — восхитилась миссис Моррис.

— Да, и они подумали: взрослые вечно заняты, они не заглядывают под розовые кусты и не шарят в траве.

— Разве что когда собирают грибы или улиток.

— И потом, он говорил что-то такое про мери-мери.

— Мери-мери?

— Ме-ре-ния.

— Измерения?

— Ага! Их четыре штуки! И еще про детей до девяти лет и про воображение. Он очень занятно разговаривает.

Миссис Моррис устала от дочкиной болтовни.

— Да, наверно, это занятно. Но твой Бур тебя заждался. Уже поздно, а надо еще умыться перед сном. Так что, если хочешь поспеть с вашим вторжением, беги скорей.

— Ну-у, еще мыться! — проворчала Мышка.

— Обязательно! И почему это дети боятся воды? Во все времена все дети не любили мыть уши.

— Бур говорит, мне больше не надо будет мыться, — сказала Мышка.

— Ах вот как?

— Он всем ребятам так сказал. Никакого мытья. И не надо рано ложиться спать, и в субботу можно по телевизору смотреть целых две программы!

— Ну, пускай мистер Бур не болтает лишнего. Вот я пойду поговорю с его матерью и...

Мышка пошла к двери.

— И еще есть такие мальчишки. Пит Бритз и Дейл Джеррик, мы с ними ругаемся. Они уже большие. И они дразнятся. Они еще хуже родителей. Даже не верят в Бур. Воображали такие, задаются, что уже большие. Могли бы быть поумнее. Сами недавно были маленькие. Я их ненавижу хуже всех. Мы их первым делом убьем.

— А нас с папой после?

— Бур говорит: вы опасные. Знаешь почему? Потому что вы не верите в марсиан! А они позволят нам править всем миром. Ну не нам одним, ребятам из соседнего квартала — тоже. Я, наверно, буду королевой.

Она отворила дверь:

— Мам!

— Да?

— Что такое «лог-ги-ка»?

— Логика? Понимаешь, детка, это когда человек умеет разобраться, что верно, а что неверно.

— Бур и про это сказал. А что такое «впе-ча-тли-тель-ный»? — Мышке понадобилась целая минута, чтобы выговорить такое длиннющее слово.

— А это... — мать опустила глаза и тихонько засмеялась. — Это значит ребенок.

— Спасибо за обед! — Мышка выбежала вон, потом на миг снова заглянула в кухню. — Мам, я уж постараюсь, чтоб тебе было не очень больно, правда-правда!

— И на том спасибо, — сказала мать.

Хлопнула дверь.

В четыре часа загудел вызов видеофона. Миссис Моррис нажала кнопку, экран осветился.

— Здравствуй, Элен! — сказала она.

— Здравствуй, Мэри. Как дела в Нью-Йорке?

— Отлично. А в Скрэнтоне? У тебя усталое лицо.

— У тебя тоже. Сама знаешь, дети. Путаются под ногами.

Миссис Моррис вздохнула:

— Вот и Мышка тоже. У них тут свехвторжение.

Элен рассмеялась:

— У вас тоже малыши в это играют?

— Ох да. А завтра все помешаются на головоломках и на моторизованных «классах». Неужели мы тоже году в сорок восьмом были такие несносные?

— Еще хуже. Играли в японцев и нацистов. Не знаю, как мои родители меня терпели. Ужасным была сорванцом.

— Родители привыкают все пропускать мимо ушей.

Короткое молчание.

— Что случилось, Мэри?

Миссис Моррис прикрыла глаза, медленно, задумчиво провела языком по губам. Вопрос Элен заставил ее вздрогнуть.

— А? Нет, ничего. Просто я как раз об этом и думала. Насчет того, как пропускаешь мимо ушей. Неважно. О чем, бишь, мы говорили?

— Мой Тим прямо влюбился в какого-то мальчишку... его, кажется, зовут Бур.

— Наверно, у них такой новый пароль. Моя Мышка тоже увлеклась этим Буром.

— Вот не думала, что это и до Нью-Йорка докатилось. Видно, друг от дружки слышат и повторяют. Какая-то эпидемия. Я тут разговаривала с Джозефиной, она говорит, ее детишки тоже помешались на новой игре, а она ведь в Бостоне. Вся страну охватило.

В кухню вбежала Мышка выпить воды. Миссис Моррис обернулась:

— Ну, как дела?

— Почти все готово, — ответила Мышка.

— Прекрасно! А это что такое?

— Бумеранг. Смотри!

Это было что-то вроде шарика на пружинке. Мышка бросила шарик, пружинка растянулась до отказа... и шарик исчез.

— Видала? — сказала Мышка. — Хоп! — Она согнула палец крючком, шарик вновь очутился у нее в руке, и она защелкнула пружинку.

— Ну-ка еще раз, — попросила мать.

— Не могу. В пять часов вторжение. Пока! — И Мышка вышла, пощелкивая игрушкой.

С экрана видеофона засмеялась Элен:

— Мой Тим сегодня утром тоже притащил такую штучку, я хотела посмотреть, как она действует, а Тим ни за что не хотел показать, тогда я попробовала сама, но ничего не получилось.

— Ты не впе-ча-тли-тель-ная, — сказала Мэри Моррис.

— Что?

— Так, ничего. Я подумала о другом. Тебе что-то было нужно, Элен?

— Да, я хотела спросить, как ты делаешь то печенье, черное с белым...

Лениво текло время. Близился вечер. Солнце опускалось в безоблачном небе. По зеленым лужайкам потянулись длинные тени. А ребячьи крики и смех все не утихали. Одна девочка вдруг с плачем побежала прочь. Миссис Моррис вышла на крыльцо.

— Кто это плакал, Мышка? Не Пегги-Энн?

Мышка что-то делала во дворе, подле розового куста.

— Угу, — ответила она, не разгибаясь. — Пегги-Энн трусиха. Мы с ней больше не водимся. Она уж очень большая. Наверно, она вдруг выросла.

— И поэтому заплакала? Чепуха. Отвечай мне как полагается, не то сейчас же пойдешь домой!

Мышка круто обернулась, испуганная и злая:

— Да не могу я сейчас! Скоро уже время. Ты прости, я больше не буду.

— Ты что же, ударила Пегги-Энн?

— Нет, честное слово! Вот спроси ее! Это из-за того, что... ну просто она трусиха, задрожала — хвост поджала.

Кольцо ребятни теснее сдвинулось вокруг Мышки; озабоченно хмурясь, она что-то делала с разнокалиберными ложками и четырехугольным сооружением из труб и молотков.

— Вот сюда и еще сюда, — бормотала она.

— У тебя что-то не ладится? — спросила миссис Моррис.

— Бур застрял. На полдороге. Нам бы только его вытащить, тогда будет легче. За ним и другие пролезут.

— Может, я вам помогу?

— Нет, спасибо. Я сама.

— Ну хорошо. Через полчаса мыться, я тебя позову. Устала я на вас смотреть.

Миссис Моррис ушла в дом, села в кресло и отпила глоток пива из неполного стакана. Электрическое кресло начало массировать ей спину. Дети, дети... У них и любовь, и ненависть — все перемешано. Сейчас ребенок тебя любит, а через минуту ненавидит. Станный народ дети. Забывают ли они, прощают ли в конце концов шлепки, и подзатыльники, и резкие слова, когда им велишь — делай то, не делай этого? Как знать... А если ничего нельзя ни забыть, ни простить тем, у кого над тобой власть — большим, непонятливым и непреклонным?

Время шло. За окнами воцарилась странная, напряженная тишина, словно вся улица чего-то ждала.

Пять часов. Где-то в доме тихонько, мелодично запели часы: «Ровно пять, ровно пять, надо время не терять!» — и умолкли.

Урочный час. Час вторжения.

Миссис Моррис засмеялась про себя.

На дорожке зашуршали шины. Приехал муж. Мэри улыбнулась. Мистер Моррис вышел из машины, захлопнул дверцу и окликнул Мышку, все еще поглощенную своей работой. Мышка и ухом не повела. Он засмеялся, постоял минуту, глядя на детей. Потом поднялся на крыльцо.

— Добрый вечер, родная.

— Добрый вечер, Генри.

Она выпрямилась в кресле и прислушалась. Дети молчат, все тихо. Слишком тихо.

Муж выколотил трубку и набил заново.

Ж-ж-жж.

— Что это? — спросил Генри.

— Не знаю

Она вскочила, поглядела расширенными глазами. Хотела что-то сказать — и не сказала. Смешно. Нервы расходились.

— Дети ничего плохого не натворят? — промолвила она. — Там нет опасных игрушек?

— Да нет, у них только трубы и молотки. А что?

— Никаких электрических приборов?

— Ничего такого, — сказал Генри. — Я смотрел.

Мэри прошла в кухню. Жужжание продолжалось.

— Все-таки ты им лучше скажи, чтоб кончали. Уже шестой час. Скажи им... — Она прищурилась. — Скажи, пускай отложат вторжение на завтра.

Она засмеялась не очень естественным смехом.

Жужжание стало громче.

— Что они там затеяли? Пойду, в самом деле, погляжу. Взрыв!

Глухо ухнуло, дом шатнуло. И в других дворах, на других улицах громыкнули взрывы.

У Мэри Моррис вырвался отчаянный вопль.

— Наверху! — бессмысленно закричала она, не думая, не рассуждая.

Быть может, она что-то заметила краем глаза; быть может, ощутила незнакомый запах или уловила незнакомый звук. Некогда спорить с Генри, убеждать его. Пускай думает, что она сошла с ума. Да, пускай! С воплем она кинулась вверх по лестнице. Не понимая, о чем она, муж бросился следом.

— На чердаке! — кричала она. — Там, там!

Жалкий предлог, но как еще заставивши его скорей подняться на чердак. Скорей, успеть... о Боже!

Во дворе — новый взрыв. И восторженный визг, как будто для ребят устроили невиданный фейерверк.

— Это не на чердаке! — крикнул Генри. — Это во дворе!

— Нет, нет! — задышав, еле живая, она пыталась открыть дверь. — Сейчас увидишь! Скорей! Сейчас увидишь!

Наконец они ввалились на чердак. Мэри захлопнула дверь, повернула ключ в замке, вытащила его и закинула в дальний угол, в кучу всякого хлама. И как в бреду, захлебываясь, стала выкладывать все подряд. Неудержимо. Наружу рвались неосознанные подозрения и страхи, что весь день тайно копились в душе и перебрадили в ней, как вино. Все мелкие разоблачения, открытия и догадки, которые тревожили ее с самого утра и которые она так здраво, трезво и рассудительно критиковала и отвергала. Теперь все это взорвалось и потрясло ее.

— Ну вот, ну вот, — всхлипывая, она прислонилась к двери. — Тут мы в безопасности до вечера. Может, потом потихоньку выберемся. Может, нам удастся бежать!

Теперь взорвался Генри, но по другой причине:

— Ты что, рехнулась? Какого черта ты закинула ключ? Знаешь, милая моя!..

— Да, да, пускай рехнулась, если тебе легче так думать, только оставайся здесь!

— Хотел бы я знать, как теперь отсюда выбраться!

— Тише. Они услышат. О Господи, они нас найдут...

Где-то близко — голос Мышки. Генри умолк на полуслове. Все вдруг зажужжало, зашипело, поднялся визг, смех. Внизу упорно, настойчиво гудел сигнал видеофона — громкий, тревожный. «Может, это Элен меня вызывает, — подумала Мэри. — Может, она хочет мне сказать... то самое, чего я жду?»

В доме раздались шаги. Гулкие, тяжелые.

— Кто там топает? — гневно говорит Генри. — Кто смел вломиться в мой дом?

Тяжелые шаги. Двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят пар ног. Пятьдесят непрошенных гостей в доме. Что-то гудит. Хихикают дети.

— Сюда! — кричит внизу Мышка.

— Кто там? — в ярости гремит Генри. — Кто там ходит?

— Тс-с. Ох нет, нет, нет! — умоляет жена, цепляясь за него. — Молчи, молчи. Может быть, они еще уйдут.

— Мам! — зовет Мышка. — Пап!

Молчание.

— Вы где?

Тяжелые шаги, тяжелые, тяжелые, страшно тяжелые. Вверх по лестнице. Это Мышка их ведет.

— Мам? — Неуверенное молчание. — Пап? — Ожидание, тишина.

Гудение. Шаги по лестнице, ведущей на чердак. Впереди всех — легкие, Мышкины.

На чердаке отец и мать молча прижались друг к другу, их бьет дрожь. Электрическое гудение, странный холодный свет, вдруг просквозивший в щели под дверью, незнакомый острый запах, какой-то чужой, нетерпеливый голос Мышки — все это, непонятно почему, проняло наконец и Генри Морриса. Он стоит рядом с женой в тишине, во мраке, его трясет.

— Мам! Пап!

Шаги. Новое негромкое гудение. Замок плавится. Дверь настежь. Мышка заглядывает внутрь чердака, за нею маячат огромные синие тени.

— Чур-чур, я нашла! — говорит Мышка.

РАКЕТА

Ночь за ночью Фиорелло Бодони просыпался и слушал, как со свистом взлетают в черное небо ракеты. Уверясь, что его добрая жена спит, он тихонько поднимался и на цыпочках выходил за дверь. Хоть несколько минут подышать ночной свежестью, ведь в этом домишке на берегу реки никогда не выветривается запах вчерашней стряпни. Хоть ненадолго сердце безмолвно воспарит в небо вслед за ракетами.

Вот и сегодня ночью он стоит чуть не нагишом в темноте и следит, как взлетают ввысь огненные фонтаны. Это уносятся в дальний путь неистовые ракеты — на Марс, на Сатурн и Венеру!

— Ну и ну, Бодони.

Он вздрогнул.

На самом берегу безмолвно струящейся реки на корзине из-под молочных бутылок сидел старик и тоже следил за взлетающими в полуночной тиши ракетами.

— А, это ты, Браманте!

— И ты каждую ночь так выходишь, Бодони?

— Надо же воздухом подышать.

— Вон как? Ну а я предпочитаю поглядеть на ракеты, — сказал Браманте. — Я был еще мальчишкой, когда они появились. Восемьдесят лет прошло, а я так ни разу и не летал.

— А я когда-нибудь полечу, — сказал Бодони.

— Дурак! — крикнул Браманте. — Никогда ты не полетишь. Одни богачи делают, что хотят. — Он покачал седой головой. — Помню, когда я был молод, на всех перекрестках кричали огненные буквы: *«Мир будущего — роскошь, комфорт, новейшие достижения науки и техники — для всех!»* Как же! Восемьдесят лет прошло. Вот оно, будущее. Мы, что ли, летаем в ракетах? Держи карман! Мы живем в хижинах, как жили наши предки.

— Может быть, мои сыновья... — начал Бодони.

— Ни сыновья, ни внуки, — оборвал старик. — Вот богачам, тем все можно — и мечтать, и в ракетах летать.

Бодони помолчал.

— Послушай, старина, — нерешительно заговорил он. — У меня отложены три тысячи долларов. Шесть лет копил. Для своей мастерской, на новый инструмент. А теперь вот уже целый месяц не сплю по ночам. Слушаю ракеты. И думаю. И нынче ночью решился окончательно. Кто-нибудь из моих полетит на Марс!

Темные глаза его блеснули.

— Болван! — отрезал Браманте. — Как ты будешь выбирать? Кому лететь? Сам полетишь — жена обидится: как это, ты побывал в небесах, немножко поближе к Господу Богу! Потом ты станешь годами рассказывать ей, какое замечательное это было путешествие — и думаешь, она не изойдет злостью?

— Нет, нет!

— Нет да! А твои ребята? Они на всю жизнь запомнят, что папа летал на Марс, а они торчали тут как пришитые. Веселенькую задачку задашь ты своим сыновьям. До самой смерти они будут думать о ракетах. По ночам глаз не сомкнут. Изведутся с тоски по этим самым ракетам. Вот как ты сейчас. До того, что если не полететь разок, так хоть в петлю. Лучше ты им это в голову не вбивай, верно тебе говорю. Пускай примирятся с бедностью и не ищут ничего другого. Их дело — мастерская да железный лом, а на звезды им глазеть нечего.

— Но...

— А допустим, полетит твоя жена. И ты будешь знать, что она всего повидала, а ты нет, — что тогда? Молиться на нее, что ли? Да тебе захочется утопить ее в нашей реке! Нет уж, Бодони, купи ты себе лучше новый резальный станок, без него тебе и впрямь не обойтись, да пусти свои мечты под нож, изрежь на куски и истолки в порошок.

Старик умолк и уставился неподвижным взглядом на реку — в глубине мелькали отражения проносящихся по небу ракет.

— Спокойной ночи, — сказал Бодони.

— Приятных снов, — отозвался старик.

Из блестящего тостера выскочил ломоть поджаренного хлеба, и Бодони чуть не вскрикнул. Всю ночь он не сомкнул глаз. Беспокойно спали дети, рядом возвышалось большое сонное тело жены, а он все ворочался и всматривался в пустоту. Да, Браманте прав. Лучше эти деньги вложить в дело. Стоило ли

их откладывать, если из всей семьи может полететь только один, а остальные станут терзаться завистью и разочарованием?

— Ешь свой хлеб, Фиорелло, — сказала Мария, жена.

— У меня в глотке пересохло, — ответил Бодони.

В комнату вбежали дети — трое сыновей вырывали друг у друга игрушечную ракету, в руках у обеих девочек были куклы, изображающие жителей Марса, Венеры и Нептуна — зеленые истуканчики, у каждого по три желтых глаза и по шесть пальцев на руках.

— Я видел ракету, она пошла на Венеру! — кричал Паоло.

— Она взлетела и как зашипит ууу-шшш! — вторил Антонелло.

— Тише, вы! — прикрикнул Бодони, зажав ладонями уши.

Дети с недоумением посмотрели на отца. Он нечасто повышал голос.

Бодони поднялся.

— Слушайте все, — сказал он. — У меня есть деньги, хватит на билет до Марса для кого-нибудь одного.

Дети восторженно завопили.

— Вы поняли? — сказал он. — Лететь может только один из нас. Так кто полетит?

— Я, я, я! — наперебой кричали дети.

— Ты, — сказала Мария.

— Нет, ты, — сказал Бодони.

И все замолчали. Дети собирались с мыслями.

— Пускай летит Лоренцо, он самый старший.

— Пускай летит Мириамна, она девочка!

— Подумай, сколько ты всего повидаешь, — сказала мужу Мария. Но посмотрела как-то странно, и голос дрогнул. — Метеориты — будто стаи рыбешек. Небо без конца и края. Луна. Пускай летит тот, кто потом все толком расскажет. А ты хорошо умеешь говорить.

— Чепуха. Ты тоже умеешь, — возразил муж.

Всех била дрожь.

— Ну, так, — горестно сказал Бодони. Взял веник и отломил несколько прутьев разной длины. — Выигрывает короткий. — Он выставил стиснутый кулак. — Тяните.

Каждый по очереди сосредоточенно тащил прут.

— Длинный.

— Длинный.

Следующий.

— Длинный.

Вот и все дети. В комнате стало очень тихо.

Остались два прутика. У Бодони защемило сердце.

— Теперь ты, Мария, — прошептал он.

— Короткий, — сказала она

— Ну вот, — вздохнул Лоренцо и с грустью, и с облегчением. — Мама полетит на Марс.

Бодони силился улыбнуться:

— Поздравляю! Сегодня же куплю тебе билет.

— Обожди, Фиорелло.

— На той неделе и полетишь, — пробормотал он.

Дети смотрели на мать — у всех крупные прямые носы, и все губы улыбаются, а глаза печальные. Медленно она протянула прутик мужу.

— Не могу я лететь.

— Да почему?!

— Я должна думать о будущем малыше.

— Что-о?

Мария отвела глаза:

— В моем положении путешествовать не годится.

Он сжал ее локоть:

— Это правда?

— Начните сначала. Тяните еще раз.

— Почему же ты мне раньше ничего не говорила? — недоверчиво сказал Бодони.

— Да как-то к слову не пришлось.

— Ох, Мария, Мария, — прошептал он и погладил ее по щеке. Потом обернулся к детям: — Тяните еще раз.

И тотчас Паоло вытащил короткий прутик.

— Я полечу на Марс! — Он запрыгал от радости. — Вот спасибо, папа!

Другие дети бочком, бочком отошли в сторону.

— Счастливчик ты, Паоло!

Улыбка сбежала с лица мальчика, он испытующе посмотрел на мать с отцом, на братьев и сестер.

— Мне правда можно лететь? — неуверенно спросил он.

— Правда.

— А когда я вернусь, вы будете меня любить?

— Конечно.

Драгоценный короткий прутик лежал у Паоло на ладони, рука его дрожала, он внимательно поглядел на прутик и покачал головой. И отбросил прутик.

— Совсем забыл. Начинаются занятия. Мне нельзя пропускать школу. Тяните еще раз.

Но никто больше не хотел тянуть жребий. Все приуныли.

— Никто не полетит, — сказал Лоренцо.

— Это самое лучшее, — сказала Мария.

— Браманте прав, — сказал Бодони.

После завтрака, который не доставил ему никакого удовольствия, Фиорелло принялся за работу: разбирался в старом

хламе и ломе, резал металл, отбирал куски, не разъединенные ржавчиной, плавил их и отливал в чушки, из которых можно будет сделать что-нибудь толковое. Инструмент совсем развалился; двадцать лет бьешься как рыба об лед, чтоб выдержать конкуренцию, и ежечасно тебе грозит нищета.

Прескверное выдалось утро.

Среди дня во двор вошел человек и окликнул хозяина, который хлопотал у старого резального станка.

— Эй, Бодони! У меня есть для тебя кое-какой металл.

— Что именно, мистер Мэтьюз? — рассеянно спросил Бодони.

— Ракета. Ты что? Разве тебе ее не надо?

— Надо, надо! — Фиорелло схватил посетителя за рукав и, растерявшись, осекся.

— Понятно, она не настоящая, — сказал Мэтьюз. — Ты же знаешь, как это делается. Когда проектируют ракету, сперва изготавливают модель из алюминия в натуральную величину. Если ты расплавишь алюминий, кое-какой барыш тебе очистится. Уступлю за две тысячи.

Рука Бодони бессильно опустилась.

— Нет у меня таких денег.

— Жаль. Я хотел тебе помочь. В последний раз, когда мы разговаривали, ты жаловался, что все перебивают у тебя лом. Вот я и подумал — шепну тебе по секрету. Ну что ж...

— Мне позарез нужен новый инструмент. Я скопил на него деньги.

— Понятно.

— Если я куплю вашу ракету, мне даже не в чем будет ее расплавить. Моя печь для алюминия на той неделе прогорела...

— Ясно.

— Если я и куплю у вас эту ракету, я ничего не смогу с ней сделать.

— Понимаю.

Бодони мигнул и зажмурился. Потом открыл глаза и посмотрел на Мэтьюза:

— Но я распоследний дурак. Я возьму свои деньги из банка и отдам вам.

— Так ведь если ты не сможешь расплавить алюминий...

— Привозите вашу ракету, — сказал Бодони.

— Ладно, раз тебе так хочется. Сегодня вечером?

— Чего лучше, — сказал Бодони. — Да, сегодня вечером мне ракета будет очень кстати.

Светила луна. Ракета высилась во дворе среди металлического лома — большая, белая. Она вобрала в себя белое сияние луны и голубой свет звезд. Бодони смотрел на нее с

нежностью. Ему хотелось погладить ее, приласкать, прижаться к ней щекой, поведать ей свои самые заветные мечты.

Он смотрел на нее, закинув голову.

— Ты моя, — сказал он. — Пускай ты никогда не извергнешь пламя и не сдвинешься с места, пускай будешь пятьдесят лет торчать тут и ржаветь, а все-таки ты моя.

От ракеты веяло временем и далью. Это было все равно что войти внутрь часового механизма. Каждая мелочь отделана и закончена с ювелирной тщательностью. Эту ракету можно бы носить на цепочке, как брелок.

— Пожалуй, сегодня я в ней и переночую, — взволнованно прошептал Бодони.

Он уселся в кресло пилота.

Тронул какой-то рычаг.

Стал то ли напевать, то ли гудеть с закрытым ртом, с закрытыми глазами.

Гудение становилось все громче, громче, все тоньше и выше, все странней и неистовей, оно ликовало, нарастало, наполняя дрожью все тело, оно заставило Бодони податься вперед, окутало его и весь воздушный корабль каким-то оглушительным безмолвием, в котором только и слышался визг металла, а руки Бодони летали над пультом управления, плотно сомкнутые веки вздрагивали, а звук все нарастал — и вот уже обратился в пламя, в мощь, в небывалую силу, которая поднимает его, и несет, и грозит разорвать на части. Бодони чуть не задохнулся. Он гудел и гудел не переставая, останавливаться было невозможно — еще, еще, он крепче зажмурил глаза, сердце колотится, вот-вот выскочит.

— Старт! — пронзительно кричит он.

Толчок! Громовой рев!

— Луна! — кричит он. — Метеориты! — кричит он, не видя, зажмурясь изо всех сил.

Неслышимый головокружительный полет в багровом пляшущем зареве.

— Марс, да-да, Марс! Марс!

Задышавшись, он без сил откинулся на спинку кресла. Трясущиеся руки сползли с пульта управления, голова запрокинулась. Долго он сидел так, медленно и тяжело дыша; реже, спокойнее стучало сердце.

Медленно, медленно он открыл глаза.

Перед ним был все тот же двор.

С минуту он сидел не шевелясь. Неотрывно смотрел на груды металлического лома. Потом подскочил, яростно ударил по рычагам.

— Старт, черт вас подери!

Ракета не отозвалась.

— Я ж тебя!

Он вылез наружу, его обдало ночной прохладой; спеша и спотыкаясь, он запустил на полную мощность мотор грозной резальной машины и двинулся с нею на ракету. Ловко ворочая тяжелый резак, задрал его вверх, в лунное небо. Трясущиеся руки уже готовы были обрушить всю тяжесть на эту нахальную, лживую подделку, расколоть, искромсать дурацкую выдумку, за которую он заплатил так дорого, а она не желает работать, не желает повиноваться!

— Я тебя проучу! — заорал он.

Но рука его застыла в воздухе.

Лунный свет омывал серебристое тело ракеты. А поодаль, за ракетой, золотились окна его дома. Там слушали радио, до него доносилась далекая музыка. Полчаса он сидел и думал, глядя на ракету и на огни своего дома, и глаза его то становились как щелки, то раскрывались во всю ширь. Потом он оставил резак и пошел прочь и на ходу засмеялся, а подойдя к черному крыльцу, перевел дух и окликнул жену:

— Мария! Собирайся, Мария! Мы летим на Марс!

— Ой!

— Ух ты!

— Даже не верится!

— Вот увидишь, увидишь!

Дети топтались во дворе на ветру под сверкающей ракетой, еще не решаясь до нее дотронуться. Только кричали, перебивая друг друга.

Мария посмотрела на мужа.

— Что ты наделал? — спросила она. — Потратил все наши деньги? Эта штука никогда не полетит.

— Полетит, — сказал он, не сводя глаз с ракеты.

— Межпланетные корабли стоят миллионы. Откуда у тебя миллионы?

— Она полетит, — упрямо повторил Бодони. — А теперь идите все домой. Мне надо позвонить по телефону, и у меня много работы. Завтра мы летим! Только никому ни слова, понятно? Это наш секрет.

Спотыкаясь и оглядываясь, дети пошли прочь. Скоро в окнах дома появились их тревожные, разгоряченные рожицы.

А Мария не двинулась с места.

— Ты нас разорил, — сказала она. — Ухлопать все деньги на это... на такое! Надо было купить инструмент, а ты...

— погоди, увидишь, — сказал Фиорелло.

Она молча повернулась и ушла.

— Господи, помоги, — прошептал он и взялся за работу.

За полночь приходили грузовики, привозили все новые ящики и пакеты. Бодони, не переставая улыбаться, выкладывал еще и еще деньги. С паяльной лампой и полосками металла в руках он опять и опять набрасывался на ракету, что-то приделывал, что-то отрезал, колдовал над нею огнем, наносил ей тайные оскорбления. Он запихал в ее пустой машинный отсек девять старых-престарых автомобильных моторов. Потом запалял отсек наглухо, чтоб никто не мог посмотреть, что он там натворил.

На рассвете он вошел в кухню.

— Мария, — сказал он, — теперь можно и позавтракать.

Она не стала с ним разговаривать.

Солнце уже заходило, когда он позвал детей:

— Идите сюда! Все готово!

Дети безмолвствовали.

— Я заперла их в чулане, — сказала Мария.

— Это еще зачем? — рассердился Бодони.

— Твоя ракета разорвется и убьет тебя, — сказала она. — Какую уж там ракету можно купить за две тысячи долларов? Ясно, что распоследнюю дрянь.

— Послушай, Мария...

— Она взорвется. Да тебе с ней и не совладать, какой ты пилот!

— А все-таки на *этой* ракете я полечу. Я ее уже приспособил.

— Ты сошел с ума.

— Где ключ от чулана?

— У меня.

Он протянул руку:

— Дай сюда.

Мария отдала ему ключ.

— Ты погубишь детей.

— Не бойся.

— Погубишь. У меня предчувствие.

Он посмотрел ей в глаза:

— А ты не полетишь с нами?

— Я останусь здесь, — сказала Мария.

— Тогда ты все увидишь и поймешь, — сказал он с улыбкой. И отпер чулан. — Выходите, ребята! Пойдем со мной.

— До свиданья, мама! До свиданья!

Она стояла у кухонного окна, очень прямая, плотно сжав губы, и смотрела им вслед.

У входного люка отец остановился.

— Дети, — сказал он, — это очень быстрая ракета. Мы будем в полете только неделю. Потом вам надо в школу, а меня ждет работа. — Он оглядел одного за другим, крепко сжал маленькие руки. — Слушайте внимательно. Эта ракета очень старая, она годится только еще на один раз. Больше ей уже не взлететь. Это будет единственное путешествие за всю вашу жизнь. Так что глядите в оба!

— Хорошо, папа.

— Слушайте, старайтесь ничего не пропустить. Все почувствовать и на запах и на ошупь. Смотрите! Запоминайте! Когда вернетесь, вам до конца жизни будет о чем порассказать.

— Хорошо, папа.

Корабль был тих, как сломанные часы. Со свистом закрылся входной люк. Бодони уложил детей, точно маленькие мумии, в резиновые подвесные койки, пристегнул широкими ремнями.

— Готовы?

— Готовы! — откликнулись все.

— Старт!

Он щелкнул десятком переключателей. Ракета с громом подпрыгнула. Дети завизжали, их подбрасывало и раскачивало.

— Летим! Взлетели!

— Смотрите! Уже Луна!

Луна призраком скользнула мимо. Фейерверком проносились метеориты. Время уплывало змеящейся струйкой газа. Дети кричали от восторга. Несколько часов спустя отец помог им выбраться из гамаков, и они прилипли носами к иллюминаторам.

— Вот, вот Земля!

— А вот Марс!

Кружили по циферблату стрелки часов, за кормой ракеты розовели и таяли лепестки огня; у детей уже слипались глаза. И наконец, точно опьяневшие бабочки, они снова улеглись в коконы подвесных коек.

— Вот так-то, — шепнул Бодони.

Он на цыпочках вышел из рубки и долго в страхе стоял у выходного люка. Потом нажал кнопку.

Люк распахнулся. Он ступил за порог. В пустоту? Во тьму, пронизанную метеоритами, озаренную факелом раскаленного газа? В необозримые пространства, в стремительно уносящиеся дали?

Нет. Бодони улыбнулся.

Дрожа и сотрясаясь, ракета стояла посреди двора, заваленного металлическим хламом.

Здесь ничего не изменилось — все те же ржавые ворота и на них висячий замок, тот же тихий домик на берегу реки, и

в кухне светится окошко, и река течет все к тому же далекому морю. А на самой середине двора дрожит и урчит ракета, и прядет волшебный сон. Содрогаются, и рычит, и укачивает спеленатых детей, точно мух в упругой паутине.

В окне кухни — Мария.

Он помахал ей рукой и улыбнулся.

Отсюда не разглядеть, ответила она или нет. Кажется, чуть-чуть махнула рукой. И чуть-чуть улыбнулась.

Солнце встает.

Бодони поспешно вернулся в ракету. Тишина. Ребята еще спят. Он вздохнул с облегчением. Лег в гамак, пристегнулся ремнями, закрыл глаза. И мысленно помолился: только бы еще шесть дней ничто не нарушало волшебства. Пусть проносятся мимо бескрайние пространства, пусть всплывут под нашим кораблем багровый Марс и его спутники, пусть не будет ни единого изъяна в цветных фильмах. Пусть все происходит в трех измерениях, только бы не подвели хитро скрытые зеркала и экраны, что создают этот блистательный обман. Только бы должный срок прошел без помех.

Он проснулся.

Неподалеку в пустоте плыла багровая планета.

— Папа! — Дети старались вырваться из гамаков.

Бодони посмотрел в иллюминатор — багровый Марс был великолепен, без единого изъяна. Какое счастье!

На закате седьмого дня ракета перестала дрожать и затихла.

— Вот мы и дома, — сказал Бодони.

Люк распахнулся, и они пошли через захламленный двор, оживленные, сияющие.

Быть может, они поняли, что сделал отец. Быть может, разгадали чудесный волшебный обман. Но если и поняли, если и разгадали, никто ни словом не обмолвился. А сейчас они со смехом бежали к дому.

— Я вам нажарила яичницы с ветчиной, — сказала Мария с порога кухни.

— Мама, мама, ну почему ты с нами не полетела! Ты бы увидела Марс, мама, и метеориты, и все-все.

— Да, — сказала Мария.

Когда настало время спать, дети окружили Бодони.

— Спасибо, папа! Спасибо!

— Не за что.

— Мы всегда-всегда будем про это помнить, папа. Никогда не забудем!

Поздно ночью Бодони открыл глаза. Он почувствовал, что жена, лежа рядом, внимательно смотрит на него. Долго, очень

долго она не шевелилась, потом вдруг стала целовать его лоб и щеки.

— Что с тобой? — вскрикнул он.

— Ты — самый лучший отец на свете, — прошептала Мария.

— Что это ты вдруг?

— Теперь я вижу, — сказала она. — Теперь я понимаю.

Не выпуская его руки, она откинулась на подушку и закрыла глаза.

— Это было очень приятно — так полетать? — спросила она.

— Очень.

— А может быть... может быть, когда-нибудь ночью ты и со мной слетаешь, хоть недалеко?

— Ну, недалеко — пожалуй, — сказал он.

— Спасибо. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — сказал Фиорелло Бодони.

ЭПИЛОГ

Наступала полночь. Луна поднялась высоко в небе. Человек в картинках лежал не двигаясь. Я уже видел все, что можно было увидеть. Все истории были рассказаны — с ними покончено навсегда.

Но на спине Человека в картинках оставалось пустое место, где смешались различные цвета и формы. Пока я смотрел на них, смутные очертания начали стягиваться, разные формы потихоньку набегали одна на другую, потом еще и еще. И в конце концов там появилось лицо, лицо, которое пристально смотрело на меня с разукрашенной плоти, лицо со знакомым мне носом и ртом, со знакомыми глазами.

Оно было подернуто густой дымкой. Но того, что я увидел, было вполне достаточно, чтобы заставить меня подпрыгнуть. Освещенный луной, я застыл на месте в страхе, что дуновение ветра или движение звезд разбудят чудовищную галерею, лежавшую у моих ног. Но он продолжал спокойно спать.

На его спине было изображение самого Человека в картинках. Он держал меня за горло и душил. Я не стал дожидаться того, чтобы картина прояснилась, сделалась четкой и определенной.

В лунном свете я помчался по дороге. Я не оглядывался. Маленький городишко, темный и спящий, находился у меня впереди. Я знал об этом и о том, что задолго до рассвета я доберусь до города...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вл. Гаков</i>	
Брэдбери — знакомый и неизвестный	5
Библиография Рэя Брэдбери	13
Марсианские хроники, роман, перевод Л. Жданова, Т. Шинкарь	15
Человек в картинках	
Пролог: Человек в картинках, <i>перевод Норы Галь</i>	199
Вельд, <i>перевод Л. Жданова</i>	204
Калейдоскоп, <i>перевод Норы Галь</i>	218
Другие времена, <i>перевод Б. Клюевой</i>	227
На большой дороге, <i>перевод Норы Галь</i>	241
Человек, <i>перевод Н. Коптюг</i>	246
Нескончаемый дождь, <i>перевод Л. Жданова</i>	258
Космонавт, <i>перевод Л. Жданова</i>	271
Огненные шары, <i>перевод В. Серебрякова</i>	282
Завтра конец света, <i>перевод Норы Галь</i>	299
Изгнанники, <i>перевод Т. Шинкарь</i>	303
То ли ночь, то ли утро, <i>перевод Т. Шинкарь</i>	317
Кошки-мышки, <i>перевод Норы Галь</i>	328
Пришелец, <i>перевод Б. Клюевой</i>	344
Бетономешалка, <i>перевод Норы Галь</i>	358
Корпорация «Марионетки», <i>перевод В. Серебрякова</i>	378
Город, <i>перевод А. Оганяна</i>	386
Урочный час, <i>перевод Норы Галь</i>	393
Ракета, <i>перевод Норы Галь</i>	403
Эпилог, <i>перевод Б. Клюевой</i>	414

МИРЫ РЭЯ БРЭДБЕРИ

Собрание фантастических произведений в 7 томах

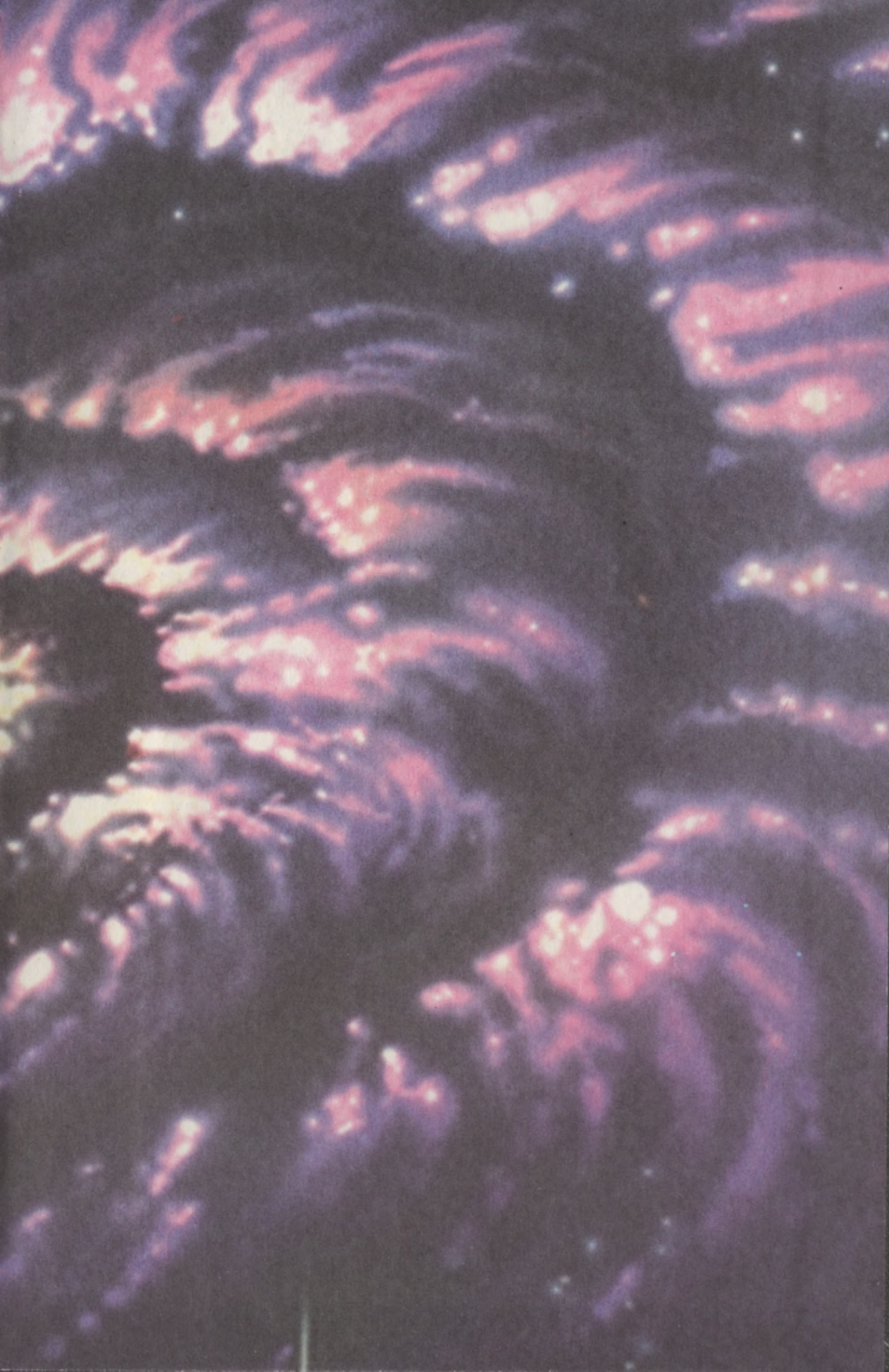
Том первый

Составитель Д. Смушкович
Ответственный за выпуск Е. Чутов
Редактор М. Проворова
Технический редактор К. Козаченко
Корректоры Ж. Голубева, Н. Дундина
Операторы компьютерной верстки
Н. Амосова, Е. Глуховская
Оформление шмуцтитолов: В. Ковалев

ЛР № 062455 от 23.03.93.
Подписано в печать 23.01.97. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 10 000 экз. Заказ № 22.
Издательская фирма «Полярис».
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.
Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

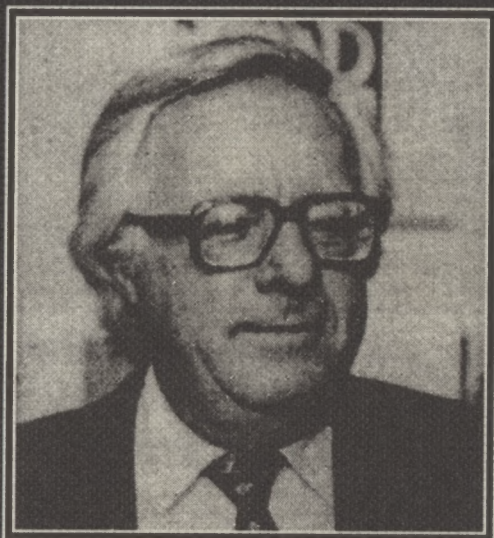

МИРЫ РЭЯ БРЭДБЕРИ

В СЕМИ ТОМАХ

МАРСИАНСКИЕ ХРОНИКИ

Одна за другой улетают ракеты к Марсу. Красную планету исследуют, потом — осваивают, потом — уродуют, приспособлявая под себя. Но Марс стар. Он умеет ждать. И когда Земля сгорит в атомном огне, на тех, кто выжил, из зеркала глянут марсиане.

ЧЕЛОВЕК В КАРТИНКАХ

Восемнадцать удивительных историй расскажут живые татуировки на многоцветном теле Человека в картинках тому, кто не испугается их выслушать.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997